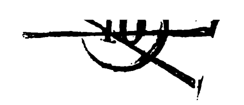
АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

ЭТИМОЛОГИЯ

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО РУССКОМУ И ДРУГИМ ЯЗЫКАМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1963

ОТ РЕДАКЦИИ

Предлагая вниманию читателей новое издание, составители чувствуют себя до известной степени обязанными обрисовать его характер, а главное — указать, хотя бы в двух словах, на актуальность издания именно такого профиля, надеясь, что дальнейшую положительную аргументацию читатель получит из знакомства с содержанием настоящего сборника.

Не рискуя пускаться здесь в подробные рассуждения о важности этимологических исследований, об их кризисе и о путях его преодоления, отметим лишь, что существующие формы публикации этимологических работ не единственны. Так, если иметь в виду периодику и примыкающие к ней издания (серийные, проблемные сборники), то может показаться, что значение и место, отводимые там этимологии, определяются только ее — в общем почтенной — ролью инструмента сравнительно-исторического изучения родственных языков. Тем не менее большинство исследователей давно практически сознает наличие у этимологического исследования собственной проблематики, которая перекрывает генетические связи и границы отдельных языковых семей. Редакция «Этимологии» избрала именно этот аспект в качестве основного. Методика этимологического анализа слова, этимология и семасиология, проблема вероятности этимологии, этимология и история культуры, этимология лексической группы, этимология и проблемы реконструкции, словообразовательный аспект этимологии, география слов, языковые контакты и заимствование — эти проблемы, одновременно программные для нашего издания, могут только выиграть от расширения базы или же, наконец, всецело зависят от него; ср., например, такие диагностические вопросы, как общее происхождение, параллелизм или типологическое сходство тех или иных образований. Чтобы окончательно исключить возможность обвинения в узости тематики, следует заявить о лояльном отношении к смежной проблематике, более того, о желательности публикации статей на смежные с этимологией

темы историко-лексикологического характера (см. соответствующие материалы в данном сборнике).

Эти и другие общие проблемы рассматриваются в непосредственной связи с конкретным лексическим материалом ввиду обычной совмещенности двух возможных уровней исследования, специфической для этимологии. Следовательно, основной формой публикации здесь являются различные по объему статьи о конкретных словах — от попыток обобщенной реконструкции лексических групп или древнего состава основ до различных совершенно лаконичных заметок типа этимологических «мелочей», «смесей» и т. п., внедрения которых настоятельно требует деловая постановка этимологического исследования, потому что последнее живет не только обширными публикациями, но и в немалой степени своевременными поправками к материалу и анализу. Едва ли должно кого-либо шокировать естественное в свете изложенных выше принципов соседство, скажем, статей по тюркизмам в восточнославянских, в южнославянских языках и по проблематике средиземноморской этимологии, по этимологии кавказских языков и по лексическим следам догреческого субстрата на Балканах, по финно-угорской лексике и по древнекельтскому словарному составу. Естественно, значительное место занимает на страницах «Этимологии» славянская, во всей своей совокупности, и индоевропейская тематика, на равных, впрочем, правах с материалом других, далеких языков. Данные этих последних представляют интерес не только тогда, когда речь идет о заимствованиях в иноязычной среде. Известно, например, сколь поучительным может оказаться для исследователя индоевропейских названий цвета аналогичное исследование на материале языков Африки. Все это вынудило принципиально отказаться от наложения на тематику настоящего издания ограничений генетического характера.

Остается упомянуть еще о критико-библиографическом отделе, который должен — разумеется, пока в скромных размерах — информировать читателя о новой проблематике и новых изданиях.

Нас не может не радовать тот факт, что редакция в короткий срок собрала большое количество актуальных статей от целого ряда советских и зарубежных авторов. Это издание, по-видимому, должно содействовать объединению и активизации этимологических исследований.

В. Н. Топоров

К ЭТИМОЛОГИИ СЛАВ. *myslь*

Слав. *myslь* принадлежит к числу тех слов, относительно этимологического объяснения которых существует почти полное согласие между исследователями. Со времен Миклошича и до наших дней из словаря в словарь переходит ставшее традиционным сравнение славянского слова с лит. *mausti*, *maudžia* (ср. еще *armaudas*), гот. *gamaudjan*, ср.-ирл. *smūainim* и далее вплоть до греч. μῦθος. В согласии с этим рядом соответствий каждый раз предполагается, что слав. *myslь* закономерно отражает праславянскую форму **mūd-sl̯io-*. Оспорить подобное объяснение довольно трудно, если оставаться верным тем критериям истинности в этимологии, которые неписано существовали в прошлом и, к сожалению, еще продолжают существовать и по сей день. В самом деле, почти все элементы слав. *myslь* порознь находят объяснение в сопоставляемых с этим словом примерах из других индоевропейских языков: корневые варианты **mūdh-* : **moudh-* отмечены в греческом, готском или балтийском; суффиксальный элемент *-slь* известен и в некоторых других славянских словах, в частности при корнях с исходом на зубной звук[1]; значение ср.-ирл. *smūainim* (из **smoudn-*) 'я думаю' как будто соответствует одному из значений слав. *myslь*. Внешняя удовлетворительность такого объяснения остается действительной лишь при условии подхода, атомизирующего некоторые совокупности связанных друг с другом фактов. В данном случае это проявилось прежде всего в привлечении к сравнению отдельных слов из других языков без учета их места в частных подсистемах и их внутренних связей; в свою очередь такая произвольность в выделении слов, подлежащих сопоставлению, повлекла за собой недостоверность семантического обоснования сравниваемых слов; из всей совокупности значений, закрепленных за соответствующими словами ('ныть', 'тосковать', 'жалеть', 'желать' — лит. *mausti*; 'злоба', 'досада' — лит. *apmaudas*; 'напоминать' — гот. *gamaudjan*; 'слово' — греч. μῦθος; 'жалоба' — перс. *mōye* (*y* из *d*); 'думать' — ср.-ирл. *smūainim*

[1] См.: A. Meillet. Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave, seconde partie. Paris, 1905, стр. 415—416.

и т. д.), было выбрано лишь одно — 'думать', причем никто не дал себе труда доказать, что именно это значение было исходным и древнейшим, а все остальные возникли из него в ходе дальнейшей семантической эволюции. С другой стороны, общепринятая этимология слав. *myslь* не только получает подкрепление при условии довольно произвольного расчленения целого, но и сама способствует атомизации славянских примеров, связанных с объясняемым словом, изолируя слав. *myslь* среди других родственных ему слов [2]. Поэтому если ставить истинность этимологии в зависимость от того, как она объясняет не только данное слово, но и некое целое, в которое оно входит, то традиционное решение этимологии слав. *myslь* окажется малоудовлетворительным и требующим пересмотра.

Славянские языки дают весьма немногое для реконструкции древней судьбы корня *mysl-*, если опираться на формальные критерии. По существу, нам известно лишь то, что наряду с *mysl-* существует алломорф *myšl-*, выступающий в хорошо определенных условиях [3]. Таким образом, приходится иметь дело с практически неделимым комплексом *mysl-*, лишенным формальных связей с другими словами. Некоторая дополнительная информация о дистрибуции элемента *mysl-* может быть извлечена при учете приставочных образований (некоторые из них достаточно древни и могут претендовать на праславянское происхождение: сочетания *mysl-* с *do-*, *po-*, *pro- roz-*, *sъ-*, *u-*, *za-*) и древнеславянских собственных имен с элементом *mysl-*, обычно в качестве второго члена сложных образований. Однако и в данном случае формальный анализ всех случаев распределения корня *mysl-* оказывается менее поучительным, чем семантический анализ. Приставочные сложения с корнем *mysl-* раскрывают более богатый набор значений, чем тот, который обычно приписывается слав. *mysl-*. При этом в ряде случаев нужно, видимо, считаться с тем, что разнообразие значений зависит не только от позднейшей семантической эволюции, но и от сохранения ряда первоначальных оттенков в приставочных образованиях. Ср. круг значений в др.-русск. *помыслъ*, *съмыслъ*, *умыслъ*, *промыслъ* и др., польск. *umysł* 'ум, разум, интеллект', *zmysł* 'чувство, ощущение', в.-луж. *zmysł* 'чувство, орган чувства' и под. В свете сказанного приобретают большее значение обычно игнорируемые оттенки и в бесприставочном слове *myslь*, ср. в чешском 'мысль' и 'настроение' (ср. фразео-

---

[2] Единственное исключение — мимолетно упоминаемая Брюкнером связь слав. *myslь* (из **mūd-*) с корнем **moud-/*mud-*, ср. польск. *mudzić* 'откладывать, медлить', *mdły* 'слабый, хилый', ц.-слав. измъдѣти и др. См.: Brükhner, стр. 347—348, 350. — Семантические основания подобной связи остаются, конечно, в тени.

[3] Разумеется, вторичны случаи вроде словен. *misel*, *miseln*, с.-хорв. *мисао*, болг. *мисъл* и под.

логизм *pozbýti mysli* 'упасть духом'), в польском 'мысль', 'воля', 'желание', 'намерение' и т. п. (ср. *nie po myśli* 'не по душе', *przyszło na myśl* 'пришло на ум', *być dobrej myśli* 'быть в хорошем настроении'), в верхнелужицком 'чувство', 'дух', 'нрав', 'мнение' и очень редко 'мысль' (зато во множественном числе *mysle* обычно обозначает 'мысли'), в словенском 'мысль', 'мнение', 'намерение' (ср. *po misli* 'по желанию') и т. д. Одним словом, в славянских языках уже для достаточно раннего времени можно предполагать в корне *mysl-* наличие ряда значений, отображавших разнообразные функции духовной деятельности[4].

Нужно думать, что на этом этапе анализа данные, которые можно извлечь из славянского материала, следует считать исчерпанными. Дальнейшие указания можно заимствовать исключительно из закономерностей общесемантического порядка. Хотя в применении к анализу слов, образующих семантическое «поле» со значением 'мыслить', 'думать', предварительная работа почти не проделана[5], все же даже сырой материал, собранный Баком, дает достаточные основания для заключения. Так, в группе слов со значением 'думать', 'мыслить', 'иметь мнение' (17. 14[6]) около половины всех примеров так или иначе восходит к индоевропейскому корню **men-* (др.-инд. и авест. *man*, лит. *manyti*, ст.-слав. **мьнѣти, мѣнити**, гот. *munan*, др.-в.-нем. *meinen*, др.-англ. *munan*, ирл. *do-moiniur* и др.). Славянские слова в этой группе представлены такими парами, как польск. *myśleć — mniemać*, чеш. *mysliti — míniti*, с.-хорв. *misliti — mniti*, причем этот список может быть продолжен, не говоря уже о том, что члены этих пар могут быть подобраны более удачно. При анализе названной группы (17. 14) заслуживают особого внимания два факта: во-первых, отсутствие признанных соответствий слав. *myslь* типа гот. *ga-maudjan*, лит. *mausti* и др. и, во-вторых, известный параллелизм между *mysl-* и *тьn-*(**men-*), причем *mysl-* зачастую выступает там, где в других индоевропейских языках обычны слова с корнем **men-*. Поэтому уже на данном этапе исследования уместно поставить вопрос о возможности проверки слав. *myslь* на происхождение от и.-е. **men-* с тем же кругом значений.

---

[4] Любопытно, что точно такое же смешение значений подчеркивалось в применении к и.-е. **men-*, ср.: A. Meillet. De indoeuropea radice **men-* «mente agitare». Paris, 1897; M. Bréal. Essai de sémantique. Paris, 1911, стр. 29—30.

[5] Такие работы Трира, как «Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes» (Heidelberg, 1931), «Die Idee der Klugheit in ihrer sprachlichen Entfaltung» («Zeitschrift für Deutschkunde», Jg. 1932, H. 9, стр. 625—635), имеют лишь очень косвенное отношение к данному семантическому «полю» (если не считать некоторых периферийных участков его, ср. ср.-в.-нем. *wîse*, *wîsheit*, нем. *weis* и др.).

[6] Buck, стр. 1204 и сл.

Прежде всего обращают на себя внимание некоторые особенности дистрибуции корня *mysl-* и корня **men-* в связи с приставками. Корень *mysl-* обладает способностью соединяться с весьма большим, и притом практически одинаковым, количеством приставок независимо от того, выступает ли он в глагольных или именных образованиях. Одинаковая валентность *-mysl-* в отношении приставок легко объяснима, если вспомнить, что глагол *mysliti* — отыменного происхождения и разделяет целый ряд общих особенностей с исходным именем *myslь*. Менее понятно чрезвычайное развитие префиксации в именах с корнем *-mysl-*. В качестве наиболее вероятного объяснения этого факта можно выдвинуть предположение о том, что обилие приставок, соединяющихся с *-mysl-*, является результатом перенесения префиксальных возможностей глагола, лежащего в основе корня *-mysl-*, на именные образования с этим же корнем; иначе говоря, за многообразием префиксальных связей имен с элементом *-mysl-* можно видеть след старых отношений, характеризовавших соответствующие возможности глагольного корня, от которого был образован девербатив с корнем *-mysl-*. Подобное предположение, по-видимому, может быть подтверждено двоякого рода фактами. С одной стороны, нельзя пройти мимо того обстоятельства, что распределение приставок при корне *-mysl-* и при корне **men-* является, за очень небольшими и, видимо, несущественными исключениями, взаимодополняющим. В то время как с корнем *-mysl-* соединяются практически почти все приставки, корень **men-* выступает, как правило, без приставок, если не считать префективирующего *po-* (в имени соответственно *pa-*) и ряда других префиксальных образований, построенных на сочетаниях с *po-*, ср. *помнить*, *запомнить*, *вспомнить*, *упоминать* и под. Разумеется, грамматический характер образований с *po-* и явно позднее происхождение остальных случаев гарантируют верность наблюдения о чрезвычайно ограниченных возможностях присоединения префиксов к корню **men-* в древности. В качестве исключения могли бы быть рассмотрены лишь такие случаи, как **съмьнѣти/съмънѣти/съмнѣти**[7], наряду со словом **съмыслъ**; наличие ст.-слав. **намѣнити** едва ли представляет собой отклонение от правила, поскольку с корнем *-mysl-* приставка *na-* почти не соединяется, кроме совершенно эфемерных окказиональных образований; к тому же праславянский характер **na-mĕniti* остается под сомнением. С другой стороны, взаимодополняющее распределение приставок при корнях *-mysl-* и **men-* внутри славянских языков находит известное подтверждение в том, что в целом ряде других индоевропейских языков с корнем **men-* соеди-

[7] Что образования типа **sъmьnĕti* существовали и в других славянских языках, доказывает, в частности, прусское заимствование из славянского *smūnint*, *somonentwey*.

няются те же приставки, которые в славянском связаны с корнем *-mysl-*, ср., например, др.-инд. *prā-man-*, авест. *frā-man-*, лат. *pro-mineō*, лит. *pra-manyti*, *pra-minti*, греч. προ-μνάομαι и др. при слав. *pro-myslъ*, *pro-myšljati;* др.-инд. *su-mati-*, *su-manas*, авест. *hu-matay*, *hu-manah*, греч. εὔ-μνᾱστος и др. при слав. *sъ-myslъ;* лит. *už-minti*, лтш. *už-minēt* при слав. *za-myslъ* и др.[8] Таким образом, мысль о том, что в слав. *mysl-* скрывается тот же корень, что и в **men-*, становится весьма вероятной.

Следующий аргумент в пользу вышеприведенного соображения относится к области семантических закономерностей. Известно (см. Buck, 17.21), что понятие «мудрый» (соответственно «мудрость») чаще всего выражается с помощью слов, обозначающих 'мыслящий', 'думающий', 'умный'. Поэтому заранее с относительно большой вероятностью можно предполагать и формальную (не говоря уж о семантической) связь между словами со значением 'мысль' и 'мудрый'. Не ставя себе целью дать исчерпывающий список примеров, иллюстрирующих такую связь, отметим лишь несколько случаев, когда речь идет как раз о словах с корнем **men-*: др.-инд. *manas* 'мысль' — др.-инд. *matimant-* 'мудрый', авест. *manah* 'мысль' — авест. *mązdra* 'мудрый', лит. *mintis* 'мысль' — лит. *išmintingas* 'мудрый', *išminčius* 'мудрец'. Поскольку слав. *mǫdrъ* 'мудрый', восходящее к индоевропейской древности и обладающее целым рядом надежных параллелей за пределами славянских языков[9], связано, несомненно, с корнем **men-* с расширением *-dh-*, кажется оправданной формальная проверка семантически связанного с *mǫdrъ* слав. *myslь* с целью решения вопроса, не скрывается ли и в последнем слове тот же корень, что в *mǫdrъ*[10]. При этом даже малейшее формальное подобие сравниваемых слов приобретает немаловажное значение ввиду очевидности семантических связей. Что же касается последних, то в пределах каждого отдельного славянского языка они несомненны; подтверждение этому можно найти и в многочисленных примерах, когда слова с корнем *mysl-* переводятся как 'мудрый', 'мудрость', и в нередких случаях передачи одного и того же слова (например, греческого) с помощью корня *mǫdr-* и корня *mysl-*, ср. др.-русск. **мѫдрѣ — моудрѣ** φρόνιμος и др.-русск. **съмысльно** φρονίμως [ср. также: «XIII слов Григория Назианзина» (XI в.), 41: *о нѥмь же паче*

---

[8] Более спорно сопоставление слав. *do-myslъ* и ирл. *do-moinethar* (то же, что *muinethar* 'думает') в силу наблюдения Хольмера о кельтской приставке *do-*, ср.: N. M. Holmer. Revue celtique. London, стр. 105 и сл.; R. Thurneysen. A Grammar of Old Irish. Dublin, 1947, стр. 506 и сл.

[9] Ср. особенно: Э. Бенвенист. Индоевропейское именное словообразование. М., 1955, стр. 220.

[10] Иная этимология слова *мудрый* предложена недавно С. Лурье, см.: S. Luria. Zur Etymologie des russischen Wortes «мудрый» («Weise»). «Studii şi cercetări linguistice», XI, № 3, 1960, стр. 553—560; в принципе она не противоречит сказанному выше, прибавляя к нему дополнительное звено.

мыслимъ ᾧ πλέον ἐφρονοῦμεν). Наконец, говоря о семантических критериях связи между понятиями «мысль» и «мудрый», следует отметить деталь, которой мы склонны придавать важное значение: из всех известных пока из индоевропейских языков принципов выражения понятия «мудрый», видимо, только обозначение с помощью **men-*, характеризующего особого рода душевное движение, умственную деятельность, оказывается действительным и для выражения понятия «мысль»; другие же принципы обозначения понятия «мудрый» («ясновидящий», «острый», «быстрый», «искусный» и т. д.), как правило, не используются для выражения идеи «мысль». Следовательно, если совокупности способов выражения понятий «мудрый» и «мысль» представить в виде двух множеств, то окажется, что они пересекаются, причем общей частью является как раз та, которая содержит наименования по принципу обозначения особого рода духовной деятельности (корень **men-*).

Некоторые данные об этимологии слав. *myslь* можно извлечь из анализа отдельных частных случаев взаимных связей на материале элементарных структур. В этом смысле, видимо, оказалось бы перспективным исследование древних славянских двучленных имен с элементом *-mysl-* в качестве второй части слова (ср. *Dobromyslъ*, *Miromyslъ*, *Prěmyslъ* и др.) и реже в качестве первого члена (ср. чеш. *Myslibor*, польск. *Myślibor*, *Myślimir*, с.-хорв. *Mislav* из **Myslislavъ* и др.). Сравнение этих имен с аналогичными в других индоевропейских языках не только оправдано глубокой древностью и принципиальным структурным сходством подобных образований [11], но и тем, что они, будучи двучленными, представляют собой элементарные микроструктуры, обеспечивающие несравненно большую надежность выводов, чем в случаях, когда анализируются разрозненные факты. Нетрудно заметить, что в структурном и семантическом отношении славянские имена со вторым членом *-mysl-*

---

[11] В последнее время см. о них: G. Schramm. Namenschatz und Dichtersprache. Studien zu den zweigliedrigen Personennamen der Germanen. Göttingen, 1957; K. H. Schmidt. Die Komposition in Gallischen Personennamen. — ZfceltPh, 25, 1957 (отдельный выпуск); и особенно: T. Milewski. Ze studiów nad antroponimią indoeuropejską. «Onomastica», 5, 1957, стр. 349—380; его же. Ewolucja morfologiczna indoeuropejskich złożonych imion osobowych. — BPTJ, zesz. XVI, 1957, стр. 37—69; его же. Der morphologische Bau der zusammengesetzten griechischen Personennamen. — LP, VII, 1959, стр. 201—239; VIII, 1960, стр. 146—182. — Более скептический взгляд на индоевропейскую древность таких образований высказан недавно Пулгремом (E. Pulgram. Indo-European personal names. «Language», 23, 1947, стр. 189—206; его же. New evidence on Indo-European names. «Language», 36, 1960, стр. 198—202). Автор отчасти опирается на результаты исследования Ландау, установившего, что в микенских текстах около трех четвертей всех личных имен составляют одночленные (см.: O. Landau. Mykenisch-griechische Personennamen. «Studia Graeca et Latina Gothoburgensia», 7, 1958).

находят точные соответствия в аналогичных именах из других индоевропейских языков, где в качестве второго элемента выступают слова, обозначающие 'мысль' и восходящие к корню **men-*, ср. слав. *Dobromyslъ*[12] при др.-инд. *Sumanas-* 'обладающий доброй мыслью'[13], *Vasumanas-*, *Vasumati-* с тем же значением греч. Εὐμένης 'обладающий доброй жизненной силой' (μένος этимологически родственно др.-инд. *manas* 'мысль'; специализация значения вторична); ср. также крито-микенск. *e-u-me-ne* (Εὐμένης) в надписи из Пилоса[14]; любопытно, что наряду со слав. *Dobromyslъ* существует *Zlymyslъ* (ср. польск. *Slimisl* в Гнезненской булле 1136 г.), семантически аналогичный др.-инд. *dur-mati-*, *dur-manman-*. Возможно, представило бы интерес и сопоставление слав. **Těšimyslъ* (ср. польск. *Cieszymysł* — *Tessimizl* Гнезненской буллы) с авестийским собственным именем *Tušna-matay-* 'обладающий успокоенной (утешенной) мыслью'. К сожалению, отсутствие исчерпывающего материала по славянским именам с корнем *mysl-* (исключение составляют лишь польские данные, собранные Ташицким, ср. еще *Ziemomysł*, *Siemomysł*, *Uniemysł*, *Trzebomysł*, *Niezamysł*, *Ninomysł* и др.) не позволяет привести полный список соответствий славянским двучленным именам с элементом *-mysl-* в других индоевропейских языках. Тем не менее и приведенных примеров достаточно, чтобы утверждать, что слав. *-mysl-* в сложных именах изофункционально элементу, восходящему к корню **men-* в ряде других индоевропейских языков[15].

Другой аргумент структурного характера в пользу связи слав. *myslь* с и.-е. **men-* можно почерпнуть, анализируя одно из весьма древних индоевропейских представлений о триаде связанных и противопоставленных друг другу понятий «мысль» — «слово» — «дело»[16]. Подробнее об этом будет сказано в спе-

---

[12] Ср. также *Drogomyslъ* (*Drogomizl* в Гнезненской булле).

[13] Ср. славянский апеллатив *sъmyslъ*, *sъmyslьnъ* 'обладающий доброй мыслью'.

[14] Ср. также авест. *hu-mata-* (в противоположность *duš-mata-*), *hu-matay-*, *hu-manah* и семантически близкое имя *Haxāmaniš* 'обладающий дружественной мыслью' из Бегистунской надписи.

[15] Что касается балтийских имен на *-mantas* (ср. лит. *Algimantas*, *Normantas*, *Vydmantas*, *Vilmantas* и др.), то вопрос о включении их в этот ряд соответствий должен решаться в зависимости от того, какую этимологию *mant-* считать правильной. В последнее время чаще высказывается мнение о связи *mant-* с корнем **men-*. Ср.: E. Blese. Valoda un tautas gars. Rīgā, 1940, стр. 222. и сл.; Fraenkel, Lief. 6, стр. 408 и особенно: P. Skardžius. Litauische zweistämmige Personennamen mit **mant-* und *manta-* «bewegliche Häbe». — ZfslPh, 29, 1960, стр. 146—150.

[16] Наличие такого представления подтверждается целым рядом многозначительных соответствий; ср. др.-инд. *yan me manasā*, *vācā*, *karmaṇā vā duṣkṛtaṁ kṛtam* (Таиттирия Араньяка, X. 1. 12) 'которое злое дело сделано мне мыслью, словом или делом' (ср. также Махабхарата, XII. 4059, 6512, 6549, 6554; XIII. 5677; Законы Ману, XII. 4—8 и др.), авест. *arəm. maiti humata mamne arəm. uxti hūxta (vavaca) arəm. varšti hvarəšta (va-*

циальной статье; здесь же достаточно сказать о следствиях, которые вытекают из связи крайних членов триады с центральным. Речь идет о фактах двух родов: с одной стороны, о тех случаях, когда различия в значении между 'словом' и 'мыслью' и соответственно между 'словом' и 'делом' как бы нейтрализуются (ср. хетт. *memiįa(n)* — *memi(n)* 'слово, речь', а также 'настроение, расположение духа'[17], хетт. *uttar* 'слово', а также 'дело'; количество примеров легко может быть увеличено[18]); с другой стороны, о тех случаях, когда слово одного и того же корня употребляется в разных значениях, образуя постепенную цепь переходов между крайними членами триады. В данном случае следует обратить внимание на то, что слова с корнем **men-* в славянских и некоторых других языках могут обслуживать и сферу понятий «слово», «говорение», «речь», и сферу понятия «мысль»: ср. др.-русск. **мѣнити** 'говорить', ст.-слав. **намѣнити** 'назвать', 'упоминать' и др., но *мнить*, *мнение*, *вспоминать*, *память* и т. п. (ср. также лит. *minti* 'думать' и 'упоминать', 'звать' и др.)[19]. Эти факты в сочетании с тем, что первый член триады «мысль» чаще всего в индоевропейских языках обозначается корнем **men-*, еще более связывают слав. *myslь* с рядом слов, восходящих к **men-*. Разумеется, возможности семантического обоснования необходимости или по крайней мере желательности сопоставления слав. **myslь* с *mǫdrъ*, *mьniti* и под. на этом не исчерпываются, хотя приведенных соображений вполне достаточно, чтобы считать такое сопоставление гораздо более оправданным, чем то, которое практически без всякого обоснования признается в принятой этимологии слова *myslь*.

После того как семантические указания предельно сузили возможность выбора, остается проверить, какой фонетический облик корня **men-* наиболее соответствует слав. *myslь*. Скорее всего речь могла бы идти о старом отглагольном существительном (с суффиксом *-slь*), обозначавшем сначала действие, а потом и его результат. В соответствии с этим целесообразно

---

varəza) (Pursišnīhā, 25) «mit rechtem Denken hat er gut gedachtes gedacht, mit rechten Sprechen gut gesprochenes (gesprochen), mit rechtem Handel gut getanes (getan)» (другие примеры см.: B a r t h o l o m a e, стр. 1121—1122), а также соответствующее место в платоновом «Протагоре» и т п.).

[17] Кстати говоря, это слово обычно выводят из корня **men-* с удвоением (ср. еще лув. *mammana* 'говорить', греч. μέμονα); ср., впрочем: E. B e n v e n i s t e. Sur le consonantisme hittite. — BSL, 33, 1932, стр. 140 (к др.-инд. *mimāti*, ст.-слав. мьмати).

[18] Ср., в частности, слав. *dělo* и *děti* 'говорить'.

[19] Любопытно, что у Гомера думание описывается иногда как говорение (ср.: R. B. O n i a n s. The origins of European thought about the body, the mind, the soul, the world time, and fate. Cambridge. 1954, стр. 13), что совпадает с данными детской психологии (см.: W. S t e r n. Psychology of early childhood, 1924, стр. 384).

в слав. *myslь* видеть отражение корня **men-* на ступени *o*-:- **monslĭ-*; кстати говоря, этот же вид корня отражен в *mǫdrъ* и *monĕti*, если говорить о славянском материале, и в целом ряде примеров за пределами славянских языков. Из числа последних, обычно хорошо известных, упомянем лишь один — из литовского языка, до сих пор не привлекавший внимание исследователя в связи со слав. *myslь*. Речь идет о лит. *mąslus* 'вдумчивый, мыслящий, понятливый' (ср. также *mąslumas*, *mąstyti* 'мыслить, размышлять, обдумывать'[20], архаичном прилагательном на *-u-* от корня **man-*: **manslu-* < **monslŭ-* (или **manstlu-?*); ср. слав. **monslĭ*/**monslŭ-* (*sъmyslъ* и под.). Таким образом, в литовском слово *mąslus* включается в ряд *menu*, *minti*. Трудно предположить, что в славянском дело обстояло иначе и что *myslь* не было связано с *mьnitъ*, *minĕ*. Едва ли составит принципиальную трудность объяснение корневого гласного в слове *myslь*, особенно, если принять вполне правдоподобный слогораздел **mons-lĭ-*/**mons-lŭ-* и разнообразие источников слав. *y*[21]. Точно так же никак не может рассматриваться как препятствие утверждение Мейе[22], сделанное на основании двух-трех примеров, о том, что суффикс *-slь* присоединяется только к тем корням, которые оканчиваются на зубной или на *s*, *z*. Крайняя ограниченность славянских фактов и, напротив, многообразие балтийских примеров, нарушающих закономерность, намеченную Мейе для славянского (ср. лит. *gysla* при *gyti*), не дают возможности согласиться с утверждением французского ученого.

---

[20] О *mąstyti* см.: P. Skardžius. Lietuvių kalbos žodzių daryba. Vilnius, 1943, стр. 538.

[21] См. подробнее: В. Н. Топоров. Из праславянской этимологии. «Этимологические исследования по русскому языку», вып. I. М., 1960, стр. 8 и сл.

[22] A. Meillet. Указ. соч., стр. 415—416.

О. Н. Трубачев

ФОРМИРОВАНИЕ ДРЕВНЕЙШЕЙ РЕМЕСЛЕННОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В СЛАВЯНСКОМ И НЕКОТОРЫХ ДРУГИХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ДИАЛЕКТАХ

Обращаясь к рассмотрению терминологии ремесленного производства, мы должны с самого начала оговориться, что пользование словом «терминология» продиктовано здесь не какими-то принципиальными установками, а лишь соображениями удобства. В остальном строгость и однозначность употребления названий такого рода обычно не превышает средние величины этих показателей для прочих слов и не составляет, по-видимому, той обязательной характеристики, которая отличает термин от слова вообще. Поэтому нецелесообразно, как кажется, требовать точных дефиниций обозначаемого, а имеет смысл, напротив, довольствоваться — особенно при выделении древнего пласта обозначений — более косвенными указаниями на значение, получаемыми из анализа засвидетельствованных значений форм, развившихся из данного древнего обозначения.

Сказанное имеет также целью ограничить (но отнюдь не умалить совершенно) надежды на получение от лингвистического анализа названий единых выводов культурно-исторического порядка. Так, в решении проблемы большей древности какого-то одного типа ткаческого устройства — ручного вертикального станка или горизонтального станка с подножками — шансы на успех имеет наиболее полный учет как лингвистических данных, так и реальных (свидетельства истории, археологии, географический момент, культурные аналогии).

В настоящей статье, которая явится частью более крупного исследования по названной теме в целом, мы намерены привлекать реалии и вообще культурный план крайне экономно. Основное внимание обращено на лингвистический аспект проблемы. Суть последнего составит этимологическая характеристика ремесленной терминологии. Впрочем, дело не исчерпывается, как увидим ниже, одной этимологией в обычном понимании, и правильнее будет говорить о взаимно дополняющих друг друга (1) лексическом и (2) словообразовательном аспектах. Эти тесно связанные аспекты имеет смысл рассматривать как достаточно самостоятельные и не покрывающие друг друга. В каждом случае связи уводят нас за пределы нашего мате-

риала, что особенно очевидно для словообразовательного аспекта. В свою очередь то, что может быть условно названо как инвентарь, скажем, ткаческой терминологии, накладываясь на оба названных аспекта, не покрывает их полностью. Поэтому, ставя здесь среди прочих также задачу инвентаризации (ранней) ткаческой терминологии, мы вынуждены понимать лексический и словообразовательный аспекты проблемы гораздо шире, как, впрочем, и рассматривать, наряду с ткаческими, смежные и другие ремесленные термины. К этому нас побуждает то естественное наблюдение, что один и тот же (в некоторых приблизительных и не очень строгих границах) инвентарь ремесленных названий может обнаруживать в родственных языках различные, нередко калейдоскопические и всегда взаимосвязанные внутренние перемещения, т. е., оставаясь в общем ремесленными терминами, одни и те же названия в разных языках занимают разное положение относительно собственно ткаческой терминологии. То же может быть отмечено и внутри ткаческой терминологии одного и того же языка в разные периоды истории. Отдельные названия приобретают новые значения, переносятся на новые реалии, новые детали ткацкого станка.

Семантическая сторона проблемы не представляется нам самостоятельным аспектом наравне с перечисленными, но выступает лишь во всей своей лексической обусловленности (значения слов) и в связи с функциональной характеристикой образований. На эту последнюю желательно обратить специальное внимание в связи с разбором некоторых словообразовательных моделей, их генезиса и особенностей употребления.

Ставя вопрос о древнейшей ремесленной терминологии, мы не случайно остановили выбор на ткаческой или шире — текстильной номенклатуре. Известно, что ткачество вместе с прядением и некоторыми смежными операциями — одно из древнейших занятий человека. Тут же следует отметить, что эти занятия, по-видимому, старше выделения ремесла и что они, возникнув в домашних условиях, очень долго оставались домашним, преимущественно женским делом, т. е. не ремеслом в законченной форме.

Архаический характер домашнего ткачества, его влияние в разных сферах человеческой жизни (включая древние религиозные воззрения) находятся в соответствии с лингвистической характеристикой этого отдела ремесленной терминологии. Помимо этимологических задач изучения данной группы лексики, здесь мы найдем небезынтересный материал для суждений о диалектных отношениях индоевропейского, о ранних изоглоссных связях, а вместе с этим, может быть, и некоторые указания для пересмотра мнения об относительном возрасте отдельных образований.

Исследование ремесленной терминологии несколько облегчается благодаря наличию, помимо известных словарей, также ряда работ смешанного характера — терминологического, культурного, которые далеко не одинаковы по уровню, но в части лексического материала могут быть использованы.

Задачи настоящей работы объясняют наш положительный интерес именно к древним, в том числе исконным, названиям. Современная терминология, конечно, не однородна в этом плане. Она содержит также немало поздних заимствований, выделение которых не составляет трудности. Более полную инвентаризацию этих элементов мы оставляем для специального монографического исследования по славянской ремесленной терминологии. Сейчас же сжатые рамки статьи заставляют нас применить дифференцированный подход, опуская поздние заимствования. Таковыми являются для восточнославянских языков немецкие, отчасти польские названия, для западнославянских — немецкие, для некоторых южнославянских — турецкие. Прочие лексические включения несущественны. Проведенная таким образом элементарная реконструкция более старого состава будет, вероятно, не лишена пробелов, но заполнить их поможет конфронтация результатов реконструкции в разных частях славянской языковой области. Впрочем, абсолютно непротиворечивого единства не следует ожидать в итоге упомянутой конфронтации. Напротив, даже на этом ограниченном тематически словарном материале мы имеем возможность наблюдать распространение на какой-то части славянской территории заведомо диалектных, древних слов, неизвестных на остальной части славянской территории, но с убедительными соответствиями за пределами славянского, в других индоевропейских. Как и в прочих отделах словаря, праславянские лексические диалектизмы могут носить здесь корневой или словообразовательный характер, что еще не решает вопроса о большей или меньшей древности какого-либо из этих образований. Внеславянские соответствия обнаруживаются как для одних, так и для других. Ср. в первом случае праслав. **vorb-* на основе только русского слова *воро́бы*, *воро́ба* (соответствия в германском см. ниже), во втором случае ср. праслав. диал. **stativъ/a*, мн. **stativy* на основе некоторых западных и южных славянских слов (полное соответствие в лат. *statīvus*, прил., 'стоящий на одном месте', *statīva*, сущ. мн. ср., *statīvae*, мн. ж., 'лагерь, стан').

Перейдем к суммарному по возможности выделению старых пластов ткаческой и смежной терминологии в отдельных славянских языках и диалектах, а затем в некоторых других индоевропейских языках.

Р у с с к и й[1]: *мя́ло*, *мя́лка*, *мя́лица*, *мя́льница* 'устройство,

[1] Использованы главным образом следующие диалектологические, этнографические работы и словари: Н. И. Л е б е д е в а. Прядение и

с помощью которого мнут, ломают лен и коноплю', *било* 'палка на шарнире и мялке' (иначе — *меч*, *мéчик*), *кудéль*, *кудéля* 'лучший сорт волокон', 'сверток избитой и расчесанной шерсти', 'пучок льну, конопли для пряжи', 'льняные очески', *прясть*, *прядево*, *прядиво* 'кудель, материал для прядения', *сучи́ть* 'крутить, свивать нитку', *прядь*, *пряжа*, *прялка*, *прялица*, *пряслица* 'прялка', 'донце под кудель или под гребень', *пряслице*, *пряслень* 'колечко, кружок на веретене', *веретенó*, *пáсма*, *пасмо* 'единица счета мотков пряжи', *чи́сменка* '1/10 часть пасма', *мотови́ло*, *motáлка* 'снаряд для размотки пряжи с веретена', *вóроб*, мн. *ворóбы* 'крестовина для намотки пряжи с мотовила', *скалó* 'снаряд для навивки пряжи на цевку в челноке', *сновать* 'натягивать продольные нити будущей ткани' (на сновальнице или на стене), *оснóва*, *сновáльня* 'приспособление, на котором снуют пряжу', *утóк* 'поперечная нить ткани, переплетающая основу', *стан* 'ткацкий станок', *став* то же, *крóсно*, *крóсна* 'холст в процессе тканья', 'станок', *наби́лки* 'бердо, или рамка, в которую вставляется бердо', *бёрдо*, *бердó* 'ткацкий гребень', *трость* 'палочка в берде', *ни́ченки*, *ни́ченицы*, *нит*, мн. *ниты* 'нитяные петли между двух поперечных прутьев для подъема нитей основы подножкой', *цепóк* 'одна ниченка', *цены*, мн., 'прокладка поперек основы', *поднóжки*, мн., *зев* 'пространство, образуемое между нитями основы для прохода челнока', *челнóк*, *цéвка* 'трубочка, шпулька с намотанным утком, вставляемая в челнок', *прутóк* 'палочка с цевкой в челноке', *близнá* 'брак в ткани, отсутствие нити основы или утка', *пружи́на* то же, что *прутóк*, *зýбья* то же, что *трости* (см. *трость*), *навóй* 'передний и задний горизонтальный вал в ткацком станке', *свóлок* 'навой, на который навивается основа', *ткать*, *ткáлья* 'мастерица ткать, ткачиха', *ткань*, *ткани́на* 'домотканное полотно, холст'.

Белорусский[2]: *тéрница*, *мялица*, *мяло* 'мялка', *кудéля*

ткачество восточных славян в XIX—начале XX в. «Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая», новая серия, т. 31. М., 1956, стр. 459 и сл.; Ю. П. Чумакова. Лексика, связанная с обработкой конопли и шерсти, прядением и ткачеством в районе «Богословщина» Рязанской области. «Уч. зап. Рязанского пед. ин-та», т. XXV, 1959, стр. 341 и сл.; «Словарь орехово-зуевских текстильщиков» под ред. М. Н. Шабалина. «Труды кафедры русского языка Орехово-Зуевского пед. ин-та». М., 1960; D. Zelenin. Russische (ostslavische) Volkskunde. Berlin und Leipzig, 1927; В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка Изд. 2; Г. Г. Мельниченко. Краткий ярославский областной словарь, объединяющий материалы ранее составленных словарей (1820—1956 гг.), т. I. Ярославль, 1961.

[2] Богатый материал находим в кн.: Н. Я. Никифоровский. Очерки простонародного житья-бытья в Витебской Белоруссии и описание предметов обиходности (Этнографические данные). Витебск, 1895. Далее см.: D. Zelenin Указ. соч., стр. 149 и сл.; И. И. Носович. Словарь белорусского наречия. СПб., 1870. — Здесь сохраняется орфография, принятая в этих источниках.

кудель', *прядзиво* 'прядение, прядильный материал', *прасница*, *пралица* '(простая) прялка', *верацяно* 'веретено', *вирьцяно*, *мотовила*, *снова* 'основа', *снуваць* 'сновать', *снувалка* 'тонко сделанная деревянная лопаточка с пятью дырочками в широкой стороне', *сукалка*, *сукала* 'станок, на котором насучивают цевку', *сцёрин* 'ось сукалки, на которой насажено маховое колесо', *став* 'ткацкий станок', *кросны*, мн., то же, *бёрдо* 'бердо', *цевка* 'цевка', *челнок* 'челнок', *навоё* 'навой', *колодка* 'навой', *набилица* 'бердо, набилки', *ниты*, мн., 'ниченки, ниты', *цыны*, мн., 'цены', *пыножи*, мн., 'подножки', *прутик* 'пруток, ось цевки в челноке', *зубья*, мн., 'зубья бёрда', *ткаць* 'ткать', *тканка* 'головная повязка'.

Украинский[3]: *тёрлиця*, *тёрниця* 'мялка, трепалка', *мечик* 'меч, мечик в мялке', *грёбінь* 'гребень, обычная прялка', *прядка* то же, *кужіль* 'кудель, пучок волокна', *прядиво* 'материал для прядения', *пряжа* 'пряжа', *прясти* 'прясть', *веретено* 'веретено', *спінь* 'острый конец веретена', *правило* 'верхняя дощечка с отверстиями в веретеннике, в котором сматывают нитки с веретена на мотовило', *мотовило* 'мотовило', *вилиці*, мн., 'развилок мотовила', *снувавка* 'сновальня, сновальница, сновальная рама', *снувавник* 'дощечка для основания с дырочками для ниток', *основа* 'основа', *снувати* 'сновать', *тканнл*, *піткання*, *питка* 'уток', *кросна* 'ткацкий станок', *ставки*, мн., 'продольные планки, скрепляющие передние и задние стояки', *сідавка* 'сидение ткача', *воротило* 'навой' (иначе *навій*), *поножі*, мн., 'подножки', *ничиниці*, мн., 'ниченки', *ціпки*, мн., 'прутья ниченок', *нити*, мн., 'ниты, петли', *набівка* 'планка берда', *снизьки*, мн., 'вертикальные планки, поддерживающие набилку и бердо', *бердо* 'бердо', *човник* 'челнок', *стативи*, мн., то же, что и *ставки*, *підніжкі*, мн., = *поножі*, *цівка* 'цевка'.

Польский[4]: *międlica* 'мялка', *cierlica* 'устройство для последующей чистки льна и конопли', *kądziel* 'кудель, ручная

---

[3] См.: W. Szuchiewicz, Huculszczyzna, t. I. Kraków, 1902, стр. 171 и сл., 303 и сл.; Ф. Волков. Этнографические особенности украинского народа. — Сб. «Украинский народ в его прошлом и настоящем», т. II. Пг., 1916, стр. 490 и сл.; D. Zelenin. — Там же; Б. Д. Гринченко. Словарь украинского языка, т. I—IV. Киев, 1907—1909 и специально см. статью «Верстат» (т. I, стр. 137—138); Й. О. Дзендзелівський. Лінгвістичний атлас українських народних говорів Закарпатської області УРСР (Лексика), ч. II. Ужгород, 1960, карты 239, 240, 241.

[4] См.: A. Fischer. Lud Polski. Podręcznik etnografii Polski. Lwów—Warszawa — Kraków, 1926, стр. 56 и сл.; значительные материалы по ткаческой терминологии славян собраны, кроме того, у следующих авторов: А. Будилович. Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях по данным лексикальным, часть вторая, вып. I. Киев, 1882, стр. 39 и сл.; M. Gavazzi. Praslavenski tkalački stan i tkalačka daštica. «Zbornik za narodni život i običaje južnih Slavena», knjiga XXVI. Zagreb, 1928, стр. 1 и сл.: L. Niederle. Život starých Slovanů. Základy

прялка', *przęślica*, *wrzeciono* 'веретено', *prząść* 'прясть', *wijadła* 'вид мотовила, воробы', *cewka* 'цевка, шпулька', *snowadła*, *snowadło* 'снавальня, приспособление для снования из двух прямоугольных рам под углом друг к другу', *krosna* 'ткацкий станок' (часто *warsztat*, из нем.), *podnóża* 'подножки', *nicielnice*, мн., 'ниченки', *czółenko* 'челнок', *snować* 'сновать', *osnowa* 'основа', *wątek* 'уток', *tkać* 'ткать', *bidły*, *bijadła* 'набилки', *bardo* 'бердо' (чаще заимствованные термины), *sukać* 'сучить', *motowidło*, *motadło* 'мотовило', *sukadło* 'сукалка, потак для наматывания утка на цевку', *nawój* 'навой', *staciwa* 'стояки, боковые части ткацкого станка'.

Полабский[5]: *kǫdīl'ə* 'расчесанный и связанный пучками лен, кудель', *ai̯prą̊st* 'выпрясть, спрясть', *vritēnə* 'веретено', *prąslēnə* 'пряслица', *såkódlə* 'колесная прялка', *motüvái̯dlə* 'сукалка, мотовило', *prądēnə* 'прядильный материал'.

Сербохорватский[6]: *куђељ*, *кућеља*, *преслица* '(простая) прялка', *вретено* 'веретено', *пређа* 'пряжа', *основа* 'основа', *потка* 'уток', *сновати* 'сновать', *пршљен* 'пряслице, кольцо из глины на веретене', *витао* 'колесо, на котором мотают пряжу', *сноваљка* 'приспособление для снования', *тара* 'основа', *стан*, *статив*, *статива* 'ткацкий стан', *разбој*, *натра* то же, *навој* 'навой, вал', *вратило* 'вал, на который наматывается основа', *оснутак*, *основутак* 'основа', *нити*, мн., 'ниты', *брдо* 'бердо', *стативица* — также в значении 'бок, половина ткацкого станка', *брдило*, *набрдило* 'набилки, держащие бердо', *зубац*, мн. *зупци* 'пластинки, зубцы в берде', *подношке*, *подножници*, *подногаче*, мн., 'подножки', *цев*, мн. *цеви*, 'цевка, шпулька', *чун*, *чунак* 'челнок', *метик* то же, *зев* 'зев', *мотовило* 'мотовило', *чини*, мн., 'цены', *штапци*, *цепци*, мн., 'прутья ниченок', *ткати* 'ткать', *ткаља* 'ткачиха', *пасмо* 'часть мотка пряжи до 30 нитей', *чисмица* 'нить (иногда двойная)'.

Болгарский[7]: *снова́* 'сную', *тъка́* 'тку', *сука́ло*, *сука-* 'сучу', *мотови́ло* 'мотовило', *преда́* 'пряду', *пре́жда* 'пряжа', *осно́ва*

---

kulturních starožitností slovanských, III díl, 1 svazek. Praha, 1921, стр. 331 и сл.; K. Moszyński. Kultura ludowa Słowian. Część I. Kultura materialna. Kraków, 1929, стр. 296 и сл.

[5] J. Heydzianka-Pilatowa. Słownictwo połabskie w zakresie wyprawy lnu. — SO, t. 12, Poznań, 1933, стр. 258 и сл.

[6] Љ. Мићовић. Живот и обичаји Поповаца. «Српски етнографски зборник», књ. LXV. Београд, 1952, стр. 54 и сл.; М. Милићевић. Живот срба сељака. «Српски етнографски зборник», књ I. Београд, 1894, стр. 19—21; П. А. Ровинский. Черногория в ее прошлом и настоящем, т. III, ч. 1. Этнография. — Сб. ОРЯС, т. LXIII. СПб., 1897, стр. 492 и сл.; Вук С. Караџић. Српски рјечник истумачен њемачкијем и латинскијем ријечима. Изд. 3. Београд, 1898.

[7] Хр. Вакарелски. Принос към проучването на българските тъкачни станове. «Известия на Народния етнографски музей в София», година X—XI. София, 1932, стр. 209—210; В. Венедикова. Един старинен начин на тъкане в Родопите. «Сборник в чест на акад. А. Теодоров-Балан». София, 1955, стр. 165 и сл.

'основа', *вътък* 'уток', *вретено* 'веретено', *прешлен* 'пряслице', *къдел* 'кудель', *тръмица*, *стан* '(горизонтальный) ткацкий станок', *стать* 'вертикальный ткацкий станок', *стáтюв стан*, мн., *стетьове* то же, *разбóй* '(весь) стан', *крóсно* (*зáдно*, *прéдно*) 'навой, вал', *бъ̀рдо*, *грéбен* 'бердо, ткацкий гребень', *ни́щелки*, мн., 'ниченки', *поднóжки*, мн., 'подножки', *цéпове*, мн., 'прутья ниченок', *набръди́ло* 'набилки', *чéпове*, мн., 'стояки вертикального станка', *чи́нове*, мн., 'цены', *óтези*, мн., 'каменные грузы вертикального станка', *цеви́я* 'клубок уточной нити', *уста* 'зев', *ши́ло* 'деревянная палочка, которой открывают зев в нитках'.

После того как мы предприняли выше краткий обзор основных терминов в большинстве современных славянских языков, целесообразно произвести элементарную предварительную реконструкцию более или менее условных праславянских форм. Здесь имеется в виду в известном смысле близкая реконструкция, которая сама даст материал для более далеких реконструкций. Предварительная реконструкция полезна также как сведéние современного сложного множества форм к более простому составу, по возможности в тех же терминологических рамках, что уже труднее будет гарантировать на следующих ступенях реконструкции.

Получаем праслав. **mędlo*, **bidlo*, **kǫdelь*, **pręsti*, **prędivo*, **prędja*, **pręslica*, **pręslice*, **pręslьnь*, **pasmo*, **motovidlo*, **motadlo*, **vorbъ*, **sъkadlo*, **snovati*, **osnova*, **ǫtъkъ*, **snovadlo*, **stanъ*, **stavъ*, **krosno*, **bьrdo*, **nitъ*, **nitь*, **nitjenici* / **nitjenъky*, мн. ж., **cěръkъ*, **cěnъ*, мн., **cěny*, **ponoži*, мн., **zěvъ*, **čьlnъkъ*, **cěvъka*, **cěva*, **cěvь*, **prǫtъkъ*, **prǫtъ*, **prǫgъ*, **prǫžina*, **navojь*, **sъvolkъ*, **tъkadlьja*, **tъkati*, **tъkanь*, **tъkanina*, **tьrnica*, **pręsnica*, **verteno*, **sukadlo*, **stьrnъ?*, **tьrdlo*, **grebenь*, **spinь* / *spěnь?*, **pravidlo*, **vidlo* / **vidlici*, мн. ж., **tъkanьje*, **sědadlo*, **vortidlo*, *stativy*, мн., ед., **stativa*, **vijadlo* (< **vidlo?*), **sukati*, **potъka*, **vitlъ*, **nat(ь)ra?*, **orzbojь*, **osnutъkъ*, **ščapьcь*, **statь*, **o(b)tęgy*, мн. от **o(b)tęgъ*, **šidlo*.

Можно попытаться далее, не покидая этот уровень реконструкции, сгруппировать некоторые слова, выяснить по возможности характер их отношений друг к другу и вытекающие отсюда сомнения в древности хотя бы некоторых из них уже на этой первой ступени. Здесь же уместны отдельные словообразовательно-этимологические указания, имеющие целью в основном расчистить почву для следующей реконструкции, а также для определения круга полных соответствий вне славянского.

Так, если начать с пары реально связанных названий *основа* — *уток*, то отношения ее членов друг к другу представятся следующим образом: основа обозначается абсолютно одинаково — праслав. **osnova* — всюду на славянской территории,

и условное праславянское *osnutъkъ на базе с-хорв. _оснутак_ ʽоснова' (см. выше) может быть, по-видимому, исключено как скорее позднее местное производное с суффиксом, представленным также в других образованиях сербохорватского. Что касается названий утка, то они обнаруживают до известной степени пестроту. Помимо праслав. *ǫtъkъ в подавляющем большинстве языков, обращают на себя внимание выделенные выше условно также как праславянские *tъkanьje и *potъka. Различные моменты заставляют и здесь видеть новообразование. Во-первых, если мы представим себе географическое соотношение *ǫtъkъ, *potъka и *tъkanьje на карте (самим схематическим образом), то *potъka (с.-хорв., укр. и чеш.) и *tъkanьje (укр.) займут более или менее срединные области, обрамленные обширными территориями *ǫtъkъ, что говорит о *tъkanьje и *potъka как инновациях (см. карту). Во-вторых, сравнительная словообразовательно-морфологическая характеристика *ǫ-tъkъ (старое именное сложение с префиксом *on-tŭk- при глагольном *^{o}ŭn-tŭk- / *^{o}ŭn-tūk-, т. е. с точки зрения отдельных славянских языков это скорее остатки отношений, чем продуктивные отношения) и, с другой стороны, *tъkanьje (отглагольное имя при *tъkati, ср. активность образований на _-ння_ вообще в украинском) и *po-tъka склоняют к принятию того же вывода. Таким образом, остаются праслав. *osnova — *ǫtъkъ.

Далее, известную сложность, к тому же, вероятно, не сводимую к совершенно простому состоянию, обнаруживают названия самого станка: — **stanъ*, **stavъ*, **statь*, **stativъ/a*, **orzbojь*, **natьra*, **krosno*. Можно допустить, что по крайней мере некоторые из них вторичны и отражают усовершенствование конструкции и ткацкого дела в целом: **orzbojь* (с.-хорв., болг., укр.?), **natьra* (с.-хорв.). Остаются другие приведенные выше названия, каждое из которых могло выступать в функции главного («ткацкий станок»); но и на этих территориях остальные названия не исключались полностью и сосуществовали в подчиненной функции названия детали станка. Так, приводя первым название станка, мы получаем для отдельных районов славянской территории: **krosno* — **stativy* (польск., укр.), **stanъ* — **krosno* (болг.) или **statь* — **krosno* (болг.). Думается, что неразличение **stanъ*, **stavъ*, **krosno* (блр., русск.), когда каждое из них может значить 'станок', — факт вторичного происхождения. От этом, возможно, говорят и случаи взаимоисключающего словоупотребления, ср. только у **krosno* значение 'холст, ткань' (русск.). Сначала различие значений было, вероятно, совершенно четким и **krosno* обозначало деревянную раму станка, а **stanъ*, **stavъ*, **statь*, **stativъ/-a* — главным образом его устои, стояки (как у вертикального, так и горизонтального станка!) и еще — весь станок в собранном, стоячем положении. Ср. значения укр. *крóсна*, *кросóнi*, *кросéнка*, *кросéнця*, мн., 'рама, например оконная; пяльца'[8]. Круг значений **krosno* позволяет поднять вопрос о связи этого слова с **kro-m-*, которое выступает в значениях и рамы и ткацкого станка: русск. диал. *крóмы*[9].

Древний характер и наличие полных лексических соответствий в других индоевропейских языках отличают не только праслав. **stanъ*, **stavъ*, **statь* (из **stāno-*, **stāṷo-*, **stāti-*), но и производное, казалось бы, со славянской точки зрения **stativъ*, **stativa*. Во всяком случае полный параллелизм этого последнего с лат. *statīvus* (см. выше) заслуживает упоминания. Распространение этого славянского слова отнюдь не только в сферах немецкого влияния в области ткачества (польск., укр.), но и на Балканах и отношение **statь* : **stativъ* исключают мысль о заимствовании из немецкого. Далее, выделяются своими нередко очень ограниченными ареалами в славянском при различного рода индоевропейских связях (от весьма точных до более или менее допустимых) следующие праславянские названия: **vorbъ* (русск.; о его связях см. также ниже), **tьrnica* (укр., блр.; **tьrn-*, ср. с греч. τόρνος 'токарный станок',

---

[8] Е. Желеховський. Малорусско-нiмецький словар, т. I. Львiв, 1886, стр. 382.

[9] См.: Berneker, I, стр. 622; Vasmer, I, стр. 667: к др.-в.-н. *(h)rama* 'рама, станина'.

с общим *tr̥-n-o : *ter- 'тереть'), *stьrnъ (?; ср. выше блр. *сцёрин* 'ось сукалки'), *spinь (укр. *спінь* 'острие веретена', ср. лат. *spīna*, *spīnus* 'колючка, шип').

Типично славянские словообразовательные новшества следует принять для *kǫ-delь, *pręd-sl-, *prędivo, *prędja, *nit-jenici, *po-noži (и более поздние *podъ- ...), *na-vojь, *sъ-volkъ; выделить целесообразно также вероятные новые включения нетерминологической лексики вроде *prǫtъ, *prǫžina, *grebenь *čьlnъkъ.

Бо́льшую часть удовлетворяющих проверке слов мы имеем право, по-видимому, возвести к более древнему состоянию в виде цельных лексем: *(ob)snou̯ā, *on-tŭko-, *stāno-, *stāu̯o-, *stāti-, *stātīvo-, *krosno, *u̯orbo-, *tĭrno-, *stĭrno-, *spīno-, *prend-tei, *pāt-smo, *snou̯ātei, *bĭrdo, *nīto-/*nīti-, *koi̯po-, *koi̯no-, *koi̯u̯ā/*koi̯u̯i-, *tŭkātei, *u̯erteno, *skēpo-.

Особо выделим четкую группу на *-dlo*: *mendlo, *bidlo, *mo, tou̯īdlo, *motādlo, *sŭkādlo/*sukādlo, *snou̯ādlo, *tĭrdlo, *prāu̯īdlo, *u̯īdlo, *sēdādlo, *u̯ortīdlo, *šīdlo, хотя к аргументации высокой датировки большинства этих последних образований мы вернемся ниже.

Получив в итоге группу слов, которую можно рассматривать как наиболее старый слой славянской ткаческой терминологии, предпримем аналогичный суммарный обзор такой лексики в ряде других индоевропейских языков со всеми теми ограничениями и исключением поздних элементов, которые были оговорены выше для славянского материала.

Балтийский (точнее — только восточнобалтийский)[10]: лит. *ver̃pti* 'прясть', лтш. *vērpt*, *prēst*, *snāt* 'прясть, сучить', лит. *ver̃pstas* 'веретено', лтш. *vārpsta* то же, лит. *príevarpstė* 'деревянная прялка', лтш. *vēr(p)kulis* то же, лит. *kuodẽlis* 'кудель, пучок волокна', лит. *sùkti* 'сучить (нить)', лтш. *šķeterēt*, *šķetināt* то же, лит. *vytùvai*, мн., 'вид мотовила', лтш. *tītavas* то же, лит. *gijà* 'нить (пряжа)', лтш. *dzija* то же, лит. *áusti* 'ткать', лтш. *auzt* то же, лит. *apmataĩ*, мн., 'основа', *mẽtmenys*, мн., то же, лтш. *ielōki*, мн., 'основа', лит. *ataudaĩ*, мн., 'уток', *áudmenys*, мн., лтш. *audi*, мн., *aud(i)s*, *ataudi*, мн., *ieaudi*, *iekšaudi*, мн., то же, лит. *mestùvai*, мн., 'сновальное приспособление', лтш. *mestavas*, мн., *metamie stāvi*, мн., то же, лит. *skiemuõ*, *skiẽmenys*, мн., 'цены', 'зев', лтш. *šķiemenis* 'цены', *šķiemeņi*, *šķeimiņi*, мн., 'зев', лтш. *velki*, мн., 'основа', лит. *stãklės*, мн.,

---

[10] См. специально: A. Bielenstein. Die Holzbauten und Holzgeräte der Letten. Ein Beitrag zur Ethnographie, Culturgeschichte und Archäologie der Völker Russlands im Westgebiet, T. 2. Petrograd, 1918, стр. 374 и сл.; K. Mülenbacha. Latviešu valodas vārdnīca, red. J. Endzelīns. Rīga, 1923; «Dabartinės lietuvių kalbos žodynas». Vilnius, 1954; M. Niedermann, A. Senn, F. Brender. Wörterbuch der litauischen Schriftsprache. Heidelberg, 1932.

'ткацкий станок', лтш. (*aužami*) *stāvi*, мн., то же, также лтш. *birde*, *stakles*, *stakli*, мн., ср. *stakle*, *staklis*, ед., 'каждый из четырех угловых стояков станка', лит. *geinỹs* 'основа, готовая для тканья', лтш. *dzeinis* то же, лтш. *audekls*, *dzeinis*, *velti*, мн., 'основа на валу' (=лит. *apmataĩ*, *apmetaĩ*, мн.), лтш. *audeklu*, *riest*, *riestīt* 'наматывать основу', лит. *nýtis* 'нит', лтш. *nītes*, *nītis* то же, лит. *muštùvas*, *muštùvai*, мн., 'набилки', лтш. *mustava*, *mustavs* то же, *sistava* то же (: *sist* 'бить'), лит. *skiẽtas* 'бердо, ткацкий гребень', лтш. *šķiets*, *šķiete* то же, лит. *sėdėklė*, лтш. *sēdekle*, *sēstava* 'сидение', лит. *šaudỹklė* 'челнок', лтш. *šaudekle*, *šautava*, *šautuva* то же (: лтш. *šaut* 'стрелять'), лит. *šeivà* 'цевка, шпулька в челноке', лтш. *saiva* то же, лит. *mìntuvaĩ*, мн., 'мяло', лтш. *mīstiklas*, мн., то же, лит. *mynyklà* 'мяло, мялка'.

Хотя заведомо поздние заимствования, например в латышском из немецкого, сознательно опущены, тем не менее и в этом ограниченном перечне более старых терминов выделяются относительно вторичные элементы, в том числе вызванные техническим прогрессом. Есть более старые заимствования и кальки. Так, лит. *kuodẽlis*, несомненно, заимствовано из соответствующего славянского (восточнославянского) названия кудели[11]; лит. *šaudỹklė*, лтш. *šaudekle*, *šautava* 'челнок' (: лит. *šaudyti*, *šauti*, лтш. *šaut* 'стрелять'), вероятнее всего, калькирует одно из немецких названий челнока — (*Weber*)*schütze*, к тому же челнок отсутствовал в старых станках, например в Латвии[12]. Очень близок словообразовательно-семантический рисунок, с одной стороны, лтш. *ie-audi*, *iekš-audi*, с другой стороны, слав. **ǫ-tъkъ*, русск. *у-ток*, в меньшей степени нем. *Ein-schlag* 'уток' (: *schlagen* 'бить'). Возможно, здесь имело место вторичное сближение. Примерно то же видим в отношении лит. *ap-mataĩ* — слав. **ob-snova*, хотя здесь, как и в семантической близости лит. *muštùvas* — слав. **bidlo*, **nabidl-*, можно предположить параллельное, независимое развитие.

Принимая во внимание, наконец, что в ряде случаев представлена местная поздняя аффиксация, можно допустить примерно следующий основной старый состав балтийской терминологии: **u̯erptei*, **prend-tei*, **snātei*, **sŭktei*, **vītuu̯ai*, **tintau̯a-*, **gii̯ā*, **aud-tei*, **ap-matai*, **metmen-*, **audmen-*, **auda-*, **mestuu̯a-*, **skaimen-*, **staklja-*, **stāu̯a-*, **bird-*, **gainja-*, **audekla-*, **rait-tei*, **nīt-*, **nītja-*, **skeita-*, **sēdekla-*, **šaiu̯a*, **mintuu̯a-*.

В качестве старого германского пласта терминологии могут быть приведены следующие названия: **warp-* 'основа', откуда нем. *Werft*, *Werfte*, ср.-в.-нем., др.-в.-нем. *warf*, англос. *wearp*, англ. *warp*, др.-исл., швед., норв., датск. *varp* в том же

---

[11] Fraenke, Lief. 4, стр. 311.

[12] См.: A. Bielenstein. Указ. соч., стр. 402, 406 и сл.

значении[13]; *_spinnan_ 'прясть' — нем. _spinnen_, англ. _spin_; *_weƀan_ 'ткать' — др.-в.-нем. _weban_, др.-исл. _vefa_, англ. _weave_; *_an-weƀ_ 'уток' — др.-англ. _áwebb_, _ówеb_, _áb_, _áwef_, _ówef_ то же[14]; _stađa-_ 'станок' — др.-исл. _vef-stađr_ 'ткацкий станок'; *_nā-jan_ 'шить' — др.-в.-нем. _nâjan_[15]; *_nēþlō-_ 'игла' — др.-в.-нем. _nâdala_, нем. _Nadel_, др.-сакс. _nâthla_, _nâdla_, англ. _needle_[16], нидерл. _naald_; *_snājađlō-_ 'игла, веретено' — др.-исл. _snǣlda_ 'веретено'[17]; *_hraman_ 'станина, рама (в том числе ткацкая)' — др.-сакс. _hrama_ 'рама, станина', ср.-н.-н., ср.-нидерл. _rame_ 'ткацкая рама, оконная рама', др.-в.-н. _(h)rama_ 'рама, станина', ср.-в.-н. _rame_ то же, нем. _Stick-rahmen_ 'пяльцы', _Scher-rahmen_ 'сновальная рама', _Web-rahmen_ 'ткацкая рама'[18]; *_faþma-_ 'определенное количество пряжи' — нем. _Faden_, др.-в.-н. _fadum_; *_ƀurþa-_ 'край (ткани)' — нем. _Borte_; *_ƀurđa-_ 'доска' — англ. _bord_; *_nēþa-_ 'шов' — нем. _Naht_, др.-в.-н. _nāt_; *_wirþila-_ 'пряслице' (на веретене) — нем. _Wirtel_, поздне-ср.-в.-н. _wirtel_[19]; *_ƀaiþila_ — нидерл. _beitel_ 'резец, долото, зубило', ср.-нидерл. _beitel_, ср.-в.-н. _beiʒel_ 'клин', норв. диал. _beitel_ 'долото, зубило'[20]; *_winþla-_/ *_winđla_ — нем. _Windel_, мн., 'пеленки'; *_manþla-_/*_manđla-_ — др.-исл. _mǫndull_ 'рукоятка жернова', ср.-в.-н. _mandel_ 'каток, скалка'[21].

Трудности выделения прагерманского слоя отчасти уже в силу общей специфики внутригерманских отношений и характера языковой близости в рамках германского языкового пространства вынуждают несколько снисходительнее отграничивать текстильную терминологию от смежных семантически ремесленных обозначений, к тому же близких по словообразовательной модели. Кроме того, подтекстом нашего отбора основной германской лексики этого рода служила направленность всей настоящей работы в целом и перспектива установления круга близких форм для ряда привле-

---

13 H.-F. Rosenfeld. Wort- und Sachstudien. Untersuchungen zur Terminologie des Aufzugs, zu Webstuhl und Schermethode der germanischen Bronze- und Eisenzeit und zur Frauentracht der Bronzezeit sowie der Frage ihres Fortlebens in der Volkstracht. Berlin, 1958, стр. 2—3.

14 H.-F. Rosenfeld. Указ. соч., стр. 5.

15 O. Schrader. Linguistisch-historische Forschungen zur Handelsgeschichte und Warenkunde, T. 1. Jena, 1886, стр. 174—175 (: II. Kapitel. Zur Terminologie des Spinnens und Webens in den indogermanischen Sprachen); G. Sh. Lane. Words for clothing in the principal indo-european languages. «Language dissertations» publ. by the Linguistic Society of America, № IX. Baltimore, 1931, стр. 16—17.

16 Franck—Van Wijk, стр. 449.

17 Ср.: F. Kluge. Nominale Stammbildungslehre der altgermanischen Dialekte. 2-te Aufl. Halle, 1899, стр. 49 и сл.

18 Kluge[17], стр. 579.

19 Kluge[17], стр. 865.

20 Franck-Van Wijk, стр. 44.

21 Holthausen, стр. 205.

ченных здесь индоевропейских диалектов. В этом смысле целесообразно оперировать в соответствии с приведенными выше данными следующим основным старым составом германской терминологии: **spinnan*, **warp-*, **weƀan*, **an-weƀ-*, **stađa-*, **hraman-*, **nājan*, **nēþlō-*/**snājađlō-*, **faþma-*, **nēþa-*, **wirþila-*, **ƀurþa-*, **ƀurđa-* **ƀaiþila-*, **winþlō-*/**winđlō-*, **manþla-*/**manđla-*.

Те же оговорки мы считаем необходимым распространить и на сообщаемый ниже латинский материал[22]: *tribulum* 'брус или доска, усаженные снизу камнями или железом, утяжеленные грузами и приводимые в движение волами', глоссовое *tribula* «machina qua fruges tribulantur», *neo*, *nere* 'прясть', *netus*, *netum* 'пряжа', *fusus* 'веретено', *colus* 'прялка', *verticillus* 'пряслице, кольцо на веретене', *filum* 'нить', *stamen* 'основа, нить', *tela* 'ткацкий станок, ткань', *licium* 'основа', *subte(g)men*, *trama* 'уток', *ordiri* 'прикреплять нити основы к верхнему валу', *insubuli*, *scapi*, мн., 'прутики, образующие зев', *radius* 'палочка с уточной нитью, затем — челнок', *panus* 'цевка', panuclae «quod ex iis panni texantur (Isid., XIX. 29.7) ipsae enim discurrunt per telam (Fest., 220, 16)», *paniculae*, мн. *panucula* 'цевка', *texere* 'ткать', *suere* 'шить', *sūbula* 'шило', *terebra* 'сверло', *fūnis* 'веревка, канат'.

Отсюда, далее, небольшое количество старых латинских терминов, группировавшихся вокруг архаического несложного ткацкого станка и в лексике более общего производственного назначения, которое мы реконструируем для предшествующего дописьменного состояния в таком виде: **(s)nē-*, **nēto-*, **u̯er-tekitlo-*? **ghīlo-m*, **stā-men*, **tekslā*, **si̯oudhlo-*/**si̯oudhlā*, **skapo-*, **pano-*, **panetlo-* / **panetlā*, **si̯ou-*, **tr̥dhlo-m*, **tr̥dhrā*, **ghoin-*.

Греческая текстильная и смежная ремесленная терминология[23] представлена следующими старыми образованиями: νέειν, νήθειν 'прясть', κλώθειν то же, νῆμα 'пряжа', ἠλακάτη 'прялка', ἄτρακτος 'веретено', στήμων 'нить, основа', κρόκη 'нить, уток', ἱστός 'ткацкий станок', ὑφαίνειν 'ткать', μίτος 'нить', ῥοδάνη, ἐφυφή то же, διάζεσθαι, ἄττεσθαι 'прикреплять нити основы к верхнему валу', καῖρος, καίρωμα 'нити, завязки, разделявшие нити основы', κερκίς 'палочка с утком, челнок', πηνίον, πήνη 'цевка', ὑφή 'ткань', ἤτριον 'основа, сплетение нити основы и утка', 'ткань', νῆσις, νῆτρον 'прялка', ῥαφίς, ῥάφιον 'игла', ῥάπτειν 'шить', τέρετρον 'сверло', τόρνος 'токарный станок'.

---

22 Исчерпывающее собрание латинской ремесленной терминологии по данным памятников письменности см. в кн.: H. Blümner. Technologie und Terminologie der Gewerbe und Künste bei Griechen und Römern, Bd I. 2-te Aufl. Leipzig und Berlin, 1912, стр. 5, 121, 123, 128, 136, 141, 142—143, 150, 153, 164, 213; Bd II. Leipzig, 1879, стр. 332.

23 См. там же.

Бóльшую часть этих греческих слов мы реконструируем в виде древних лексем *(s)nē̆-, *(s)nē-mn̥, *-tr̥kto-s, *(s)nētis, *(s)nētrom, *stāmōn/-men, *krokā, *si-stos, *ubhn̥jō, *kerk-, *pāni̯om, *pānā, *ubhā, *u̯ātri̯om/*u̯ētri̯om, *u̯r̥ptō, *u̯r̥bhis, *tr̥trom, *tr̥no-s.

Завершив суммарный обзор старых текстильных и некоторых смежных ремесленных терминов в избранных для этой цели нескольких индоевропейских диалектных группах (славянский, балтийский, германский, латинский, греческий), мы можем высказать более аргументированные суждения о ранних отношениях между названными частями индоевропейского в этой терминологической области. Поскольку эти отношения рассматриваются здесь преимущественно в лексическом аспекте, на первый план выдвигается отношение цельных лексем. Оперирование корнями носит вынужденный характер и ограничивается единичными случаями. Основным мерилом отношений служит близость лексем. Разумеется, эта близость не может не носить сложного характера (генетическая близость, параллелизм, изоглоссно-конвергентная близость), что приходится иметь в виду при оценке нашего материала. Однако многократность этимологической проверки дает некоторую уверенность в неслучайном характере отбора и самих соответствий. Кроме того, генетическое соответствие на древнем этапе бывает очень трудно отличить от параллелизма, особенно когда речь ведется предпочтительно о производных моделях, и трудно решить, насколько параллелизм уступает генетическому тождеству в значении для вопроса о близости, тем более, если приходится говорить о целом ряде параллельных образований. Другое дело — заимствование слов или формирование лексико-словообразовательных изоглосс в сопредельных областях. Все поддающиеся вычленению факты этого рода снимаются как затемняющие первоначальную степень близости. Территориальное соседство и высокий показатель лексических соответствий в условиях такого соседства всегда делают лексическую близость менее надежной по причине ее потенциальной непервоначальности. Если же и в этих благоприятных условиях лексическая близость (в нашем случае — в пределах одного старого терминологического пласта) окажется небольшой, то такое положение достаточно красноречиво само по себе, чтобы нуждаться в комментариях. Если, далее, обнаруживается более значительная лексико-терминологическая близость с диалектами, древнее соседство с которыми маловероятно или проблематично, то это может коренным образом повлиять на наши выводы о самих диалектных отношениях.

Таким образом, ставится вопрос о первичной и вторичной близости в терминологии индоевропейских диалектных групп.

Удобным материалом для этого могут послужить данные помещаемой здесь таблицы, которая объединяет почти все перечисленные выше названия отдельных языков, трактуемые, однако, уже по возможности на уровне праиндоевропейского диалектного множества, что следует иметь в виду, сталкиваясь с хронологически оправданным снятием второстепенных словоформительных деталей (*ob-snou̯ā — *sne-u̯-) и с отклонением в фономорфологической реконструкции (*bĭrdo — *bhr̥dho-, *nēƀa — *nē-to-).

Лексемы	Языки				
	слав.	балт.	герм.	лат.	греч.
*snē̆-, *sneu̯, *snei̯-	+	+	+	+	+
*tŭk-(ā)tei	+	—	—	—	—
*stāno-	+	—	—	—	—
*stāu̯o-	+	+	—	—	—
*stāto-, *stāti-	+	—	+	—	—
*stātīvo-	+	—	—	+	—
*krosno-	+	—	—	—	—
*u̯orbho-	+	—	+	—	—
*tr̥no-	+	—	—	—	+
*spīno-, *spīni-	+	—	—	+	—
*prend-tei	+	+	—	—	—
*patmo-, *pātsmo-	+	—	+	—	—
*bhr̥dho-	+	+	+	—	—
*(s)nei̯to-, *(s)nei̯ti-, *nēti-	+	+	+	+	+
*koi̯po-	+	—	—	—	—
*skoi̯men-, *(s)koin-	+	+	—	—	—
*koi̯u̯ā	+	+	—	—	—
*u̯erteno-, *u̯ert(e)lo-	+	—	+	—	—
*skēpo-, *skapo-?	+	—	—	+	—
*mentlo-/ *mendhlo-	+	—	+	—	—
*bheitlo-/ *bheidhlo-	+	—	+	—	—
*(s)nētlā, *snēi̯atlā, *sneu̯ātlo-	+	—	+	—	+
*tr̥dhlo-	+	—	—	+	+
*u̯ītlo-/ *u̯īdhlo-, *u̯ētro-	+	—	+	—	+
*sedetlo-	+	+	—	+	+
*u̯ertītlo-/ *u̯ertetlo-	+	—	—	+	—
*si̯ou̯dhlo-, *si̯ou̯dhlā	+	—	—	+	—
*u̯erp(t)-	—	+	—	—	+
*sŭk-tei	+	+	—	—	—
*kromo-	+	—	+	—	—
*u̯ītu̯o-	—	+	—	—	—

Продолжение

Лексемы	Языки				
	слав.	балт.	герм.	лат.	греч.
**tn̥teu̯o-*	—	+	—	—	—
**gᵘīi̯ā*	—	+	—	—	+
**ou̯d-tei*	—	+	—	—	—
**ou̯dm̥en-*	—	+	—	—	—
**ou̯do-*	—	+	—	—	—
**stātlo-*	—	+	—	—	—
**ghoi̯ni-*	—	+	—	+	—
**ou̯detlo-*	—	+	—	—	—
**skei̯to-*	—	+	+	—	—
**mn̥tuu̯o-*	—	+	—	—	—
**(s)pen-*	+	+	+	—	—
**u̯ebh-*	—	—	+	—	+
**ghīlo-*	—	—	—	+	—
**stāmen-*	—	—	—	+	+
**tekslā*	+	—	+	+	—
**pano*	+	—	+	+	+
**penətlo-*, **panetlo-*	+	—	—	+	—
**(s)nēmn̥-*	—	—	—	—	+
**tr̥kto-*	—	—	—	—	+
**krokā?*, **kroki-?*	—	—	—	—	+
**kerk-*	—	—	—	—	+

Соответствия, охватывающие все привлеченные диалектные группы, не представляют большого интереса ввиду своей словообразовательной оголенности (**snē̆-*, **sneu̯-*, **snei̯-*, но ср., правда, **(s)nei̯to-*, **(s)nei̯ti-*, **nēti-*). Напротив, глубоко интересны парные соответствия. Так, в отношениях 52 основных лексем таблицы четко прослеживаются диалектные парные лексические соответствия: славянско-балтийские: **snou̯ātei-* — **snātei*, **stāu̯o-* — **stāu̯a-*, **prendtei* — **prendtei*, **bĭrdo* — **bird-*, **nīto-* — **nīta-*, **koi̯no-* — **skaimen-*[24], **koi̯u̯ā* — **šaiu̯ā*, **sēdādlo* — **sēdekla-*, **sŭktei* — **sŭktei*, **pentei* — **pintei;* славянско-германские: **snou̯ā-tei* — **nājan*, **stāti-* — **stađa-*, **u̯orbo-* — **warp-*, **pātsmo-* — **faþma*[25], **bĭrdo* — **ƀurþa-* / **ƀurđa-*, **nīto-* — **nēþa-*, **u̯erteno-* —

[24] См. об этом слове: Fraenkel, Lief. 11, стр. 805, где специальное сближение лит. *skiemuo* со слав. *cěnъ* отсутствует.

[25] Таким образом, предполагается образование слав. **pasmo* из **pāt-sm-o* с суффиксом, встречающимся в слав. **čismen-* (ср. *чисменка*, русск. ткацкий термин) из **čīt-smen-*, от основы, представленной в герм.

**wirþila-*, **mendlo* — **manþla-* / **manđla-*, **bīdlo* — **baiþila-*, **snouādlo* — **nēþlō* — **snāiađlō-*[26], **uīdlo* — **winþlō-* / **winđlō-*, **kromo-* — **hraman-*, **pentei* — **spinnan*, **teslā* — **þehslō-*, **ponā* — **fana-;* славянско-латинские: **snouātei* — **(s)nē-*, **stātīvo-* — **statīvo-*, **spīno-* — **spīno-*, **nīto-* — **nēto-*, **skēpo-* — **skapo-*, **tĭrdlo* — **tr̥dhlo-*, **sēdādlo* — **sedetlo-*, **uortīdlo* — **uertetlo-*, **šīdlo* — **sioudhlā*, **teslā* — **tekslā*, **ponā* — **pano-*, **pendlo* — **panetlo-;* славянско-греческие **snouātei* — **(s)nē-*, **nīto-* / **nīti-* — **nēti-*, **snouādlo* — **nētro-*, **tĭrdlo* — **tr̥tro-*, **uīdlo* — **uētrio-*, **sēdādlo* — **sedetlo-*, **ponā* — **pānā*, **tĭrno-* — **tr̥no-*.

В итоге оказалось такое количество парных лексических соответствий (в порядке убывания): славянско-германских — 15, славянско-латинских — 12, славянско-балтийских — 10, славянско-греческих — 8. Славянско-балтийская близость в области этого старого терминологического пласта оказалась на третьем месте в нашей маленькой шкале, после славянско-германской и славянско-латинской. Опуская менее существенные различия со славянско-латинской и славянско-греческой, будем говорить только о наиболее выразительном различии — между числом славянско-германских и славянско-балтийских соответствий (15 : 10). Считаем своим долгом подчеркнуть, что полученный результат заслуживает, по-видимому, достаточно пристального внимания и не может считаться искусственным. Его надежность обеспечивают, как кажется, несколько независимых критериев: подбор однородной по семантике и употреблению лексики, осуществленный с возможной строгостью (культурно важная старая текстильная и примыкающая элементарная ремесленная терминология), этимологическая бесспорность решительного большинства примеров, реальная древность лексем (производных моделей). Если учесть факторы, которые могут повлиять на изменение полученных выше абсолютных числовых результатов, то полагаем, что последние могут быть поколеблены только в одном направлении — в сторону дальнейшего сокращения приводимого числа славянско-балтийских соответствий.

Выше уже говорилось о заведомой сомнительности первоначального характера лексической близости двух диалектных групп в условиях территориального соседства. Между прочим, если мы обратимся к балтийским членам пар славянско-балтийских лексических соответствий с конкретным вопросом об их реальной языковой принадлежности, то получим совершенно определенный ответ: около половины всех балтийских слов — слова, известные только из латышского языка. Это лтш. *prēst*

**faþma-* < **pet-* / **pot-* (см. о последнем: Kluge, стр. 185). Иные этимологии слав. **pasmo* см.: Vasmer, II, стр. 320.

[26] Подробно об этом соответствии см. ниже.

прясть', *birde* 'ткацкий станок', *stāvi* то же, *snāt* 'сновать'[27]. Хотя уловимые подтверждения со стороны фонетики отсутствуют, мы считаем уместным говорить здесь о заимствовании, принимая во внимание доводы общего и ареального характера, высказанные ранее. Сомнения тут едва ли уместны, так как перед нами не одно изолированное, трудно аргументированное заимствование, а четыре слова. Далее, этот эпизод из истории лексики хорошо вяжется с тем, что нам известно о вторичном фонетико-морфологическом сближении латышского языка с соседними восточнославянскими диалектами. По всей вероятности, утверждения об исконном соответствии лтш. *prēst* — слав. *pręsti*, лтш. *birde* — слав. *bьrdo*, лтш. *stāvi* — слав. *stavъ*, лтш. *snāt* — слав *snovati*, встречаемые в этимологических словарях[28], надлежит пересмотреть.

Определив латышско-славянскую близость в ткаческой терминологии как локальную инновацию путем раннего заимствования, мы получаем только шесть более или менее надежных славянско-балтийских соответствий в этой группе словаря. Это приводит нас к совершенно парадоксальному внешне выводу о том, что славянская терминология ткачества дальше от литовской (литовско-латышской) терминологии, чем от германской, латинской и даже от греческой.

С другой стороны, например, достоверные славянско-германские соответствия могут быть увеличены уже сейчас по крайней мере на одну единицу, важную в том смысле, что она представляет собой еще одно славянско-германское полное лексемное соответствие. Речь идет о паре слав. **ēdro* — герм. **eþra* / **eđra-*. В славянском сюда относятся: польск. *jadro* 'сеть для ловли рыб или птиц', 'выпуклая часть сети', '(редкая) ткань', чеш. *jádro* 'внутренность рыбачьей сети', русск. диал. *ядро* 'дерево, мачта', русск.-ц.-слав. *ядро* 'мешок', 'парус', с.-хорв. *jа̏дро*, *jѐдро* 'парус', словен. *jádro* 'парус, заслонка', 'внутренность охотничьей сети'. Переходы значений 'парус' > 'мачта' известны и из других примеров и могут быть сняты как вторичные. Вторичной, хотя относительно более ранней, представляется и реализация значения 'сеть для ловли'. По-видимому, исходным значением праслав. **jadro* < **ēdro* было 'ткань определенного качества', скорее всего — 'редкая ткань', судя по сохранению элементов архаического значения 'редкая ткань' в польск. *jadro* (см. выше). Мы имеем дело в праслав. **ēdro* с довольно темным словом, прежние этимологии которого не могут считаться

---

[27] См.: Endz.-Mülenb., XXVI. burtnīca. Rīgā, 1927, стр. 390 (*prest* — из русск. *прясть*), XXXV. burtnīca, 1929, стр. 1054 (*stāvi* — из блр. *ставы* то же), но ср. XXXIV. burtnīca, 1929, стр. 974—975, где *snāt* 'сучить, крутить' рассматривается как исконное, от и.-е. **snā-* / **snē-*.

[28] Miklosich, стр. 262; Brückner, стр. 440; Pokorny, I, стр. 138

удачными[29]. В таких условиях, видимо, особенно настоятельно следует рекомендовать идти при объяснении слова от форманта к корню. Соглашаясь с теми, кто видел здесь суффикс *-dr-*, предполагаем древнейшую звуковую форму и морфемный состав **ē-dr-o-*. По-видимому, праслав. **ēdro* родственно др.-исл. *jađarr* 'край, кайма (ткани, паруса)', др.-в.-нем. *etar*, нем. *Etter* 'забор' (прагерм. **eþra- / *eđra*)[30]. Относительно корня позволю себе высказать предположение, что здесь представлена редкая старая морфема, плохо сохранившаяся в полнозначной функции и выступающая обычно уже только в роли прииименной приставки, не очень распространенной, хотя и обладающей некоторой продуктивностью в отдельных языках в довольно позднее время, ср. сложения с *ja-* в славянском: сербск.-ц.-слав. **ꙗскоудь**, **ꙗгоугникъ**, н.-луж. *jaduš* 'одышка', далее — др.-инд. *ālōhita-* 'красноватый', греч. ἠ-ρέμα 'тихо, спокойно', ὠχρός 'желтоватый', т. е. в общем и.-е. **ē- / *ō-* со значением приблизительности, неполноты качества[31]. В связи с этим можно поставить вопрос о происхождении праслав. **ē-dr-o* из и.-е. диал. **ē-tr-o-m* (где *-tr-* > *-dr-* уже в праславянском в недостаточно выясненных условиях, ср. ниже об аналогичных случаях); **ē-tr-o-m* было бы в этом случае сложением, совершенно аналогичным **en-ter-o-m / *en-tr-o-m*, греч. (τὰ) ἔντερα 'внутренности', с тем же словооформителем и тоже от морфемы, известной нам только в служебном, приставочном употреблении, — **en- / *in-*. Учитывая засвидетельствованное у приставки *ē-* значение приблизительности и неполноты, попытаемся реконструировать для суффиксального производного **ē-tr-o-m* значение 'редкое, неплотное плетение'. Семантический переход 'редкое плетение' → 'плетень, плетеная ограда, забор' / 'сеть' как будто безукоризнен. Это элементарно подтверждается и реальной стороной дела, а именно несомненной связью плетения волокна, плетения из веток, наконец самого ткачества, т. е. переплетения нитей основы нитью утка. Герм. **eþra- / *eđra-*, близко родственное славянскому слову, представляет вариант с краткостью вокализма, не вполне ясной по природе; может быть, это сокращение долготы на границе

---

29 Ср. объяснения праслав. **jadro* из **ja-* в *jadǫ*, *jati* 'ехать' (Berneker, I, стр. 442—443; W. Vondrák. Vergleichende slavische Grammatik, Bd I. 2. Aufl. Göttingen, 1924, стр. 572), из **oid-* 'набухать' (Sławski, I, стр. 486), из слова, родственного греч. ἀρτέμων 'парус' (Machek, стр. 169). Все они обобщают, как кажется, вторичные значения ('парус', 'ехать'). Сближение с германскими словами, но в ином смысле см.: Vasmer, III, стр. 483 (вслед за Микколой).

30 См.: R. Cleasby, G. Vigfusson. An Icelandic-Englich Dictionary. 2nd ed. Oxford, 1957, стр. 320. Иначе толкует германское слово Хольтхаузен, сближая его со ст.-слав. одръ (F. Holthausen, стр. 144; см. еще: Kluge, стр. 182).

31 См. об этих и подобных образованиях: M. Vasmer. Baltisch-slavische Wortgleichungen. «Езиковедски изследвания в чест на акад. Ст. Младенов». София, 1957, стр. 352.

морфемы имело место в германском аналогично другим подобным случаям, т. е. и.-е. *ē-tr-o- > прагерм. *ē-þra > *ē-þra.

Небезынтересно будет отметить, что в этом по всем признакам надежном сближении мы получаем, собственно говоря, веское «доткаческое» славянско-германское соответствие, которое по праву займет место в числе других пар соответствий в текстильной и смежной ремесленной терминологии между праславянским и прагерманским. Итак, подводя итог состоянию изучения проблемы, мы можем сказать, что на 6 достоверных славянско-балтийских соответствий приходится 16 славянско-германских соответствий в этой терминологической области — почти троекратное превышение!

В предыдущей части настоящей работы мы не ставили перед собой задачи осветить все возможные аспекты отношений старого слоя текстильной терминологии индоевропейских диалектов. В качестве отправного пункта в оценке отношений было избрано славянское состояние, различные аспекты лексико-терминологических отношений рассматривались при этом главным образом через призму славянского: славянско-германские, славянско-латинские, славянско-греческие, славянско-балтийские соответствия. При перемене отправной точки, а также, разумеется, при дальнейшем расширении круга сравнений могут возникнуть различные новые аспекты, не отраженные здесь. В качестве отдельных, выборочных примеров можно уже сейчас отметить некоторые балтийско-индоиранские лексические соответствия в текстильной и смежной терминологии: прабалт. *auda- 'уток' — др.-инд. *ṓtu- 'уток' (*outu-), прабалт. *tintau̯a- (лтш. tītavas, мн., 'вид мотовила') — др.-инд. tántu- 'нить, основа' (*tentu-/tontu-), прабалт. tinkla- (лит. tinklas 'сеть') — др.-инд. tántra- 'ткацкий станок, основа ткани' (tentlo- tentro-)[32] — все это, по сути дела, исключительные балтийско-индоиранские соответствия, неизвестные в этом терминологическом значении из других индоевропейских языков. Вообще наукой уже накоплен некоторый материал по целому ряду сепаратных или преимущественных балтийско-индоиранских лексических соответствий из разных областей словаря, хотя причина такой специальной близости, а также возможности получения ее географической проекции еще недостаточно изучены.

---

[32] Индоиранскую (главным образом древнеиндийскую) терминологию ткачества см., между прочим, в книгах: H. Zimmer. Altindisches Leben. Die Kultur der vedischen Arier nach den Saṁhitā dargestellt. Berlin, 1879, стр. 254; O. Schrader. Linguistisch-historische Forschungen zur Handelsgeschichte und Warenkunde, T. I. Jena, 1886, стр. 179, 180. — Говоря о tantu-, tan-, tantra-, Шрадер (там же) полагает, что эта основа неизвестна в терминологии остальных индоевропейских языков. См. еще: Mayrhofer, Lief. 3, стр. 132 (ṓtu- : at-audai то же); Lief. 7, стр. 475—476 (tántuḥ, tántram : лит. tinklas).

До сих пор в изложении, а также особенно в таблице лексем нам приходилось пользоваться реконструкцией, символическое выражение которой заслуживает специального комментария, опускавшегося нами пока ввиду первоочередной важности иных задач именно в первой части работы. Ниже мы отведем место целиком этой проблеме, материал которой составляет значительную часть старого пласта ремесленной терминологии, но гораздо шире рассмотренной группы названий, а точнее сказать, не покрывается ею вполне, включает также другие группы словаря и образует влиятельный разряд nomina instrumenti на *-dlo* (выражаясь для краткости в терминах славянского). В нашей работе, этимологической по своему основному содержанию, мы придаем решающее значение лексическим соответствиям, тождеству лексем, развившемуся генетически или параллельно. Предпринята попытка определить круг полных лексемных соответствий в данном разделе словаря и отчасти наметить перспективы дальнейшего выявления подобных соответствий. С самого начала очевидна важность словообразовательного аспекта, от правильной оценки которого почти всецело зависят перспективы установления полных лексемных соответствий. Иначе говоря, перейдя от лексического аспекта проблемы формирования древнейшей ремесленной терминологии к ее словообразовательному аспекту, мы в действительности вплотную подходим к вопросу о лексемных соответствиях, к лексическому аспекту. На те же связи можно взглянуть с другой стороны и увидеть их шире, вне рамок лексического инвентаря собственно ремесленной терминологии.

С общепринципиальной точки зрения суть дальнейших перспектив выявления цельнолексемных соответствий сводится к тому, чтобы установить избирательность сочетания внутри лексемы отдельных элементов, морфем, порознь уже давно и удовлетворительно идентифицированных. Осуществление этой избирательности отнюдь не произвольно, как иногда кажется, и мы попытаемся показать это ниже, на распределении преимущественной словообразовательной модели в различных языках. Кроме того, сейчас нас уже не может удовлетворить идентификация отдельно герм. **nā(ja)-* и слав. **snova-* и отдельно герм. *-þlō- / đlō* и слав. *-dlo*. Ясно, что совершенно другое качество представлено в идентификации герм. **(s)nā(ja)-* в сочетании с *-þlō- / -đlō* со слав. **snova-* в сочетании с *-dlo*. Этот пример идентификации цельных структур вместо отдельных элементов может быть, кстати, одновременно использован в качестве наглядной иллюстрации того, как отказ от атомизирующей идентификации позволяет, оперируя известным материалом, определять новые лексемные соответствия. Чтобы покончить в нескольких словах с названным примером, который выше нами только бегло упоминался в числе славянско-германских

соответствий, отметим, что идентификация герм. *nēþlō-, особенно *snājađlō-, и слав. *snovadlo[33] представляет самостоятельный интерес, хотя до сих пор она как будто специально не выдвигалась. Сюда относятся гот. nēþla 'игла', др.-в.-н. nādala, англ. needle то же и др. (прагерм. *nēþlō-) и др.-исл. snǽlda 'веретено' (по-видимому, из прагерм. *snājađlō-). Со славянской стороны сюда относятся объединяемые вокруг праслав. *snovadlo и второстепенных производных форм названия сновальной рамы и тонкой дощечки (с дырочками) для снования. Второе значение представляется мне весьма древним и близким значению 'игла с ушком', которое характерно для всех продолжений прагерм. *nēþlō-. Слав. *snovadlo обнаруживает своего рода вторичную тематизацию, связанную с аналогичным процессом в основе соответствующего глагола (факт, который встречается в целом ряде подобных случаев): *snou̯-a-dlo — *snou̯-a-ti. Признавая возможность достаточно позднего и независимого образования таких nomina instrumenti от глаголов, мы, однако, считаем нежелательным упускать из виду другую реальную возможность, которая не находит внутренних препятствий, а главным образом поддерживается древностью и авторитетностью внешних сравнений. Это возможность древнего образования принципиально той же модели, которая с развитием языка претерпевала видоизменения вроде упомянутой тематизации, т. е. в основном несущественного характера, которые не могут от нас заслонить постоянного воспроизводства или фактического сохранения все той же древней модели. В нашем примере со *snov-a-dlo можно предположить, что до того, как последовал импульс в виде тематизации *snou̯-a-ti < *snou̯ti < *sneu̯-tei < *sne-u̯-, существовало реальное *sne(u̯)-tlo[34], непосредственно близкое прагерм. *nēþlō- < и.-е. *(s)nē-tlā и, за вычетом различий количества и конца основы (детерминатив -u̯- в славянском), тождественное последнему. С другой стороны, славянско-германский параллелизм идет дальше, и тематизированному праслав. *snou̯-ā-dlo почти точно соответствует прагерм. диал. *snāj-a-đlō с вставным гласным — Mittelvokal[35].

Пара прагерм. *nēþlō- — праслав. *sneu̯tlo представляет еще интерес для сравнения в культурном и семасиологическом аспектах. Шитье, вопреки, может быть, обывательскому взгляду на вещи, не имело, по-видимому, актуального значения для изготовления одежды в древности, когда на вертикальном

---

[33] Этот ряд лексемных соответствий можно пополнить греч. νῆτρον 'прялка' (*snētrom), что, однако, потребовало бы особых оговорок (ср. ниже), поэтому, мы здесь настаиваем специально только на славянско-германском соответствии. Греческое образование приводилось уже выше.

[34] О праслав. -dl- < -tl специально говорится ниже.

[35] См. другие подобные факты в кн.: F. Kluge. Nominale Stammbildungslehre der altgermanischen Dialekte. 2. Aufl. Halle, 1899, стр. 49 и сл.

ткацком станке изготовлялся сразу кусок ткани ограниченных размеров для одной одежды примитивного типа, не говоря уже о покрывании тела целыми шкурами животных. Сшивание или связывание отдельных кусков носило подчиненный характер. Термин «шить» не только ареален в индоевропейских диалектах, но и выступающие в его значении основы *sі̯ū̆- и *(s)nē̆- слишком четко указывают на бо́льшую древность значений 'связывать, протягивать, тянуть, сновать'. И.-е. *snē̆- сохранилось в более древних значениях 'прясть', 'сновать', например, в латинском, греческом, славянском; семантическая инновация 'шить' наступила только в германском. И.-е. *sі̯ū̆ из 'связывать' развилось в 'шить' только в славянском, балтийском и части германского. Но уже производные выдают первоначальную ограниченность употребления этой основы. Достаточно сказать, что ни в германском, ни в славянском, ни в балтийском не было образовано название иглы для шитья ткани от местных продолжений *sі̯ū̆-. Игла всюду названа иным способом, в порядке местного новообразования, ср. герм. *nēþlō- (см. выше), слав. *jьgъla — производное от сельскохозяйственного термина *jьgo, 'иго' (согласно удачной старой этимологии Махека), лит., лтш. adata — лит. adýti 'вышивать, штопать', 'прокалывать дырочки (в коже)'. Старые именные производные от *sі̯ū̆- известны, прежде всего слав. *šidlo, но оно никогда не употребляется как название иглы для сшивания ткани и, напротив, всюду известно в значении 'игла для сшивания кож'. И.-е. *sі̯ū̆- и слав. *šiti, балт. *sі̯ūtei, герм. *sew- развило первоначально значение 'протыкать и связывать куски кожи', откуда уже гораздо позже — 'шить вообще'.

Семантическое расстояние между герм. *nēþlō- 'игла' и слав. *snovadlo 'деревянная дощечка с дырочками для нитей, с помощью которой снуют основу для тканья' вторично в том смысле, что славянское слово сохраняет более древнее значение, а значение герм. *nēþlō- 'игла с ушком для продевания нити' развилось, вероятно, из более древнего — 'дощечка с намотанной нитью для снования, плетения', вроде термина немецких этнографов Filet-nadel 'пластинка с намотанной нитью для плетения сети'. Наш материал говорит как будто только о связи слов и значений 'игла' — 'сновалка'[36], свидетельствуя вместе с тем против связи с 'шило'.

Переходя к сущности проблемы большой группы nomina instrumenti с зубным и плавным согласными в суффиксальной части, наметим, хотя бы в главных чертах, состояние изучения вопроса для славянского материала, а также несколько предварительных положений, которые затем попытаемся проверить

[36] Достаточно обратить внимание на изображение гуцульского снува́вника с двумя ушками для основных нитей в широкой части в кн.: W. Szuchiewicz. Указ. соч., стр. 175, рис. 99.

на фактических данных славянского и других индоевропейских диалектных групп.

В силу завуалированности первоначального звукового состава этого форманта в восточных и южных славянских языках представление о суффиксе *-dlo* эмансипировалось не сразу, и можно сказать, что оно в отдельных случаях (при отсутствии западнославянских данных) не эмансипировалось до сих пор от суффикса *-lo*. Если мы обратимся к классификации этого материала у Миклошича[37], то сразу же отметим, что тогда неясность касалась еще большего числа образований, которые умышленно помещены автором под рубрикой *-lo*, куда вошли и собственно *-lo*-производные, и слова на *-dlo*. Сейчас мы в состоянии более уверенно судить о многих образованиях этого рода. Тем не менее уже у Миклошича имелось правильное представление о самостоятельном форманте *-dlo*, а также о его развитии из *-tlo*, близкого др.-инд. *-tra-*. Поэтому Трубецкой допустил ошибку, говоря, что впервые на изменение *-dlo* < *-tlo* указали Шахматов в своем «Очерке древнейшего периода истории русского языка» (стр. 100, § 178) и Брюкнер в издании «Grundriβ der indogermanischen Sprach- und Altertumskunde» (3, II, стр. 93 и сл.)[38]. Гораздо раньше неоднократно высказывал мысль о переходе *-dl-* < *-tl-* в славянском форманте Ягич[39], задумывавшийся также над фонетическими условиями этого процесса. Тем не менее, в отличие от соответствующего латинского материала, дискуссия по которому завершилась успешно уже к 70-м годам прошлого века, после чего уже никто не сомневается в характере латинских отражений и.-е. **-tlo-*, **-dhlo-* (см. ниже), славянские факты, вообще поздно вовлеченные в круг вопросов, касающихся этих индоевропейских формантов (даже сравнительно с балтийскими), почти до самого последнего времени служат объектом весьма приблизительных, иногда противоречивых суждений. В общем до сих пор славянский материал интерпретируется односторонне и, можно сказать, неточно, а именно: во-первых, без достаточного учета специфики внутриславянских отношений и, во-вторых, в слабой связи с материалом других индоевропейских языков.

Бругман[40] прямо говорит, что в балтийском представлено

---

[37] F. Miklosich. Vergleichende Stammbildungslehre der slavischen Sprachen = Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen, Bd II. Wien, 1875, стр. 96—101.

[38] N. Trubetzkoy. Die Behandlung der Lautverbindungen *tl*, *dl* in den slavischen Sprachen. — ZfslPh, II, 1925, стр. 118—119.

[39] V. Jagić. Рец. на ст.: Р. Брандт. О вставочных *д* и *т*. — РФВ, 1881, № 1-2, стр. 233—238. — AfslPh, VI, 1882, стр. 152; его же. — AfslPh, XXXI, стр. 230; см. еще: A. Brückner. — KZ, XLVI, 1914, стр. 193 и сл.

[40] K. Brugmann. Grundriß der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen, Bd II. Wortbildungslehre (Stammbildungs- und Flexionslehre). Erste Hälfte, Strassburg, 1889, стр. 115.

и.-е. *-tlo-*, а в славянском — только *-dhlo-*. Вондрак[41] колеблется между точкой зрения Бругмана и объяснением слав. *-dlo* из *-tlo*. Мейе опять-таки полагает, что «славянский язык развил лишь **dhlo-*, являющееся в форме *-dlo-* в западной группе и на крайнем северо-западе словенского языка. . ,»[42]. Наконец Хирт ставит под сомнение существование *-tlo-* не только в славянском, но и в индоевропейском вообще[43].

Не считая необходимым опровергать отдельные наиболее утрированные точки зрения, мы, наоборот, можем сказать, что дальнейшая разработка данной проблемы славянского словообразования находится в относительно выгодных условиях хотя бы уже потому, что имеется надежный тыл (выясненность праиндоевропейских моментов). Полнее могут быть использованы резервы внутренней реконструкции славянского.

Несмотря на опасность оказаться голословным, прежде чем обратиться к обозрению материала по индоевропейским группам, а также для лучшего понимания этого материала, мы предлагаем несколько тезисов, которые затем будут по возможности проверены на примерах и уточнены.

1. Наличие в праславянском наряду с несомненными древними *-dl-* также потенциальных *-tl-*.

В современном синхронном употреблении славянских языков формант *-tlo-* нигде не известен. Однако в диахроническом плане картина представляется иной и можно говорить о соотношении *-tlo-* и *-dlo-*, результат которого оказался не в пользу первого из них. Вариант *-tlo-* был вытеснен, и сейчас он восстановим лишь сугубо косвенным путем, однако при поддержке существенных моментов внутренней реконструкции. Это, во-первых, примеры необратимого фонетического перехода *-tl-* > *-kl-* в отдельных славянских, ср. с.-хорв. *гр̀кљан*, приводившееся Ягичем, и польск. *wikłać* 'путать, перепутывать' < **vitlati* < **vi-tl-o* при современном *widła*. Во-вторых, — дублетные пары вроде **pę-tr-o* — **pę-tl-o* / **pę-dl-o* (ср. польск. *piętro*, чеш. *patro* 'этаж, ярус', русск. диал. *пя́тра*, мн., 'балкон, навес над дверью, мостик у сеновала' — русск. *пя́льцы*, мн., *пя́ло*, с.-хорв. *про-пе̑ло* 'распятие'), где полное в общем структурное тождество позволяет делать вывод о первичном наличии одного и того же опорного зубного элемента *-t-*. В-третьих, наконец, отношения типа **vez-telь* — **vozi-dlo* (ср. ст.-слав. **вестель** — чеш., слвц. *vozidlo* 'экипаж', а также лат. *vec-tor* — *vehi-culu-m*), **sta-telь* — **sta-dlo* (ср. ст.-слав. **статель** — польск. *stadło* 'стадо', а также лат. sta-tor — ob-sta-culu-m, др.-инд. *sthā-trá-m*), т. е. nomen agentis — nomen actionis / instru-

---

[41] W. Vondrák. Vergleichende slavische Grammatik, Bd I. Lautlehre und Stammbildungslehre. 2. Aufl. Göttingen, 1924, стр. 568.

[42] А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951, стр. 286.

[43] H. Hirt. Indogermanische Grammatik, T. III. Das Nomen. Heidelberg, 1927.

menti, позволяют на базе засвидетельствованных отношений *-tel-* : *-dlo-* реконструировать единственно возможное первоначальное *-tel-* : *-tlo-*[44]. Далее, известные указания мы получаем из изучения новых случаев воспроизводства заведомо старых словообразовательных моделей. Так, укр. *житло́* 'жилье', вероятно, нового образования, повторяет, без сомнения, более древнее **ži-tl-o*, отраженное в русском *жило́* 'жилье'.

В отношениях *-tlo-* : *-dlo* можно с уверенностью принимать внутриславянские перемещения, увеличение последних за счет первых. Кроме того, только *-dlo* обнаруживает продуктивность также в поздний период. Одновременно с этим вариант *-tlo* мог выступать уже лишь как архаизм, свертываемая словообразовательная модель. Практически большинство случаев *-dlo* нужно брать под подозрение как эвентуальные **-tlo*. В примере прагерм. **nēþlō-* = праслав. **sneu̯tlo* (см. выше) это дает нам возможность сделать еще один шаг в сближении этих параллельных образований.

Причины перехода *-tl-* > *-dl-* (и *-tr-* > *-dr-*) неясны, и можно лишь ограничиться отсылкой к объяснению Ягича озвончением в условиях соседства с плавным после гласного или допущением определенной аналогии закону Цупицы об озвончении глухих свистящих в соседстве с сонорными.

2. Недостаточная авторитетность западнославянских свидетельств для суждений о праслав. *-dl-* объясняется двумя различными обстоятельствами. Первое из них — и главное — заключается в том, что западнославянский материал, единственный внутриславянский материал для идентификации праславянского *-dlo*, использовавшийся до сих пор активно, сам отражает вторичное выравнивание и нуждается в переоценке. Второе обстоятельство — подчиненного характера. Выявление *-dlo* и *-tlo* в примерах с южных и восточных славянских территорий тормозилось по причине отсутствия прямых указаний западнославянского, что также нуждается в пересмотре. Мы должны исходить из автономности праславянских состояний лексики и словообразования отдельных славянских диалектов. Речь идет об образованиях **pętlo*, **na-čętlo* (см. ниже), которые были просто неизвестны древним западнославянским диалектам: ожидалось бы, например, польск. **piędło*, **naczędło* и т. д. С другой стороны, полные соответствия некоторым из них отыскиваются за пределами славянского, как мы стремимся показать это в разных частях работы.

3. Достоверное наличие в балтийском только *-tl-* при фактическом отсутствии форманта *-dl-*.

---

[44] В некоторых случаях отношения могли оказаться неоднозначными. Так, именно прасл. **stadlo* может продолжать как **stadhlo*, так и **statlo* ввиду реальности обеих последних форм.

Суффиксальное *-tl-* (или *-kl-* в терминах балтийского) известно в балтийских языках достаточно широко, зато невозможно назвать ни одного случая несомненного суффиксального *-dl-* > *-gl-* (лит. *eglė* — прусск. *addle* 'ель' — примеры особого рода, ср. хотя бы их несоотносимость с глаголами). Имеем ли мы здесь вторичное выравнивание или нет, ясно одно — что балтийский обнаруживает состояние, диаметрально противоположное славянскому, который содержит следы и.-е. *-tlo-*, *-tro; -dhlo-*, *-dhro-*, что объединяет славянский с греческим, италийским и германским, как указывал еще Бругман. В славянском возобладало *-dlo*, а *-tlo* сведено до рудиментов, в балтийском исключительно представлено *-tlo* (*-kl-*), а о *-dl-* едва ли можно говорить.

4. Глубокие различия в составе балтийских и славянских имен на *-tl-*, resp. на *-tl-* / *-dl-*, их разные изоглоссные связи с другими индоевропейскими диалектами.

Предлагаем небольшой обзор существительных с формантом **-tl-*, **-dhl-* / **-tr-*, **-dhr-* по диалектным группам индоевропейского. При этом полная изофункциональность образований на *-r-* и на *-l-* и ряд других существенных общих черт побуждают рассматривать их в одном плане, а для ряда слов с такими вариантами словооформления принимать генетическое родство.

Славянский[45]: ст.-слав., ц.-слав. **било** 'tintinnabulum', **одѣло** 'vestis', **гръло** 'guttur, vox', **жрѣло**, **крило** 'ala', **рыло** 'vanga', **сило**, **осило** 'laqueus', **шило** 'subula', **начѧло** 'initium', **жѧло** 'stimulus', **бръсало** 'penicillus', **чръпало** 'haustrum', **клепало** 'tintinnabulum', **наковало** 'incus', **рало**, **орало** 'aratrum', **сѣдало** 'sedes', **зръцало** 'speculum', **сало** 'adeps', **бѣлило** 'cerussa', **цѣдило** 'colum', **чрънило** 'atramentum', **ѩдрило** 'velum', **кадило** 'suffitus', **мѣрило** 'mensura', **правило** 'regula', **солило** 'salinum', **свѣтило** 'lux', **точило** 'torcular', **сѣдѣло**, **крътѣло**;

болг. *гърло*, *крило*, *търло* 'ограда, загон', *шило*, *жело*, *ело* 'пища, еда', *село*, *чесало*, *клепало*, *рало*, *орало*, *белило*, *цедило*, *червило* 'румяна', *ходило*, *носило*, *плашило*, *светило*, *точило*, *весило*, *бесило*, *ветрило*, *мотовило*, *бодило*, *седело*, *въртело*;

с.-хорв. *било*, *грло*, *крило*, *мило* 'мыло', *рило* 'os', *шило*, *трло* 'загон, ограда', *врело* 'fons', *ждриjело*, *пило* 'сосуд для масла', *омело* 'помело (для печи)', *jело* 'пища, кушание', *прело* 'посиделки', *село*, *цртало* 'лемех', *духало* 'мех для дутья', *огледало* 'зеркало', *клепало*, *купало*, *пружало*, *рало*, *орало*, *сукало*, *вjешала*, мн.,

---

[45] Славянский материал в основном взят из Миклошича (F. Miklosich. Vergleichende Stammbildungslehre der slavischen Sprachen, стр. 96 и сл.) и дополнен из некоторых других изданий: M. Krječmaŕ. Tworjenje słowow w hornjoserbšćinje. «Lětopis Instituta za serbski ludospyt», rjad A. čisło 2. Budyšin, 1954, стр. 34; K. E. Mucke. Historische und vergleichende Laut- und Formenlehre der niedersorbischen Sprache. Leipzig, 1891, стр. 250—251; Z. Klemensiewicz, T. Lehr-Spławiński, S. Urbańczyk. Gramatyka historyczna języka polskiego. Warszawa, 1955, стр. 210.

бјелило, *цједило*, *мочило*, *носила*, мн., *појило*, *правило*, *страшило*, *вратило* 'навой (ткацкого станка)', *перило* 'место для стирки (на реке)', *мотовило*;

словен. *bilo* 'артерия', *grlo*, *krilo*, *lilo* 'Giesschaf', *šilo*, *žrelo* 'praefurnium', *raspelo* 'распятие', *žalo*, *želo*, *omelo*, *jelo*, *selo*, *brisalo*, *česalo*, *črtalo*, *ogledalo*, *nakovalo*, *kresalo*, *ralo*, *rvalo* 'rutrum', *sedalo*, *salo*, *cedilo*, *kadilo*, *strašilo* 'terriculamentum', *svetilo*, *vratilo* 'licium', *perilo*, *motovilo*;

чеш. *bidlo* 'шест', *bydlo* 'жилье, жизнь', *křídlo* 'крыло', *mýdlo* 'мыло', *rádlo* 'рало, соха', *sídlo* 'местопребывание', *osidlo* 'силок, ловушка', *šídlo* 'шило', *trdlo* 'мялка', *vřídlo* 'горячий ключ, источник', *zřiedlo*, *zřídlo*, 'родник', *jídlo* 'кушанье', *čertadlo*, *kovadlo*, *křesadlo*, *prádlo* 'белье, стирка', *rádlo*, *oradlo*, *stavadlo*, *vijadlo* 'вид мотовила', *sádlo*, *bělidlo*, *cedidlo*, *kadidlo*, *stavidlo* 'запруда', *vratidlo* 'навой', *zrcadlo*, *motovidlo*;

польск. *bydło* 'скот', *gardło* 'горло', *skrzydło* 'крыло', *mydło* 'мыло', *sidło* 'силок', *stadło* 'пара животных на племя', *szydło* 'шило', *tarło* 'место, где мнут, ломают лен', *źrżódło* 'источник', *żądło* 'жало', *miotło*, *pomiotło* 'мусор', *jadło* 'еда, кушанье', *jedło*, *czerpadło*, *klepadło*, *kowadło*, *radło*, *zwierciadło*, *sadło*, *stawidło*, *motowidło*, *zwijadło*, *wieszadło*, *bielidło*, *krajadło*, *podnosidło*, *spinadło*, *żydło*;

в.-луж. *hordło*, *mydło*, *sadło*, *motedło* 'мотовило' *bělidło*, *cydźidło*, *čornidło*, *kadźidło*, *kowadło*, *krajadło*, *měridło*, *nawijadło*, *nosydło*, *parjadło*, *prawidło*, *radło*, *ryjadło*, *spinadło*, *šidło*, *truhadło*, *waladło*, *warjadło*, *wěšadło*, *wozydło*;

н.-луж. *kósydło*, *kšidło*, *mócydło*, *mótejdło*, *motydło* 'вид мотовила', *prokadło* 'праща', *sadło*, *wisadło*, *gjardło*, *glědadło*, *płošadło*, *radło*, *stadło* 'стадо', *žředło*, *jedło*, *nosydła*, мн., *pšawidło*, *tšašydło* 'страшилище', *carnidło*, *cejźidło*, *cyscidło*;

русск. *било*, *дуло*, *горло*, *крыло*, *мыло*, *рыло*, *сило*, *стало* (диал.), *шило*, *жило*, *жерло*, *начало*, *мяло*, *пяло*, *перепело* / *перепяло*, *помело*, *село*, *трепало*, *черпало*, *едало* 'челюсть', *ковало* 'молот', *лияло*, *махало*, *седало*, *веяло*, *зеркало*, *зевало*, *жегало*, *жгало*, *жвало*, *кадило*, *пойло*, *правило*, *удило*, мн. *удила*, *стропило*, *перила*, мн.;

укр. *горло*, *крило*, *мило*, *рило*, *шило*, *джерело*, *начило*, *помело*, *клепало*, *ковало*, *кресало*, *рало*, *сідало*, *білило*, *цідило*, *кадило*, *кропило*, *мірило*, *правило*, *світило*, *вітрило*.

Опуская некоторые очевидно вторичные образования (неотглагольные, звукоподражательные), получим следующий вероятный состав в начальной праславянской реконструированной форме с учетом высказанных выше общих замечаний по реконструкции: **bītlo*, **(ob)dētlo*, **gŭrdlo*, **gerdlo*, **krīdlo*, **rūtlo*, **sītlo*, **sjūdlo*, **(na)kentlo*, **gentlo*, **brūsātlo*, **kĭrpātlo*, **klepātlo*, **kou̯ātlo*, **ortlo* / **orātlo*, **sēdātlo*, **zĭrkātlo*, **sādlo*, **bēlītlo*, **koi̯dītlo*, **kĭr(s)nītlo*, **kādītlo*, **mērītlo*, **prāu̯ītlo*, **solītlo*, **su̯oi̯-*

tītlo, **tokītlo*, **sēdētlo*, **u̯ĭrtētlo*, **tĭrdlo*, **ēdlo*, **sedlo*, **kesātlo* **nosītlo*, **polxītlo*, **u̯ēsītlo*, **motou̯ītlo*, **bodītlo*, **mūtlo*, **u̯ertlo*, **pītlo*, **(ob)metlo*, **pĭretlo* / **pertlo*, **kĭrtātlo*, **duxātlo*, **kupātlo*, **prongētlo*, **sukātlo*, **u̯ēsjētlo*, **mokītlo*, **pojītlo*, **strāxītlo*, **u̯ortītlo*, **perītlo*, **lītlo*, **pentlo*, **kresātlo*, **būtlo*, **pĭrātlo*, **stāu̯ātlo*, **u̯ītlo*, **stāu̯ītlo*, **stādlo* / **stātlo*, **krājātlo*, **motātlo*, **u̯ozītlo*, **kosītlo*, **dutlo*, **gītlo*, *mentlo*, **u̯ētlo*, **sētlo* (ср. ниже), **zēu̯ātlo*, **degātlo*, **ondītlo*, **snou̯ātlo*[46].

Балтийский[47]: *arklas*, *būklas*, *doklas*, *ginklas*, *girklas*, *irklas*, *paminklas*, *panarklas*, *panerklas*, *pinklas*, *pjūklas*, *rieklas*, *tinklas*, *ženklas*, *audeklas*, *kybeklas*, *turėklai*, мн., *stabiklas*, *baidyklas*, *gydyklas*, *girdyklas*, *kabyklas*, *kratyklas*, *salyklas*, *valgyklas*, *vystyklas*, *žaboklas*, *bruzduklas*, *deguklas*, *peruklas*, *retuklas*, *skabuklas*, *spruduklas*, *stebuklas*, *tepuklas*, *trinuklas*, *žebuklas*, *žibuklas*, *būkla*, *sėkla*, *stakla*, *džiaustykla*, *ganykla*, *gaudykla*, *maudykla*, *plukykla*, *varyklos*, мн. *volykla*, *degykla*, *džiovykla*, *stovykla*, *jodykla*, *salykla*, *valgykla*, лтш. *mīstīklas*, мн., 'мялка', лит. *durklis*, *gurklys*, *padėklis*, *badeklis*, *braižeklis*, *gnybeklis*, *kamšeklis*, *kandeklis*, *kaseklis*, *kemeklis*, *kirteklis*, *kruteklis*, *mušeklis*, *narneklis*, *smirdeklis*, *verteklis*, *verveklis*, *žindeklis*, *kabeklis*, *kebeklis*, *kaseklis*, *kerteklis*, *krapšteklis*, *krušeklis*, *kruteklis*, *laideklis*, *meteklis*, *pešeklis*, *sukeklis*, *verteklis*, *virveklis*, *žersteklis*, *garsteklis*, *pinteklis*, *terpeklis*, *ardoklis*, *bijoklis*, *kapoklis*, *klajoklis*, *paspiroklis*, *pinoklis*, *vijoklis*, *mataklis*, *pinaklis*, *auklė*, *būklė*, *duoklė*, *gerklė*, *pinklės*, мн., *staklės*, мн., *žirklės*, мн., *žūklė*, *gramdyklė*, *našyklė*, *nešyklė*, *pustyklė*, *rodyklė*, *svaidyklė*, *svarstyklė*, *šaudyklė*, *šluostyklė*, *urbyklė*, *vėtyklė*, *žardyklė*, *sėdeklė*, лтш. *padēkls* 'подложенное яйцо', *durkls* 'железная подставка для лучины', др.-прусск. *piuclan* 'серп', *riklis* 'башенка, выступ', лтш. *aukla* 'бечевка', *dēkla* 'приваренное железо', *mīkla* 'загадка', др.-прусск. *auclo* 'недоуздок', *tinklo* 'сеть', лтш. *rauklis* 'скребок', *stakle* 'стояк ткацкого станка' (др.-прусск. *stacle* 'подпорка'), *bruceklis* 'точильный брусок', *draudeklis*, *drebeklis*, *grābeklis*, *jauceklis* 'птица для приманки', *meteklis* 'подать', *pineklis* 'пута', *sēdeklis* 'сидение', *šūveklis*, *tineklis*, *verpeklis*, *baideklis*, *bīdeklis*, *ganeklis*, *rausteklis*, *vēteklis* / *vētiklis* 'лопата для провеивания', *vīsteklis*, *saiklis* 'завязка'.

---

[46] Гласные *-ā-*, *-ī-* перед *-tl-* обычно являются вторичной тематизацией старой словообразовательной модели, поэтому нередко опускались там, где оказалось возможным пойти дальше в реконструкции, ср. **rūtlo* (при *rvalo*, *ryjadło*), **lītlo*. Тематизация в этом смысле еще не означает позднего образования слова, что важно иметь в виду при анализе ряда наших примеров. Между прочим, греч. ἄρ-ο-τρον нельзя понять в отрыве от характера конца основы ἀρ-ό-ω, ср. аналогично лат. *ar-ā-trum* — *ar-ā-re*. В остальном это древнейшие образования индоевропейского. Ср. выше о **snou̯-ā-dlo*.

[47] См.: A. Leskien. Die Bildung der Nomina im Litauischen (= Abhandlungen der philol.-historischen Classe der Königl. Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften, Bd XII, № III). Leipzig, 1891, стр. 345 и сл.; P. Skardžius. Lietuvių kalbos žodžių daryba. Vilnius, 1943, стр. 193 и сл.

Как видно, образования на *-kl-* в балтийском достаточно многочисленны, отдельные категории из них продуктивны, получены, в частности, от производных, вторичных глагольных основ. Производные на *-ja-* активно выступают как nomina agentis. Делая более или менее удачные исключения таких слов, получим следующий состав в форме начального прабалтийского состояния: **artla-*, **būtla-*, **gĭntla-*, **gīrtla-*, **ĭrtla-*, **mĭntla-*, **(pa)nertla-*, **pĭntla-*, **pjūtla-*, **reitla-*, **tĭntla-*, **žentla-*, **audetla-*, **kĭbetla-*, **tŭretla-*, **stabĭtla-*, **baidītla-*, **gīdītla-*, **gĭrdītla-*, **kabītla-*, **kratĭtla-*, **salītla-*, **u̯algītla-*, **žabātla-*, **degŭtla-*, **skabŭtla-*, **stebŭtla-*, **žĭbŭtla-* / **žĭbōtla-*, **sētlā*, **statla-*, **ganītla-*, **gaudītla-*, **maudītla-*, **u̯arītla-*, **džjāvītla-*, **stāu̯ītla-*, **mĭnstītla-*, **dŭrtla-*, **gŭrtlja-*, **dētla-*, **badetlja-*, **braižetlja-*, **kamšetlja-*, **kasetla-* / **kasĭtla-*, **kĭrtetla-*, **mušetla-*, **u̯ertetla-*, **metetla-* / **metītlja-*, **sŭketla-*, **kapātla-*, **pĭnātla-*, **autla-*, **dōtla-*, **gertlja-*, **žĭrgtlja-*, **našītla-* / **nešītla-*, **ŭrbītla-*, **sēdetla-*, **rautla-*, **brŭketla-*, **u̯erpetla-*, **saitla-*.

Германский[48]: др.-в.-н. *stadal*, др.-англ. *staþol* 'амбар', англос. *stódl* 'столб, стояк', др.-в.-н. *wadal*, *wedil* 'опахало', англос. *bold*, *botl*, др.-исл. *ból*, др.-н.-н. *bodlos* 'дом', англос. *mīdl*, др.-исл. *mēl* 'время, срок', гот. *nēþla*, др.-в.-н. *nādala* 'игла', др.-в.-н. *sedal* 'сидение', др.-в.-н. *bīhal* 'топор', др.-исл. *bíldr* 'острое орудие', др.-исл. *mǫndull* 'деревянная рукоятка', англос., др.-н.-н. *hefild*, др.-исл. *hafald*, ср. 'отвесные нити, поддерживающие уток', англос. *þerscold*, др.-исл. *þrescoldr* 'порог', др.-исл. *sáld* 'сито', др.-исл. *hǫgld* 'щит', др.-исл. *snǽlda* 'веретено', англос. *færeld*, *færelt* 'перевоз', др.-в.-н. *be-cnuodelen* 'ein Erkennungszeichen geben', нем. *Windel* 'пеленка', англос. *hriddel*, 'сито', откуда получаем прагерманские **staþla-*, **wēþla-*, **ƀūþla-*, **mēþla-*, **nēþlō-*, **ƀīþla-*, **seþla-*, **manđtla-*, **hafaþla-*, **þreskaþla-*, **sēþla-*, **hagaþlō-*, **snājađlō* / *-þlō*, **faraþla-*, **knōþla-*, **winþla-*, **hriþla-* / *-đla-*.

Латинский[49]: *pōculum* 'бокал, чаша', *obstāculum* 'препятствие, помеха', *stabulum* 'стоянка', 'хлев', *ferculum* 'носилки', *vehiculum* 'повозка', *praefericulum*, *redimīculum* 'головная шейная повязка', *perīculum* 'проба, испытание', 'опасность', *pavīcula*, *sar(i)culum* 'мотыка', *sediculum* 'сидение', *torculum* 'давилка, пресс', *terricula*, *terriculum* 'страшилище', *verticula*, *verticulum* 'сустав, изгиб', *vinculum* 'завязка, веревка, связь', *subligaculum*,

---

48 См.: K. Brugmann. Указ. соч., стр. 114; F. Kluge. Указ. соч., стр. 45, 49 и сл.

49 S. Bugge. Bemerkungen über den Ursprung der lateinischen Suffixe *clo*, *culo*, *cro; cla*, *cula*, *cra; cino*, *cinio; cundo*. — KZ, XX, 1872, стр. 134 и сл., там же более старая литература: H. Osthoff. Forschungen im Gebiete der indogermanischen nominalen Stammbildung, T. 1. Jena, 1875 (: Erste Abhandlung. Die mit dem Suffixe *-clo-* *-culo-* *-cro-* gebildeten Nomina instrumenti des Lateinischen); K. Brugmann. Указ. соч., стр. 112, 113. Кроме того, см.: Walde²; Ernout-Meillet³.

retinaculum 'то, что держит', *perpendiculum* 'отвес', *mirāculum* 'чудо', *spectāculum*, 'зрелище', *propugnāculum* 'защита', *signaculum*, *jentāculum* 'завтрак', *habitaculum*, *cubiculum* 'спальня', *jaculum* 'метательное копье', *subūcula* 'нижняя туника', *indūcula* 'женское нижнее платье', *saeculum* 'поколение', 'век', *arātrum* 'плуг', *rutrum* 'лопата', *baculum* 'палка, посох', *lavācrum* 'ванная, баня', ср. также оск. *sakaraklom* =лат. **sacraculum*, *tenāculum* 'то, что держит', *adminĭculum* 'столб, кол', *notaculum*, *novācula* 'нож, бритва', *tendiculae* 'силок, петля', *piāculum*, *libra* 'мера веса', *castrum*, *sūbula* 'шило', *tribulum*, *fābula* 'беседа', *sabulum* 'песок', *sella*.

Совершенно очевидно позднее происхождение части этих образований, которые, разумеется, не исчерпываются нашим списком. Нас здесь более всего интересуют старые производные этого рода, не всегда четко отделимые от новых производных этой продуктивной в латинском и других италийских модели. Можно указать в пралатинской реконструированной форме следующие образования: **pōtlo-m*, **(ob)stātlo-m*, **staflo-m*, **fertlo-m*, **u̯ehetlo-m*, **perītlo-m*, **pau̯ītlā*, **saritlo-m*, **sedetlo-m*, **tortlo-m*, **torktlo-m*, **tersitlā* / **tersitlo-m*, **u̯ertetlā* / **u̯ertetlo-m*, **u̯inktlo-m*, **(sub)ligātlo-m*, **(per)pendetlo-m*, **mirātlo-m*, **spektātlo-m*, **(pro)pugnātlo-m*, **signātlo-m*, **i̯entātlo-m*, **habitātlo-m*, **kubitlo-m*, **i̯aktlo-m*, **(sub)ūtlā*, **(ind)ūtlā*, **sētlo-m*, **arātro-m*, **rutro-m*, **baktlo-m*, **lau̯ātro-m*, **sakrātlo-m*, **tenātlo-m*, **minetlo-m*, **notātlo-m*, **nou̯ātlā*, **tendetlai*, мн., *piātlo-m*, *lifrā*, *kastro-m*, *sūflā*, *triflo-m*, *fāflā*, *saflo-m*/*sadflo-m*, *sedlā*, *panetlo* (ср. выше, стр. 26).

Кельтский[50]: ирл. *dál* 'собрание', др.-вал. *datl*, вал. *dadl* 'обсуждение', др.-брет. *dadl*, брет. *dael* 'спор', ирл. *scél* 'рассказ', вал. *chwedl*, корн. *whethl*, вал. *hoedl* 'жизнь', ср.-брет. *hoazl*, брет. *hoal*, ср.-ирл. *gar-sêle*, вал. *hoedledd*, ирл. *sál* 'пятка', вал. *sawdl*, ср.-брет. *seuzl*, брет. *seul*, ирл. *anál* 'дыхание', вал. *anadl*, ср.-брет. *alazn*, вал. *banadl* 'кустарник дрок', др.-корн. *banathel*, ср.-брет. *balazn*, брет. *balan*, *banal*, ирл. *cenél* 'род', вал. *ce-nedl*, др.-корн. *kinethel*, корн. *awdl* 'ода', ирл. *criathar* 'сито', др.вал. *cruitr*, др.-корн. *croider*, корн. *krodar*, ср.-брет. *croezr*, брет. *krouer*, ирл. *tarathar* 'сверло', др.-вал. *tarater*, вал. *taradr*, корн. *tardar*, ср.-брет. *tarazr*, брет. *tarar*, ирл. *arathar* 'плуг', вал. *aradr*, др.-корн. *aradar*, ср.-брет. *arazr*, брет. *arar*, ирл. *loathar* 'peluis', *lóthur* 'canalis', ср.-брет. *louazr* 'корыто', ирл. *clithar* 'укрытие', корн. *cledr-en* 'стропило' ирл. *ethar* 'лодка', др.-ирл. *láthar* 'расположение', ирл. *saithar* 'труд', ирл. *briathar* 'слово', ирл. *riathor* 'поток', ирл. *lethar* 'кожа', корн. *lledr*.

---

[50] K. Brugmann. Указ. соч., стр. 113; H. Pedersen. Vergleichende Grammatik der keltischen Sprachen, Bd I. Göttingen, 1909, стр. 134—135; Bd II, 1913, стр. 44—46; H. Lewis and H. Pedersen. A concise comparative Celtic grammar. Göttingen, 1937, стр. 46—47.

В большинстве своем это старые слова, для которых предполагается следующая праязыковая форма: **dētlo-*, **sketlo-*, **sētlo-*, **stātlā*, **anetlo-*, **gᵘn̥tlo-*, **kenetlo-*, **kreitro-*, **tr̥tro-*, **arətro-*, **lou̯tro-*, *klei̯tro-*, **pitro-*, **legtro-*, **sētro-*, **bhreitrā*, **rei̯tro-*, **pletro-*.

Греческий[51]: ἤτριον 'основа ткани', νῆτρον 'прялка', τέρετρον 'сверло', ἑλλά 'сидение', ἕδρα то же, φιτρός 'ствол, пень, обрубок', φέρτρον, φέρετρον 'носилки, одр', βλῆτρον 'скобка, гвоздь', ζῶστρον 'пояс', ἄγκιστρον 'крючок', ἄροτρον 'плуг', δέρτρον 'кишечная перепонка', κέντρον 'остроконечная палка, жало', λίστρον 'лопата', θρέπτρα 'вознаграждение за воспитание', δαιτρόν 'часть, мера', σῶστρον 'награда за спасение жизни', λέκτρον 'ложе', λοετρόν 'купание', 'ванна', μέτρον 'мера', σκῆπτρον 'посох, жезл', λίτρα 'определенная монета', λίτρον, ἀμφίβληστρον 'накидка, облачение, сеть', ἔλυτρον 'покров, оболочка', θέᾶτρον 'место для зрелищ', πλῆκτρον 'палочка, то, чем ударяют', βάκτρον 'палка, посох', ῥόπτρον 'колотушка', κάτοπτρον 'зеркало', πίστρον 'сосуд для питья', στέγαστρον 'покрытие', φόβητρον 'страшилище', φίλτρον 'любовный напиток', ζύγαστρον 'сундук', ἐγκοίμητρον 'опочивальня', θέριστρον 'летняя одежда', λύτρον 'выкуп', ῥήτρα 'речь, договор', καλύπτρη 'покрывало', χύτρα 'горшок', βάραθρον, βέρεθρον 'пропасть', λύθρον 'грязь, кровь из раны', ῥέετρον 'поток, течение', κόρηθρον 'метла', κύκηθρον, σάρωθρον, ἕδεθλον 'основание, седалище', ἐχέτλη 'ручка плуга', βάθρον 'ступень, порог', μάκτρα 'полотенце', ὄχετλον 'повозка', θύσθλον 'атрибут культа', γενέθλη 'род, происхождение'.

Далеко не все эти слова старше периода обособленного развития греческого языка. Отделяя образования поздней продуктивности *-tro-*, *-dhro-*, *-dhlo-/-tlo-* (?), получим в реконструированной форме примерно такой состав: **u̯ētri̯o-m/*u̯ātri̯o-m*, **nētro-m*, **tr̥tro-m*, **sedlā*, **sedrā*, **bhitro-*, **bhertro-m*, **i̯ōstro-m*, **ankistro-m*, **arətro-m*, **dertro-m*, **kentro-m*, **listro-m*, **daitro-m*, **legtro-m*, **lou̯etro-m*, **metro-m*, **skēptro-m*, **lītrā*, **litro-m*, **u̯elutro-m*, **dheu̯ātro-m*, **plāktro-m*, **baktro-m*, **u̯r̥ptro-m*, **pi(s)tro-m*, **lutro-m*, **u̯rātrā*, **ghutrā*, **gᵘr̥dhro-m*, **ludhro-m*, **sreu̯edhro-m*, **sededhlo-m*, **seghetlā*, **gᵘn̥dhro-m*, **mn̥ktrā*, **u̯oghetlo-m*, **dhusdhlo-m*, **genədhlā*.

Переходим к дифференциальному рассмотрению состава перечисленных существительных в порядке установления славянско-неславянских параллелей. Как правило, легче констатировать наличие параллели, т. е. тождество основы и ее оформления, чем судить о ее возрасте. Начнем со славянско-балтийских соответствий: **(ob)dētlo*[52] — **dētla-*, **gŭrdlo/*gerdlo* — **gŭrtlja-/*

---

[51] P. Chantraine. La formation des noms en grec ancien. Paris, 1933, стр. 330 и сл.; Liddell — Scott.

[52] Сюда же относится, помимо ст.-слав. одѣло (см. выше), и русск. *одеяло* — с явно поздней тематизацией по соответствующей глагольной основе.

*gertljā, *rūtlo[53] — *rautla-, *sītlo — *saitla-, *gentlo — *gĭntla-, *ortlo — *artla-, *sēdātlo/*sēdētlo — *sēdetla-, *solītlo — *salītla-, *u̯ĭrtētlo — *u̯ertetla-, *kesātlo/*kosītlo — *kasetla-/*kasĭtla-, *nosītlo — *nešītla-, *bodītlo — *badetlja-, *kĭrtātlo — *kĭrtetla-, *sukātlo — *sŭketla-, *pentlo — *pĭntla-, *būtlo — *būtla-, *stāu̯ītlo — *stāu̯ītla-, *stādlo/*stātlo — *statla-, *sētlo — *sētlā, *degātlo — *degŭtla-/*degōtla-, *brūsātlo-, *brŭketla-.

Славянско-германские соответствия: *bītlo — *ƀīþla, *sedlo — *seþla-, *būtlo — *būþla-, *u̯ītlo — *winþla-, *mentlo — *manđla-, *u̯ētlo[54] — *wēþla-, *stādlo/*stātlo — *staþla-, *snou̯ātlo — *snājađlō-/*nēþlō-, *sētlo[55] — *sēþla-.

Славянско-латинские соответствия: *rūtlo — *rŭtro-m, *sjūdlo — *sūflā, *orātlo — *arātro-m, *sēdātlo / *sēdētlo — *sedetlo-m, *sādlo — *saflo-m / *sadflo-m, *u̯ortītlo / *u̯ĭrtētlo — *u̯ertetlo-m / *u̯ertetlā, *tĭrdlo — *triflo-m, *sedlo — *sedlā, *kesātlo / *kosītlo — *kastro-m, *pītlo — *pōtlo-m, *perītlo — *perītlo-m, *lītlo — *lifrā, *pentlo — *panetlo-m, *u̯ītlo — *u̯inktlo-m, *stādlo — *staflo-m, *stātlo — *(ob)stātlo-m, *u̯ozītlo — *u̯ehetlo-m, *mentlo — *-minetlo-m, *sētlo — *sētlo-m, *strāxītlo — *tersitlā / *tersitlo-m[56], *bādlo[57] — *fāflā.

Славянско-кельтские соответствия: *sētlo — *sētlo-, *stādlo / *stātlo —*stātlā, *gentlo —*g^{u}n̥tlo-, *(na)kentlo —*kentlo-, *tĭrdlo — *tr̥tro-, *ortlo / *orātlo — *arətro-, *pītlo — *pitro-.

Славянско-греческие соответствия: *bītlo — *bhitro-, *gŭrdlo / *gerdlo — *g^{u}r̥dhro-m, *(na)kentlo — *kentro-m, *ortlo / *orātlo — *arətro-m, *sēdātlo / *sēdētlo — *sededhlo-m, *tĭrdlo — *tr̥tro-m, *sedlo — *sedlā / *sedrā, *pītlo — *pi(s)tro-m, *lītlo — *litrā / *litro-m, *u̯ītlo — *u̯ētri̯o-m / *u̯ātri̯o-m, *u̯ozītlo — *u̯oghetlo-m, *snou̯ātlo — *nētro-m.

---

[53] К этой праформе возводится, кроме перечисленных выше слов (русск. рыло и др.), также польск. rydel 'лопата', ст.-польск. rydl (< *rūtljo-).

[54] Праслав. *u̯ētlo считаем возможным восстанавливать на базе русск. веяло, принимая во внимание вторичную тематизацию как этого имени, так и соответствующего глагола.

[55] Достаточно условно, но на тех же основаниях, что и *u̯ētlo, восстанавливаем праслав. *sētlo, ср. праслав. *sēti, при русск. сеял-ка — сеять.

[56] Для полноты приводим несколько проблематичное сближение праслав. *strāxītlo (*strāsītlo): пралат. *tersitlo-m (лат. terriculum), выдвинутое — с несколько иными деталями — Остхофом (H. Osthoff. Forschungen im Gebiete der indogermanischen nominalen Stammbildung, erster Teil. Jena, 1875, стр. 154).

[57] Список праславянских имен на -dlo/-tlo полезно пополнить на правах гипотезы еще одним словом, реальный облик которого оставался в тени опять-таки по причине отсутствия западнославянских свидетельств, — праслав. *bādlo, которое реконструируем на основе ст.-слав. балии 'врач' (*bādlĭjo-s), ср. лат. fābula (пралат. *fāflā) 'басня, сказка, молва'.

Славянско-неславянские параллели в области словообразовательной модели имен на *-tlo-/-dhlo-/-tro-/-dhro-* представляют определенные отличия от аналогичных параллелей в лексическом плане (ремесленная, текстильная терминология), рассмотренных выше, и не покрываются с последними. Эти факты едва ли целесообразно толковать совершенно однозначно, полезнее учесть и возможно полнее представить себе сопутствующие явления, которые могли повлиять на абсолютную величину тех или иных параллелей. Важно иметь также в виду, что мы часто лишены возможности определить хронологию параллелизма. Однако можно думать, что некоторые моменты складывающейся здесь картины отношений носят достаточно ранний характер и не противоречат отдельным моментам описанных выше лексических отношений. В целом желательно иметь в виду бóльшую, чем в лексическом плане, приблизительность сообщаемых здесь результатов. Следует считаться также с возможной неполнотой материала по отдельным языкам.

Своеобразие словообразовательного плана отношений на материале названных формантов в тех же пределах нескольких индоевропейских диалектных групп состоит в том, что число славянско-балтийских соответствий весьма велико. Но нельзя забывать, что на их многочисленности не могла не сказаться территориальная близость, сопредельность обоих языковых пространств, как мы уже имели случай наблюдать это выше, на лексических соответствиях. Мы можем поэтому с полным основанием предполагать позднее появление ряда соответствий в порядке общения и заимствования. Такое подозрение ложится в первую очередь на исключительно славянско-балтийские пары вроде **nosītlo* — **nešītla-*, **sukātlo* — **sŭketla-* и, возможно, другие. Как уже говорилось выше, большое количество соответствий в условиях территориального соседства менее надежно с точки зрения оценки первоначальной близости. Поэтому, хотя на нашем материале число славянско-балтийских и славянско-латинских соответствий оказалось примерно равным (в том и другом случае по 21 паре), приоритет по многочисленности и по авторитетности, безусловно, принадлежит славянско-латинским. Затем идут славянско-греческие соответствия (12), славянско-германские (9) и славянско-кельтские (7). В отличие от лексического плана степень славянско-германской близости здесь незначительна. Мы воздержимся от каких-либо прямых выводов, которые нуждались бы в проверке на более широкой базе. Нельзя, например, недооценивать значительно поздней продуктивности *-tlo/-dlo* соответственно в славянском и балтийском (примерно 30 славянских образований и столько же балтийских не имеют соответствий в других индоевропейских, судя по нашим материалам) и, наоборот, малой продуктивности в германском. Тем не менее некоторые наблюдения кажутся

оправданными и неслучайными уже на этой ограниченной базе. Отметим хотя бы то, что, например, латинско-греческих соответствий на нашем материале не больше, чем славянско-греческих (12), и гораздо меньше, чем славянско-латинских (21). Балто-латинских соответствий мы можем назвать 10 пар: *artla- — *arātro-m, *pĭntla- / *pĭnātla- — *panetlo-, *tĭntla- — *tenātlo-m / *tendetla-, *sētlā — *sētlo-m, *statla- — *(ob)stātlo-m, *kasetla- / *kasĭtla- — *kastro-m, *u̯ertetla- — *u̯ertetlā / *u̯ertetlo-m, *autla- — *(sub)ūtlā, *sēdetla- — *sedetlo-m, *rautla- — *rutro-m[58].

Наиболее интересны, следовательно, славянско-латинские соответствия. Параллелизм между славянским и латинским не ограничивается совпадением большого числа старых образований с этими суффиксами, но идет глубже, выражаясь еще в том, что именно в латинском, с одной стороны, и в славянском, с другой, наиболее четко выделяются — и притом обычно в тождественных образованиях — форманты -tl- и -dhl-, что едва ли можно сказать о греческом, германском, кельтском и что совершенно иключено для балтийского.

Лексический аспект, который в немалой степени проясняется от учета словообразовательного аспекта, побуждает нас говорить также о лексических изоглоссах. В общем случаев абсолютной распространенности образований — единицы: праслав. *ortlo- — балт. *artla- — лат. *arātro-m — кельт. *arətro- — греч. *arətro-m, праслав. *stādlo / *stātlo — балт. *statla- — герм. *staþla — лат. *stăflo-m / -*stātlo-m — кельт. *stātlā. Наиболее характерны изолексы, охватывающие какую-то часть привлекаемых здесь диалектов, как, например, праслав. *(ob)dētlo — балт. *dētla-, праслав. *gŭrdlo / *gerdlo — балт. *gŭrtl̑ja / *gertljā — греч. *gu̯r̥dhro-m, праслав. *rūtlo- — балт. *rautla- — лат. *rŭtro-m, праслав. *sjūdlo — лат. *sūflā, праслав. *bītlo — герм. *bīþla- — греч. *bhitro-. К изолексам такого рода относится и ряд образований, представляющих специальный интерес в этимологическом отношении, на рассмотрении которых мы сейчас остановимся. Не возвращаясь к этимологическим идентификациям праслав. *(ob)dētlo — балт. *dētla-, праслав. *mentlo — герм. *manđla-, праслав. *snou̯ātlo — герм. *snājađlō- / *nēþlō, праслав. *bādlo — лат. *fāflā, уже предложенным нами выше, назовем здесь еще несколько близких примеров: праслав, *gentlo — балт. *gĭntla- — кельт. *gu̯n̥tlo-, праслав. *kesātlo / *kosītlo — балт. *kasetla- / *kasĭtla — лат. *kastro-m, праслав. *perītlo — лат. *perītlo-m, праслав. *(na)kentlo — кельт. *kentlo- — греч. *kentro-m.

Все только что перечисленные тождества уже являются этимологиями в сжатом виде. Будучи в своей сущности этимоло-

---

58 Кстати сказать, кроме балт. *tĭntla- и *autla-, все отдельные образования здесь совпадают со славянско-латинскими соответствиями.

гическими идентификациями, эти цельнолексемные соответствия дают возможность уточнить границу корня и суффикса, характер и состав каждой из этих морфем. Направленность этимологий различна. Так, тождество праслав. **gentlo* — балт. **gĭntla-* — кельт. **gᵘn̥tlo-* является скорее этимологией для кельтского слова при ясности двух прочих; соответствие праслав. **(na)kentlo* — кельт. **kentlo-* есть в значительной степени этимология для славянского слова. Но этимологический характер носит и отождествление праслав. **perītlo* — лат. **perītlo-m*, так как, несмотря на ясность структуры каждого из них изолированно, в рамках своего языка, только с установлением названного тождества ставится вопрос о древности именно такой избирательной связи этих морфем.

Ревизия вопросов, связанных со словообразовательной моделью «отглагольное имя на *-tlo-/-tro-/-dhlo-/-dhro*», приносит, таким образом, некоторую жатву этимологии. Занимаясь нашими тождествами, мы можем вспомнить специальный раздел из цитированной монографии Остхофа[59] — «Этимологии, которые построены и которые еще надлежит построить на основе тождества *clo-* = *-tro-*», где наряду с неполными идентификациями приводятся случаи полного тождества, вроде выдвинутых С. Бугге лат. *-ūcula* = лтш. *aukla*, лит. *auklė*; лат. *saeculum* = лит. *sėkla*; лат. *sediculum* = лтш. *sedeklis*, греч. ἕδεθλον; лат. *vehiculum* = греч. ὄχετλον, др.-инд. *vahítram*. Сейчас список полных этимологических тождеств этого рода может быть продолжен: идентификация праслав. **gentlo*—балт. **gĭntla*—кельт. *banatlo-* < **gᵘn̥tlo-*; эти реконструированные праформы имеют в виду слав. **žędlo* (русск. жало, польск. *żądło* и др.), лит. *ginklas* 'оружие' и следующие кельтские слова: вал. *banadl* 'дрок', др.-корн. *banathel*, ср.-брет. *balazn*, брет. *balan*, *banal*[60]. Знание структуры славянской и балтийской лексем, а также наиболее вероятных закономерностей фонетического развития в кельтском гарантирует вывод о близком этимологическом родстве и тождестве словообразовательной структуры всех трех слов. Кельтские формы наиболее правдоподобно объясняются из первоначального **gᵘn̥-tlo-* 'то, чем поражают, колют'. Мы видим в этом образовании важную славянско-балтийско-кельтскую лексическую изоглоссу.

Словообразовательно-этимологическое соответствие праслав. **kesātlo* / **kosītlo* — балт. **kasetla-* / **kasĭtla-* — лат. **kastro-m* предполагает этимологическое родство составляющих морфем и параллелизм словообразовательного оформления (варианты *-tl-* / *-tr-*)

---

59 H. Osthoff. Указ. соч., стр. 143 и сл.

60 Stokes, стр. 161. Эти кельтские образования оставляются необъясненными в монументальной сравнительной грамматике Педерсена, где дается только перечисление слов (H. Pedersen. Указ. соч., стр. 134—135; см. также: H. Lewis and H. Pedersen. Указ. соч., стр. 47).

славянских названий различных чешущих, режущих орудий (*česadlo, *kosidlo) и близких балтийских названий (связанных с балт. *kastei 'копать') с лат. castrum 'укрепление'. Последнее может быть понято как *kastro-m 'выкопанное (и насыпанное)' ≃ 'вал со рвом'[61]. В образованиях с формантом -tlo- / -tro- нередко приходится наблюдать функционально-семантические переходы «название деятеля» ⇄ «название орудия» ⇄ «название действия» ⇄ «название результата действия». В лат. castrum 'укрепление' представлено значение названия результата действия. Впрочем, о наличии и другого лат. *castrum 'то, чем режут' (nomen instrumenti) есть все основания заключать косвенным путем — из производного castr-āre 'вырезать, кастрировать'[62]. При суждениях о славянских и балтийских формах с тематическим (-ā-, -ī-) или вставочным (-ă-, -ĭ-) гласным целесообразно вспомнить то, что говорилось по аналогичному поводу выше. Сюда же, далее, др.-инд. śastrám 'острое орудие, нож' (k- : k̂-).

Диффузное первоначальное значение можно принимать и для отождествления параллельных образований праслав. *perītlo- (см. выше формы perilo, peridlo в списках по славянским языкам) и лат. *perītlo-m : историческое perīculum 'попытка, риск, опасность'. Если выделить в славянских словах как основной семантический признак 'то, на что напирают, жмут' и учесть этимологическую и семантическую характеристику лат. perīculum и близких — лат. ex-perī-ri, perī-tus, греч. πεῖρα 'опыт, попытка' (< *περια), то идентификация праслав. *perītlo- и пралат. *perītlo- представится вполне допустимой. Славянское слово в какой-то мере сохраняет более архаическую семантическую характеристику, тогда как латинские значения 'попытка', 'опасность' отражают вторичные развития, ср. нем. Erfahrung 'опыт(ность)' — fahren 'ехать'. Данное славянско-латинское тождество представляет для нас интерес как аргумент в пользу древности праслав. *perītlo-, слав. *peridlo.

Тождество праслав. *-kentlo — кельт. *kenetlo-: сюда следует отнести ст.-слав., ц.-слав. **начѧло**, русск. начало, а из кельтских — ирл. cenēl 'род', вал. cenedl, др.-корн. kinethel. Разумеется, не оставляет сомнений родство, например, **начѧло** с **начѧти**, но этой констатации уже недостаточно для этимологии слова **начѧло**, поскольку исходная форма по-прежнему продолжает оставаться неясной: *na-ken-lo? *na-ken-dlo? Мы решительно склоняемся ко второй возможности. В начальной праславянской реконструкции слово могло иметь вид *na-kentlo, на что мы неоднократно указывали выше, в частности в тезисе, выражающем недоверие западнославянским свидетельствам в оценке образований на -dl- / -tl-. Для кельтских слов

---

61 См. Ernout—Meillet³, I, стр. 185.
62 Walde², стр. 138.

уже предполагалось родство со ст.-слав. начати, чадо, коньць, сюда же и греч. καινός 'новый'[63]. Считаем важным отметить, что идентификация праслав. *-*kentlo* — кельт. **kenetlo*- окончательно подтверждает это родство и упраздняет другие сближения. Мы имеем в тождестве праслав. *-*kentlo* — кельт. **kenetlo*- выразительную исключительно славянско-кельтскую изолексу. Впрочем, сюда еще можно — без опасения ослабить это строгое соответствие — отнести слово с вариантом *-tr-* форманта: греч. κέντρον (**kentro-m*) 'жало, острая палка', связанное, в отличие от **kentlo-*, с соответствующим атематическим именем деятеля κέντωρ 'тот, кто колет', κέντορες ἵππων 'те, кто колет, подгоняет лошадей'[64]. Привлечение греческих слов открывает резервы глубокой семантической реконструкции. На основании их значений, а также чеш. *čněti*, *čníti*[65] 'вырастать, выдаваться' (**čьněti*) мы предполагаем для и.-е. **ken-* семантическую эволюцию 'давать росток, подниматься, торчать, быть острым' → 'рождаться / начинаться'.

Суммируя полученные в этой работе результаты изучения лингвистического аспекта проблемы формирования древнейшей ремесленной (текстильной) терминологии в славянском и некоторых других индоевропейских языках, мы можем вкратце напомнить два основных наблюдения: в лексическом плане — резкое численное преобладание славянско-германских и славянско-латинских соответствий над достоверными славянско-балтийскими; в словообразовательном плане (влиятельная модель на *-dhlo-* / *-tlo*) — преобладание старых славянско-латинских соответствий над другими, в том числе и над достоверными славянско-балтийскими.

---

[63] См.: Stokes. стр. 76, 77: *keniō*, *kenetlo-n*; H. Pedersen. Указ. соч., стр. 120; H. Lewis and H. Pedersen. Указ. соч., стр. 41. Прочие этимологии см.: H. Osthoff. Указ. соч., стр. 21, где упоминаются сравнение Цейса и Куна с греч. γένεθλον, γενέθλη, объяснение Виндиша из **cvana-tra-*, **cuna-tra-*.

[64] См. о последних: E. Benveniste. Noms d'agent et noms d'action en indo-européen. Paris, 1948, стр. 30.

[65] Едва ли более вероятно объяснение чеш. *čněti* преобразованием *třměti* < **strьměti* у Махека (см.: Machek, стр. 76).

Л. А. Гиндин

ИЗ ИСТОРИИ НАЗВАНИЙ НЕКОТОРЫХ КУЛЬТУРНЫХ РАСТЕНИЙ

Вполне оправданный интерес со стороны лингвистов и историков культуры вызывают названия диких и культурных растений, общие для многих, а в редких случаях почти для всех индоевропейских языков. Сравнительно-исторический анализ таких названий в совокупности с данными археологии и палеоботаники позволяет судить с той или иной степенью вероятности о растительно-климатических условиях, в которых жили предки современных индоевропейцев в период наибольшей близости диалектов, о месте их первоначального обитания, помогает воссоздать картину членения индоевропейского языка-основы и последующего лингво-географического распределения его диалектов (например, проблема бука, березы, ячменя и т. д.). Изучение названий растений, особенно культурных, сверх того, дает в руки исследователя факты, которые вместе с археологическими данными часто бывают единственными свидетельствами образа жизни, степени развития земледелия, а также языковых и этнических контактов в дописьменный (доисторический) период. В решении указанных проблем первостепенная роль принадлежит лингвистическим исследованиям, потенциально содержащим возможность этнической стратификации археологически вскрываемых явлений материальной культуры.

К сожалению, именно в области названий растений в этимологической литературе наблюдается весьма ощутимый пробел, что неоднократно отмечалось [1].

Однако по причинам, отмеченным выше, среди множества названий культурных растений, встречающихся в индоевропейских языках, немногим более десятка привлекают особое внимание и толкуются тем или иным образом во всех, без исключения, этимологических и реальных словарях.

Поскольку из них одни названия встречаются в индоевропейских языках Европы и в индоиранских (названия *ячменя*,

[1] Из последних упоминаний см.: A. Carnoy. Dictionnaire étymologique des noms grecs de plantes. Louvain, 1959, стр. V, где, по словам автора, предпринята попытка заполнить лакуну в этимологии греческих фитонимов, существующую в словарях Буазака, Гофмана и Фриска.

пшеницы, *полбы*, *проса*), другие прослеживаются только в европейских языках (названия *льна*, *мака*, *репы*, *плодов* и *стручков гороха*, *боба*)[2], казалось бы, вполне естественно предположить, что культуры первой группы были известны индоевропейцам еще в эпоху диалектной общности, а с культурами второй группы они познакомились в период расселения, во всяком случае уже после отпадения индоиранцев[3]. Но этот важный культурно-исторический вывод в лингвистическом аспекте представляется слишком общим и прямолинейным, так как между судьбой названий (слов) и историей реалий (вещей) нет прямого тождества; история слов прихотливей и сложнее.

Носители индоиранских диалектов, покинув места первоначального обитания, попав в другие природные условия и изменив образ жизни, могли утратить некоторые названия вместе с реалиями или сохранить их в виде трудно обнаруживаемых следов, как это произошло, например, с общеиндоевропейским названием *свиньи* и *соли*: первое отражено в сакс. *pāsa* 'свинья'[4], второе — в вед. *sal-ilâ* 'море'[5]. Таким образом, теперь поколеблен один из основных аргументов в пользу тезиса, долго считавшегося неопровержимым, о том, что отделение носителей индоиранских языков произошло до начала земледелия[6]. С другой стороны, анализируя индоевропейские названия злаков, общие для восточных и западных индоевропейских языков, такие, например, как лит. *jãvas* 'семя', мн. *javaĩ* 'хлеб в зерне или на корню, жито', греч. ζεά < *ζεϜά

---

[2] Относительно полный список названий указанных культур со всеми соответствиями по индоевропейским языкам помещен в кн.: J. Hoops. Waldbäume und Kulturpflanzen im Germanischen Altertum. Strassburg, 1905, стр. 344—345, 349—350 — фундаментальном труде, не потерявшем до сих пор своего значения как собрание лингвистического и археологического материала. См. также: O. Schrader — H. Krahe. Die Indogermanen, Leipzig, 1935, стр. 30 и сл.

[3] Между прочим, так в общих чертах рассуждали А. Декандоль (A. de Candolle. Der Ursprung der Kulturpflanzen. Leipzig, 1884), И. Хоопс и О. Шрадер (указ. соч.), В. Хен (V. Hehn. Kulturpflanzen und Haustiere, Berlin, 1911).

[4] E. Benveniste. Noms d'animaux en indo-européen. — BSL, 45, 1949, стр. 88 и сл.; О. Н. Трубачев. Происхождение названий домашних животных в славянских языках. М., 1960, стр. 62 и сл.

[5] P. Thieme. Die Heimat der indogermanischen Gemeinsprache. «Abhandlungen der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Klasse (Akad. der Wissenschaften und der Literatur in Mainz)», Jg. 1953, № 11. Wiesbaden, 1954, стр. 561 (27).

[6] См.: E. Benveniste. Указ. соч., стр. 89; В. В. Иванов. Новая литература о диалектном членении общеиндоевропейского языка. — ВЯ, 1956, № 2, стр. 118. Ср.: O. Schrader — H. Krahe. Указ. соч., стр. 32 — отсутствием упомянутых терминов в индоевропейских языках подкрепляется мысль о том, что восточные индоевропейцы не знали земледелия.

'полба?', др.-ирл. *eorna* 'ячмень', др.-инд. *yávas* 'хлеб в зерне особенно ячмень', пали *yavo* 'ячмень', авест. *yava-* 'хлеб в зерне или на корню; ячмень?', н.-перс., афг., белудж. *jav* [*džav*] 'ячмень', осет. *yau*, *yäu* 'просо'[7], хетт. *eu̯a-* 'вид ячменя'[8], ни в коей мере нельзя прямо заключать о степени развития земледелия или решать вопрос, какие виды злаков культивировали индоевропейцы периода общности, так как не исключено, что исходные праиндоевропейские имена для приведенных названий в период индоевропейской общности могли обозначать зерно еще диких злаковых растений или сами растения, о чем, возможно, говорят значения лит. *jãvas*, мн. *javaĩ*, и только позже, в период распадения индоевропейской общности, были перенесены на культурных представителей злаковых[9].

Имея в виду сказанное, нам представляется в настоящее время наиболее целесообразным и важным осуществить выделение из числа названий упомянутых выше культур тех, которые восходят к эпохе индоевропейской общности, и тех, которые появились (по крайней мере в исторически засвидетельствованных индоевропейских языках) позднее, в результате языковых и культурных контактов, и, если удастся, определить источник распространения вторых. Это можно осуществить, лишь подвергнув специальному исследованию каждое название отдельно и в совокупности с другими, тем более что со времени появления подобной работы (мы имеем в виду книгу Хоопса) прошло свыше пятидесяти лет[10].

Из названий культурных растений, известных с доисторических времен индоевропейским племенам Европы, по ряду соображений наше внимание привлекают, собственно, два. Это название *репы* (Brassica napus и Brassica rapa L.) и *мака* (Papaver somniferum L.). Круг соответствий обоих названий известен давно и с исчерпывающей полнотой приводится во всех, без исключения, этимологических словарях: I. греч. ῥάφυς, ῥάπυς 'репа', ῥάφανος, ῥαφάνη 'редька', атт. 'капуста', др.-в.-нем. *ruoba*, *raba*, лит. *rópė*, русск.-ц.-слав. **рѣпа**[11]; II. греч. μήκων, дор. μάκων, др.-в.-нем. *māho*, *măgo*, ц.-слав. **макъ** (более позд-

---

[7] Все значения даны по Хоопсу (J. Hoops. Указ. соч., стр. 344).

[8] I. Friedrich. Hethitisches Wörterbuch, Lief. 4. Heidelberg, 1954, стр. 339.

[9] Ср.: V. Hehn. Указ. соч., стр. 59 и сл.

[10] К тому же Хоопс в стремлении доказать, что прародина индоевропейских племен находилась в Северной Германии, включая Данию, был пристрастен в истолковании лингвистического и археологического материала.

[11] Привлечение кимр. *erfin* 'свекла', брет. *irvin* 'брюква', восходящих к кельт. **arbino*, затруднительно фонетически (см.: Walde—Pokorny, II[4], стр. 341; Pokorny, Lief. 9, стр. 852; ср.: Hoops. Reall., IV, стр. 1). Однако есть и приверженцы исконного родства (см.: Fick, II[4] стр. 19; Falk—Torp, II, стр. 908; Преображенский, II, стр. 236; Kluge[17], стр. 610; Hofmann, II, стр. 295).

ние заимствования и остальные германские и славянские формы обоих названий намеренно помещены ниже).

При сопоставлении рядов соответствий прежде всего бросается в глаза своеобразие корневого вокализма, выразившееся в появлении по различным языкам то *ā*, то *ē*, что вовлекает нас в одну из самых спорных проблем сравнительной грамматики индоевропейских языков — проблему праязыковой принадлежности чередования *ē* : *ā*, на чем ниже мы будем вынуждены коротко остановиться.

Обзор этимологической литературы по интересующим нас названиям раскрывает далеко не ясную картину. Относительно первого названия (греч. ῥάφυς и пр.) часть этимологов, самая многочисленная, главным образом из-за фонетических трудностей истолкования несомненно родственных слов предпочитает видеть в них древнейшие заимствования, независимые или последовательные, из какого-то одного источника. Так, А. Фик объяснил славянские, литовские и германские формы заимствованием из латинского, в котором в свою очередь — из греческого[12]. А. Г. Преображенский склонен предположить «скорее заимствования из какого-либо, вероятно, неиндоевропейского языка, независимые одно от другого»[13]. Близок к нему, видимо, Ф. Клюге[14]. В. Махек со свойственной ему прямолинейностью также предложил искать источник происхождения названий *репы*, как, впрочем, и *мака*, вместе с многими другими в неиндоевропейском субстрате[15].

Ф. Шпехт, И. Гофман, М. Фасмер, Э. Френкель, Ю. Покорный без указания на первоначальный источник объявили название репы «культурным странствующим термином»[16]. Много раньше близкую точку зрения высказал Э. Буазак[17].

Единственный, кто безоговорочно возводил все гнездо к индоевропейскому чередующемуся корню **rāp-* : **rēp-*, — это И. Хоопс[18]. А. Вальде, к которому он отсылает за доказательством существования «старого индоевропейского аблуата *ā* : *ē*»,

---

[12] Fick, I[4], стр. 530.

[13] Преображенский, II, стр. 236.

[14] Kluge[17], стр. 610.

[15] V. Machek. Quelques noms slaves de plantes. — LP, II, 1950, стр. 158; его же. Česká a slovenská jména rostlin. Praha, 1954, стр. 57 и др. То же см.: Holub — Kopečný, стр. 322. Ср. точку зрения Э. Швицера и П. Шантрена, что греческие слова, вероятно, заимствованы из языков средиземноморской области (resp. средиземноморского неиндоевропейского субстрата. — *Л. Г.*) (см.: E. Schwyzer. Griechische Grammatik, Bd I. München, 1939, стр. 310; P. Chantraine. La formation des noms en grec ancien. Paris, 1933, стр. 118 и сл., 200).

[16] F. Specht. Der Ursprung der indogermanischen Deklination. Göttingen, 1947, стр. 71 и сл.; Hofmann, II, стр. 295; Vasmer, II, стр. 512 и сл.; Fraenkel, Lief. 10, стр. 743; Pokorny, Lief. 9, стр. 852.

[17] Boisacq, стр. 836.

[18] Hoops. Reall., IV, стр. 1.

выражается не столь категорично. Действительно, он считает аблаут *rēp- : *rāp- (: *rəp) явлением одного порядка с оппозицией лат. cārus : др.-инд. cāru-ḥ, но тем не менее полагает, что с мнением А. Фика также следует считаться[19].

О. Шрадер, А. Торп, Р. Траутман, А. Брюкнер воздерживаются от каких-либо комментариев по существу и ограничиваются приведением соответствий[20].

Суть всех разногласий удачно выражена в словаре А. Эрну и А. Мейе: «... отсутствие протезы в греч. ῥάπυς и ῥάφυς 'репа', ῥάφανος, ῥαφάνη 'редька' и ě в ст.-слав. rěpa мешают нам видеть здесь древнее индоевропейское слово, как можно бы предположить это, исходя из др.-в.-нем. ruoba 'репа' и лит. rópė. В каком родстве находятся эти слова, не установлено»[21].

Почти такое же разнообразие мнений и в литературе о названии *мака* (греч. μήκων и пр.), с той лишь разницей, что некоторые из рассматривающих это название в качестве заимствования (Hellquist, Bd II, стр. 1304; Vasmer, Bd II, стр. 89) указывают возможный источник его возникновения — средиземноморскую область. Э. Буазак, А. Г. Преображенский отмечают средиземноморское происхождение только растения[22]. Близок к ним А. Торп[23]. И. Гофман считает «странствующим термином» неизвестного происхождения[24].

Воздерживаются от каких-либо высказываний по поводу происхождения А. Брюкнер, А. Вальде, Ю. Покорный[25]. И. Хоопс на этот раз выражается неопределенно, говоря о «старом названии»[26]. Методологически интересна точка зрения Ф. Клюге, предполагающего, что индоевропейцы непосредственно в Средиземноморье познакомились с растением и распространили на

---

[19] Walde, стр. 641. — Мысль об исконном родстве, но в уже более робкой форме, повторена А. Вальде в его сравнительном словаре с совершенно невероятным обоснованием мены ā(: ă) : ē в этих корнях (Walde—Pokorny, II, стр. 341).

[20] Schrader. Reall., стр. 441; Torp, стр. 347; Trautmann, стр. 237; Brückner, стр. 475. См. также: A. Sabaliauskas. Dėl baltų kalbų ropės pavadinimų kilmės. — LTMD, стр. 207 и сл. (резюме на русском языке).

[21] Ernout—Meillet, II³, стр. 996 и сл. — Следует признать безуспешной попытку А. Карнуа свести греч. ῥαπίς (Гесихий), ῥάφυς и пр. к и.-е. корню *u̯er-p-, с дублетом *u̯er-b-, легшего в основу многих названий растений (см.: Walde—Pokorny, I, стр. 275 и сл.); начальное u̯ для греческих слов он восстанавливает по якобы существовавшему варианту *Ϝόραπις, которое он извлек из произвольно читаемой им глоссы Гесихия γοράπιες (A. Carnoy. Указ. соч., стр. 230 и сл.).

[22] Boisacq, стр. 632; Преображенский, I, стр. 504.

[23] Torp, стр. 303.

[24] Hofmann, II, стр. 199.

[25] Brückner, стр. 318; Walde—Pokorny, II, стр. 225; Pokorny, Lief. 8, стр. 698. Ср.: А. Сабаляускас. О происхождении названия мака в балтийских языках. — КСИС, № 28, 1960, стр. 70 и сл.

[26] Hoops. Reall., III, стр. 233 и сл.

него по сходству маковой головки с мешочком индоевропейский корень *mak- 'кожаная сумка', лежащий в основе лит. *mākas*, *maks*, ст.-слав. мошьна 'мешок, сумка'[27]. К последнему мнению примыкает неудачная с фонетической и семантической стороны индоевропейская этимология И. Левенталя, пытавшегося реконструировать для этого названия и-е. праформу **maik*ʷ*-ako-s*, **maik*ʷ*ēko-s*[28]. Таким образом, в приведенной нами литературе не только нет единства, но не содержится и достаточно обоснованного суждения.

Однако следует все же несколько задержаться на возможности трактовки наших названий как слов, непосредственно развившихся из каких-то корней периода индоевропейской общности. Очевидно, что любая реконструкция такого типа должна основываться на признании праязыкового характера аблаута *ē* : *ā* (: *ə*). Естественно, в статье, посвященной такому частному и сугубо этимологическому вопросу, не место для подробного освещения столь спорной проблемы.

Как мы уже видели, в этимологической литературе, не считая И. Левенталя, только А. Вальде и И. Хоопс, анализируя названия *репы*, стремятся опереться на этот аблаут. К ним нужно присовокупить еще Х. Петерссона, собравшего в небольшой этимологической заметке о лат. *napus* около 20 примеров, в том числе и оба наших названия, в которых без какого-либо теоретического обоснования он видит проявление индоевропейского аблаута *ā* : *ē*[29]. Осторожность этимологов станет вполне понятна, если учесть, что большинство ученых, занимающихся проблемами сравнительной грамматики индоевропейских языков, не признают такого чередования, например Г. Хирт, специально останавливающийся на этом вопросе, и Френкель, полагавший, что «не следует считаться с сомнительным чередовaем *ē* : *ā*, иногда появляющимся в индоевропейском рядом с обычным *ē* : *ō*»[30]. Видимо, симптоматично почти полное несовпадение небольших списков слов, приводимых Х. Педерсеном, Х. Петерссоном, Я. Эндзелином, а также Ф. де Соссюром, стремящимися тем или иным способом доказать общеевропей-

---

[27] Kluge[17], стр. 483.

[28] J. Loewenthal. Zur baltisch-slavischen Wortkunde. — AfslPh, 37, 1920, стр. 381; ср.: A. Pott. De Borusso-Lithuanicae, tam in Slavicis quam Letticus principatu commentatio, II. Halis Sahonum, 1841, стр. 26.— Без всяких доказательств Э. Бернекер полагает возможным видеть в названии *мака* исконно индоевропейское слово (Erbwort) (Berneker, II, стр. 9). Там же см. о других безуспешных попытках индоевропейской этимологии на почве греческого языка.

[29] H. Petersson. Griechische und lateinische Wortstudien. Lund, 1922, стр. 31 и сл.

[30] H. Hirt. Die indogermanische Grammatik, Bd II. Heidelberg, 1921, стр. 183 и сл.; E. Fraenkel. Die baltischen Sprachen. Heidelberg. 1950, стр. 78; ср.: Э. Прокош. Сравнительная грамматика германских языков. М., 1954, стр. 96.

ский характер чередования $\bar{e}:\bar{a}$[31]. С другой стороны, в этих списках набор примеров настолько случаен с формальной и семантической стороны, что совершенно невозможно представить, какую функциональную роль в индоевропейском играла оппозиция $\bar{e}:\bar{a}$ по сравнению с широко представленным морфологическим аблаутом $\bar{e}:\bar{o}$. Между прочим, Я. Эндзелину показались достоверными во всех предшествующих работах только семь примеров. Если из них удались два: лит. *vókas*: ст.-слав. вѣко; лтш. *ātrs*, лит. диал. *átrus*: др.-в.-нем. ātar, где качество и количество корневого гласного могло быть результатом известных фонетических процессов в области вокализма, свойственных балтийским языкам, как, впрочем, и славянским[32], затем отбросить еще два: лат. *flāvus*: др.-в.-нем. *blāo*; лат. *nāvus*: др.-исл. *knár*, вокализм которых А. Мартине блестяще объяснил как рефлексы неапофонического **o*, возведя первую пару к и.-е. **bhleA^w-o-*, вторую — к и.-е. **g̥neA^w-*[33], то останется всего три примера: лит. *rópė*, лат. *rāpa*: русск.-ц.-слав. рѣпа, др.-в.-нем. *rāba*; лат. *cārus* (лтш. *kārs*?): др.-инд. *cāruḥ*; лат. *jānua* (лтш. *jāt*, лит. *jóti*): ср.-в. нем. *jān*. Из этих трех лит. *rópė* и пр. снимется изложенным ниже, а два оставшихся сопоставления весьма проблематичны[34]. Таким образом, проблема индоевропейского аблаута $\bar{e}:\bar{a}$ скорее получает отрицательное освещение, поскольку все попытки доказать его праязыковую принадлежность пока еще малоубедительны[35].

---

[31] H. Pedersen. Die Nasalpräsentia und der slavische Akzent. — KZ, 38, стр. 404 и сл.; H. Petersson. Указ. соч.; J. Endzelin. Le. nākt: li. nókti : got. nēh, und der Wechsel von $\bar{e}$ und $\bar{a}$. — KZ, 62, 1934, стр. 25 и сл.; F. de Saussure. Mémoire sur le système primitif des voyelles dans les langues indoeuropéennes. Leipsick, 1879, стр. 143 и сл., где с позиций его «сонатической» теории случаи варьирования между $\bar{e}$ и $\bar{a}$ в европейских языках объясняются относительно поздним процессом стяжения *eA* (*A* — один из двух «сонатических коэффициентов»).

[32] См.: A. Vaillant. Grammaire comparée des langues slaves, t. I, Lyon—Paris, 1950, стр. 112; t. II. Paris, 1958, стр. 609. — Е. Курилович также считает, что чередование $\bar{e}:\bar{a}$ вместо $\bar{e}:\bar{o}$, наблюдаемое в балтийских и славянских языках — балто-славянская диалектная инновация (J. Kuryłowicz. L'apophonie en indo-européen. Wrocław, 1956, стр. 210, 217 и др. Ср.: J. Enzelin. Lettische Grammatik. Riga, 1922, стр. 59 и сл.).

[33] A. Martinet. Économie des changements phonétiques. Berne, 1955, стр. 220 и сл. Ср. еще: H. Hirt. Указ. соч., стр. 184: предполагается, что и.-е. **ēv* развилось в лат. *āv*; Ernout—Meillet, I[3], стр. 239.

[34] О древнеиндийской параллели лат. *cārus* см.: Mayrhofer, Lief. 3, стр. 159; ср. Lief. 6, стр. 384. — Из этимологов, кажется, только Ф. Клюге сопоставляет ср.-в.-нем. *jan* с лат. *jānus* и пр. (Kluge[17], стр. 329). См.: Walde, стр. 374; Ernout—Meillet, I[4], стр. 305; Fraenkel, Lief. 3, стр. 195 и др.

[35] К сожалению, ларингалисты, от которых можно бы ожидать особого интереса к данному вопросу, обходят его молчанием, хотя еще Ф. де Соссюр (указ. соч.) пытался найти объяснение этому «удивительному» явлению. Между прочим, в качестве примера Соссюр привлекает

Учитывая сказанное, нам представляется самым целесообразным согласиться с мнением большинства этимологов и предположить, что оба ряда анализируемых названий — древнейшие заимствования. С другой стороны, у нас нет никаких веских оснований считать какое-либо из засвидетельствованных слов первичным, послужившим источником для остальных родственных слов.

Лингвистические, археологические и палеоботанические данные побуждают нас искать первоначальную форму и источник этих названий вне круга исторически засвидетельствованных и письменно сохранившихся индоевропейских языков, что отнюдь не исключает их возможного индоевропейского происхождения[36]. Передвижение начала распада индоевропейской общности к значительно более древнему периоду, чем середина или конец III тысячелетия до н. э., как это предполагалось ранее, успехи последних десятилетий по восстановлению древнейших утраченных индоевропейских языков Европы (иллирийского, пеласгского, фракийского и некоторых других) с фонетической системой своеобразной, но сводимой к индоевропейской, и признание в связи с этим европейского языкового субстрата в большей части также индоевропейским, включая Балканы и восточное Средиземноморье[37], открывает новые перспективы в истолковании многих загадочных названий из области ономастики и апеллативов, относимых обычно к неиндоевропейскому субстрату лишь в силу своей затемненности.

Только теперь мы в состоянии перейти к позитивной части, вполне сознавая, что здесь не может быть какого-либо однозначного решения и что цель подобной работы заключается не в поисках первоначального значения (этимона) — такие слова, как и «первичные вокабулы», часто не имеют этимологии в обычном смысле, — но в уточнении истории названий и связанных с этим выводов лингво-географического порядка.

Во избежание нареканий в предвзятости и априоризме обратимся прежде к чисто лингвистическим ресурсам. В этом плане особый интерес представляет приведенный выше ряд родственных слов, обозначающих *репу*, содержащий такие аномальные,

---

греч. μᾱ́κων, ц.-слав. макъ: др.-в.-нем. *mago*. Ср.: В. М. Иллич-Свитыч. Рец. на сб. «Evidence for laryngeals». — ВЯ, 1961, № 6, стр. 1922.

[36] Хотя и на этом уровне есть слова, несомненно послужившие материалом для заимствования в другие языки: на базе лат. *rāpa* образовано нидерл. *raap*, англ. *rope*; лит. *aguonà* — из германского и т. д.

[37] См.: В. И. Георгиев. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958 (там же основная литература); V. I. Georgiev. La toponymie ancienne de la péninsule balkanique et la thèse méditerranéenne. Sofia, 1961, стр. 52; ср.: A. Heubeck. Praegraeca. Erlangen, 1961, стр. 17 и сл.; J. Mellaart. The end of the bronze age in Anatolia and the Aegean. «American Journal of Archeology», vol. 62, № 1, 1958, стр. 9 сл.

с точки зрения сравнительной грамматики греческого языка, формы, как ῥάφυς, ῥάφανος. Уже отсутствие протезы послужило для Э. Швицера, А. Эрну и А. Мейе, Махека (указ. соч.) достаточным условием, чтобы допустить негреческое происхождение данных слов. Действительно, в греческом языке имеется очень незначительное число глаголов с начальным ῥ, соответствующим *r* других индоевропейских языков. Как правило, начальное ῥ глухое возникает из упрощения групп согласных **sr* и **u̯r* или по аналогии со словами, имеющими его из **sr*[38]. В то же время начальное ῥ вместо исконного *r* встречается в несомненно иноязычных словах, например: семит. ῥῶ, Ῥαββατάμμανα, егип. ῥώψ, Ῥαχῶτις, ир. Ῥᾶ, кельт. Ῥῆνος, лат. ῥαίδη, фрак. Ῥασκούπορις, Ῥῆσος и др.[39]

Вторая особенность приведенных греческих названий — глухой взрывной придыхательный φ (*ph*), который в греческом может восходить, за вычетом нескольких редких примеров, только к и.-е. **bh*[40]. Это может найти вполне удовлетворительное объяснение, если предположить, что греч. ῥάφυς, ῥάφανος, ῥαφάνη и пр. заимствованы из языка, осуществившего передвижение согласных, как в германских и армянском[41]. Таким языком мог быть пеласгский (особый догреческий индоевропейский язык)[42] или фракийский[43]. Первый составлял основной компонент индоевропейского субстрата средиземноморской части Балканского п-ова, второй — восточной. Притом фонетические системы обоих языков настолько идентичны, что некоторые склонны

---

[38] См.: M. Lejeune. Traité de phonétique grecque. Paris, 1947, стр. 127.

[39] E. Schwyzer. Указ. соч., т. I, стр. 310.

[40] См.: E. Schwyzer. Указ. соч., стр. 297 и сл.; M. Lejeune. Указ. соч., стр. 23 и сл.; M. Grammont. Phonétique du grec ancien. Lyon, 1948, стр. 169 и сл.

[41] Впервые греч. ῥάφυς и пр. квалифицировал как заимствование из догреческого В. Георгиев (Vl. Georgiev. Die Träger der Kretisch-mykenischen Kultur, ihre Herkunft und ihre Sprache. «Годишник на Софийския ун-т», ист.-филол. фак-т, т. XXIII, кн. 4, 1937, стр. 105; его же. Vorgriechische Sprachwissenschaft, Lief I. Sofia, 1941, стр. 97).

[42] О пеласгском языке см.: Vl. Georgiev. Vorgriechische Sprachwissenschaft; A. J. van Windekens. Le pélasgique. Louvain, 1952; W. Merlingen. Das «Vorgriechische» und die sprachwissenschaftlich-vorhistorischen Grundlagen. Wien, 1955; O. Haas. Die Lehre von den indogermanischen Substraten in Griechenland. «Балканско езикознание», I. София, 1959, стр. 29 и сл. Библиографию более мелких работ (до 1958 г. включительно) см. в статье: Л. А. Гиндин. Обзор литературы по «пелазгскому» языку. — ВЯ, 1959, № 5, стр. 105 и сл.

[43] Здесь имеется в виду подлинно фракийский язык древнейшего населения восточной части Балканского п-ова к югу от Дуная; с ним задолго до нашей эры смешались сначала дако-мизийцы, а позднее армяно-фригийские племена (см.: В. И. Георгиев. Указ. соч., стр. 137, 145). О фракийском языке см.: Д. Дечев. Характеристика на тракийския език. София, 1952; D. Detschev. Die thrakische Sprachreste. Wien, 1957; В. И. Георгиев. Указ. соч., глава «Фракийский язык», стр. 112 и сл.

видеть в них диалекты одного фрако-пеласгского языка[44]. Таким образом, исходя из греческого материала, можно реконструировать две пеласгские (resp. фрако-пеласгские) основы: *_raph-u-_ и *_raph-a-_, что позволяет нам опуститься ступенью ниже всех исторически засвидетельствованных в индоевропейских языках родственных названий _репы_[45]. Основы на _-u-_ и _-a-_ (применительно к данному случаю _-a-no-_) относительно широко представлены в пеласгском, например: ἄστυ 'город' (Vl. Georgiev. Vorgriechische Sprachwissenschaft, Lief. I, стр. 80), σίκυ-ς 'огурец' (там же, стр. 101), ὀλύ-νθη 'дикое фиговое дерево', ὄλυ-νθος 'поздняя, обычно не вызревающая фига' (там же, стр. 94), θέλυ-μνα (τά) 'основания, начала' (там же, стр. 85), βάσκα-νος 'завистник' (там же, стр. 81), κλίβανος 'посуда (приспособление) для выпечки пирогов' (там же, стр. 89) и т. д.[46]

Сложнее обстоит дело с реконструкцией первоначальной формы для латинских, славянских, литовских и германских названий, которые, показывая удивительное единство консонантизма, акцентно-интонационных отношений и характера основы, вместе с тем не дают возможности судить о качестве второго согласного исходной формы так же определенно, как греческие названия, поскольку в этих языках отсутствует ряд глухих аспират и они должны были при заимствовании одинаково отражать и _ph_, и _p_. Обратимся в связи с этим к рассмотрению вокализма в надежде, что именно в его своеобразии заключена дополнительная информация для реконструкции праформы и определения эпицентра распространения этого культурного термина.

Варьирование корневого гласного _ā_ : _ē_ (лат. _ā_, греч. ᾰ, лит. _ō_ < *_ā_, др.-в.-нем. _uo_ < *_ā_ и _ā_ < *_ē_, слав. _ē_) в несомненно родственных словах, при невозможности объяснить его посредством индоевропейского аблаута, вынуждает нас предположить, что это явление — результат двойственной трактовки в процессе заимствования широкого открытого корневого гласного исходной формы, бывшего чем-то средним между _ā_ и _ē_. Такой гласный, обозначим его вслед за М. Леженом через _ā̄_, представлен в гре-

44 См.: A. J. van Windekens. Contributions à l'étude de l'onomastique pélasgique. Louvain, 1954, стр. 25; его же. Le nom des Γίγαντες. — BNF, Jg. VII, H. 1, стр. 60 и др.; В. И. Георгиев. Указ. соч., стр. 281. — А. Карнуа предпочитает называть язык греческого субстрата фрако-пеласгским (A. Carnoy. Указ. соч., стр. VII).

45 Так как в греческом не отмечены случаи гармонической (неконтактной) диссимиляции по придыхательности ῥ — φ, — θ, — χ (E. Schwyzer. Указ. соч., стр. 212), то остается предположить, что деаспирация, отразившаяся в ῥάπος, носит, видимо, «народный» характер, изредка наблюдаемый особенно при заимствовании, ср. κυφαρίσσινος : κυπάρισσος, χρέμυς: κρέμυς (см.: P. Chantraine. Указ. соч., стр. 120).

46 Об основах на _-u-_ в догреческом ср.: A. Heubeck. Указ. соч., стр. 31 и сл.

ческих диалектах: как очень закрытое *ā* он существовал в ионийско-аттическом и на письме изображался с помощью η [ср. ион.-атт. μήτηρ: дор. μάτηρ (из и.-е **mātēr*)] и как очень открытое *ē* в элейском, где письменно фиксировался с помощью ᾱ [ср. элейск. πλᾱθυοντα (на одной из надписей в Олимпии) при общегреческом πληθύω (из и.-е. **plē-*)][47]. Подобный звук *ǣ* постулируют и для прагерманского[48]. По всеобщему мнению, рефлекс и.-е. **ē* в праславянском до падения дифтонгов также имел характер широкого открытого гласного *a*[49]. Звук охарактеризованного типа (обстоятельство, особенно важное для нас) существовал, по всей вероятности, и во фракийском. Согласно Д. Дечеву, и.-е. **ă* и **ā* произносились во фракийском несколько более закрыто, с оттенком *e*, и поэтому они передаются то посредством α, то ε и η, например: Ζάλδ-απα, Ζέλδ-επα, Μούνδ-επα, Αἴ-ηπος, *Apsus* и пр. — второй компонент из и.-е. корня **ab-* 'вода, река', ср. лат. *amnis*, др.-ирл. *ab* 'река' (Walde — Pokorny, I, стр. 64); Δαλο-σακος, Σακε-δαλλος, Δαλο-σηκος и пр., на основе и.-е. **k̑aq* 'мочь, помогать', ср. др.-инд. *çākā-* 'сильный, помощник', *çāka* 'сила, помощь' (там же, стр. 333)[50]. Соответственно и.-е. **ĕ* и **ē* имели более открытое произношение и при этом могли подвергаться слабой иотации, что выразилось в передаче их знаками ε, η, α, ιε, ια, например: Βέσσοι, Βησσοί (η=*je*), Βίεσσοι из и.-е. **bhendh-so-*, ср. алб. *bese* 'договор, вера, перемирие', др.-ирл. *bes*(*s*) 'привычка, обычай' (там же, II, стр. 152); Ῥῆσος, Ῥησκού-πορις, Ῥάσκος, Ῥασκού-πολις, Ῥεσκου-πορις, из и.-е. **reĝ-*, ср. др.-инд. *raj-*, лат. *rex* и др. 'царь' (там же, стр. 363)[51]. Теперь, когда мы получили некоторые недостающие сведения относительно вокализма фракийской (resp. фрако-пеласгской) основы,

[47] См.: А. Мейе. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.—Л., 1938, стр. 127; M. Lejeune. Указ. соч., стр. 204 и сл.

[48] Э. Прокош. Указ. соч., стр. 95.

[49] W. Vondrák. Vergleichende slavische Grammatik, T. 1. Göttingen, 1924, стр. 79 и сл.; А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951, стр. 39 и сл.; Н. Ван-Вейк. История старославянского языка. М., 1957, стр. 182 и сл. — А. Вайан считает, что «*e* de la fin du slave commun était encore une diphtongue **'ea*» (A. Vaillant. Указ. соч., t. I, стр. 115); С. Б. Бернштейн. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961, стр. 175 и сл.

[50] Д. Дечев. Указ. соч., стр. 29.

[51] Д. Дечев. Указ. соч., стр. 29 и сл. Ср.: И. М. Дьяконов. Хетты, фригийцы и армяне. «Переднеазиатский сборник». М., 1961, стр. 347 и сл. — Опираясь на исследования Д. Дечева, В. Мерлинген при толковании надписи на перстне из Езерова пришел к выводу, что и.-е. **ē* дифтонгизировалось во фракийском в *ea* (resp. ǟ) (W. Merlingen. Zur Sprache der thrakischen Ringinschrift. «Die Sprache», Bd VI, H. 2, 1960, стр. 190). В. Георгиев реконструировал *ǟ* в качестве переходной ступени для дако-мизийского *o*: и-е **ē* > дак.-миз. *ē* > *ǟ* > *ā* > *o* (см.: Vl. Georgiev. La toponymie ancienne. . ., стр. 8; его же. Albanisch, Dakisch-Mysisch und Rumänisch, Die Herkunft der Albaner. «Балканско езикознание», II, 1960, стр. 6 и сл.).

послужившей, как нам кажется, исходной формой греч. *ῥάφυς*, *ῥάφανος*, лат. *rāpa*, русск.-ц.-слав. **рѣпа**, лит. *rópė*, др.-в.-нем. *ruoba*, *rāba*, появилась весьма реальная возможность реконструировать эту основу в виде *rā̆ph-a-*, с дублетом *ră̄ph-u-* (подробнее о долготах ниже).

Определенные факты и соображения как лингвистического, так и нелингвистического порядка косвенно, но достаточно веско свидетельствуют в пользу того, что экспансия исследуемого культурного странствующего термина началась с Балкан, из области, занятой фракийскими и пеласгскими племенами до проникновения на юг Балканского полуострова греков.

Известно, что в районе Балкан с древнейших времен существовали очаги высокой земледельческо-скотоводческой культуры. Так, к югу от Балканского хребта, в долине Вардара, и к северу, в долине Моравы, уже в III тысячелетии господствовало хозяйство бронзового (точнее, энеолитического) века. Природные условия Балкан оказались настолько благоприятными для развития хозяйства вардаро-моравского культурного комплекса, базировавшегося на оседлом земледелии в сочетании с разведением скота, охотой и рыболовством, что оно просуществовало почти без изменений вплоть до исторического времени. Богатые в материальном отношении земледельческо-скотоводческие культуры возникли в начале III тысячелетия также по нижнему течению Дуная в районах прекрасных черноземных почв Валахии, Добруджи и северо-восточной Болгарии[52]. Какие-то из земледельческо-скотоводческих культур Балканского п-ва, несомненно, принадлежали пеласгам и фракийским племенам, занимавшим обширные территории на Балканах и в Восточном Средиземноморье[53].

Напротив, у древних германцев еще в I в. н. э., когда о них сообщает Тацит, главную роль играло скотоводство в сочетании с примитивным переложным земледелием. По словам Цезаря, германцы «весьма мало питаются зерном, но большей частью молоком и мясом домашних животных» (De bello Callico, IV,

---

[52] См.: Г. Чайлд. У истоков европейской цивилизации. М., 1952, стр. 129 и сл., 178 и сл. О высокой культуре земледелия в долине Дуная в начале III тысячелетия до н. э. (вторичный центр распространения земледелия после районов Азии) см.: J. Storck, W. D. Teague. Flour for man's bread (A history of Milling). London, 1952, стр. 33 и сл.

[53] Вряд ли здесь целесообразно углубляться в пока еще довольно бесплодную дискуссию относительно этнической принадлежности тех или иных балканских культур; см. об этом: В. И. Георгиев. Указ. соч., стр. 281 и сл.; Vl. Georgiev. La toponymie ancienne. . ., стр. 48 и сл.; Б. В. Горнунг. Проблема распространения индоевропейской речи в доисторические эпохи. «Тезисы докладов на сессии Отделения исторических наук. . . 1955 года». М.—Л., 1956, стр. 27 и сл.; его же. Рец. на кн.: Vl. Georgiev. La toponymie ancienne... — ВЯ, 1962, № 1, стр. 130 и сл.

1); «земледелием они прилежно не занимаются, существенную часть их жизни составляет молоко, сыр и мясо» (там же, VI, 22). Образ жизни славян в первых веках нашей эры, видимо, мало чем отличался от образа жизни германцев[54].

Сообщения древних о жизни племен, населявших Европу севернее Альп в исторический период, вполне согласуются с археологической картиной жизни доисторической Европы. Севернее Альп и Карпат в неолитических и бронзовых слоях обнаружены остатки только зерновых: ячменя, пшеницы, проса, в то время как южнее найдены горох, бобы, семена мака, моркови, пастернака, лука[55]. Очевидно, у исторически засвидетельствованных индоевропейских племен, населявших Центральную и Северную Европу в эпоху неолита, культура земледелия была весьма низкой и примитивной[56]. Все, что, по Тациту, в I в. н. э. требовали германцы от земли, — это урожая зерна (Germania, 26). С незерновыми культурами, в частности с овощами, предполагающими сравнительно высокий уровень земледелия и большую интенсификацию труда, хотя бы потому, что репа, морковь, капуста дают семена на второй год, они познакомились позже и стали производить их, видимо, в начале железного века. Так, на территории современной Польши бобы, горох, чечевица, мак, репа (масляннистая) обнаружены только в гальштатском периоде (1000—500 лет до н. э.), в слоях лужицкой культуры[57].

Приведенные соображения наталкивают на мысль, что определенные из весьма немногочисленных в доисторический период незерновых культурных растений вместе с названиями могли проникать в Центральную и Северную Европу из областей, расположенных южнее, с более высоким уровнем земледелия, также заселенных, по крайней мере с III тысячелетия до н. э., по большей части индоевропейскими племенами (см. выше), среди которых значительный компонент составляли пеласги и фракийские племена. Возможно, как раз таков конкретный путь заимствования некоторых пеласгских и фракийских названий культурных растений северной группой индоевропейских языков (германский, балтийский, славянский), дольше других сохранявшей некое ареальное единство. Греки восприняли много названий растений, культурных и диких, уже при непосредственном общении с пеласгами и фракийцами в своем движении на юг Балканского п-ова и наслоении на

---

[54] А. Л. Нидерле. Славянские древности. М., 1956, стр. 308 и сл.
[55] J. Hoops. Waldbäume. . ., стр. 277—309 и сл.
[56] Г. Кларк. Доисторическая Европа. М., 1953, стр. 98 и сл.
[57] H. Burchardówna. Rośliny uprawne w pradziejach Polski. «Przegląd archeologiczny», t. IX, z. 2—3, 1951—1952, стр. 155 и сл.

догреческий субстрат. Италики, как предполагают, тоже соприкасались с пеласгами[58].

Так, установлено, что ряд названий весьма важных для греков растений и растительных продуктов имеет пеласгское или фрако-пеласгское происхождение, например: ἔλαιον 'оливковое масло', ἔλαια 'масличное дерево, олива', отсюда через лат. *olīvum*, *olīva*, те же значения, в другие индоевропейские языки (Walde, стр. 538), ἐρέβινθος 'вид кормового гороха, Cicer orientinum (плод и растение)' (A. J. van Windekens. Le pélasgique, стр. 86 и сл.), ὄλυνθος 'поздняя обычно не вызревающая фига' (Vl. Georgiew. Vorgriechische Sprachwissenschaft, Lief. I, стр. 94; A. J. van Windekens. Le pelasgique, стр. 65), κυπάρισσος 'кипарис' (В. И. Георгиев. Исследования..., стр. 267 и сл.), σίτος 'пшеница, хлеб' (Vl. Georgiev. Vorgriechische..., стр. 102) и др. Для предполагаемой гипотезы особенно существенно, что в языках северноиндоевропейской группы имеется два названия, возможно, заимствованные непосредственно из фракийского: это ц.-слав. **тыкы** 'тыква' (арм. *t'uz*, греч. σῦκον, лат. *ficus* 'смоква, фига, инжир, винная ягода')[59] и название *ржи*: др.-в.-нем. *rocko*, др.-сакс. *roggo* (из герм. **roggan-*, **ruggn-*, **rug-n-*), др.-исл. *rugr*, лит. *rugỹs*, лтш. *rudzis*, др.-прусск. *rugis*, др.-русск. **ръжь**, первоисточник которых, видимо, следует искать во фрак. βρίζα[60], родственном др.-инд. *vrīhi-ḥ*, перс. *birinǰ* 'рис', греч. ὀρίνδης (ἄρτος) 'рисовый хлеб', ὄρυζα, ὄρυζον 'рис' (вероятно, иранское заимствование)[61]. В поддержку предположения о заимствовании анализируемых названий *репы* и в связи с историей названия *ржи* уместно сделать еще одно немаловажное наблюдение. Если сопоставить древние названия культурных растений, общие для западных и восточных индоевропейских языков, с названиями, встречающимися только в европейских языках, то нетрудно заметить, что названия первой группы метонимичны (т. е. родственные названия могут обозначать по разным языкам различные виды растений), в то же время названия второй группы строго обозначают один вид. Так,

---

[58] См.: A. J. van Windekens. Deux mots latins d'origine préitalique. «ΜΝΗΜΗΣ ΧΑΡΙΝ, Gedenkschrift P. Kretschmer», II. Wien, 1957, стр. 213 и сл; его же. Études sur le vocabulaire prégrec et prélatin. — LP, VI, 1957, стр. 9 и сл.; O. Haas. Das frühitalische Element. Wien, 1960, стр. 57 и сл.

[59] См.: Л. А. Гиндин. К этимологии ст.-слав. **тыкы**, др.-русск. **тыкъкъ**, **тыкъка**. «Этимологические исследования по русскому языку», вып. II. М., 1962, стр. 82 и сл.

[60] G. Meyer. Zu den thrakischen Glossen. — BB, 20, стр. 120 и сл.; H. Hirt. Grammatisches und Etymologisches. — BB, 22, стр. 235 и сл.; Schrader. Reall., стр. 692 и сл.; O. Schrader. Die Indogermanen. Leipzig, 1911, стр. 28; ср.: Trautmann, стр. 246; Pokorny, Lief. 13, стр. 1183; D. Detschew. Die thrakischen Sprachreste, стр. 87.

[61] G. Meyer. Указ. соч., стр. 121.

в приведенный на стр. 53—54 ряд названий, родственных лит. *jāvas* 'семя', входят слова, обозначающие все три вида зерновых, культивируемых в неолите: *ячмень*, *пшеница*, *просо* и вообще *хлеб*, на корню или в зерне. Подобная метонимия обнаруживается и в названиях родственных греч. πυρός 'пшеница', кимр. *haidd* 'ячмень', лит. *dúona* 'хлеб', ср.-н.-нем. *terwe* 'пшеница'. Тогда как названия, родственные греч. λίνον, ῥάπυς, μήκων, лат. *faba*, значат соответственно только 'лен', 'репа'[62], 'мак', 'боб'. К сожалению, мы не в состоянии здесь подробно анализировать весьма поучительную таблицу, приводимую И. Хоопсом («Waldbäume...», стр. 344 и сл., 349 и сл.), но и сказанное позволяет предположить, что названия первой группы скорее всего восходят к индоевропейским корням периода диалектной общности, когда они могли обозначать зерно диких злаковых растений или сами растения, и лишь позднее, в процессе расселения индоевропейцев, произошел перенос с диких на разные виды культурных злаков в каждом диалекте самостоятельно. Принципиально по-иному, должно быть, сложилась судьба второй группы названий. Обозначая какую-то определенную культуру в одном из уже обособившихся индоевропейских языков, засвидетельствованных исторически или утраченных, название вместе с реалией распространялось в другие языки, и поэтому метонимии, как правило, не происходило. Показательна в этом смысле история названия *ржи*. Фрак. βρίζα 'рожь' и др.-инд. *vrīhi-ḥ* 'рис' — видимо, результат метонимии индоевропейского корня эпохи общности, так как известно относительно позднее возникновение культуры ржи[63], с культурой же риса, не выходившей за пределы Азии до VII в. н. э.[64], индоиранцы могли познакомиться лишь в местах теперешнего обитания. Такое позднее распространение ржи на север и северо-восток Европы с возможным эпицентром во Фракии[65] обусловило, с другой стороны, проникновение в языки северноиндо-

---

[62] Перенос названия с репы на редьку и в аттическом диалекте на капусту (греч. ῥάφανος, ῥαφάνη — Liddell — Scott, стр. 1566) осуществился, видимо, уже на почве греческого языка, так как у греков репа особой популярностью не пользовалась (Schrader. Reall., стр. 442): ср. болг. *ряпица*, *ряпичка*, 'редька, Raphanus sativus L.' («Материали за български ботаничен речник», ред. Б. Ахтаров. София, 1939, стр. 260, 501), с.-хорв. *бела репа* 'свекла, Beta vulgaris rapacea alba' и др. (Д. Симоновић. Ботанички речник. Београд, 1959, стр. 69, 648); чеш. *řepa* 'свекла, Beta' («Příručkí slovník jazyka českého», Díl. IV, část. 2. Praha, 1944—1948, стр. 1141).

[63] A. de Candolle. Указ. соч., стр. 468 и сл.; Schrader. Reall., стр. 692 и сл.; П. М. Жуковский. Культурные растения и их сородичи. М., 1950, стр. 104; Hoops. Reall., III, стр. 509.

[64] В. Л. Комаров. Происхождение культурных растений. М.—Л., 1938, стр. 54; П. М. Жуковский. Указ. соч., стр. 140.

[65] A. de Candolle. Указ. соч., стр. 468 и сл.; G. Meyer. Указ. соч., стр. 121.

европейской группы названия *ржи* вместе с реалией, вероятно из фракийского, без отклонений в значении.

Таким образом, имеется, как нам кажется, довольно много аргументов в пользу фрако-пеласгского происхождения рассматриваемых названий *репы*, тем более, если учесть, что репа начала разводиться в Европе значительно позже ячменя, пшеницы и проса. Семена репы совсем не обнаружены в неолитических слоях[66], а в бронзовом веке (среднем и позднем) найдены единственно в швейцарских свайных постройках[67]. Однако, типичное растение умеренного климата Европы[68], репа в железный век получила повсеместное распространение и стала играть в качестве продукта питания в Центральной, Северной и Северо-Восточной Европе такую же роль, как через две тысячи лет картофель. Плиний Старший, например, говоря о великолепных свойствах репы, сообщает, что у транспаданских галлов она третий после винограда и хлеба плод (Naturalis historia, XVIII, 13, 34). Значение репы в древней Руси и у германцев в каролингский период и позже общеизвестно[69].

Позднее появление репы в качестве культурного растения служит веским подтверждением мысли о том, что ее названия не могут непосредственно восходить к общеиндоевропейскому периоду, так как ко времени распространения репы уже произошло обособление большинства индоевропейских языков, вследствие чего вариации в вокализме исследуемых названий нельзя объяснять посредством индоевропейского аблаута. Если же принять во внимание и другую a priori существующую возможность возведения данных названий к индоевропейскому, заключающуюся в том, что на культурную репу было перенесено название какого-то похожего дикого растения (дикие предки репы пока будто бы не обнаружены)[70], то неясно, почему это название во всех индоевропейских языках, где оно встречается, обозначает только репу, хотя индоевропейские племена могли познакомиться с ней лишь в период обособленной жизни.

И, наконец, последнее, что увеличивает вероятие нашего предположения о распространении культуры репы с Балкан. В армянском языке имеется слово *niv* со значением, полностью совпадающим с лат. *napus* 'брюква'[71], давшим второй ряд

---

66 Schrader. Reall., стр. 441 и сл.; J. Hoops. Waldbäume. . ., стр. 330.

67 Hoops. Reall., IV, стр. I; Schrader—Nehering. Reall., I, стр. 612.

68 A. de Candolle. Указ. соч., стр 48; ср.: В. Л. Комаров. Указ. соч., стр. 118 и сл.

69 «История культуры древней Руси», I. М.—Л., 1948, стр. 64, 67.

70 A.de Candolle. Указ. соч., стр. 46; В. Л. Комаров. Указ. соч., стр. 119.

71 См.: H. Petersson. Указ. соч., стр. 31.

родственных названий вида Brassica в индоевропейских языках Западной Европы и не получившим еще удовлетворительной этимологии[72]. Не берясь судить здесь о правомочности сопоставления латинского слова с этимологически также неясным греч. атт. νᾶπυ, ион. σίνηπι, эллин. σίναπυ, σίναπι 'горчица'[73], заметим, что консонантизм латинского и армянского слов при известных допущениях не мешает их сближению и постулированию общей праформы. Так как армянский язык некоторые исследователи относят к фрако-фригийской ветви[74] (во всяком случае признается, что в словарном составе армянского языка существует значительный фракийский компонент)[75], не располагаем ли мы возможностью вывести лат. *nāpus* и арм. *niv* из фракийского (resp. фрако-пеласг.) *nāp-u-* или *nāph-u-*, объяснив варьирование корневого гласного засвидетельствованных форм теми же причинами, что и в предыдущем названии? При этом арм. *i* из **ē* (resp. фрак. *ā*), арм. *v* в интервокальном положении из **p* или **ph* с предшествующей деаспирацией, как во всех языках, не имеющих ряда глухих придыхательных.

Итак, все рассмотренные нами родственные названия вида Brassica rapa L. — греч. ῥάφυς (ῥάπυς), ῥάφανος, ῥαφάνη; лат. *rāpa*, *rāpum*; русск.-ц.-слав. рѣпа, укр. *ріпа*, болг. *ря́па*, с.-хорв. *rȅpa*, словен. *rẽpa*, чеш. *řípa*, слвц. *repa*, польск. *rzepa*, в.-луж., н.-луж. *rěpa*, полаб. *repó*; лит. *rópė*; др.-в.-нем. *ruoba*, *ruoppa* (< герм. **rōbjō-*), ср.-в.-нем. *ruobe*, *rüebe* и пр., др.-в.-нем. *rāba* (< герм. **rēbjō-*), ср.-в-нем. *rabe*, швейц. нем. *rāb(e)* и пр.[76]; нидер. *raap*, англ. *rope* (заимствование из латинского)[77]; алб. *repë* (заимствование из латинского или славянских языков)[78] — — представляют собой разновременные, но по большей части непосредственные заимствования из фракийского (resp. фрако-пеласгского) языка, с носителями которого так или иначе соприкасались и вступали в языковые контакты древние греки, италики, славяне, литовцы и германцы[79]. Из только что приведенных особый интерес и известные трудности в интерпретации имеют германские названия, содержащие обе возможные корневые огласовки — **ā* и **ē*, а также консонантизм, позволяющий сделать некоторые предположения относительно места ударения в исходной форме. По всей вероятности, два ряда форм — следствие разновременного, различными путями произо-

---

72 См.: Walde, стр. 507.

73 См.: Boisacq, стр. 657; ср.: A. Carnoy. Указ. соч., стр. 245.

74 В. И. Георгиев. Указ. соч., стр. 141 и сл.; И. М. Дьяконов. Указ. соч., стр. 366 и др.

75 См.: A. Meillet. Esquisse d'une grammaire comparée de l'arménien classique. Wienne, 1936, стр. 11.

76 Об остальных германских формах см.: Kluge[17], стр. 610.

77 Torp, стр. 347; Pokorny, Lief. 9, стр. 852.

78 Meyer, стр. 363; Pokorny, Lief. 9, стр. 852 и др.

79 Ср.: A. J. van Windekens. Le pélasgique, стр. 153.

шедшего проникновения фракийского слова в германский. Не исключено появление др.-в.-нем. *rāba* и пр. позже, при романском посредстве[80], на что, возможно, указывает несомненно латинское происхождение нидерландского и английского слов. Однако *b* в др.-в.-нем. *ruoba*, которое, по-видимому, восходит непосредственно к фракийскому, должно быть объяснено действием закона Вернера, на основе чего можно предположить во фракийском (resp. фрако-пеласг.) слове окситонезу[81]. В таком случае славянский и литовский осуществили рецессию, и ударение передвинулось на второй слог от конца [ср. др.-инд. *grīvā́* : праслав. **grîva* (с.-хорв. *грӥва*, русск. *гри́ва*), лтш. *grīva*; греч. θυμός : праслав. **dýmъ* (с.-хорв. *дӥм*, русск. *ды́м*), лит. *dū́mai*, лтш. *dũmi*; греч. род. п. ед. μητρός, др.-инд. *mātā́*: праслав. **mâti* (с.-хорв. *мӓти*, *мӓтере*, русск. *мать*, *ма́тери*), лит. *mótė*, лтш. *māte*]. Греческие слова, регулярно проводящие баритонезу, как будто противоречат этому[82], но не отражает ли греческий произошедшей с течением времени уже во фракийском оттяжки ударения на первый слог, что могло быть вызвано предполагаемой утратой долгот во фракийском языке[83]? Кстати, в греческих словах корневой слог краток в противоположность его долготе в родственных словах за пределами греческого языка.

В данном случае трудно сказать что-либо определенное из-за скудости наших сведений о фракийском. К тому же различное место ударения во фракийском названии, послужившем исходным материалом для реально засвидетельствованных слов, могло носить диалектный характер[84].

Название *мака* (Papaver somniferum L.) — греч μήκων, дор. μάκων; ц.-слав. макъ, русск., укр., болг. *мак*,. с.-хорв. *мӑк*, словен. *màk*, чеш. *mák*, слвц., в.-луж., н-луж. *mak*; др.-в.-нем., др-сакс. *māho*, ср.-в.-нем. *māhen*, *mān* (< герм. **mēhan*), др.-в.-

---

[80] См.: Torp, стр. 347; Falk — Topf, II, стр. 908; ср.: Walde — Pokorny, II, 341. — Ю. Покорный категорически возражает (Pokorny, Lief. 9, стр. 852.

[81] Ср.: J. Kuryłowicz. L'accentuation des langues indo-européennes. Kraków, 1958, стр. 200.

[82] Греческий язык обычно сохраняет место ударения в индоевропейском, если оно падало на один из трех последних слогов (M. Grammont. Указ. соч., стр. 391 и сл.; ср.: H. Hirt. Indogermanische Grammatik, V. Der Akzent. Heidelberg, 1929, стр. 45).

[83] Д. Дечев. Характеристика. . ., стр. 28; В. И. Георгиев. Указ. соч., стр. 123. — Ср. попытку Е. Куриловича объяснить передвижение ударения в литовском на конечный слог в определенных условиях («закон де Соссюра») сокращением некоторых литовских окончаний (J. Kuryłowicz. Указ. соч., стр. 205 и сл.).

[84] Ср. несоответствия по месту ударения: греч. κρέας : др.-инд. *kravís* : греч. κόγχος : др.-инд. *śankhás*, греч. πέδον : др.-инд. *padám*, греч. πάρος : др.-инд. *purás* и особенно греч. πότερος: др.-инд. *katarás* при гот. *ƕaþar*. Все примеры взяты у Г. Хирта (H. Hirt. Указ. соч., стр. 48 и сл.).

-нем. *mặgo*, ср.-в.-нем. *mặge* (< герм. **mặgan* или *mēgan*? [85]) — с формально фонетической стороны с меньшей определенностью, чем рассмотренное название *репы*, может быть выведено из фракийского, поскольку консонантизм его форм более нейтрален и не содержит таких однозначных характеристик, как глухой придыхательный; варьирование в вокализме корневого гласного также представлено ўже. Но вместе с тем ничто и не препятствует предположить в качестве исходной формы заимствования фракийскую (resp. фрако-пеласг.) основу $m\check{\bar{a}}k^h$-o- (*o*-основа восстанавливается с известными допущениями) — налицо элемент варьирования *ā* и *ē*; κ в греческих словах не противоречит фрак. k^h, так как во фракийском, по-видимому, глухие аспираты произносились с меньшей интенсивностью, почему фрак. p^h,t^h, k^h передавались в одном и том же слове то через φ, ϑ, χ, то через π, τ, κ, например: Κύφαλα, *Chympsala* < и.-е. **qeu -p-* 'загиб, свод, впадина', ср. др.-инд. *kūpa-* 'яма, пещера' (Walde — Pokorny, I, стр. 371); Ζι-μαρχος, *Zi-marcus* < и.-е. **marko-* 'лошадь', ср. ирл. *marc*, др.-в.-нем. *marah*, то же значение (там же, II, 235)[86].

Как и в первом названии, с наибольшими трудностями сопряжена интерпретация германских форм. Так называемое грамматическое чередование *h* : *g* по закону Вернера предполагает разноместное ударение в исходной форме. При этом окситонеза в герм. **măgán* < фрак. (resp. фрако-пеласг.) $m\breve{\acute{a}}k^{h'}$- в отличие от герм. **mā́han*, греч. дор. μάχων, ц.-слав. макъ, фрак. (resp. фрако-пеласг.) $m\acute{\check{\bar{a}}}k^h$- напоминает различие между греч. ῥάφυς < фрак. (resp. фрако-пеласг.) *rāph*ʹ- и др.-в.-нем. *ruoba* < фрак (resp. фрако-пеласг.) *rắph-*, только с противоположным соотношением долготы и места ударения (в первом случае накоренное ударение сопряжено с долготой корневого гласного, а во втором — с краткостью). Однако это предположение нуждается в дополнительных обоснованиях, которыми мы пока не располагаем. Вполне возможно, что чередование *h* : *g* — результат каких-то специфических германских процессов, и тогда формы с кратким корневым гласным и звонким велярным — вторичны [87].

Определенный интерес вызывают факты балтийских языков, территориально дальше других отстоявших от ареала фракийских племен. В них наблюдаются позднейшие заимствования на уровне исторически засвидетельствованных языков: лит.

---

[85] Полный список германских форм см.: Hoops. Reall., III, стр. 234.— Попутно отметим неточность: А. Торп, Э. Буазак, И. Гофман и некоторые другие дают др.-в.-нем. *mago* и пр. с долготой (см.: Torp, стр. 303; Boisacq, стр. 632; Hofmann, II, стр. 199).

[86] Д. Дечев. Указ. соч., стр. 6; ср.: В. И. Георгиев. Указ. соч., стр. 123; И. М. Дьяконов. Указ. соч., стр. 347.

[87] Ср.: Hoops. Reall., III, стр. 234, где под вопросом дается для *măgo* и пр. германская праформа **maʒan-* < **meʒan-*.

moguonà, *aguonà* заимствованы из германских, др.-прусск. *moke*— из славянских[88].

При некоторой гадательности нашей реконструкции с формальной стороны, исторические, археологические и палеоботанические данные единодушно свидетельствуют о южном, относительно Европы, происхождении культуры мака и ее распространении или из области Средиземноморья[89], или из Азии[90]. Учитывая это и сказанное выше о распространении других незерновых культур, вряд ли можно всерьез принимать замечание И. Хоопса, что отсутствие находок мака в неолитических и даже бронзовых слоях Центральной и Северной Европы случайно[91]. Зато в области Альп и южнее археология показывает значительное распространение культуры мака начиная с неолита[92].

Разумеется, многие высказанные выше соображения относительно заимствования названия *репы* вместе с реалией из южных областей (Балканы, Восточное Средиземноморье) могут быть с успехом применены и к названию *мака*, принимая во внимание его распространенность и хозяйственное значение с глубокой древности[93].

В итоге остается заметить, что если наша основная мысль верна, то мы, возможно, имеем здесь дело со своеобразными индоевропейскими диалектизмами, реконструируемыми по заимствованиям в исторически засвидетельствованных языках в виде фракийских (resp. фрако-пеласг.) основ: *rā̆ph-a-* (с дублетом *rā̆ph-u-*), *nāp-u-* (или *nāph-u-*) и *mā̆kʰ-o-*.

---

88 R. Trautmann. Die altpreußischen Sprachdenkmäler. Göttingen, 1910, стр. 380; Trautmann, стр. 166; Vasmer, II, стр. 89 (там же литература); А. Сабаляускас. Указ. соч., стр. 70 и сл.

89 A. de Candolle. Указ. соч., стр. 503; Schrader. Reall., стр. 545; Hoops. Real., III, стр. 233 и др. (см. выше).

90 П. М. Жуковский. Указ. соч., стр. 560.

91 Hoops. Reall., III, стр. 234.

92 Hoops. Waldbäume..., стр. 333 и сл.; Hoops. Reall., III, стр. 233.

93 П. М. Жуковский. Указ. соч., стр. 560.

В. А. Меркулова

СЛАВЯНСКОЕ **-žab-*; ПРАСЛАВ. **žarovъjь* 'ВЫСОКИЙ, ПРЯМОЙ'

Для выделения в лексике родственных, в данном случае славянских, языков общих элементов, для установления относительной хронологии тех или иных образований в отдельных языках нам представляется необходимым сопоставление не отдельных слов, а целых лексических гнезд. Такое сопоставление позволяет выявить общие элементы, которые раньше оставались вне внимания исследователя, и включить в круг этимологически изучаемых слов производные, но сохраняющие древнее значение или структуру слова.

В данной статье рассматриваются слова с корнем *žab-* в славянских языках.

1. Первым общим элементом при сравнении слов с этим корнем оказывается название лягушки или жабы (Rana, Bufo L.), слав. *žaba*. Принадлежность этого слова к праславянской эпохе ни у кого не вызывает сомнений. В одних славянских языках слово служит общим названием и для лягушки (Rana L.), и для жабы (Bufo L.), в других этим словом называют только жабу. В связи с этим производные слова в первой группе языков (украинский, например) многочисленнее. Все слова, производные от слова *žaba* 'лягушка, жаба', различаются по языкам, отражают словообразовательные тенденции каждого из языков и тем самым могут считаться позднейшими. Ср., например, название лягушонка: чеш. *žabě*, с.-хорв. *жȁбић*, укр. *жабеня*; болота с лягушками: укр. *жаба́рь*, с-хорв. *жȁблак*, болг. *жабунек*. Общим для украинского, белорусского языков и соседних русских говоров является название лягушачьей икры: укр. *жабурі́ння*[1], блр. *жабуры́ньне*[2], русск. орл.-курск. *жабури́нье*. Последнее, несомненно, заимствовано из украинского языка.

2. Вторым общеславянским элементом в рассматриваемом гнезде слов можно считать слав. *žaba* 'болезнь, опухоль горла, языка, шейных желез у людей и животных'. Структурно слово *žaba* 'болезнь' идентично предыдущему, с точки зрения значения оно производно. Названия болезней, образованные от названий

[1] Гринченко, I, стр. 470.
[2] М. Гарэцкі. Беларуська-расійскі слоўнічак. Менск, 1925, стр. 53.

животных, широко распространены в индоевропейских языках[3]. Семантическая связь между словом *žaba* 'земноводное' и *žaba* 'болезнь' заключалась, вероятно, в представлении о том, что жаба служит причиной болезни, и в способности жабы раздуваться, распухать (эмоциональная отрицательная характеристика жабы нашла достаточно яркое отражение в славянском фольклоре, ср., например, русск. олон. «*жаба* ти сядь»[4]). Любопытные примеры, в которых в какой-то мере сохранилась эта образность, есть в одном из первых русских лечебников: «в горлѣ *жабы*»; «болесть в горле якоже есть *жаба* и язычное отпадение»; «*жаба* падаетъ и горло застилаетъ»[5]; «О *жабе*, чем должно исцелять *жабу*, когда у собаки... заведется *жаба*, под горлом зделается шишка»[6].

Время возникновения слова *žaba* 'болезнь', омонимичного к слову *žaba* 'земноводное', судя по его общеславянскому распространению и типичности семантических связей, можно отнести к праславянской эпохе.

Названия растений в славянских языках связаны и с тем и с другим словом. Все они, несомненно, поздние по образованию. Со словообразовательной точки зрения они прозрачны, но семантические связи не всегда ясны. Часть названий растений (главным образом водных и болотных) образованы от слова *žaba* 'лягушка, жаба', другая часть — от слова *žaba* 'болезнь'. Последнее отношение характерно в первую очередь для русского языка. Типичной словообразовательной моделью для народных названий лекарственных растений в русском языке служит словосочетание имени прилагательного, образованного от названия болезни или части тела, которая болит, со словом «трава». Название *жабная трава* относится ко многим растениям, использовавшимся в народной медицине от кашля, удушья и непосредственно от жабы. В первую очередь *жабной травой* называется Potentilla argentea L. (в говорах Московской, Владимирской, Воронежской, Тульской, Тверской и Калужской областей)[7], иначе это растение называют *горлянка*, *грудничка*; затем Antenaria dioica Gärtn., Euphrasia officinalis L., Filago arvensis L., Gnaphalium uliginosum L., Lynosyris villosa Dc., Thlaspi arvense L.[8]

[3] Schrader. Reall, стр. 483.

[4] Г. Куликовский. Словарь областного олонецкого наречия. СПб., 1898, стр. 145.

[5] «Травник Любчанина». Исторический музей, рукопись Уварова, № 2192 (список XVII в.), стр. 223, 384, 148.

[6] «Книга охотничей регул, или Порядок о содержании псовой охоты». Рукопись ГПБ, О. X. 3., середина XVIII в., л. 27/2.

[7] Н. И. Анненков. Ботанический словарь. СПб., 1878, стр. 270; Пупарев. Простонародные названия растений. — Тв. г. в., 1869, № 47, стр. 2360.

[8] Н. И. Анненков. Указ. соч., стр. 37, 141, 145, 160, 195, 353; Даль, I, стр. 523.

Называние водных и болотных растений производными от слов со значением 'лягушка или жаба' типично для всех славянских языков. Так, в чешском языке, например, все растения, носящие названия *žabník*, *žabinec*, *žabí trava*, являются водными или болотными (это Lemna, Stellaria, Polygonum, Alisma, Callitriche, Anagallis)[9]. То же в украинском, где *жабником* называют болотные растения Caltha palustris L. и Menyanthes trifoliata L., а *жабуром*—'зеленую *тину*' (Conferva L.)[10], в с.-хорв. *жабо̀крек* — Conferva L., *жабо̀чун* — Alisma plantago L.[11] Для русского языка это явление менее характерно. Лишь в пермских говорах *жабником* называют Menyanthes trifoliata[12].

3. Третьим общеславянским элементом в лексическом гнезде слов с корнем *žab-* можно считать, по нашему мнению, технический термин, обозначающий стержень с лункой, колодку, лунку, для вращающегося предмета или планку, соединяющую две подвижные части предмета. В польском, чешском, болгарском и сербском языках это 'стержень, на котором вращается петля ворот'[13], в русском, украинском, польском — 'стержень с лункой, на котором вращается жернов'[14], в украинском и сербском — 'колодка блока'[15], в украинском — 'основа гончарного круга'[16]. Этот термин, как нам кажется, является праславянским, так как все слова с этим значением имеют единую форму в славянских языках (*žaba*, деминутивы *žabka*, *žabica*), представлены во всех славянских языках и называют части древних технических сооружений (мельница, гончарный круг). Вероятно, слово *žaba* в этом значении является вторичным, но каким образом оно связано и связано ли со словом *žaba* 'земноводное', сказать трудно. Называние частей различных орудий бытовым словом по какому-либо сходному признаку очень распространено в славянских языках (ср. *баба*, *нос*, *лапа*, *башмак*, *яблоко* и мн. др.), но здесь трудно выделить первоначальный признак.

---

[9] V. Machek. Ceská a slovenská jména rostlin. Praha. 1954, стр. 50, 74, 75, 87, 140, 174, 261, 302.

[10] Гринченко, I, стр. 468.

[11] И. И. Толстой. Сербскохорватско-русский словарь. М., 1957, стр. 172.

[12] Пупарев. Указ. соч., № 41, стр. 200.

[13] J. Karłowicz. Słownik gwar polskich, vol. 6. Kraków, 1911, стр. 431; J. Jungmann. Slownjk česko-německý, V. Praha, 1839, стр. 820; С. Б. Бернштейн. Болгарско-русский словарь. М., 1953, стр. 197; И. И. Толстой. Указ. соч., стр. 172.

[14] В. Бурнашев. Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного, т. II. СПб., 1843, стр. 44; Даль, I, стр. 524. Я. О. Пура. Говори західної Дрогобиччини, ч. I. Канд. дисс. Львів, 1958, стр. 282; I. Karłowicz. Указ. соч., т. 6, стр. 432.

[15] Гринченко, I, стр. 469; И. И. Толстой. Указ. соч., стр. 172.

[16] Гринченко, I, стр. 469.

Таким образом, сопоставление лексических гнезд слов с корнем *žab-* в славянских языках позволяет нам установить несколько праславянских форм: *žaba* 'лягушка, жаба' и производные *žaba* 'болезнь', *žaba* 'технический термин' (?). Остальные рассмотренные ранее слова являются позднейшими и производными от названных выше.

Но есть несколько производных слов, происхождение которых не столь очевидно. Тем не менее они не служили предметом этимологического исследования. К таким словам относится олово *пережабина* и некоторые другие.

Будучи областным по происхождению, слово *пережабина* вошло в русский литературный язык довольно поздно. Оно отмечено в «Словаре церковно-славянского и русского языка» 1847 г., в словаре Бурнашева и в «Словаре современного русского литературного языка»: «Носик у нее (у горлинки) с *пережабинкой*, светло-розового цвета, голова, шея и зоб светлорозовые»; «Нос у нее был совсем не такой, как у дочери, — длиннее, у́же, с *пережабинкой* на переносице»[17]; «*пережабина* — узкое, вдавшееся дугою место речки или ручья»[18]; «*пережабина* — тонкое место на ровной палке»[19]. Фиксирует это слово и Даль, давая еще одну форму — *пережабок*. «Тыква травянка, горлянка, родится с *пережабиной*»; «У нее больна нога, отроду, с *пережабком*[20]». Значение слова определено Далем: «узкое место, перехват, переем, пережим». Со словообразовательной точки зрения слова *пережабина*, *пережабок* являются отглагольными, типа впадина, огрызок, и в литературном языке близко родственных слов не имеют. Можно лишь предположить существование глаголов *жабить* и *пережабить*. В русских говорах есть глаголы *наджабить* и *пожабиться*, образованные с другими префиксами. *Наджабить* — симб.-перм. 'надломить'[21], *пожабиться* — 'согнуться неправильно от удара или давления'[22]. В витебских говорах белорусского языка записан глагол *жаб'ьтца* — «надломлівацца пры згібанні»[23]. Таким образом, может быть восстановлено значение глагола *жабить*: 'ломать, гнуть, давить'.

Можно предположить, что технический термин *жаба*, *жабка* в значении основы для вращающегося предмета исторически

[17] «Словарь современного русского литературного языка», т. 9. М., 1959, стр. 599.

[18] В. Бурнашев. Указ. соч., т. II, стр. 57.

[19] «Областные слова Владимирской губернии, собранные Бобровым, 1853». Архив АН, ф. 216, № 24.

[20] Даль, III, стр. 50.

[21] Даль, II, стр. 400.

[22] В. Н. Добровольский. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914, стр. 638.

[23] С. А. Грагор'еў. Да пытання аб узаемаатнасінах паміж прафесіянальнай лексікай і слоунікавым саставам дыялекта або групы гаворак. «Уч. зап. Мозырского ГПИ», вып. I. Минск, 1958, стр. 156.

связан с этим глаголом и обозначал первоначально лунку, выемку, в которую вставлялся вращающийся предмет, что, передавая значение более абстрагированно, можно сформулировать как 'то, что выломлено, выдавлено'.

Любопытен глагол *жабать*, записанный в Архангельской области. «Ише видялъ я цюдышко цюднѣ того: по синему морю да жернова несетъ, да и в жапки собака муку *жабала*»[24]. Цитата не дает возможности точно вывести значение этого глагола, можно только предположить, что он значит 'молоть' или 'есть'. Возможно, что глагол *жабать* образован от слова *жабка* 'часть мельничного устройства', но кажется более правдоподобной его связь с глаголом *жабить*. Значения 'ломать' и 'молоть', 'есть' близки друг другу.

Совершенно особняком стоит слово вологодско-вятских и олонецких говоров *жаба* 'рот, пасть, хайло'[25]: «н'е раскрыва́ј својў *жа́бу*»[26]; «*жабу* роспялить — закричать»[27]; *жаба* (Коштуш, Ошта) — 'рот'[28]. Относительно этого слова Фасмер высказывает мнение, что оно может быть родственно слову *жабра*[29].

Мне кажется, что рассмотренные выше слова *жабить* 'ломать', *жабка* 'лунка, ямка', *жабать* 'молоть, есть' и *жаба* 'рот, пасть' все по происхождению являются родственными слову *жабры*.

Слово *жабры* (с вариантом *зебры*) по русским говорам имеет два основных значения: 'челюсть, скула' и 'дыхательное устройство у рыб'. Слова *жабры*, *зябры*, *зебры* в значении 'челюсть у человека и животного (особенно нижняя), скулы' отмечено в говорах Курской, Орловской, Калужской, Донской, Тамбовской и Ульяновской областей[30]. *Зебры* в значении 'нижняя губа' (может быть, 'челюсть') отмечены в Архангельской области. «Што *зебры*-то до колен распустил, не видишь, куда идешь?»[31]. Связь значений 'челюсти', 'жабры у рыб', вероятно, очень древняя. Ср. аналогичное явление в германских языках:

---

[24] «Архангельские былины и исторические песни», т. III. СПб., 1904, стр. 157.

[25] «Словарь русского языка», т. II, вып. 1. СПб., 1897, стр. 171.

[26] Л. И. Горева. Говоры Вожгальского района Кировской области. Канд. дисс. Киров, 1952, стр. 256.

[27] В. Магницкий. Особенности русского говора в Уржумском уезде Вятской губ. Казань, 1885, стр. 19.

[28] Г. Куликовский. Указ. соч., стр. 22.

[29] Vasmer, I, стр. 407.

[30] С. М. Кардашевский. Курско-орловский словарь. «Уч. зап. МОПИ», т. 88, 1960. Труды кафедры русского языка, вып. 5, стр. 199—200; Б. А. Моисеев. Словарный состав говора с. Саратовки Соль-Илецкого р-на Чкаловской области. Канд. дисс. М., 1955, стр. 196; А. Мотовилов. Симбирская молвь. — Сб. ОРЯС, т. 44, стр. 21; Даль, I, стр. 524.

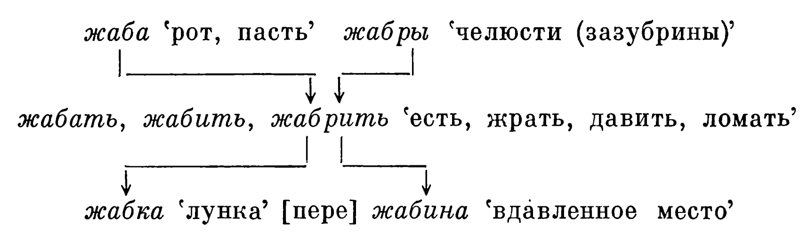
[31] А. И. Подвысоцкий. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885, стр. 56.

ср.-н.-нем. *Keve* 'челюсть' и 'жабра'[32], современное англ. *jowl* 'челюсть, щека' и 'голова (лосося, осетра)'. Слово *жабры* отмечено также в чешском, словацком, болгарском, украинском и белорусском языках. Для украинского языка типичен вариант *зябры*[33], в белорусском — *жебры*[34]. География вариантов с *з/ж* в пределах русских говоров неясна. Можно лишь очень огрубленно сказать, что формы с *з* тяготеют к южнорусским говорам, а с *ж* — к севернорусским.

Слово *жабры* имеет еще значение 'зазубринки, насечка на остроге, на крючке удочки'[35] (ср. лит. *žeberklas* 'острога, гарпун').

От слова *жабры* (*зебры*) 'челюсти' в русских говорах образованы глаголы со значением 'есть, жрать, жевать'. *Жабрить*, *жабровать*, калин., смол., *зебрить* 'жрать', *жабрун*, *жабручья* 'обжора', *пожабрить* 'пожевать, пожамкать', *пережабрить*, *перезебрить* 'все съесть'[36]. В украинском языке — *жабрії* 'прожорливые': «Вони такі *жабрії*, що ніколи не наїдяться»[37].

Так как значения 'есть, жрать' и 'ломать, давить' совместимы (ср. русск. просторечн. *раздавить*, *смолоть* 'съесть'), то можно предположить, что глаголы *жабить* и *жабать* относятся по происхождению к этому гнезду слов. Интересный пример *наджабрить* 'повредить'[38] (ср. приводимый выше глагол *наджабить* 'надломить'), который, как мне кажется, подтверждает мою гипотезу. Схематически развитие значений представляется следующим образом:

Развитие у глаголов *жабить*, *жабрить* значений 'есть, ломать' делает правдоподобной мысль о том, что они образованы от слова *жабры* 'челюсти'.

Несмотря на диалектную ограниченность распространения слов *žaba* 'рот, пасть' и *žabry* 'челюсти', широта индоевропей-

---

32 Holthausen, стр. 151.
33 Гринченко, II, стр. 191.
34 И. И. Носович, стр. 154.
35 Дополнение к «Опыту областного великорусского словаря». СПб., 1858, стр. 47; Даль, I, стр. 524; Гринченко. II, стр. 191.
36 Даль, I, стр. 524; III, стр. 220, 50.
37 Гринченко, I, стр. 470.
38 «Причитанья северного края, собранные Е. В. Барсовым», ч. 2. М., 1882, стр. 324.

ских связей позволяет их отнести к древнейшему пласту славянской лексики. Восстановление праславянской формы затруднено, хотя параллельные формы типа *зябры* как будто бы позволяют нам предположить здесь этимологическое *ę*. Благодаря тому, что на славянской почве произошло совпадение целого ряда индоевропейских корней, возникли богатые возможности для контаминации, что мы и наблюдаем для рассмотренных выше двух гнезд слов, в основе первого из которых лежит слово **žaba* 'лягушка, жаба', в основе второго — **žębry* (?) 'челюсти', **žęba* (или **žaba*) 'рот, пасть'.

Название растения Galeopsis Tetrahit L. в ряде славянских языков *жабрей*, *зябрей*, *зябра* по происхождению очевидно связан со вторым рассматриваемым гнездом слов. Это слово имеет многочисленные варианты по говорам: *жабра*, *жабрей*, *жабрий*, *жабрик*, *жебрей*, *жебрий*, *зябра*, *зября*, *зябрей*, *зябер*, *зябирь* и др.[39] М. Фасмер (так же, как Ильинский, Изв. ОРЯС, 24, I, 25 и Булич, ИОРЯС, 10, 2, 428) предполагает, что *зябрей*/, *жабрей* образован от основы *zęb-/zǫb-*, и приводит в подтверждение нем. *Hohlzahn* и синонимические названия *жабрея* — колютик, бодылек и др.[40] Но возможно предположение и об ином семантическом отношении слова *жабрей* с основой *žębr-* (*žebr-*). Так как *жабреем* называется целый ряд сорных растений, в первую очередь разные виды Galeopsis, затем Linaria, Chrysanthemum и др., то можно связать слово *жабрей* со словом *зябь* 'паровая пашня'. Ср. блр. *зябер*, род. п. *ера*: «На *зяберу* посеяв пшеницы»[41]. Тогда значением этого слова будет 'сорняк, растущий на паровом поле'. Аналогичное название лебеды (*паровица*) распространено в северновеликорусских говорах.

* * *

Праслав. **žarovъjь* 'высокий, прямой'. В северновеликорусских говорах и в говорах Сибири широко распространено слово *жаровый* в значении 'высокий, прямой' по отношению к строевому, корабельному лесу.

Этимология этого слова неясна. Преображенский связывает это слово предположительно с корнем *жар-* в значении 'суходподстойные, дающие жаркое пламя'[42]. Фасмер отвергает эту этимологию, считая также маловероятным сопоставление Потебни с лат. *garš* 'длинный'[43].

---

39 Этимологизируемые Ильинским (Изв. ОРЯС, 24, I, 125) названия растений *жибрий*, *жибрiй* — не что иное, как диалектные произносительные варианты слова *жабрей* и самостоятельно этимологизироваться не могут.

40 Vasmer, I, стр. 466.

41 Носович, стр. 223.

42 Преображенский, I, стр. 221.

43 Vasmer, I, стр. 411.

Основное значение слова *жаровый* — 'высокий, прямоствольный'. Такое значение отмечено в говорах Архангельской[44], Пермской[45], б. Олонецкой[46], Вятской[47], Казанской[48], Саратовской областей[49] и в говорах Сибири[50]. То же значение, но с некоторым оттенком — 'прямой', гладкий' (так как жаровое дерево имеет ветви только у вершины, а ствол гладкий) — отмечено в говорах Ярославской области[51] и в говорах Урала[52]. Обычно эпитет *жаровый* употребляется по отношению к хвойному лесу, но иногда и к другим деревьям. Так, Зеленин записал в б. Вятской губ. фразу из песни «Стань рябинушкой ты *жаровою*» (комментируя так: «*жаровое* дерево — прямое и высокое»)[53], а в Поднепровье отмечен гидроним *Жировые березы*[54], который позволяет расширить область распространения слова. В некоторых случаях у прилагательного *жаровый* гипотетически предполагается значение 'длинный': «Тоненька, *жаровенька*, весь свет обшивает (игла)»; «Я по жердочке шла по тоненькой, я по тоненькой, по *жаровенькой*»[55].

По отношению к животным и людям слово *жаровый* употребляется в значении 'высокий, тонкий, поджарый, стройный': «*Жаровая* лошадь — поджарая, тонкая»[56], *жаровый* прм. 'поджарый, тонкий и высокий'[57].

В иной форме — *жара́вый* — прилагательное имеет то же значение 'высокий, стройный': «Во темном лесу все под сосною,

---

44 «Опыт областного великорусского словаря». СПб., 1852, стр. 56.

45 А. Теплоухов. Сто тридцать слов провинциальных и технических, употребляющихся в Пермской губ. и относящихся до крестьянского хозяйства, лесоводства, горного дела и судостроения. «Уч. зап. Каз. ун-та», 1857, кн. III, стр. 172.

46 «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым», т. III. М., 1909—1910, стр. 356.

47 Н. М. Васнецов. Материалы для объяснительного словаря вятского говора. Вятка, 1908, стр. 68.

48 С. К. Булич. Материалы для русского словаря. СПб., 1896, стр. 7.

49 Д. И. Алексеев. Говор с. Архангельского Чердаклинского р-на Ульяновской области. Канд. дисс. Куйбышев, 1953, стр. 188.

50 В. В. Палагина. Современный говор старожильческого населения западной части Томского р-на Томской области. Канд. дисс. Томск, 1951, стр. 315; М. Р. Кривошапкин. Енисейский округ и его жизнь. СПб., 1865, Приложение IV, стр. 47.

51 Е. И. Якушкин. Материалы для словаря народного языка в Ярославской губ. Ярославль, 1894, стр. 44.

52 М. Д. Голубых. Говоры Белоярского р-на Свердловской области. Канд. дисс. Свердловск, 1952, стр. 272.

53 Д. К. Зеленин. Отчет о диалектологической поездке в Вятскую губернию. СПб., 1903, стр. 52.

54 П. Маштаков. Список рек Днепровского бассейна. СПб., 1913, стр. 221.

55 В. Г. Богораз. Областной словарь колымского русского наречия. СПб., 1901, стр. 50.

56 «Словарь русского языка», т. II. СПб., 1897, вып. 1, стр. 232.

57 Даль, I, стр. 526.

под кудрявою, под *жаравою*»[58]; «Тонкая, *жаравая*, сама моложавая»[59].

За пределами русского языка слова этого корня засвидетельствованы лишь в белорусском[60].

В говорах б. Олонецкой (и только в этих говорах) *жаровый* значит 'сухой, засохший на корню'[61]. Все разобранные выше примеры показывают, что это значение вторично, так как именно *жаровый* лес обычно засыхает на корню.

И формы, и значения дают нам право предположить существование в др.-русск. языке прилагательного **жаровъ*, *-а*, *-о* со значением 'высокий, прямой'.

В отношении этимологии этого слова может быть выдвинута следующая гипотеза. Индоевропейский корень **gher-* в значении 'выдаваться, выступать, расти'[62] представлен в славянских языках лишь в словах, отражающих нулевую ступень (грань, гроно, гроздь, грана и др.). Такое ограниченное использование этого корня, вероятно, объясняется широким развитием производных у омонимичного корня **gher-* 'гореть'. Ср. *гореть*, *греть*, *жеравой*, *жар*, *горн*, *грань* 'угли', где отражены все ступени корня. За пределами русского и белорусского языков прилагательное *жарозой* (*жеравой*) значит 'раскаленный, горящий' (обычно об углях и т. п.). В русских говорах это прилагательное отсутствует. Примеры в словаре Срезневского являются церковнославянизмами. Вероятно, этим объясняется сохранение в русских говорах слова *жаровый* 'высокий, прямой, стройный'.

Аналогичное явление наблюдается в отношениях двух других омонимов, относящихся к этим корням. Слово *грань* 'острый край, выступ' (продолжающее индоевропейский корень **gher-* 'выступать') имеет общеславянское распространение, тогда как *грань* 'угли' (продолжающее **gher-* 'гореть') отмечено лишь в говорах Закарпатья.

Таким образом, русское диалектное *жаровый* может считаться праславянским диалектизмом (**žarovъjь*), отражающим ступень продления индоевропейского корня **gher-* 'выдаваться, выступать, расти, зеленеть'. Развитие значений можно предположить следующее: 'расти > быть высоким, рослым'.

---

58 «Словарь русского языка», т. II, вып. 1, стр. 220.
59 Даль, I, стр. 526.
60 Носович, стр. 153.
61 «Словарь русского языка», т. II, стр. 232.
62 Pokorny, Lief. 5, стр. 440, 454.

В. М. Иллич-Свитыч

ЧЕШ. *prvni* 'ПЕРВЫЙ' — ИННОВАЦИЯ ИЛИ АРХАИЗМ?

Распространенное на всей чешской территории и господствующее уже в старочешском порядковое числительное *první* 'первый' не имеет параллелей в других западнославянских языках и обычно считается специфически чешским новообразованием. Действительно, для остальной западнославянской территории характерно употребление обычной славянской формы **pьrvъjь*; ее вытеснение другими формами прошло относительно недавно, так что более раннее состояние восстанавливается легко.

Форма *prvý* сохранена в центральнословацких говорах и в литературном языке. Восточнословацкие формы, сводимые к исходному **pr̥všī* [ср. *pryfšy* в гемерских говорах, *prujší* в липтовских, *pirši* в районе Бардейова, *prfši* и *perši* у переселенцев в Венгрии (см. G. Horák. Nárečie Pohorelej. Bratislava, 1955, стр. 86; J. Stanislav. Liptovské nárečia. Turčianský Sv. Martin, 1932, стр. 186; F. Buffa. Nárečie Dlhej Lúky v Bardejovskom okrese. Bratislava, 1953, стр. 95; J. Štolc. Narečie troch slovenských ostrovov v Maďarsku. Bratislava, 1949, стр. 360, 420)], как и украинское *пéрший* (при диалектном *пéрвий*) отражают инновацию, центр которой следует, по-видимому, искать в лехитской области, ср. польск. *pierwszy*, словин. *pj̀ẹrši*. По данным польских памятников, еще в первой половине XVI в. в польском языке были часты формы *pirwy*, *pirzwy* (см.: H. Grappin. Les noms de nombre en polonais. Kraków, 1950, стр. 147); таким образом, распространение новой формы можно считать довольно поздним явлением. Она осталась неизвестной лужицким языкам (в.-луж. устар. *pjerwy*, н.-луж. *ṕerwy*) и полабскому (полаб. *pår[w]y*).

Вместе с тем в чешском форма *první* известна в самых ранних памятниках. В XV в. она была распространена на всей чешской территории, поскольку ее уже знали в этот период пограничные с чешскими северо-западные словацкие говоры, отраженные в Жилинской книге [в этом памятнике отмечено 20 раз *první* при трехкратном *prvý* (см.: Fr. Ryšánek. Slovník k Žilinské knize. Bratislava, 1954, стр. 517)].

Предполагаемая чешская инновация должна быть, следовательно, достаточно древней. Однако, несмотря на древность чеш.

první, западнославянские данные как будто не позволяют сомневаться в том, что это слово—новообразование. В.-луж. *prěni* 'первый' делает вероятным предположение В. Махека о возникновении формы *první* под влиянием чеш. *přední* (см.: Machek, стр. 397).

Описанное объяснение становится, однако, довольно шатким в свете некоторых южнославянских диалектных данных. Эти данные свидетельствуют о том, что образование, идентичное чеш. *první*, распространено в ряде окраинных говоров восточной (болгарско-македонской) группы южнославянских языков. Приведем полностью соответствующий материал, относящийся в основном к трем не граничащим друг с другом районам.

1. Северо-западная Болгария и соседние районы Сербии. Г. Видин: *prъ́vńi*, *prъ́vńa* (St. Mladenov, Geschichte der bulgarischen Sprache. Berlin—Leipzig, 1929, стр. 193); с. Ново Село, район Видина: *първн'и пут*, *улёзъл първн'и у вóду* (СбНУ, кн. XVIII, 1901, научен отдел, стр. 499); с. Бела-Рада, район Видина: *пъ́рвен кон* (Цв. Тодоров. Северозападните български говори. — СбНУ, кн. XLI, 1936, стр. 309); с. Долна Рикса, с Вълкова и с. Големо Мърчево, район Михайловграда (б. Фердинанд): *първн'а*, *първна*, *първната битка* (Цв. Тодоров. Указ. соч.); с Върба и с. Ошане, район Белоградчика: *пр́вн'а лоф*, *прве́н за́лок* [А. Берберска. Говорът на с. Ошане (Белоградчишко). — ИССФ, кн. VII, 1931, стр. 110, 112]; г. Књажевац и соседние села — Боровьц, Радичевци, Кожьљ, Жлне, Васиљ, Ново Корито: *пр́вњи*, *пр́вња*, *пр́вњега*, *пр́вњога*, *пр́вњу* (А. Белић. Дијалекти Источне и Јужне Србије. Београд, 1905, стр. 463); район к северу от г. Књажевац: *пр́вњи*, *пр́вња*, *пр́вњо* или *првње* (М. Станојевић. Северно-тимочки дијалекат. — СДЗб, књ. II, стр. 409).

2. Южная Македония. С. Бобишча, район Костура: *първна льу́бна*, *първна лю́бов*, *първна лю́бно* — зв. п. (К. А. Шапкарев. Сборник от български народни умотворения, отдел III (кн. IV). София 1891, стр. 341; отдел IV (кн. V). София, 1891, стр. 54, 178), *първната љубна* (СбНУ, кн. VI, 1891, народни умотворения, стр. 14); с. Церово, район Лерина: *от първнио мъш* (СбНУ, кн. 1891, народни умотворения, стр. 142); с. Воштарани, район Лерина: *во първната вечер*, *първните две вечери* (СбНУ, кн. V, 1891, народни умотворения, стр. 143; СбНУ, кн. VI, 1891, народни умотворения, стр. 170); с. Витолишча, район Мориово: *пъ́рвната* (Кр. Бинев. Народописни материали от Морихово. — МПр, кн. I, 5-6, 1925, стр. 154, 155); район Гевгели: (с. Смоквица) *пръ́внийо*, *пръ́вната*, (с. Кованец) *пръ́вно л'убе*, (с. Давидово) *пъ́рвни кораб*, (с. Габровци) *пръ́вната*, *пръ́вно огреја́не*, *от пръ́вното* (Н. Д. Рачев. Народописни материали от Гевгелийско. — МПр, кн. III, 2, 1927, стр. 105, 109; кн. III, 3, стр. 103, 108, 111, 112); г. Гюмендже

и с. Баровица в районе Гюменджe: *најпрѣвно*, *прѣвна*, *прѣвно* 'сперва' (по нашим записям); с. Висока и с. Сухо в районе Солуни: (Высока) *р'ŗ'тпа*, м. и ж. р., *прѣмнѣ*, м. р., (Сухо) *р'ŗ'vпа*, м. и ж. р., *р'ŗ'vпи*, ср. р., *прѣвнѣ*, м. р. (M. Małecki. Dwie gwary macedońskie, cz. II. Kraków, 1936, стр. 90; J. Ivanov. Un parler bulgare archaïque, — RES, t. II, 1922, стр. 92); с. Просеник в районе Сера (Серре); *првната*, *првнио* (А. Дювернуа. Словарь болгарского языка, вып. VII. М., 1889, стр. 1958 — приводятся записи песен, сделанные в этом селе С. Верковичем). К южномакедонским говорам относятся также записи песен, где встречается интересующая нас форма, в словарях А. Дювернуа (там же) и Н. Герова (Н. Геров. Речник на български език, ч. 4. Пловдив, 1901, стр. 323).

3. Юго-восточная Болгария. По данным картотеки Атласа говоров юго-восточной Болгарии (ответы на вопросы 71 и 72) интересующие нас формы отмечены в селах в районе Елхова — Голям Дервент (*прѣвниọ*), Бояново (*прѣвнийạ*), Кирилово (*прѣвнийạ пѣт*), Попово (*прѣвнийу*), Камен Врѣх (*прѣвнạта*), Оман (*прѣвнạта*), Раздел (*прѣвнийọ*), Вълча Поляна (*прѣвниọ*, *прѣвнийọ*), в с. Подвис (*прѣвнийọ*, *прѣўниў*) и с. Прилеп (*прѣвн'а*) в районе Поляновграда, в с. Странджа и с. Зимница в районе Ямбола (*прѣвнийѣ*) и в с. Черноморец в районе Бургаса (*прѣвн'уф*). Аналогичная форма сохраняется и у переселенцев из юго-восточной Болгарии в с. Суворово Молдавской ССР: *пра́в'ан* (Э. И. Полтораднева-Зеленина. Словарь говора болгарского села Суворово. — СМБД, вып. 5, 1954, стр. 109).

Вне упомянутых выше трех районов рассматриваемая форма отмечена еще в с. Радуил, район Самокова (*прѣвна*, *прѣвни*, *прѣвен*, *наį-прѣвен*, см.: Р. Ангелова. Село Радуил, Самоковско. — ИССФ, кн. VIII-IX, 1948, стр. 341); в г. Врање в Южной Сербии (*пр̂вњога*, см.: А. Белић. Указ. соч., стр. 463). Такая форма была, вероятно, известна и болгарским говорам в районе Коларовграда (б. Шумен), поскольку она встречается у переселенцев из этого района в с. Криничное [*прѣўне*, ж. р., ср. р. и мн., *прѣўн'уў*, *прѣўнета*, *прѣўнету*, *прѣўнете*, см.: В. К. Журавлев. Говор села Криничное (Чешма Варуита). — СМБД, вып. 8, 1958, стр. 83, 84].

Эти данные позволяют объяснить как болгаризмы отмеченные в двух переписанных в России церковнославянских памятниках формы *прьвьнеѥ ... имѧ*, *первьнѩѧ ... цр҃кы* (Срезневский, стр. 1768).

Принимать для болгарских и македонских говоров инновацию, аналогичную чешской и в то же время не связанную с этой последней генетически, кажется затруднительным: южнославянские формы являются формами, выступающими лишь в ряде не связанных друг с другом окраинных говоров, употребляющимися во многих районах (в особенности в Южной Македо-

нии) только в традиционных песенных текстах, вытесняемыми более обычной формой *първи*. Более вероятной кажется реконструкция праславянского (праславянского диалектного) **pьrvjьnjь*: именно такую исходную форму предполагает чеш. *první*, болг. диал. *пръвн'а*, ж. р., с мягким *н'*.

Реконструированное **pьrvjьnjь*(*jь*) содержит суффикс -**ьnj*-. С этим суффиксом, как правило, образуются прилагательные от основы сравнительной степени других прилагательных или наречий, ср. **blizъkъ* || *bliže* — **bližьnjь* (ст.-слав. *bližьńь*, русск. *ближний*, чеш. *bližní*), **nizъkъ* || *niže* — **nižьnjь* (ст.-слав. *nižьnii*, русск. *нижний*, ст.-чеш. *nižní*), *vysok* || *vyše* — **vyšьnjь* (ст.-слав. *vyšьnii*, русск. *всевышний*, чеш. диал. *vyšní*), **drěvje* (ст.-слав. *drěvl'e*, чеш. *dříve*) — **drěvjьnjь* (ст.-слав. *drěvьńь*, *drěvl'ьnь*, русск. *древний*), **dolje* — *doljьnjь* (ст.-слав. *dolьńь*, русск. *дольний*), **gorje* — **gorjьnjь* (чеш. *horní*, русск. *горний*), **davьnъ* || *davje* — **davjьnjь* (ст.-слав. *davьńь*, чеш. *davní*, русск. *давний*), **perdje* (ст.-слав. *prěžde*) — **perdjьnjь* (ст.-слав. *prěždьńь*), **porzdьnъ* || *porzdje* — **porzdjьnjь* (русск. *порожний*), **lixъ* || *liše* (др.-русск. *liše* 'больше') — **lišьnjь* (русск. *лишний*)[1]. Аналогичным образованием от сравнительной степени к **pьrvъ* 'первый' — **pьrvje* 'раньше' (с.-хорв. *прве*, словен. *pȓvlje*, чеш. *prve*) является слав. **pьrvjьnjь*, собственно, 'более ранний, первый по времени'.

---

[1] Подобное употребление суффикса -*ьnj*- как будто позволяет отделить его от обычных отыменных формантов -*ьn*-, -*ьnj*- (типа слав. *bratrьnjь*, ср. лит. *sidabrìnis*) и сблизить с литовским формантом сравнительной степени -*esnis* < *-*ies-n-io*-. Слав. -*ьnj*- в этом случае следует возводить через стадию -*ьxnjь* (с утратой -*x*- в сочетании -*xn*- как в **luna*, **čьrnъ* < **luxna*, **сьrxnъ*) к *-*is-n-io*- с нулевой ступенью огласовки первого суффикса в отличие от балтийского. Такая реконструкция позволяет думать о балто-славянском преобразовании форманта сравнительной степени *-*is-on*-, представленного в греческом (ἡδίων, ср. р. ἥδιον) и германском (гот. *hardiza*, Gen. *hardizins*).

В. В. Виноградов

ИСТОРИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

(письмоносец, светоч, почва, плюгавый, поединок, предвзятый, предумышленный, представитель, царедворец)

1. ПИСЬМОНОСЕЦ

Многие славянизмы на протяжении веков то выталкиваются из лексической системы русского литературного языка, то вновь включаются в нее. Изучение этого явления прежде всего должно быть дифференцировано в отношении непроизводных и производных слов. Ведь производные слова могут не только реставрироваться, но и вновь создаваться из соответствующих морфологических элементов по живым моделям. В каждом отдельном случае вопрос должен быть подвергнут всестороннему обследованию на фоне общей истории русского литературного словообразования, и только реконструкция полной, конкретной истории отдельных слов или семантических рядов слов даст вполне надежный материал для открытия общих закономерностей в развитии этих семантических процессов.

Интересна судьба слова *письмоносец*. Его нет в «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского. Однако есть все основания утверждать, что в позднем церковнославянском языке XVI—XVII вв. такое образование уже существовало (ср. в кн. «Эсфирь», 8, 10: «Послаша писания через *письмоносцы*»). В русском литературном языке XVIII в. это слово не было употребительно[1]. Оно было вытеснено заимствованиями — *постильон*, *почталион*, *почтарь* (ср. польк. *postyliion* и *pocztarz*, нем. *postilion*, франц. *postillon*). Н. А. Смирнов отметил в официальном языке начала XVIII в. обе формы — *почталион* и *постильон*[2]. Понятно, почему в словарях Академии Российской слово *письмоносец* квалифицируется как чисто «славенское», т. е. свойственное преимущественно церковнославянскому языку или высокому, торжественному слогу. Употребление этого слова иллюстрируется лишь цитатой из Библии. Определяется слово *письмоносец* так: «посыльный к кому с пись-

---

[1] Ср. в «Русском словотолке» проф. Н. Курганова: «*Постилион, почтарь* — гонец, баскак». «Писмовник . . .», Изд. 6, 1796, стр. 258.

[2] Н. А. Смирнов. Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху. «Сборник Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук», т. 88, № 2. СПб., 1910, стр. 235.

мами»[3]. Но, понятно, в высоком слоге XVIII в. индивидуальное употребление слова *письмоносец* было вполне возможно. Между прочим, слово *письмоносец* встречается в Вейсмановом «Латино-немецко-русском лексиконе» 1731 г. (стр. 729).

В академическом словаре 1847 г. слово *письмоносец* уже прямо признается церковным. Оно истолковывается так: «посыльный с письмами»[4]. Во всяком случае ясно, что слово *письмоносец* не употреблялось в официальном, деловом стиле XVIII и XIX вв. Здесь ему соответствовали образования: *письмовручитель* (отмеченное лишь в словарях Академии Российской как возможный синоним слова *письмоподатель*) и *письмоподатель*. Слово *письмоподатель* указывается и в «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 г. — без всякой стилистической пометы. Оно определяется так: «подающий, приносящий письмо»[5].

В «Толковом словаре» В. И. Даля, как и следует ожидать, слово *письмоносец*, взятое из академического словаря 1847 г., приводится без всяких ограничительных указаний: «*письмоносец* — разнощик писем, писемщик»[6]. Очевидно, Даль был не прочь ввести это слово в общее употребление. Тем более что слово *почтарь*, так же как и *почталион*, имело более широкий объем значения: «присяжный почтовый служитель для провожанья, отвоза почты и разноски писем, гонец»[7].

Конечно, и тогда в индивидуальном употреблении слово *письмоносец* могло возникать и применяться, выражая свой прямой этимологический смысл. Но оно не было официальным термином и не входило в активный словарь литературного языка в течение всего XIX в. и начала XX в. — до эпохи Великой социалистической революции. М. Хостник в «Словинско-русском словаре» (Горица, 1901) при словинском слове *pismonosec* выражает пожелание, чтобы такое же слово было введено в русский язык вместо *почтальон*. Академик П. А. Лавров в рецензии на словарь Хостника не оспаривал этого замечания о неупотребительности в русском языке конца XIX — начала XX в. слова *письмоносец*[8].

А. М. Селищев в своем исследовании «Язык революционной эпохи» (М., 1928) еще не отметил возрождения слова *письмоносец*. Очевидно, широкое распространение слова *письмоносец* в наше время относится лишь к 30-м годам XX в. Не может быть сомнения в том, что это слово вновь образовано

[3] «Словарь Академии Российской», ч. IV. СПб., 1822, стб. 1084.
[4] «Словарь церковнославянского и русского языка», т. III. Изд. 2. СПб., 1867, стб. 463.
[5] Там же.
[6] Даль, III. Изд. 2, стр. 115.
[7] Там же, стр. 384.
[8] ЖМНП, 1902, январь, стр. 185.

по типу *орденосец*, *знаменосец*, *оруженосец* и т. п. Нет никаких оснований предполагать, что в современном русском языке произошла реставрация древнерусского славянизма.

2. СВЕТОЧ

История значений слова тесно связана не только с переходом, с переключением этого слова из одной социально-языковой (сословной, профессиональной, групповой) системы в другую, но и с его морфологическими переразложениями, с его стилистической переквалификацией, с его блужданиями по разным стилям литературной речи.

Слово *светоч* в современном русском языке относится к книжно-риторическому стилю и употребляется по большей части в переносном смысле — применительно к тому, кто или что является источником просвещения, свободы, высоких идей. Ср. выражения: «*светочи* науки», «*светочи* христианства», «*светоч* демократизма».

Но в русском литературном языке XVIII и первой половины XIX в. без резкого оттенка высокого, патетического стиля слово *светоч* могло выражать и свое прямое значение: 'свеча, факел, светильник'. Так, у И. И. Лажечникова в романе «Басурман» (ч. II, гл. 6): «Дверь отворилась и — перед ним старик, белый, как лунь. *Светоч*, который он держал в руке, освещал на лице его грустную заботливость». Ср. там же: «вырывают *светочи* из рук холопов»; «спрашивали друг друга о причинах тревоги, зажигали *светочи*, толкали друг друга» [9]. Ср. у Пушкина в стихотворении «Андрей Шенье»:

Твой *светоч*, грозно пламенея,
Жестоким блеском озарил
Совет правителей бесславных;
Твой бич настигнул их, казнив
Сих палачей самодержавных [10].

Ср. у И. И. Лажечникова в рассказе «Гримаса моего доктора (Из походной записной книжки 1813 года)»: «Печать бога резко означалась на высоком челе, в глазах горел *светоч* ума и благородства» [11].

Любопытно, что в словарях Академии Российской, в «Общем церковно-славяно-российском словаре» акад. П. И. Соколова, в «Академическом словаре церковнославянского и русского

---

[9] И. И. Лажечников. Собр. соч., т. V. СПб., 1858, стр. 131; ср. «Басурман». Изд. «Известия». М., 1961, стр. 178, 179, 185.

[10] А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. II. М.—Л., 1949, стр. 260. См.: М. И. Михельсон. Русская мысль и речь. СПб., 1912, стр. 780—781.

[11] И. И. Лажечников. Собр. соч., т. VII. СПб., 1858, стр. 353.

языка» 1847 г. слово *светоч* определяется как «большая свеча, факел» и не сопровождается никакой пометой. Это говорит о том, что в то время слово *светоч* считалось принадлежностью простого и среднего стилей. Та же позиция в отношении слова *светоч* поддерживается и «Толковым словарем» В. И. Даля, но здесь указывается своеобразный оттенок употребления этого слова. «*Светоч* — большая свеча или факел, смолевая горелка. Похороны со *светочами*» [12]. Даль указывает и производное слово *светочник* — факелоносец, факельщик [13].

Очевидно, в русском литературном языке второй половины XIX в. слово *светоч* в своем прямом значении становится устарелым. Оно вытесняется синонимом *факел*. Но в риторическом стиле оно употребляется в переносном смысле (ср. «*светильник* науки» и т. п.).

В «Малом толковом словаре русского языка» П. Е. Стояна (изд. 3. Пг., 1916, стр. 530) слово *светоч* толкуется таким образом: «1) яркий светильник; факел; большая свеча. 2) гениальный поэт; философ, мыслитель». Ср. в «Дневнике» Ел. Дьяконовой («Дневник на Высших женских курсах», 1895 г.) в передаче содержания лекции проф. И. М. Гревса: «Интеллигентный человек для своего развития должен заниматься наукой. Может ли масса действительно служить обществу, как свет? (Сумма интеллигентных факторов в обществе — то, что по-французски называется *светочами* — les lumières)» [14].

Нельзя сомневаться в том, что слово *светоч* — русское, не заимствованное. Вместе с тем морфологический состав этого слова кажется странным, непонятным. Древний суффикс *-очь* в словах мужского рода в русском литературном языке не сохранился. Правда, такой суффикс, несомненно, существовал в давней славянской языковой системе. Проф. Г. А. Ильинский в своей «Праславянской грамматике» возводил суффикс *-очь* (*-осъ*) к древнейшей общеславянской системе словообразования (примеры: *blьvočь* 'плевок', *laskočь* 'adulator', 'льстец') [15].

Если отнести слово *светочь* к этому древнейшему типу отглагольного словообразования, то оно было бы единственным его остатком в составе русского языка. Вместе с тем нет никаких оснований подозревать здесь русское заимствование хотя бы из старославянского языка или вообще из южнославянских языков. Слово *светоч* является исконным руссизмом. Однако в современных народных говорах и в древнейших па-

---

[12] Даль, IV. Изд. 2, стр. 161.

[13] Ср. там же попытку Даля сопоставить со словом *светоч* слово *светчий* — свадебный чин, дружка. Это неправильное сближение. Ср. *ловчий*, *кравчий* и т. п.

[14] «Дневник Елизаветы Дьяконовой». Изд. 4. М., 1912, стр. 194.

[15] Г. А. Ильинский. Праславянская грамматика. Нежин, 1916, стр. 378.

мятниках русской письменности пока не отмечено слова *светоч*. Правда, в «Словаре белорусского наречия», составленном И. И. Носовичем (СПб., 1870), указано слово *светоч* как широко распространенное в белорусской народной речи: «*Светоч*... Светец. Лучинка выпала с *светоча*. Посвеци мне! — Я не *светоч* тобе, што буду свецить» (стр. 576). Но в «Словаре украинского языка» Б. Д. Гринченка (Киев, 1909) слово *світоч* не отмечено. В современном «Русско-украинском словаре» под редакцией акад. М. Я. Калиновича (Киев, 1948) для слова *світоч* указывается только переносное значение, что свидетельствует о позднем заимствовании его из русского литературного языка.

Вместе с тем есть указания на то, что форма *светочь* могла возникнуть в результате фонетического видоизменения другого народного русского суффикса. Можно думать, что этот процесс морфологического преобразования состава слова произошел в конце XVII — начале XVIII в. на почве акающих говоров. В самом деле, в древнерусском языке отмечено слово *свѣтычь* в значении 'фонарь', 'светильник'. В «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского (т. III, стр, 297) приведен такой пример из «Хожения за три моря Афанасия Никитина»: «А ѣздять на конех да в доспѣсех, да у всех по *светычю*». В той же форме известно это слово и в языке XVII в. Например, в Ратном Уставе (II, 42): «Возити въ ней *свѣтычь* желѣзной съ острымъ петникомъ желѣзнымъ»[16].

В современных народных говорах также известно слово *светыч*. В. И. Даль считает это слово западным, т. е. типичным преимущественно для говоров, близких к белорусскому и украинскому языкам: «*Светильна* ж. прм. вят., *светыч* зап., а вообще *светец* — коза, род шандала для лучины; железный, пониже аршина, треножник, с лещедкой или рассошкой, для вложения горящей лучины, деревянный столбик в донце с железными ушами, с вилкою вверху»[17]. В украинском языке также есть слово *свитыч*[18]. В «Опыте сравнительного словаря русских говоров» Ил. Свенцицкого («Живая старина», 1900, вып. I—II, стр. 227) отмечено: в украинских и северноруcских говорах «*светич* (Либ. Т. С.), род шандала для лучины; (Яс.) длинная жердь со свечкой на конце, служащая для зажигания свечей в церкви». Впрочем, как указано выше, в украинский литературный язык из русского языка вошло и слово *світоч* (см. «Російсько-український словник». Киев, 1937, стр. 717). Слово *світоч* и там употребляется лишь в переносном смысле.

---

[16] «Словарь церковнославянского и русского языка», т. IV. Изд. 2., СПб., 1867, стр. 223.

[17] Даль, IV, стр. 161.

[18] См., например: Е. Тимченко. Русско-малороссийский словарь, т. II. Киев, 1899, стр. 156.

Таким образом, семантическая история слова *светоч* становится более или менее ясной. Древнерусскому языку, во всяком случае его феодально-областным разновидностям, было свойственно слово *свѣтычь*. Оно обозначало источник света или прибор, приспособление для освещения. Понятно, что материальный вид, внешние формы и технические свойства *светыча* были различны в разной среде, в разных условиях материальной культуры. *Светычь* — и примитивное сооружение для лучины, факел, и несомая в руках свеча, но никогда не лампа и не лампада. Слово *светычь* вошло и в московский государственный язык. Оно имело все основания для того, чтобы стать общенациональным. Однако суффикс *-ычь*, легко выделяемый при наличии такой основы, как *свет-*, выдавал его диалектную и архаическую природу. Он имел слишком яркую народную, демократическую окраску. В русском литературном языке не было однородного суффикса с той же функцией: суффикс *-ич* (и его варианты *-ович* и отсюда просторечное *-ыч*) указывает на лиц, обозначаемых по их семейным или общественно-территориальным отношениям. Слово *светычь* оставалось одиноким, изолированным. Этим объясняется его фономорфологическая деформация в *светоч*. В этой форме слово *светоч* теряет стилистические черты просторечия или простонародности. Оно уже в литературном языке XVIII в. входит в норму среднего стиля. Вместе с тем оно отрывается от своей бытовой базы. Оно перестает быть названием обиходного предмета. Его значение становится отвлеченным, книжным и одновременно в узком профессиональном кругу специализируется применительно к погребальным факелам. Весь этот антураж содействует последовавшему в середине XIX в. переходу слова *светоч* в сферу высокого, литературно-риторического стиля. Таким образом, история слова *светоч* представляет яркий пример резких стилистических перемещений слова, связанных с изменениями морфологического облика слова и его семантической структуры, его фразеологического окружения.

Вместе с тем эта история заставляет допустить для древнейшей эпохи истории славянских языков суффикс *-yčь* (*-ычь*) рядом с *-укъ* (*-ыкъ*). Ср. *jęzukъ* (совр. язык), *kamykъ* (камыкъ), *kremykъ* (кремыкъ); ср. *voldyka* (ст.-слав. владыка), *motyka* (мотыка)[19].

3. ПОЧВА

Слово *почва* этимологически родственно слову *подошва*. Согласно объяснению А. А. Потебни[20], *почва* образовалось из *подъшьва* после утраты редуцированных звуков и вызванной

[19] Ср.: Г. А. Ильинский. Указ. соч., стр. 379.

[20] А. А. Потебня. К истории звуков русского языка, IV. Этимологические и другие заметки. Варшава, 1883, стр. 82.

этим процессом ассимиляции групп согласных, т. е. приблизительно в XIV—XV вв.

Как известно, в областных русских диалектах широко распространена и форма *пошва* из *потшва* (очевидно, там, где *ш* рано отвердело).

Этимология, предложенная Потебней, принимается большинством ученых, например А. Л. Погодиным[21], А. Преображенским[22], Л. А. Булаховским[23], А. А. Шахматовым[24] и Л. Л. Васильевым[25]. Верность гипотезы Потебни подтверждается и показаниями родственных славянских языков, и древних памятников русского языка, и тесной семантической связью, еще не вполне разорвавшейся в народных говорах, между историей слов *почва* и *подошва*. В самом деле, слово *почва* в некоторых областных крестьянских говорах русского языка, например олонецких, и до сих пор сохраняет старинное значение: 'подошва'.

Слово *подъшьва* в языке древнерусской письменности выражало два основных значения: 1) нижняя часть обуви, имеющая форму ступни, испод обуви (как определяет И. И. Срезневский, нижняя часть ступни); 2) фундамент, основание. Например, в Копенгагенском сборнике XVII в.: «Пожгло не токмо что полаты но и *подшву* каменую»[26]. Эти значения сохраняются в слове *подошва* и до настоящего времени, особенно в профессиональных диалектах. В «Словаре Академии Российской» значения слова *подошва* определяются так: 1) исподняя часть ступни у человека, простирающаяся от пальцев до запяток, низ обуви; 2) толстая кожа, подшиваемая к низу обуви. *Подошвы у сапогов протоптались*; 3) самый низ, основание чего. *Подошва* горы, стены, башни. *Срыть дом до подошвы*[27].

---

21 А. Л. Погодин. Следы корней-основ в славянских языках. Варшава, 1903, стр. 202, примеч.

22 Преображенский, II, стр. 118.

23 Л. А. Булаховский. Исторический комментарий к русскому литературному языку. Изд. 3. Киев, 1950, стр. 104. — Л. А. Булаховский предполагает, что первоначально соответствующее образование звучало *подъшьвь*, откуда *подшевь* и затем *почевь*, а в косвенных падежах— *подошви* (ср. чеш. диал. *počev*, род. пад. ед. *počvi* и *počva*, *počvu*).

24 А. А. Шахматов писал: «При *подъшьва*, откуда *подошва*, существовало исконно *подшьва*, ср. в *подшву* Устюж. 1554, № 111, совр. великор. *почва*» («Очерк древнейшего периода истории русского языка». «Энциклопедия славянской филологии», вып. 11, ч. 1. ОРЯС АН. Пг., 1915, стр. 248).

25 Л. Л. Васильев, допуская возможность в древнерусском языке исчезновения подряд двух глухих, ссылается на образование *почва* из *подъшьва* («К характеристике сильно-акающих говоров». — РФВ, 1907, № 4, стр. 259. Ср.: его же. Одно соображение в защиту написаний *ьрь*, *ьръ*, *ъръ*, *ълъ* древнерусских памятников как действительных отражений второго полногласия. — ЖМНП, ч. XXII, 1909, август, стр. 308).

26 Срезневский, II, стр. 1071—1072.

27 «Словарь Академии Российской», ч. IV, стр. 1311.

Ср. у Е. В. Барсова в «Причитаниях Северного края» (ч. I. М., 1872, стр. 285): «До *подошвы* они [мироеды] всех да разоряют».

В академическом «Словаре церковнославянского и русского языка» к этим трем значениям присоединяется четвертое — архитектурное: «Две верхние точки над опорами, где упираются оба конца линии свода»[28]. Очевидно, это специальное значение сложилось лишь в конце XVIII—в начале XIX в.

Слово *почва*, отделившись от слова *подошва* (в силу фонетических отличий и связанной с ними морфологической неразложимости), естественно, должно было развить в разных диалектах, а затем и в литературном языке иные значения. По-видимому, первоначальные значения — 'подшиваемая нижняя часть обуви, имеющая форму ступни' и 'нижняя часть ступни' — сохраняются в слове *почва* лишь в областных говорах. Отсюда на основе метонимического переноса развилось значение: 'низ, основание, то, на чем стоит нога; верхний слой земли'.

В русском литературном языке XVIII в. считалась более нормальной и во всяком случае была более распространенной форма *пошва*, чем *почва*. По крайней мере в «Словаре Академии Российской» находим: «*Пошва* и *почва*, *-вы*, с. ж. 1 скл. Материк. *Дорыться до почвы*»[29].

У И. Н. Болтина в «Примечаниях на Леклерка» (I, стр. 549): «Отдаление от средоточия государства, *пошва* неплодная, климат суровый, местоположение низкое и болотное»[30].

У Г. Р. Державина употребление формы *пошва* обычно:

... с *пошвы* до конька.
И около презренным взглядом
Мое строение слегка
С своим обозревая рядом,
Ты ... мнишь...[31]

Ср.: На *пошве* их моря явятся[32].

В той же диалектной оболочке *пошва* встречается и в литературном языке первой четверти XIX в., например у П. А. Вяземского. «Мои слова — зерна, — пишет он А. И. Тургеневу 20 января 1821 г. — Сами собою ничего не значат, но, вверен-

---

[28] «Словарь церковнославянского и русского языка», т. III, стр. 565.

[29] «Словарь Академии Российской», ч. V. СПб., 1822, стр. 115.

[30] М. И. Сухомлинов. История Российской Академии, вып. V. СПб., 1880, стр. 158.

[31] См.: А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, 1. Введение. Харьков, 1888, стр. 16.

[32] См.: Г. Р. Державин. Сочинения, т. IX. СПб., 1883, стр. 342, 411.

ные *пошве* производительной, они могут приготовить богатую жатву. Ты — *пошва* хорошая ли? Ты можешь хорошо зачать (concevoir), я знаю; но не слишком ли осторожная, не слишком ли ты обдумывающая *пошва*?»[33]

Более живучим в слове *почва* оказалось значение 'низ, основание, фундамент'. Это значение сохраняется не только в народных диалектах, но и в специальных, технических языках. Оно отмечалось «Словарем церковнославянского и русского языка» 1847 г. Пример: «*почва* россыпей»[34].

В связи с этим значением находятся и другие профессионально-технические значения слова *почва*, оформившиеся к XVIII в. Они так описываются академическим словарем 1847 г.: «В горном и заводском производствах: а) нижняя часть всякой горизонтальной выработки; б) чугунная доска под пестами толчеи, похзоль; в) под плавиленной печи; г) пол плавильни»[35].

В современном языке сюда же примыкает геологическое значение: «порода, на которой залегает полезное ископаемое»[36].

По-видимому, на основе значения 'низ, основание, фундамент' складывается не позднее XVII в. значение: 'грунт, твердая земля, поверхность земли, верхний слой земной коры'.

В XVIII в. сюда же примыкает научное значение, выработанное в геогнозии: «Система формации известной древности (*почва* меловая, каменноугольная), тот или иной состав, то или иное качество верхнего слоя земной коры в той или иной местности (глинистая *почва*, черноземная *почва* и т. п.)».

В языке Пушкина слово *почва* отмечено лишь в «Анчаре»:

В пустыне чахлой и скупой,
На *почве*, зноем раскаленной,
Анчар, как грозный часовой,
Стоит — один во всей вселенной[37].

В 40—50-х годах XIX в. происходит новый семантический скачек в истории значений слова *почва*. Оно сближается с французским *terrain*. Под влиянием французского переносного словоупотребления складывается новая фразеология: нащупать *почву* — tâter *un terrain*, зондировать *почву* — sonder *un terrain*, найти (подходящую) *почву* — trouver *un terrain*, не терять *почвы* (под ногами) — ne pas perdre *un terrain*, на *почве* чего-

[33] Ср.: Л. А. Булаховский. Русский литературный язык первой половины XIX века, т. 1. Киев, 1941, стр. 222.
[34] «Словарь церковнославянского и русского языка», т. III, стр. 876.
[35] Там же.
[36] Ушаков, III, стр. 673.
[37] «Словарь языка Пушкина», т. III. М., 1959, стр. 616.

нибудь — sur *le terrain*, иметь под собой твердую *почву*, создать благоприятную *почву* и т. п.[38]

В слове *почва*, отчасти на основе его старого значения — 'основание, фундамент', отчасти на основе семантических толчков, идущих от французского языка, развивается фразеологически связанное переносное значение — 'опора, основа, то, на чем можно утвердиться'.

Например, у Н. Г. Чернышевского в «Очерках гоголевского периода русской литературы»: «То, что не имеет корней в *почве* жизни, остается вяло и бледно, не только не приобретает исторического значения, но и само по себе, без отношения к действию на общество, бывает ничтожно»[39]. В письме В. П. Боткина И. С. Тургеневу от 17 ноября 1865 г.: «Верно, без *почвы* никакое литературное произведение не будет удачно; я разумею без сознательно твердой *почвы*... дар поэзии дан тебе русскою *почвою*»[40].

У Ф. М. Достоевского в статье «Г-бов и вопрос об искусстве»: «Вся *почва*, вся действительность выхвачена у вас из-под ног»[41].

У И. С. Тургенева в «Рудине»: «Строить я никогда ничего не умел; да и мудрено, брат, строить, когда и *почвы*-то под ногами нету, когда самому приходится собственный свой фундамент создавать!»[42]

У Достоевского в «Скверном анекдоте»: «Он терялся, он чувствовал, что ему неловко, ужасно неловко, что *почва* ускользает из-под его ног, что он куда-то зашел и не может выйти, точно в потемках»[43]; у него же в «Идиоте»: «Кто *почвы* под собой не имеет, тот и бога не имеет»[44].

У Салтыкова-Щедрина: «*Почва* колебалась под ногами; завтрашний день представлялся загадкою» («Круглый год», 1 мая)[45].

У Данилевского в романе «Девятый вал»: «Экзамены были на носу. Подготовляю *почву*, — думал он: там и за экзамены»[46].

---

[38] Ср. у К. С. Станиславского: «Мы не умели создавать в своей душе благоприятную *почву* для сверхсознания» («Моя жизнь в искусстве». М., 1933, стр. 387).

[39] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. II. СПб., 1906, стр. 272.

[40] В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Неизданная переписка, 1851—1869. Academia. М.—Л., 1930, стр. 230—231.

[41] Ф. М. Достоевский. Полн. собр. соч., т. 10. СПб., 1883, стр. 59.

[42] И. С. Тургенев. Собр. соч., т. 2. ГИХЛ. М., 1954, стр. 126.

[43] Ф. М. Достоевский. Собр. соч., т. 4. М., 1956, стр. 26.

[44] Ф. М. Достоевский. Собр. соч., т. 6. М., 1958, стр. 618.

[45] М. Е. Салтыков-Щедрин. Полн. собр. соч., т. XIII. ГИХЛ. Л., 1956, стр. 215.

[46] М. И. Михельсон. Русская мысль и речь. СПб., 1912, стр. 681.

У П. Боборыкина в рассказе «Прошло»: «Когда *почва* была подготовлена, она очутилась в его объятиях»[47].

У Б. Маркевича в произведении «Марина из Алого рога»: «Марина чувствовала, что у нее уходит *почва* под ногами, что она приходит к заключениям, совершенно противоположным тому, что она до сих пор почитала реальной истиной и... говорила себе... что она изменяет свои убеждения...»[48].

Ср. у Н. И. Пирогова в «Дневнике старого врача»: «Такому органическому (мозговому) уму, как наш, конечно, трудно себе вообразить другой, да еще высший ум без органической *почвы*»[49].

У К. С. Станиславского: «Что было неясно, стало ясным; что было без *почвы*, получило ее»; у него же: «Девственная, нетронутая *почва* молодежи воспринимает все, что ни посеешь ей в душу»[50].

В 50—60-х годах в кругах «молодой редакции Москвитянина», а затем в кружке Ап. Григорьева, Ф. М. Достоевского и Н. Н. Страхова слово *почва* приобретает значение: 'родная национальная среда, глубоко народная основа жизни'. Ср, *почвенник*, *почвенничество*.

У Н. Г. Помяловского в романе «Молотов»: «... Среда... ...заела... Новые пустые слова... я просто продукт своей *почвы*»[51].

У А. К. Толстого в стихотворении «Поток-богатырь»:

> Тут все подняли крик, словно дернул их бес,
> Угрожают Потоку бедою.
> Слышно: *почва*, гуманность, коммуна, прогресс.
> И что кто-то заеден средою...[52]

У Ф. М. Достоевского в «Записках из подполья»: «Я вас прошу, господа, прислушайтесь когда-нибудь к стонам образованного человека девятнадцатого столетия, страдающего зубами, ...когда он начинает уже не так стонать, как в первый день стонал... а так, как человек, тронутый развитием и европейской цивилизацией стонет, как человек «отрешившийся от *почвы* и от народных начал», как теперь выражаются»[53].

В «Зимних заметках о летних впечатлениях»: Зато как же мы теперь самоуверенны в своем цивилизаторском призвании,

---

[47] М. И. Михельсон. Русская мысль и речь, стр. 105.

[48] Там же.

[49] Н. И. Пирогов. Сочинения, т. II. СПб., 1910, стр. 26.

[50] К. С. Станиславский. Моя жизнь в искусстве. М., 1933, стр. 198 и 678.

[51] Н. Г. Помяловский. Полн. собр. соч., т. I. Academia. М.—Л., 1935, стр. 181.

[52] А. К. Толстой. Стихотворения. Л., 1958, стр. 255.

[53] Ф. М. Достоевский. Собр. соч., т. 4, стр. 143—144.

как свысока решаем вопросы, да еще какие вопросы-то: «*почвы* нет, народа нет...»[54]

У Достоевского в «Дневнике писателя»: «Он [Пушкин] первый (именно первый, а до него никто) дал нам художественные типы красоты русской, вошедшей прямо из духа русского, обретавшейся в народной правде, в *почве* нашей, и им в ней отысканные»[54a].

Слово *беспочвенный* в современном русском языке означает: 'необоснованный, не имеющий под собой никакой почвы, никакой опоры'. Например, *беспочвенный* замысел, *беспочвенная* гипотеза, *беспочвенная* надежда.

Это слово возникло в русском литературном языке не ранее 50—60-х годов XIX в., когда сформировались и вполне определились переносные значения слова *почва*: 1) 'опора, основа', 2) 'глубоко народная основа жизни, родная национальная среда'. Например, у Н. С. Лескова в «Загадочном человеке»: «Он сам родился в Польше, стране, подвластной России и ненавидящей ее, — какое, в самом деле, могло быть отечество у такого, так сказать, *беспочвенного* гостя земли?»[55]

4. ПЛЮГАВЫЙ

Многие областные слова русского языка, встречающиеся по преимуществу в северо-западных и юго-западных говорах, находят соответствие в украинском и белорусском языках, а также в западнославянских языках. И часто бывает трудно решить, откуда и каким путем попали они в словарь русского литературного языка: непосредственно из западнославянских языков, или через украинское и белорусское посредство, или же более близким путем — из самой областной русской народной речи. Лишь подробное изучение семантической истории таких слов и географических границ их бытования, их «путешествий» в разные периоды развития русского языка может привести к точному и исчерпывающему ответу на все эти вопросы.

В составе же русского литературного языка слова этого типа всегда воспринимались и по своей экспрессивно-стилистической окраске, и по кругу употребления как просторечно-народные, а иногда даже вульгарные. На них не лежало печати модного заимствования. Пример — слово *плюгавый*.

В современном языке оно относится к просторечно-фамильярному стилю речи и окутано экспрессией крайнего презрения, почти брани. Оно значит: 'неказистый, невзрачный, мерзкий,

---

[54] Ф. М. Достоевский. Собр. соч., т. 4, стр. 79.

[54a] Ф. М. Достоевский. Полн. собр. соч., т. 12, СПб., 1884, стр. 410.

[55] Н. С. Лесков. Собр. соч., т. 3. М., 1957, стр. 283.

дрянной' (ср. *плюгавец*, *плюгавенький*). В русских областных народных говорах оно распространено не очень широко, и притом почти исключительно на Западе и Юге России, и особенно в говорах, соприкасавшихся с белорусским и украинским языками. Так, еще в «Опыте областного великорусского словаря» (СПб., 1852) были указаны псковские (опочецкие) слова: *плюгавик* 'змей', 'гад'; *плюгавка* 'мышь', 'крыса'.

В «Дополнении к Опыту областного великорусского словаря» (СПб., 1858) находим: «*Плюга́вить*, гл. ср. Бездельничать. Ряз.

Плюгавый, *ая*, *ое*, пр. Бездельный, бездельник. Ряз» (стр. 183).

В. И. Даль прибавил сюда новые значения глагола *плюгавить*: 'гадить, поганить, портить, пакостить' с отметкой, что этот круг значений типичен для южных русских говоров[56]. Слова с основами *плюг-* — *плюгав-* очень активны и употребительны в украинском и белорусском языках (ср. укр. *плюгавы*; *плюгавство* 'гадость, мерзость'; *плюгаш*, *плюгавыця*; *плюга* 'некрасивая'; блр. *плюгавый*, *плюгавство* и т. п.). В польском языке находим: *plugawy* 'грязный, мерзкий, пакостный'; *plugawstwo*; *plugawiec* 'неряха', *plugawica* 'неряха', *plugawic* 'грязнить'; ср. в чешском: *plihavý* 'кто таскается', *plihavec* 'потаскуха', *plihati* 'таскать, волочить', *plihati se* 'таскаться'; в словацком: *pl'uhat'*, *pl'uhavý*[57].

В русский литературный язык слова *плюгавый*, *плюгавство* попали не ранее XVI в. из языка Литовского (или Литовско-Русского) государства. Например, в «Актах Археографической экспедиции» (III, 384): «И русских людей называл *плюгавством*, а литовских людей похвалял во всем»[58]. Однако можно думать, что до начала XIX в. *плюгавый* и производные не были широко употребительны в русском литературном языке, даже в простом его слоге. Во всяком случае эта группа слов не нашла себе места в словарях Академии Российской. По-видимому, она относилась к разряду вульгарно-областных речений.

В светских стилях повествовательной прозы первой трети XIX в. эти слова также были малоупотребительны. Но в пассивном словаре экспрессивной фамильярно-разговорной речи слова *плюгавый*, *плюгавец* со значением 'невзрачный, гадкий, мерзкий, внушающий отвращение своим неказистым и неприятным видом, вызывающий гадливое чувство' сохранялись с XVII в. В языке русской реалистической литературы XIX в. они ожили. Они обычны в языке Достоевского[59], Салтыкова-Щедрина и Н. С. Лескова (ср. в романе «Некуда») и употреб-

---

[56] Даль, III, стр. 132.
[57] См.: Vasmer, II, стр. 377.
[58] «Словарь церковнославянского и русского языка», т. III, стр. 488.
[59] См.: Ушаков, III, стр. 312.

ляются как чисто народные русские клеймящие эпитеты (в составе авторского повествования). В языке Пушкина слово *плюгавый* встречается лишь дважды (один раз в цитате). Характерен контекст употребления:

Иная брань, конечно, неприличность,
Нельзя писать: такой-то де старик,
Козел в очках, *плюгавый* клеветник,
И зол, и подл: все это будет личность [60].

Понятно, что нарисованная здесь картина «жизни» слова *плюгавый* является очень неполной. Остается неясным, было ли действенным встречное движение слова *плюгавый* из областных русских говоров или из украинского языка по направлению к русскому литературному языку в XIX в. и были ли перерывы в литературном употреблении этого слова на протяжении XVIII и первой половины XIX в. Нельзя не обратить внимания на то обстоятельство, что книжное образование *плюгавство* в русском языке XVIII и XIX вв. неупотребительно.

Следовательно, по отношению к словам славянского корня даже этимологическая проблема не может всегда с уверенностью разрешаться в сторону заимствования или исконного родства. Вместе с тем слова, вовлекаемые в лексический строй русского литературного языка из других славянских языков, особенно в тех случаях, когда их морфологическая структура находила себе близкие соответствия в привычных литературных или народных русских словах, никогда не представлялись в аспекте лексической системы русского языка заимствованиями (ср. историю значений таких слов, как *право*, *причина*, *особа*, *щеголь* и т. п.). Правильнее всего считать, что слово *плюгавый*, находящее себе соответствия в западнославянских и восточнославянских языках и употребительное в русских народных говорах — южных и западных, проникло в литературный язык из диалектной речи.

5. ПОЕДИНОК

Слово *поединок* носит книжный отпечаток. Оно обозначает борьбу двух противников. Иногда употребляется и в переносном смысле применительно к спору, прениям, состязаниям, диспуту двух сторон, двух собеседников. Морфологический состав этого слова: *по-един-ок* не вполне обычен для русского языка. Между тем нельзя отнести это слово и к числу старославянизмов. Оно неизвестно ни в старославянской письменности, ни в памятниках русского языка до конца XVII — на-

[60] «Словарь языка Пушкина», т. 3. М., 1959, стр. 374.

чала XVIII в. А. А. Лебедев в исследовании «К истории кулачных боев на Руси» пишет о русском быте до XVIII в.: «Собственно название „*поединок*“ и не употреблялось ни в устной речи, ни в законе, а имелся термин „поле“; напр., „дать им поле“ или „прошу поля“» («Русская старина», 1913, август, стр. 328). В Судебнике 1497 г. читаем: «А биться на поле бойцу с бойцом или небойцу с небойцом, а бойцу с небойцом не битися». О «поле» говорится в Уложении 1649 г. (гл. 10).

Все это свидетельствует о том, что слово *поединок* укрепилось в русском языке не ранее самого конца XVII в. Ему соответствует в польском языке *pojedynek*, *-nku* 'единоборство, борьба один на один, состязание двух противников' (*pojedynkować* 'единоборствовать, биться на поединке')[61].

В «Лексиконе треязычном» Ф. Поликарпова слова *поединок* нет (хотя и приводится в качестве наречия выражение *поединому* — καθ' ἕκαστον, singulatim). Однако в «Немецко-латинском и русском лексиконе» 1731 г. уже отмечено при передаче *Duell*, *duellum* и слово *поединок*: «Борьба, битва один на один, *поединок*» (стр. 139). Ср. также «Zweikampff, duellum — *поединок*» (стр. 788).

Можно предполагать, что русское *поединок*, которое с общей этимологической точки зрения представляется похожим на церковнославянизм, возникло в русском языке под влиянием польского *pojedynek*. Проф. М. Р. Фасмер также считает, следуя Брюкнеру, слово *поединок* заимствованием из польского языка (вопреки Э. Бернекеру, рассматривавшему это слово как славянизм)[62].

6. ПРЕДВЗЯТЫЙ

На разных этапах истории русского литературного языка менялись формы и принципы отношения русской лексико-семантической системы к семантическим системам западноевропейских языков. Эти изменения отражались и на выборе заимствованных слов, и на приемах их русской национализации, и особенно на методах калькирования чужеязычных слов. В области этих семантических явлений особенно резкая грань между прошлым и новым обозначается в 30—40-е годы XIX в.

Слова *предвзятый*, *предвзятость* — книжные, интеллигентские. Они употребляются преимущественно в стилях рассуждения, публицистического и научного трактата. *Предвзятый* означает: 'основанный на предубеждении, сложившийся заранее, до ознакомления с сущностью чего-нибудь, являющийся

---

61 Ср.: Brückner, стр. 204.
62 См.: Vasmer, II, стр. 387.

плодом какого-нибудь предрасположения'. Например, *предвзятая* мысль, *предвзятая* точка зрения, *предвзятое* решение, суждение. Естественно, что слово *предвзятость*, кроме обозначения отвлеченного качества по прилагательному *предвзятый* (*предвзятость* мысли, решения), выражает также значение: 'предубеждение, предвзятое отношение к кому — чему-нибудь'. Например, судить без *предвзятости*[63].

Эти слова по своему морфологическому строю связаны с церковнославянскими элементами в составе русского литературного языка (*пред-взять*, *пред-взимать*). Однако эти слова в их нынешних значениях сложились не ранее 40-50-х годов XIX в. В самом деле, они еще не находят отражения в академическом «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 г. Здесь глагол *предвзима́ти* — *предвзя́ти* рассматривается как устарелое, церковное слово. Значение его определяется так: «предварительно брать; занимать или захватывать, упреждая других»[64]. Слова же *предвзятый* и *предвзятость* тут вовсе не отмечены. Отсюда можно сделать вывод, что образование этих слов произошло независимо от активного употребления устарелого церковнославянизма *предвзять*[65]. Причастие-прилагательное *предвзятый* возникло тогда, когда глагол *предвзять* уже выпал из активного словаря русского литературного языка, перестал применяться в общелитературной речи. Очевидно, морфологическая структура и значение слова *предвзятый* слагались под некоторым влиянием западноевропейских языков. Это слово понадобилось для перевода чужого слова и понятия (по-видимому, в научно-философском языке). Трудно возводить генезис русского слова *предвзятый* к французским выражениям *parti pris* 'предвзятое мнение, решение', *sans parti pris* (ср. *предвзято* 'de parti pris'). Следовательно, слово *предвзятый* вызвано к жизни немецким *vorgefasst*. Ср. в «Полном немецко-российском лексиконе» (ч. 1-2. СПб., 1798, стр. 865): «*Vorgefasst* — прежде надлежащего исследования принятый. Eine *vorgefasste* Meinung — предрассуждение, предубеждение. Eine *vorgefasste* Liebe — любовь пристрастная, преждевременная, предубежденная».

Любопытно, что в 50-х годах и в самом начале 60-х годов еще намечается колебание между *предвзятый и предзанятый*.

Ср. у М. А. Антоновича в статье «Два типа современных философов» (1861): «При таких условиях и с такою подготовкой старые философы принимались за изучение философии. У них

---

63 Ушаков, III, стр. 711.

64 «Словарь церковнославянского и русского языка», т. III, стр. 905.

65 Впрочем, в «Латино-немецко-русском лексиконе» Вейсмана 1731 г. образование *предвзятый* в прямом этимологическом значении встречается (см. стр. 725).

была уже готовая, *предзанятая* система, и укоренилось непоколебимое убеждение, что всякая философия ложна и зловредна» [66].

Но к середине 60-х годов слово *предвзятый* глубоко вошло в лексическую систему русского литературного языка, и прежде всего в его философские и публицистические стили.

У И. С. Тургенева в статье «По поводу „Отцов и детей"» (1868—1869): «Нет, без образования, без свободы в обширнейшем смысле — в отношении к самому себе, к своим *предвзятым* идеям и системам, даже к своему народу, к своей истории — немыслим истинный художник; без этого воздуха дышать нельзя».

У Ф. М. Достоевского в «Дневнике писателя» (1873 г.): «Всякое художественное произведение без *предвзятого* направления, исполненное единственно из художественной потребности» [67].

Но ср. у того же Ф. М. Достоевского в рецензии на «Рассказы Н. Успенского» (1861 г.): «Но взгляд и идея писателя, выведенные уже вследствие разработки накопленного материала, совсем другое дело, совсем не *предзаданный* и идеальный взгляд, а реальный взгляд, выражающий, судя по силе писателя, иногда даже всю современную мысль народной жизни в данный момент» [68].

У Н. И. Пирогова в «Дневнике старого врача»: «Я — независимый, то есть независимый от *предвзятых* мнений и доктрин» [69].

У М. И. Сухомлинова в «Истории Российской Академии»: «Назвать эту мысль *предвзятою* нельзя уже потому, что с этим названием соединяется большею частью понятие об умысле, о сделке со своею совестью, о намеренном уклонении от ясно сознаваемой правды» [70].

У К. С. Станиславского в книге «Моя жизнь в искусстве»: «Нехорошо, если художник сразу наметит себе такую точку, от которой будет смотреть на все произведение, и зафиксирует ее на первом же законченном и проработанном рисунке. Тогда ему уже трудно будет отойти от этого рисунка для дальнейших поисков, и он сделается односторонним, *предвзятым*, точно обнесенным какой-то стеной, через которую нельзя видеть новых перспектив» [71].

Образование слова *предвзятый* хотя и было стимулировано воздействием немецкого *vorgefasst*, свелось, в сущности, к переосмыслению причастной формы от глагола *предвзять*, сохранявшегося в архивном фонде русского литературного языка.

---

[66] М. А. Антонович. Избранные статьи. ГИХЛ. М., 1938, стр. 10.
[67] Ф. М. Достоевский. Полн. собр. соч., т. 2. СПб., 1884, стр, 74.
[68] Ф. М. Достоевский. Полн. собр. соч., т. 13. СПб., 1886, стр. 548.
[69] Н. И. Пирогов. Сочинения, т. II, стр. 175.
[70] М. И. Сухомлинов. Указ. соч., вып. V, стр. 273.
[71] К. С. Станиславский. Указ. соч., стр. 273.

7. ПРЕДУМЫШЛЕННЫЙ

Слово *предумышленный* носит на себе отпечаток книжной устарелости. Оно кажется официально-правовым выражением, унаследованным от глубокого прошлого. По своему образованию оно — явный «славянизм», и притом архаического типа. Его значение ясно: 'совершенный с умыслом, с заранее обдуманным намерением' (*предумышленный* поступок, *предумышленная* обида и т. п.). Его морфологический состав также прозрачен. Оно является синонимом более живого и употребительного слова *преднамеренный*. Но слово *преднамеренный* древнее слова *предумышленный*. И оно же постепенно и вытеснило его. Кроме того, слово *умышленный*, в сущности, выражает почти то же, что и *предумышленный*. Слово *предумышленный* не отмечено ни одним словарем русского языка до второй половины XIX в. Его нет в академическом «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 г. (хотя здесь указаны *умышление*, *умышленный*, *умыслить* и производные: *умышленник*, *умышленница*, *умышленнический*). Его пропустил и Даль в первом издании своего «Толкового словаря». Но есть основание думать, что оно возникло в стилях русского книжного языка не позднее конца XVIII — начала XIX в. под влиянием немецкого *vorbedächtig*. В «Полном немецко-российском лексиконе», изданном «Обществом ученых людей» (ч. 2, 1798, стр. 860), читаем: «Der Vorbedacht... *предумышление*, предварительное размышление. Ich habe es mit Vorbedacht gethan — я сделал это нарочно, *умышленно*...» *Vorbedächtig* 'нарочный, предумышляющий, одумывающийся', *Die Vorbedächtidkeit* 'предумышление', наречие *vorbedächtlich* 'умышленно'[72].

И. Ф. Наумов указал на употребление этого слова в русском литературном языке 60—70-годов XIX в. в своих «Дополнениях и заметках к „Толковому словарю" Даля» (СПб., 1874).

Таким образом, слово *предумышленный* в своем морфологическом строе и составе отражает явное старославянское влияние. Но как самостоятельная лексема оно зародилось лишь в официальном книжном языке конца XVIII в. и вызвано к жизни внешним толчком, полученным со стороны немецкого языка.

3. ПРЕДСТАВИТЕЛЬ

Славянизмы, попавшие в русский литературный язык древнейшей эпохи, давали жизнь непроизводным и производным основам, которые затем приспособлялись для выражения разнообразных значений в разных лексических системах русского

---

[72] В «Немецко-латинском и русском лексиконе» 1731 г. находим: «Vorbedacht, praemeditatus, предрассужден *умышленный*... vorbedachtlich, praemeditatus, praemeditate, *предразмышленный, умышленный*» (стр. 724).

языка, вступая в сочетания с разными аффиксами. На этой почве было возможно развитие омонимии. Например: 1) *представить* — *представлять* 'ставить перед чем-нибудь' (ср. *представить* преступника к допросу; *представить* доводы, причины и т. п., отсюда — *представление*); 2) *представить* — *представлять*, *представление* — в психологическом значении, ср. нем. *vorstellen*, *Vorstellung*; 3) *представлять кого-что на чем-нибудь* или *в чем* (ср. *представитель*, *представительство*, *представительный* образ правления и т. п.).

Слово *представйтель* в современном русском языке выражает ряд книжных и официально-деловых значений и оттенков. Из них основные — три:

1. Лицо, действующее по чьему-либо поручению, от имени кого-нибудь, представляющее собой чьи-либо интересы (депутаты Верховного Совета СССР — *представители* разных советских народов, *представитель* соседней державы, собрание *представителей* фабрик и заводов, *представитель* истца, *представитель* ответчика, *представители* армии и флота); должностное лицо, представляющее интересы какого-нибудь государства, какого-нибудь учреждения (полномочный *представитель* СССР, торговый *представитель* СССР в Турции, дипломатический *представитель*).

2. Человек, представляющий в своем лице ту или иную социальную категорию, тот или иной разряд людей, ту или иную деятельность, ту или иную сферу идеологии; выразитель взглядов, идеологии и вкусов какой-нибудь общественной группы (*представитель* русского народа, истинные *представители* трудящихся масс, *представитель* пролетарской литературы, *представитель* романтизма).

3. Существо или предмет как экземпляр, как образец того или иного разряда, вида, рода существ, предметов (*представитель* парнокопытных, интересный *представитель* местной флоры)[73].

Слова *предста́витель* (с ударением на *а*) и *представление* помещены в «Лексиконе треязычном» Ф. Поликарпова. Им соответствуют греческие и латинские παραστάτης, παράστασις, *repraesentator*, *repraesentatio*. Ср. *представляю* — παραστένω, παρεμφαίνω, *repraesento*. Однако ни в словарях Академии Российской, ни в академическом словаре 1847 г. этого слова нет. Причину невнимания к этому слову со стороны составителей академических словарей следует искать в политической окраске слова *представитель*, в его революционном значении. Словари избегают этого слова, так как оно было политическим термином вольнолюбивых, прогрессивных или даже революционных слоев интеллигенции.

---

[73] См.: Ушаков, III, стр. 725—726.

С переносом ударения в этом слове от *представи́тель* к *представи́тель* следует сопоставить такой же перенос в слове *мы́слитель*. Ср. у Пушкина:

Мы знаем: роскоши пустой
Почтенный *мы́слитель* не ищет [74].

Таким образом, слово *представи́тель* не отмечено ни одним словарем русского литературного языка до «Толкового словаря живого великорусского языка» Даля [75]. Понятно, что и соответствующее значение в глаголе *представить* — *представлять* не обнаруживалось лексикографами до второй половины XIX в.

Между тем слово *представитель* вошло в русский литературный язык не позднее последних десятилетий XVIII в. П. А. Вяземский в своей «Старой записной книжке» рассказывает такой эпизод из царствования Павла: «Во время государевой поездки в Казань Нелединский, бывший при нем статс-секретарем, сидел однажды в коляске его. Проезжая через какие-то обширные леса, Нелединский сказал государю: «Вот первые *представители* лесов, которые далеко простираются за Урал». «Очень поэтически сказано, — возразил с гневом государь, — но совершенно неуместно: изволь-ка сейчас выйти вон из коляски». Объясняется это тем, что было сказано во время Французской революции, а слово *представитель*, как и круглые шляпы, было в загоне у императора» [76].

Таким образом, слово *представитель* рождается в русском языке как перевод франц. *représentant*.

В своем «Рассуждении о старом и новом слоге российского языка» (СПб., 1803) А. С. Шишков, вычитав у Карамзина в «Письмах русского путешественника» фразу: «Многие другие *представители* и чиновники...», ехидно заметил: «Что такое *представитель?* Не то ли, что французы начали было называть représentant и которых ныне уже нет? — Да какая нам нужда до их *репрезентантов*? Не уж ли нам и для гилиотин их выдумывать русские имена?» (стр. 210).

Ср. позднее в «Воспоминаниях» Ю. Арнольда (ч. 3. М., 1892, стр. 176 и сл.): «Находились тут какие-то еще молодые, будущие, вероятно, сотрудники, да я в качестве "*репрезентанта* Музыкальных к Пантеону приложений"».

Слово *представитель* глубоко входит в систему русского интеллигентского словаря первых десятилетий XIX в.

Слово *представитель* (так же как и *представительный*) получило широкую распространенность в речи передовой интеллигенции 10—20-х годов XIX в. Оно очень часто встречается

---

[74] «Словарь языка Пушкина», т. 2, стр. 648.

[75] Ср. отсутствие этого слова в «Словаре церковнославянского и русского языка», т. III, стр. 922.

[76] П. А. Вяземский. Полн. собр. соч., т. VIII. СПб., 1883, стр. 73.

у декабристов, иногда как синоним слова *депутат*. Например, в показаниях Трубецкого: «Установить, в каких городах или местечках будет происходить выбор народных *представителей*» («Декабристы», I, стр, 125); «Поступать в коренной союз мог только такой член, который понимал, что цель общества есть достижение *представительного* правления» (там же, стр. 106); У Н. Муравьева: «Избиратели ... назначают уже *представителей* в вече. *Представители* получают ежегодное вознаграждение. Кроме того, избиратели сии назначают *депутатов* в областное вече» (там же, стр. 302—303); у Рылеева: «...мною сделан был вопрос: а что делать с императором, если он откажется утвердить устав *представителей* народных?» (там же, стр. 174); у В. Кюхельбекера: «распространившееся в последние годы желание *представительного* образа правления» (там же, II, стр. 164); у Сергея Муравьева-Апостола: «Молодые люди ... восчувствовали желание видеть в отечестве своем *представительное* устройство» (там же, IV, стр. 273).

В «Русской правде» Пестеля (СПб., 1906): «Великая мысль о *представительном* правлении возвратила гражданам право на участие в важных государственных делах. Пользоваться же народ стал сим правом ... посредством своих *представителей*, коих из своей среды назначал на определенное время. Из сего явствует, что *представительное* правление решило великую задачу государственного управления... Не удивительно посему, что все народы с таким пламенным желанием стремятся к установлению *представительного* порядка» (стр. 212); «Таким образом, решено, что *представительный* порядок непременно существовать должен и что народные *представители*, образуя особое правительственное место, в состав верховной власти входить должны» (там же, стр. 213).

У П. А. Вяземского в письме к А. И. Тургеневу и В. А. Жуковскому от 29 сентября 1826 г.: «По смерти Карамзина ты призван быть *представителем* и предстателем Русской грамоты у трона безграмотного»[77].

В письме к тем же лицам от 6 января 1827 г.: «Он (Карамзин. — *В. В.*) был истинный и единственно полный *представитель* нашего просвещения»[78].

У Н. И. Тургенева в письме к А. И. Тургеневу от 22 января 1827 г.: «Я простыми доводами, низводя их с возвышенной трибуны в избу крестьянина или на конюшю деревенского помещика, убеждал их, что не о палатках *представительных* мечтать, но о палках и плетях думать должно»[79].

---

[77] «Переписка А. И. Тургенева с кн. П. А. Вяземским», т. I. «Архив братьев Тургеневых», вып. 6. Пг., 1921, стр. 41.

[78] Там же, стр. 54.

[79] Там же, стр. 390.

В уставе «Арзамаса», написанном В. И. Жуковским (1817): «О *представителях* „Арзамаса“. *Представители*, или поверенные, „Арзамаса“ составляют особенный отряд и заменяют собою все общество в промежутки заседаний» («Русская старина», 1899, май, стр. 344).

В языке Пушкина слово *представитель* встречается нередко (в «Словаре языка Пушкина», т. III, стр. 671 зарегистрировано 24 случая употребления). Оно свойственно почти исключительно стилю журналистики и писем. Но ср. в «Скупом рыцаре» о золоте:

Кажется немного,
А скольких человеческих забот,
Обманов, слез, молений и проклятий
Оно тяжеловесный *представитель!*

С общественно-политическим употреблением слова *представитель* было связано и слово *представительный*, возникшее в русском языке начала XIX в.

Ср. у Н. И. Греча в «Воспоминаниях старика»: В «Александре проснулись либеральные идеи, очаровавшие начало его царствования. В 1814 г. он побудил Людовика XVIII дать французам хартии, а на Венском конгрессе хлопотал он о даровании германским державам *представительного* образа правления»[80]; «иностранцы, особенно австрийцы и прусаки, соглашались и на присоединение Варшавского герцогства к России, только бы в нем не было *представительного* правления»[81].

Понятно, что в толковые словари русского языка эти слова попадают не сразу. Только в «Толковом словаре живого великорусского языка» Даля они находят полное признание: «*Представитель*, *-ница*, заступающий чье-либо место, явившийся за кого, представляющийся законно за другого. *Представители* государей, или дворов государств, послы, посланники. *Представители* сословий, выборные от имени сословий. *Представитель* истца, ответчика, уполномоченный ими заступник перед судом».

Словарь Даля отражает также новую стадию в семантическом развитии слова *представительный*. Из первоначального значения 'основанный на институте представителей, на принципе выборности от разных слоев общества' в слове *представительный* возникает значение 'обладающий свойствами представителя, внушающий почтение, видный'. В. И. Даль отмечает: «*Представительный* человек, видный, взрачный или рослый и красивый, с ловкими приемами»[82].

---

80 Н. И. Греч. Записки о моей жизни. Academia. М.—Л., 1930, стр. 358.

81 Там же, стр. 359.

82 Даль, III, стр. 389.

Более широкое, обобщенное применение слова *представитель* по отношению ко всякому существу или предмету как к экземпляру или образцу какого-нибудь разряда, вида, рода распространяется в русском литературном языке лишь с 40—50-х годов XIX в.

9. ЦАРЕДВОРЕЦ

Историко-морфологическое и историко-семантическое изучение русских книжных типов словосложения помогает различить в них значительное количество разновременных напластований. Особенный интерес представляют наблюдения над синтаксическими отношениями компонентов сложного слова. Например, среди сложных слов именного состава с суффиксом *-ец* (*разночинец*, *золоторотец*, *черносотенец*, *двоеженец* и т. п.) выделяется своеобразием своего строя слово *царедворец*. Это слово несколько сближается со словом *однодворец* (в котором синтаксическое отношение элементов совсем иное; ср. устар. *одноженец*, *одноземец* — *единоземец*, *однородец*, *одноверец* — *единоверец* и т. п.). Слово *царедворец*, несомненно, образовано от словосочетания *двор царя* (или *царя двор*) с помощью суффикса *-ец*. Тип сложных слов, заканчивающихся суффиксом *-ец* с предшествующей глагольной и именной основой, укрепился в древнерусском языке под влиянием языка старославянского (ср. *человеколюбец*, *песнопевец*, *живописец*, *песнословец* и т. п.). Однако в древнерусском языке явно преобладало образование сложных слов на *-ец* с глагольной основой во второй части.

Слово *царедворец* относилось проф. В. П. Световым к числу неологизмов 60—70-годов XVIII в. В статье «Некоторые общие примечания о языке российском» («Академические известия», ч. III. СПб., 1779, сентябрь) В. П. Светов протестует против употребления слова *царедворец* вместо *придворный*, признавая это новообразование неудачным и неправильным, «даже и в стихах непростительным»[83].

Не подлежит сомнению, что слово *царедворец* образовано для передачи франц. *courtisan* (заимствованного в свою очередь из итальянского *cortigiano* — от *corte* 'двор'[84]. Ср. нем. *Höfling*).

Слово *царедворец* в XVIII в. было более парадным, высоким (сначала — поэтическим, стихотворным) синонимом бытового слова *придворный*. Но оно скоро приобрело более узкое официальное значение — 'лицо, занимающее в ы с о к о е положение при царском дворе'. *Придворный* в субстантивированном

---

[83] См.: С. К. Б у л и ч. Очерк истории языкознания в России. СПб., 1904, стр. 254—255.

[84] См. «Dictionnaire étimologique de la langue française par Oscar Bloch», t. I. Paris, 1932, стр. 185.

употреблении служило вообще для обозначения служащих при дворе[85].

Естественно, что стилистическая атмосфера, окружавшая имя существительное *придворный*, зависела и от контекстов употребления прилагательного *придворный*. Ср., например, в «Капитанской дочке» Пушкина: «Жена смотрителя тотчас с нею разговорилась, объявила, что она племянница *придворного* истопника, и посвятила ее во все таинства *придворной* жизни».

Слово *царедворец* уже в 80—90-х годах XVIII в. вошло в норму русского литературного языка. Оно включено в словари Академии Российской. Здесь оно толкуется так: «*Придворный* господин, при царском дворе служащий. Государь, окруженный *царедворцами*. Хитрый, прозорливый *царедворец*»[86]. Ср. производные прилагательные: *царедворцев*, *царедворческий*. У Пушкина в «Борисе Годунове»: «Лукавый *царедворец*». В языке Г. Р. Державина употребляется не только форма *царедворец*, но и произведенная от нее посредством устранения суффикса *-ец царедвор*.

У твоих ворот и крылец
Царедворец и герой
Брякнут в кольца золотые.

(К Эвтерпе. — Г. Р. Державин. Сочинения, т. I. СПб., 1864, стр. 303)

Не обольщайся *царедворцев*
Лукавой сладостью словес.

(Первая песнь Пиндара. — Там же, т. 2. СПб., 1865, стр. 341)

Ср. также «На взятие Варшавы», I, 448, 18; «Пожарский», IV, 171, 56.

...Над *царедворцевой* могилой
Над вождем молньеносных гроз.

(Урна. — Там же, стр. 143)

Ср. употребление бессуффиксной формы *царедвор*:

Вслед Шуйский воцарился:
Быв тонкий *царедвор*, слаб царски бармы несть.

(Пожарский. — Там же, т. 4. СПб., 1867, стр. 160)

Ср. «Ирод и Мариамна», IV, 228, 5; «Темный», IV, 418, 74.

---

[85] См. «Словарь Академии Российской», ч. V, стр. 302.

[86] «Словарь Академии Российской», ч. VI. СПб., 1822, стр. 1205—1206. Ср. то же (с исключением прил. *царедворцев*) в «Общем церковно-славяно-русском словаре» Петра Соколова, ч. II. СПб., 1834, стр. 1667.

Был ли в форме *царедвор* оттенок собирательности, легко переходящий в значение отдельной личности или сочетающийся с ним, — неясно (ср. *сирота*, *подмастерье*, *сволочь* и т. п.).

В академическом «Словаре церковнославянского и русского языка» (т. IV. СПб., 1847, стр. 416) *царедворец* определяется очень точно: «Сановник, служащий при царском дворе» (ср. то же толкование в словаре Даля). На слове *царедворец* и в русском литературном языке XIX в. сохранялся отпечаток неофициальной, но парадной, торжественной книжности. Понятно, что в разговорной речи эта экспрессия могла приобретать подчеркнуто иронический колорит.

А. С. Львов

К ИСТОРИИ И ЭТИМОЛОГИИ СЛОВА *гулять*

Несмотря на различные попытки выяснить происхождение интересующего нас слова, его этимология все еще остается спорной и темной[1]. Несомненно одно: что слово *гулять* и все производные от него основы являются только восточнославянскими, в западных и южных славянских языках они, по крайней мере в глагольных формах, заимствованы из восточнославянских.

Начиная с XVIII в. словари русского языка фиксируют два основных значения глагола *гулять*: 1) 'ходить или передвигаться для препровождения времени', 2) 'забавляться, веселиться'[2]. При этом «Словарь Академии Российской» основным считает приведенное первое значение и 2) 'к кому: навещаю, посещаю кого', а все остальные относит к переносным[3]. «Словарь церковнославянского и русского языка» основным считает только первое значение[4]. «Словарь русского языка» 1895 г., кроме первого значения, к основным относит еще 'не действовать, отдыхать; не быть в употреблении'[5]. Словом, все существующие словари русского языка XVIII-XX вв. сходятся в признании значения 'ходить или ездить для удовольствия' основным, прямым.

Областные же словари по характеру своего назначения фиксируют другие значения слова *гулять*, в частности 'играть',

---

[1] См.: Miklosich, стр. 80; Berneker, I, стр. 361—362; Преображенский, I, стр. 169; Младенов, стр. 114; Brückner, стр. 173; Sławski, I, стр. 433; Holub—Kopečný, стр. 430; Machek, стр. 150; Vasmer, I, стр. 320. — В последнем словаре ссылка и на другую литературу.

[2] См.: Вейсман. Немецко-латинский и русский лексикон. СПб., 1731, стр. 589; И. Нордстет. Российский с немецким и французским переводом словарь, ч. I. СПб., 1780; «Словарь Академии Российской», ч. II. СПб., 1790, стр. 427; «Словарь церковнославянского и русского языка», т. I. СПб., 1847, стр. 302; «Словарь русского языка», т. I. СПб., 1895, стр. 939 и др.

[3] «Словарь Академии Российской», ч. II, стр. 427.

[4] «Словарь церковнославянского и русского языка», т. I, стр. 302.

[5] «Словарь русского языка», т. I, стр. 939.

ср.: *гулять у карты; гуляли у клёпа*[6]; *у гаралки гуляли; у куклы гулайит'; сели у карты гул'ат'*[7].

В белорусском языке *гуляць* известно в двух основных значениях: 1) 'быть свободным от работы' и 2) 'играть в какую-либо игру' (не считая значения 'прогуливаться'), отсюда *гулячий*, *гульный* 'свободный от работы'; *гульня*, *гули*, *гулянне* 'забавы', 'игра'[8]. Значение украинского слова *гуляти* во многом совпадает с русским, но среди других значений обязательно фиксируется: 'быть праздным' и 'играть (в различные игры)'[9].

В целом в восточнославянских языках четыре значения слова *гулять* являются общими: 1) 'прогуливаться', 2) 'быть праздным, свободным от работы', 3) 'кутить, веселиться, развлекаться', 4) 'играть в какую-либо игру'.

По данным памятников письменности XVI-XVII вв., в указанный период слово *гулять* было известно в таких значениях (старше отмеченных веков записи этого слова отсутствуют):

1. 'Быть свободным от работы или сознательно отвлекаться от порученного дела', ср.:

«А работниковъ наряжайте без боязни и *гулять* не давайте» (1668 г.)[10]; «А того бъ одналично берегъ, чтобъ старцы въ бани и въ харчевни не ходили и не плутали, а и крестьяне бы пива варили во время, коли пашни не пашутъ, и то непомногу, съ явкою, чтобъ мужики не *гуляли* и не пропивались» (1636 г.)[11]; «А тѣ иконники на Москвѣ не у дѣла, *гуляютъ* безъ дѣла» (1666 г.)[12]; «А засѣчное дѣло велѣлъ бы еси приказать дворяномъ и головамъ, которые на засѣках и надъ дѣловцы велѣлъ бы еси смотрить, чтобы дѣловцы не *гуляли*, засѣчное дѣло дѣлали на спѣхъ» (1644 г.)[13]; «Для поспѣшенья пришли дву человѣкъ иконниковъ *гулящих*» (1666 г.)[14], т. е. свободных от работы.

Вполне понятны развившиеся на основе приведенного значения выражения: *гулящая мельница*, *гулящая земля*, *гулящее строение*, *дом* и т. п., т. е. 'свободный, не занятый, не действующий'. Также понятно старинное название *гулящие люди*, т. е. люди,

---

[6] С. М. Кардашевский. Курско-орловский словарь. «Уч. зап. МОПИ», т. XLVIII. Труды кафедры русского языка, вып. 4. М., 1957, стр. 275.

[7] А. И. Иванова, М. А. Кустарева, Б. А. Моисеев. Материалы для «Смоленского областного словаря». «Уч. зап. Смоленского гос. пед. ин-та», вып. IX. Смоленск, 1958, стр. 112.

[8] См.: Носович, стр. 125.

[9] Гринченко, I, стр. 339.

[10] «Акты юридического быта России», т. II. СПб., 1857, стр. 705.

[11] «Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные археографической комиссиею», т. II. СПб., 1846, стр. 152.

[12] И. Забелин. Материалы для истории русской иконописи. «Временник ОИДР», кн. 7. М., 1850, стр. 72.

[13] «Чтения ОИДР», № 4, 1846, стр. 77.

[14] И. Забелин. Указ. соч., стр. 72.

не владевшие пашней, хозяйством, в связи с чем не повинные податям и повинностям, ср.: «да язъ Ларивонъ Григорьев сынъ, да язъ, Матфей Тимофеевъ сынъ Мотроховъ, а всѣ мы три, бобылки *гулящие*» (1594 г.)[15].

2. 'В нерабочее, свободное от работы время заниматься чем-нибудь, подсобным делом', ср.:

«А мы въ тѣ поры ненадолго поѣхали *гулять* на поле въ ловы» (1594 г.)[16]; «Бьют челом холопи твои тотаровя Салтан Ги(рей) Мурзина улусу Аксак Келмамѣтова... вели государь нас из Астрахани отпустить за звѣрями и за птицею *гулят* по Нагайской сторонѣ» (1654 г.)[17]; «*Гуляетъ* на рѣкѣ на Деркулѣ для звѣриной добычи» (1652 г.)[18].

3. 'Свободное времяпрепровождение', ср.:

«А встрѣчали армяне патриарха со свѣчами, и потомъ ходилъ *гулять* по кельямъ, а пришедъ въ гостиную сѣлъ, а его подчивали виномъ и овощами» (1649—1653 г.)[19]; «Пойду ли я *гулять* во чистое полѣ (*гуляти*), (на) красные на цветочки осмотреть» (XVII в.)[20]»; «Августа девятого числа, въ середу ѣздили послы на полѣ *гуляти*, а мы съ ними жъ» (1553 г.)[21].

Поскольку свободное времяпрепровождение проходило в движении, то отсюда стали возможны и следующие выражения: «Да ядра же миндаловые метати, где лисицы *гуляютъ*, и какъ съястъ и от того умретъ» (конец XVII в.)[22]; «На тѣхъ же горахъ *гуляютъ* звѣри дикие: козы и олени, и зубри... и бараны дикие; во очию нашу, а взять нелзя» (XVII в.)[23].

Современное значение 'прогуливаться', разумеется, развилось из последнего, приведенного выше под пунктом третьим. При этом ясно, что значения третье и второе восходят к первому. Таким образом, современное значение слова *гулять* не

---

[15] «Архив П. М. Строева», т. I. «Русская историческая библиотека», т. 32. Пг., 1915, стр. 708.

[16] «Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией». «Труды Восточного отделения имп. Русского археологического общества», т. XX. СПб., 1890, стр. 297.

[17] Астраханские акты, № 2897, л. 19. Челобитная. Архив Ленинградского отделения Института истории АН СССР.

[18] «Донские дела», кн. IV. «Русская историческая библиотека», т. 29. СПб., 1913, стр. 563.

[19] Арс. Суханов. Проскинитарий. «Православный палестинский сборник». т. VII, вып. 3. СПб., 1889, стр. 55.

[20] М. Н. Сперанский. Из материалов для истории устной песни. «Изв. ООН АН СССР». М., 1932, № 10, стр. 925.

[21] «Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским». II. «Сборник имп. Русского исторического общества», т. 59. СПб., 1887, стр. 384.

[22] Травник. Рукопись ГИМ (из собрания Щукина) 285/292, л. 124 об.

[23] Я. Л. Барсков. Памятники первых лет русского старообрядчества. «Летопись занятий имп. Археографической комиссии за 1911 г.», вып. 24, кн. 2. СПб., 1912, стр. 181.

является первичным, а оно не то треттичное, не то четвертичное по отношению к искомому первичному значению.

Современное значение *гулять* 'весело проводить время', 'пьянствовать', 'кутить' прямо не вытекает из приведенной выше семантики. Еще в XVII в. эти понятия не смешивались, ср.:

«а прежние травники, Федка Устимовъ съ товарыши, государеву дѣлу не радѣли, пили и *гуляли*, травъ и коренья привозили по малу» (1645 г.)[24]. Здесь *гуляли*, вероятнее всего, 'бездельничали, отлынивали от дела'.

Таким образом, для установления связи между значениями 'быть свободным от работы' и 'весело проводить время, порою в пьянстве, кутеже' должно быть промежуточное звено. Им может быть значение 'играть', предполагающее веселое, забавное проведение времени. Отсюда легко перекинуть мост и к кутежу, пьянству.

Выходит, что два значения слова *гулять* были наиболее древними: 1) 'играть (во что)' и 2) 'быть свободным от работы', от которых развились все известные ныне значения этого слова[25]. Исторически первое из названных значений должно быть первичным, а второе — вторичным, развившимся из первого, потому что играть это значит быть не занятым в труде. Однако незанятость не предполагает обязательно участия в игре и обязательного обозначения этого понятия словом *гулять*.

Разумеется, что первичным может быть не игра вообще, а какая-нибудь вполне конкретная игра, название которой должно быть обусловлено семантикой основы слова, в данном случае *гул-*. Ср. блр. *гульня* 'забава, игра': «Не харошая гета *гульня*, лепи в другую будземъ *гуляць*»; *гули* 'забавы'; *гулянне* 'занятие играми'[26]. Эти примеры не раскрывают вид конкретной игры, потому что все приведенные слова с основой *гул-* имеют обобщенное значение.

В украинском находим слово *гилка*, которое между других значений обозначает 'род игры в мяч': *гуляти в гилки*[27]. Это же слово обозначает, кроме того, 'палку для подбивания мяча'[28]. Затем слово *гила* со значением 'род игры с деревянным шаром (свинкою), который бьют палками', также 'граничная черта в этой игре'[29]. *Гильнути* 'ударить, хватить'[30], но *гуляти в гилки* 'играть в мяч'. *Гилити* 1) 'подбивать мяч гилкою', 2) 'бить пал-

---

[24] «Дополнения к Актам историческим», т. III. СПб., 1848, стр. 1.

[25] См. Ушаков, I, стр. 638; «Словарь современного русского литературного языка», т. III. М.—Л., 1954, стр. 478 и сл.; «Словарь русского языка», т. I. М., 1957, стр. 479—480.

[26] Носович, стр. 125.

[27] Гринченко, I, стр. 283.

[28] Там же.

[29] Там же, стр. 282.

[30] Там же, стр. 283.

кой свинку (деревянный шар) в игре в гилу', 3) 'бить, колотить'[31].

В русском: *Гы́ля* 1) 'простонародная игра', 2) 'деревянный отрубок с отесанною рукояткою для игры в гылю'[32]. *Гылить* 'в игре в мячик подбрасывать деревянный шар, для того чтобы другой на лету бил его': «Ты *гыли*, а я буду бить»[33]. Кроме того, В. Добровольский зафиксировал: «Усе будишь *гулы бить* — нада за работу братца»[34]. Хотя автор приводит этот пример к значению 'праздно препровождать время', но само словосочетание *гулы бить* явно свидетельствует о его происхождении из игры в гулу.

Приведенные примеры показывают, что русск. *гыля*, укр. *гила*, *гилка* генетически связаны с *гула*, *гуля*. Как показывают русск. *гыля* и укр. *гиля*, *гилка*, переход в последнем *у* > *ы* мог произойти еще до того, как в древних южнорусских говорах прошел процесс перехода *ы* в *и*. Поскольку слова с основой *гул-* общеславянские (об этом см. ниже), то вероятность перехода в прошлом, по крайней мере до падения редуцированных, *гул-* > *гыл-* вполне допустима и обоснованна. Помимо этого, следует иметь в виду, что укр. *гилити*, а также русск. *гу̧лити*, ср.: «Мы *гулили* до свету — ребяты с гармошкой, девки песни пели» (Калуж. Мещов.)[35], *гуляти* являются отыменными глаголами от *гыла*, *гула*, *гуля*, так же как и *стрела* — *стрелить*, *стрелять*, *пила* — *пилить* и т. п.

Говоря иначе, *гуля* — *гулить*, *гулять*, *гыля* — *гылить* — от основы *гул-*, восходящей к и-е. **geu-* в значениях 'шишка', 'нарост', 'шарик'[36]. Первоначально *гулити*, *гуляти* означало 'бить в гулу, гулю' (шарик), далее — 'играть в гулю' и еще далее — 'вообще играть'. Основанием для развития указанных значений является то, что игра в гулу, гулю, или гылю (иначе — в лапту), была весьма распространенной и привлекала множество участников и зрителей.

Значение *гуляти* 'быть свободным от работы' могло появиться после того, как этим словом стали обозначать не только конкретную игру, но и всякую. Участие в игре требует того, чтобы быть не занятым работой. Как мы видели, последнее значение было обычным в русском языке в XVI-XVII вв., но оно, несомненно, появилось раньше, еще в эпоху единства

---

31 Гринченко, I, стр. 282—283.

32 «Дополнение к Опыту областного великорусского словаря». СПб., 1958, стр. 39.

33 Там же.

34 В. Н. Добровольский. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914, стр. 153.

35 Запись Косогорова 1916 г. Хранится в картотеке «Словаря современного русского литературного языка» в Ленинграде.

36 См.: H. Sławski, I, стр. 376, где имеется ссылка на другую литературу.

восточнославянских языков, о чем бесспорно свидетельствует наличие этого значения в украинском и белорусском языках. Однако современное значение *гулять* 'прогуливаться', по всей вероятности, позднее и едва ли ранее XVI—XVII вв., и возможно, что в украинском и белорусском оно из русского языка.

Значение *гулять* 'играть вообще в какую-либо игру, забавляться игрой' легко могло развиться в новое значение, 'весело проводить свободное время', т. е. кутить, плясать и пр., так как некоторые игры сопровождаются попойкой.

Со временем значение *гулять* 'играть' все больше затемнялось и постепенно выходило из употребления, поэтому слово, как мы видели, уже к концу XVII в. стало приобретать современное значение. Поскольку исследователи исходили из современных значений слова *гулять*, не обращая внимания на историческое развитие его семантики, то это и затрудняло выяснение его происхождения.

В. И. Абаев

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ

РУССКОЕ И УКРАИНСКОЕ *лудан*

В «Толковом словаре» Даля (изд. 3) в гнезде *луда* читаем: «*Лудан* (м. стар.) ткань камка или род камки. (Пск.); шелковая вещь, как платок, передник; *луданный*, *лудановый* (Пенз.) шелковый».

В «Материалах» И. И. Срезневского слово отсутствует. Но в документах XVII—XVIII вв. оно встречается часто. Так в описи вещей генерал-инженера де Лаваля (1698 г.) упоминается среди прочих «кафтан... камчатой, *луданной*»[1].

В актах Верхотурской съезжей избы, под 1669 г.: «...Роспись платью... четверы штаны *луданные*» (этот и следующие примеры взяты из картотеки «Древнерусского словаря» Института русского языка АН СССР).

В Рядной 1694 г.: «Шуба камчатая *луданная*» (Ак. III, 295).

В Сговорной 1696 г.: «Тѣлогрѣя объяринная, брусничной цветъ, подложена камкою *лауданною* такимъ же цветомъ» (Ак. III, 312); «Тѣлогрѣя камчатая *лауданная*» (там же).

В Вкладной книге Серпуховского Высоцкого монастыря 1577—1764 гг.: «...на престолъ одежду *луданъ* красной» (Древности. Труды Арх. ком. Моск. Арх. общ. 1899, стб. 321).

В Смотровых списках (год не указан): «Знамя *луданное* желтое, около кайма бѣлого *лудану*» (из картотеки «Словаря русского языка»).

«Семь аршинъ безъ дву верховъ камки зеленой *лудану*» (Акты Юр., 155).

«Марта 31-го принесъ въ Оружейную Палату Преображенского полку сержантъ Дмитрей Карповъ камки *лудану* черной мѣрою аршинъ безъ дву вершковъ» (1695 г.) (Сборник выписок из архивных бумаг о Петре В. I 149).

«Черкасамъ Великой Государь пожаловал: дано наказному атаману 40 соболей, 200 рублей, два косяка камокъ *лудану*» (1709 г.) («Записки Желябужского с 1682 г. по 1709 г.» СПб., 1840).

[1] Л. Борисов. Антоний де Лаваль. По неизданным документам Воронежского архива. «Русский вестник», 1890, декабрь, стр. 14.

«...забыли бы простые старцы носить рясы *луданныя* да камчатныя да суконныя по три рубля аршинъ» («Путешествие во святую землю священника Лукьянова 1710—1711 г.» «Русский архив», вып. 2, 1863, стр. 120).

«...кровать деревянная столярная, в ней испод и по сторонам обито камкою *луданною*, рудожелтою, а с лица писана золотом и розными красками» (1677 г.) (И. Забелин. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях, ч. I, стр. 553).

«...камки *лаудану* краснова цвѣту аршинъ съ четвертью» («Изв. Арх. общ.», V, 120).

«...камка *луданъ* облакотной цвѣт» (Опись имущества кн. Голицыных, стб. 70).

Последняя цитата взята из известной книги Павла Савваитова[2]. В этой книге на стр. 72 читаем: «*Лаудан* или *Лудан* сорт камки с лоском». На стр. 46 перечисляются сорта камки: «...адамашка, кармазин, куфтерь, *лаудан* или *лудан*...».

Хорошо известно слово *лудан* и на украинской почве. В «Словаре украинского языка» Б. Д. Гринченко (II, стр. 379) *лудан* определяется как «род блестящей материи».

В документе 1729 г. приводится список вещей, похищенных разбойниками у стародубского протопопа Федора Подгурского («Реестръ сколько и якіе пожитки зъ двора моего загородного стародубовскаго напавшие разбойники побрали»). Среди других там значатся: «Кафтанъ новый блакитного *лудану* середней руки... кунтушъ *лудану* вишневого дванадцять аршинъ... кунтушъ буракового *лудану* великои руки,... *лудану* блакитного полкосяка,... червоного *лудану* локоть чтири...»[3].

К первой половине XVIII в. относится и другой документ — счет портного из местечка Воронеж за пошитую некоему сотнику одежду («Реестр мне Карпу, кравцю для ради памъяти на сотника воронижского много одежи пошив»). В нем, между прочим, написано: «...сотниковне пошивъ (каптанъ) *лудановий* соломъястий, ...сотнице пошивъ гусарку *лудановую* на бѣлкахъ... *лудановий* (каптанъ) попелястий переправлявъ и подшивавъ сѣбѣрками...»[4].

Еще в одном документе 1734 г. значится: «кунтишъ матки моей матеріалній *лудановій* фиялковій зъ сребнимъ шнуркомъ; цена въ ному десять рублей»[5].

В этимологических словарях это слово сближается обычно с *луда* 'верхняя одежда', 'плащ', а последнее считается заимствованным из германского: др.-сев. *loði*, англос. *loða* 'грубая верхняя

[2] Павел Савваитов. Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора, в азбучном порядке расположенное. СПб., 1896, стр. 47.

[3] «Бытовая малорусская обстановка в документах XVII—XVIII ст.» «Киевская старина», т. XIX, 1887, октябрь, стр. 352, 354.

[4] Там же, стр. 355.

[5] Там же, стр. 356.

одежда', 'плащ', др.-в.-нем. *lodo ludo*, 'дерюга' и пр.[6] Связь слова *лудан* с германской группой слов справедливо оспаривает К. Тёрнквист[7]. М. Фасмер выделяет *лудан* в отдельную от *луда* словарную статью, но в этимологии, хотя и под сомнением («vielleicht»), продолжает держаться германской ориентации[8].

Внимательное изучение материала убедило нас, что *лудан* 'шелковая ткань', 'шелковый платок' в этимологическом плане следует полностью отделить от *луда* 'верхняя одежда'. Несмотря на видимую близость значений, эти два слова в употреблении не соприкасались, относясь к разным семантическим сферам и разным диалектальным ареалам. Существенно, в частности, что *лудан* является общим русско-украинским словом, тогда как *луда* — только русским. И если *луда* 'верхняя одежда', 'плащ' ведет с очевидностью к германским словам с тем же значением, то для *лудан* надо искать другой этимологии, твердо держась значения 'шелковая ткань', 'род камки' (камка — цветная шелковая ткань с узорами).

Созвучное слово с этим значением мы действительно находим в кавказских языках: адыг. *läudan*, черк. *loudan*[9], абазинск. *laudan*[10], осет. (дигорский диалект) *læwdanæ* 'вид шелковой ткани', 'шелковый платок'[11].

Полное совпадение значения и формы говорит о том, что русско-украинское *лудан* нельзя отделять от западнокавказского *läudan*. Субституция дифтонгического сочетания простым гласным в заимствованных словах закономерна для русского. Весьма существенно, что в документах сохранились обе формы: не только *лудан*, но и *лаудан* (см. выше). Не может быть и речи о случайном совпадении западнокавказских и русско-украинских фактов. Вопрос лишь в том, кто у кого заимствовал. Поскольку на славянской почве *лудан* не этимологизируется, а германское происхождение более чем сомнительно, естественна мысль, что слово вошло в украинский и русский из языков Кавказа. Но из каких?

Приведенные выше абазинское и осетинское слова сами заимствованы из адыгских. Вероятно, из адыгского (черкесского, кабардинского) идет и украинско-русское *лудан*. Но этимологи-

---

[6] См.: Berneker, I, стр. 743; Преображенский, I, стр. 474.

[7] C. Thörnqvist. Studien über die nordischen Lehnwörter im Russischen. Uppsala—Stockholm, 1948, стр. 240 и сл. — Здесь приводится и румынское *lavdan*, заимствованное из украинского. Предположение о персидском происхождении слова, которое вслед за Миклошичем делает К. Тёрнквист, лишено оснований: в персидском нет такого слова.

[8] Vasmer, II, стр. 66.

[9] Черкесскую форму нам любезно сообщил А. Гукемух.

[10] «Труды Абхазского научно-исследоват. ин-та», т. XXIII, стр. 170.

[11] В словаре В. Ф. Миллера это слово дается в сочетании с *izaйт* 'шелк' (*лæўданæiзæлу* 'шелковый платок'; см.: В. Ф. Миллер. Осетинско-русско-немецкий словарь, II. Л., 1929, стр. 768). Но нам встречалось и *læwdanæ* отдельно.

зируется ли *läudan* на адыгской почве? По-видимому, да. Во второй части имеем хорошо известное адыгское (черкесское, кабардинское) *danä* 'шелк', 'шелковая ткань'. Первая часть (*läu*), насколько мы могли выяснить, в настоящее время уже не осмысляется. Но об этом элементе можно высказать следующую догадку. Одним из торговых пунктов на Черноморском побережье, через которые адыги поддерживали связи с другими причерноморскими странами, был Лоо (Läuä) северо-западнее Сочи. Весь этот район, как известно, до 60-х годов прошлого века был населен адыгскими племенами. В числе других товаров через Лоо поступали к адыгам также шелковые ткани из Закавказья и Турции. Сочетание *läu-dan*(*ä*) означало, стало быть, 'лоовский шелк', 'шелк, доставленный из Лоо' [12].

Что шелк в большом количестве импортировался в районы Западного Кавказа, об этом говорят прежде всего археологические данные. Шелковые ткани — обычная принадлежность женских погребений Кабарды XIV—XVII вв.[13] Точных данных о размерах этого импорта до XVIII в. не имеем. Зато для XVIII в. мы располагаем ценным исследованием французского автора М. Пейсонеля, лично обследовавшего состояние торговли на черноморском побережье Кавказа («Traité sur le commerce de la mer Noire». Paris, 1787). В главе «Ввозная торговля Черкессии» на основе обследования некоторых черноморских портов он сообщает следующие цифры импорта шелка в год: «4—5 тысяч ок.[14] шелку цветного. Столько же шелку сырцового... Около ста ок. шелковых шнурков» [15].

С присоединением Кабарды к России (XVI в.) оживились сношения русских с адыгскими племенами [16]. Через адыгское посредство к русским доходили и некоторые товары из черноморских портов. В этот период и могло произойти заимствование из адыгского в русский слова *лудан*. Добавим, что *лудан* — не единственное адыгское заимствование в русском. Из этого источника идут также *шашка*, *абрек*, *нарзан* [17].

---

[12] Морфологически труднее связать первую часть (*läu*) с глаголом *lən* 'красить'.

[13] См.: «История Кабарды». М., 1957, стр. 31.

[14] Окка́ — турецкая мера веса, равная 1, 225 г.

[15] Цитирую по русск. пер.: М. Пейсонель. Исследование торговли на черкесско-абхазском берегу Черного моря в 1750—1762 гг. Краснодар, 1927, стр. 23.

[16] «Со второй половины XVI в. и особенно в XVII в. стали развиваться экономические связи рядовых кабардинцев с гребенскими казачьими городками и с Терским городом... Товары, доставлявшиеся феодалами (кабардинскими. — *В. А.*), иногда были не только местными, северокавказскими, но и закавказского и иранского происхождения» («История Кабарды», стр. 47).

[17] Л. Г. Лопатинский сопоставлял также украинское *джигун* 'повеса' с кабардинским *ǵegun* 'шутить', 'играть' («Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. XII, отд. 2. Тифлис, 1891, стр. 53—54).

С. С. Цельникер

НЕКОТОРЫЕ ДОПОЛНЕНИЯ К ЭТИМОЛОГИИ РУССК. *барсук*

Происхождение слова *барсук* (обл. *борсук*) в русском языке установлено достаточно достоверно. Его возводят к общетюркской форме *борсук*, которая в разных фонетических вариантах зафиксирована в подавляющем большинстве тюркских языков[1]. Менее ясной считается его собственно тюркская этимология. В словаре М. Фасмера значение слова *борсук* толкуется как 'серый'[2] со ссылкой на В. Банга, который возводил *борсук* к пратюркскому **бор* при современном общетюркском *боз* 'серый'[3]. Г. Рамстедт сопоставляет *борсук* с **бор* 'сытый', 'жирный'[4]. А. М. Щербак в своей работе, очевидно, присоединяется к мнению Рамстедта[5].

Этимологии Банга и Рамстедта, как нам кажется, страдают одним и тем же недостатком: в обоих случаях исследуемое слово производится от гипотетически восстанавливаемой формы, не зафиксированной ни в одном из памятников древнетюркской письменности, и при этом остается без объяснения вторая часть слова.

Нам представляется более правомерным возводить слово *борсук* к древнетюркскому глаголу *бор-* 'пахнуть', 'вонять'. С. Е. Малов приводит этот глагол в форме *пур-* 'благоухать'

---

[1] См.: Vasmer, стр. 57; Н. К. Дмитриев. О тюркских элементах русского словаря. «Лексикографический сборник», вып. III. М., 1958, стр. 19; А. М. Щербак. Названия домашних и диких животных в тюркских языках. — Сб. «Историческое развитие лексики тюркских языков». М., 1961, стр. 139.

[2] Vasmer, стр. 57.

[3] См.: W. Bang. Über die türkischen Namen einiger Grosskatzen. — KSz, XVII, 1916—1917, стр. 136 и сл. — А. М. Щербак (указ. соч., стр. 139) отмечает, что форма **бор* ни в одном из тюркских языков не встречается. Это не совсем верно: достаточно, например, указать на тувинское *бора* 'серый, сивый (о масти лошади)', но, очевидно, здесь мы имеем заимствование из монгольского *боро*.

[4] G. J. Ramstedt. Kalmückischen Wörterbuch. Helsinki, 1935, стр. 52a.

[5] В подтверждение реальности такой этимологии А. М. Щербак приводит кирг. *борсогой* 'кругленький, жирненький'. Надо, однако, иметь при этом в виду, что киргизские образоподражательные слова имеют большей частью явно монгольское происхождение и не всегда могут быть сопоставляемы с тюркскими корнями.

(транскрипция уйгурского написания)[6], ссылаясь при этом на пример из «Кутадгу билиг» (XI в.): «. . . ачун барча бӱтрӱ йыпар *пурды*» (= *борды? — С. Ц.*) '. . . и мир всецело заблагоухал мускусной железой'[7]. В грамматике А. Габен этот глагол дан в форме *бур-* 'пахнуть'; производное от него — *буранч* 'запах'[8]. В словаре Махмуда Кашгарского (XI в.): *бур-* 'пахнуть' и *бурсук* 'барсук' (в транскрипции К. Брокельмана)[9]. Все перечисленные транскрипции этого глагола нельзя считать единственно возможными, так как и древнеуйгурская письменность (в примерах С. Е. Малова и А. Габен), и арабское написание (в словаре Махмуда Кашгарского) одним и тем же знаком передавали и *у*, и *о*. В форме *бор-* этот глагол не сохранился ни в одном из современных тюркских языков. Однако во многих языках есть вторичные глагольные основы, образованные от этого корня. Так, в диалектах современного уйгурского языка имеется глагол *пура-* / *бура-*. В словаре Радлова: *пура-* 1. 'нюхать', 'обнюхивать'; 2. 'иметь дурной запах', 'худо пахнуть'[10]; *бура* — 'нюхать'[11]; по С. Е. Малову: *бура-* 'пахнуть'[12], *пура-* 'благоухать'[13]. Переход *о* > *у* перед *р* — не редкость для тюркских языков[14], а наличие подобных же основ с наращением гласного отмечается как в разных языках (ср. тур. *сор-* и кирг. *сура-* 'спрашивать'), так и внутри одного языка (например, тур. *кок-* / *кока-* и азерб. *гох-* / *гоху-* 'пахнуть', 'вонять'). В ряде современных тюркских языков есть глагол, который в общетюркской форме выглядит как *борсы-*: казах. *борсы-* 'стать затхлым', 'вонять', 'испортиться' (о пище); кирг. *борсу-* 'вонять', 'стать затхлым'; тат. *бурсы-* 'преть', 'начинать гнить'; башк. *бурһы-* 'перепреть', 'протухнуть'; узб. *бӯрси-* 'протухнуть', 'испортиться'; азерб. *порсу-* 'закисать', 'протухнуть', 'провонять', 'испортиться'. В туркменском языке этот глагол имеет форму *порса-* 'вонять'[15].

---

[6] С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 408.

[7] Там же, стр. 238.

[8] A. von Gabain. Alttürkische Grammatik. Leipzig, 1950, стр. 305.

[9] C. Brockelmann. Mitteltürkischer Wortschatz nach Mahmūd al-Kāšγaris Dīvān luγat at-turk. Budapest—Leipzig, 1928, стр. 43—44.

[10] В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, т. IV. СПб., 1911, стр. 1356.

[11] Там же, стр. 1817.

[12] С. Е. Малов. Уйгурские наречия Синьцзяна. М., 1961, стр. 110.

[13] Там же, стр. 146.

[14] См.: М. Рясянен. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955, стр. 56.

[15] По поводу вторичных глагольных основ подобного типа см.: Г. И. Рамстедт. Введение в алтайское языкознание. Морфология. М., 1957, стр. 145 и сл.; M. Räsänen. Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen. Helsinki, 1957, стр. 167; G. J. Ramstedt. Zur Verbstammbildungslehre der mongolisch-türkischen Sprachen. — ISFOu, XXVI, 5, 1912, стр. 75 и сл.; W. Kotwicz. Studia nad językami ałtajskimi. «Rocz-

Аффикс *-сук/-сык*, который, по нашему мнению, составляет вторую часть слова *борсук*, служил в древнетюркском языке для образования многозначной глагольно-именной формы. Глагольное имя с этим аффиксом выступало, в частности, в роли причастия со значениями: долженствовательным[16], будущего времени, а также постоянного признака по глагольному действию. Уже в древнетюркских письменных памятниках эта форма носила пережиточный характер и употреблялась редко; отглагольные образования с аффиксом *-сык* переходили в разряд лексики. Ныне эта форма не сохранилась ни в одном из живых тюркских языков. Другая разновидность этой формы — с аффиксом *-сығ*[17] — могла в дальнейшем дать рефлекс в форме старотурецкого причастия будущего времени с показателем *-асы* (с утратой конечного *ғ*, характерной для многих современных тюркских языков, ср. древнетюркский аффикс *-лығ* и современное *-лы*). Формант *-а* в этом аффиксе можно сопоставить с аналогичным формантом в аффиксах тур. *-аҗак* (при туркм. *-җак*), *аған* (тур. *олаған* 'возможный', 'вероятный'; узб. *билағон* 'сведующий', *қопағон* 'кусачий' при общераспространенном *-ған*). Из древнетюркского *борсығ* могло образоваться туркменское *порсы* вонючий'. Нелишне напомнить, что барсук по-туркменски обозначается словом *торсык*, которое в других тюркских языках имеет значение 'бурдюк', 'кожаный мешок'. В то же время туркменское соответствие общетюркскому *борсук* звучало бы *порсык.*

Исходя из значений глагола *бор-* и аффикса *-сык/-сук*, можно заключить, что *борсук* (или, при отсутствии лабиального сингармонизма, *борсык*) должно было означать в древнетюркском языке 'вонючий', 'вонючка'. Основанием для того, чтобы наделить барсука таким прозвищем, могло быть то обстоятельство, что *барсук* (meles meles L.), как и большинство представителей семейства куньих, имеет анальные железы, издающие сильный запах. Ср. постоянный эпитет другого животного из того же семейства, хорька, — *сасык* 'вонючий'[18], которым почти во всех тюркских языках сопровождается собственное название этого зверька *кӳзäн*, а также его азербайджанское и турецкое названия — соответственно *гохарча*, *кокарча* (букв. 'вонючка'). Любопытно заметить, что в приведенном выше примере из «Кутадгу билиг» глагол *бор-*(*пур-*) употребляется по отношению к запаху,

---

nik Orientalistyczny», XVI. Kraków, 1953, стр. 178 и сл.; A. von Gabain. Указ. соч., стр. 182.

[16] A. von Gabain. Указ. соч., стр. 4, 5, 119, 152, 184.

[17] Там же, стр. 4, 5, 75.

[18] Ср. лит. *šẽškas* 'хорек' (из тюрк. ?). Любопытно в плане выявления лексических литовско-тюркских (караимских?) связей. Ср. лит. *svogūnas* 'лук' < караим. *soγan*. — *Прим. ред.*

издаваемому мускусной железой. Это может в какой-то мере служить подтверждением нашей этимологии.

Пример иного морфологического образования мы видим в чуваш. *пурăш* 'барсук' (*пур-* + *ăш*), что подтверждает правильность нашего членения слова *борсук*. Чувашский *у* часто соответствует общетюркскому *а*, несколько реже — *о* или *у*[19]. Во втором случае мы имеем соответствие чуваш. *пур-* ~ общетюркск. *бор-*, если же предположить, что в этом слове *у* ~ **а*, то мы получаем корень **бар-*, который мог бы быть древнейшей формой, где гласный *а* подвергся позднее огублению при воздействии начального *б*. Однако последнее предположение маловероятно, ибо пришлось бы допустить наличие в древнейшем тюркском словаре двух омонимичных глаголов: **бар-* 'пахнуть' 'вонять' и *бар-* 'идти', один из которых почему-то впоследствии претерпел фонетическое изменение.

---

19 См.: Рясянен. Указ. соч., стр. 56, 76.

А. А. Зализняк

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ДРЕВНЕГЕРМАНСКИХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ. I

Рассматривая соответствующие друг другу по форме и тождественные или близкие по значению существительные древних германских языков с точки зрения их принадлежности к определенному морфологическому типу, мы обнаруживаем весьма различные соотношения между сопоставляемыми словами. В части случаев (заметно меньшей, однако, чем этого можно было бы ожидать) такие слова принадлежат к одному и тому же морфологическому типу, но чаще между ними наблюдаются те или иные расхождения. Так, сопоставляемые слова могут различаться по роду или по типу склонения; возможны также различные более сложные соотношения: ср., например, др.-в.-нем. *bero* 'медведь' (основа на *-n*) и др.-исл. *biǫrn* (основа на *-u*); в обоих случаях к корню присоединен элемент *-n-*, но во втором случае, кроме того, имеется элемент *-u-*, и, таким образом, один и тот же элемент *-n-* выступает в одном случае как основообразующий, а в другом — как суффиксальный [1].

В настоящей работе, выполненной по предложению и по замыслу покойного проф. А. И. Смирницкого, сделана попытка выделить основные типы соотношений по морфологической структуре между существительными пяти древних германских языков.

Весь лексический материал распадается на две большие части: первую часть составляют случаи, когда сопоставляемые существительные древних германских языков принадлежат к одному и тому же морфологическому типу, вторую — случаи, когда они принадлежат к разным типам. Ниже публикуется первая часть собранного материала. Вторая часть будет опубликована позднее.

Собранный материал представлен в виде сравнительного словаря, в форме, предложенной А. И. Смирницким, а именно: запись разделена на шесть вертикальных столбцов; в пяти правых столбцах приводятся соответствующие друг другу слова пяти древних германских языков (готского, древнеисландского, древнеанглийского, древнесаксонского, древневерхненемецкого),

[1] См.: А. И. Смирницкий. Древнеанглийский язык. М., 1955, стр. 196—199.

в левом столбце дается реконструируемая общегерманская форма. Если общегерманская форма реконструируется в виде нескольких структурных вариантов, они подписываются друг под другом, а каждое древнегерманское слово пишется на одном уровне с тем вариантом, которому оно соответствует.

Следует специально обратить внимание на характер реконструкций, приводимых в левом столбце. Эти реконструкции должны рассматриваться прежде всего как формулы, указывающие на тип склонения и на исходный вид корня древнегерманских имен, расположенных на одном уровне с ними, а не как фонетическая запись действительно существовавших слов общегерманского языка. Во всех случаях, чтобы построить архетип для какого-либо древнегерманского слова, мы восстанавливаем древний вид его корня, а затем приписываем к этому корню основообразующий элемент (а также реконструируемое окончание именительного падежа единственного числа) и индекс рода в соответствии с типом склонения и родом древнегерманского слова. Так, для др.-в.-нем. *gast* 'гость' (*i-m*) реконструкция имеет вид **gast-i-z* (*m*), для др.-исл. *hiǫrð* 'стадо' (*i-f*) — вид **xerđ-i-z* (*f*), для др.-англ. *feoh* 'скот, деньги' (*a-n*) — вид **fex-a-n* и т. д. Последние два примера хорошо иллюстрируют условность многих реконструкций, так как, по-видимому, формы **xerđiz* и **fexan* никогда реально не существовали.

Реконструируемые архетипы записываются не в виде основ, а в виде целых слов, т. е. с окончанием именительного падежа единственного числа (исключение составляют только корневые основы). Такой тип реконструкции, предложенный А. И. Смирницким, наиболее оправдан в первой части нашего словаря, где рассматриваются существительные, обнаруживающие полное морфологическое единство, и где, следовательно, вероятность фиктивных построений невелика; однако в целях единства методики он принят также и во второй части.

В работах по древним германским языкам обозначения типа «основы на *-i*», «основы на согласный» и т. д. нередко употребляются в разных смыслах. Так, например, название «основы на *-i*» может выступать: 1) как прямое обозначение общегерманских основ, оканчивавшихся на *-i*, а также общегерманских слов, имевших такие основы; 2) как условное[2] обозначение древнегерманских слов, восходящих к общегерманским словам с основами на *-i*; 3) как условное обозначение слов, принадлежащих в данном древнегерманском языке к определенному типу склонения, например, если речь идет о древнеисландском, — как обозначение имен с именительным падежом множественного

---

[2] Условное, поскольку действительная основа древнегерманских слов, обозначаемых этим названием, оканчивается отнюдь не на *-i*, а в большинстве случаев на согласную; так, основа др.-исл. *gestr* (*gests*, *gestir* и т. д.) будет, конечно, *gest-*, а не *gesti-*.

числа на *-ir*, винительным на *-i* (м. р.), *-ir* (ж. р.). Таким образом, др.-исл. *hiǫrð* в смысле 3 является «основой на *-i*» (мн. *hiarðir*), а в смысле 2, вероятно, «основой на *-ō*» (ср. гот. *hairda*, др.-англ. *heord*, др.-в. нем. *herta*). Ниже мы употребляем названия такого типа только в значении 1 (когда речь идет об общегерманском) и в значении 3 (когда речь идет о древних германских языках).

При таком употреблении терминов нет никакой необходимости в обозначениях, указывающих на наличие в парадигме окончаний разного происхождения, например в обозначении «основы на *-ō/-i*» для древнеисландского. Тип склонения является самостоятельным, если он отличается от остальных хотя бы одной формой [3]. По этому же принципу для отнесения слова к одному из архаичных типов склонения (корневые основы, основы на *-u* в западногерманском) достаточно хотя бы одной формы, образованной по архаичному образцу.

Ниже приводятся образцы реконструкции всех морфологических типов существительных (слева дается принятое обозначение типа):

a-m	**wulf-a-z*	*u-m*	**sun-u-z (m)*	*n-n*	**xert-ōn (n)*
a-n	**jēr-a-n*	*u-f*	**xanđ-u-z (f)*	*r-m*	**ƀrōþ-er*
ō-f	**geƀ-ō*	*u-n*	**fex-u (n)*	*r-f*	**swest-er*
i-m	**gast-i-z (m)*	*n-m*	**gum-an*	*s-n*	**seg-ez (n)*
i-f	**wurt-i-z (f)*	*n-f*	**tung-ōn*	корн.-*m*	**mann- (m)*
i-n	**mar-i (n)*	*īn-f*	**aiþ-īn*	корн.-*f*	**naxt- (f)*

Индекс рода дается при реконструируемых формах только в тех случаях, когда возможна двусмысленность; в публикуемой ниже первой части словаря индекс рода не дается (за исключением корневых основ), поскольку род приводимых имен указан в заголовке каждого раздела.

При древнегерманских словах грамматические указания даются только в особых случаях (наличие колебаний, аномальных форм и т. п.). Действительно, при описанной выше системе записи указание на тип склонения древнегерманского слова было бы избыточным, поскольку он определяется по реконструируемой форме, на уровне которой данное слово записано. Формы, стоящие за фигурной скобкой, соотносятся сразу с двумя или более реконструкциями, которым соответствует скобка (т. е. могут склоняться по разным моделям или восходить к разным фонетическим вариантам корня). Заметим, что в комментариях к случаям такого рода союз *или* употребляется только в раз-

[3] Единственным отклонением от этого строго синхронного принципа в нашем словаре является традиционное отнесение к «основам на *-i*» др.-англ. слов типа *ʒiest* (так называемые долгосложные), основанием для которого послужил не особый набор окончаний, а только устойчивый умлаут корневой гласной.

делительном смысле — если верно лишь одно из двух, но нельзя установить, что именно. В соединительном смысле употребляется союз *и* или запятая.

Если слово с комментариями занимает более одной строки, его уровень определяется по верхней строке. Древнегерманские слова, подписанные друг под другом, являются независимыми вариантами, если между ними нет никакого знака; если между ними стоит запятая или союз *и*, то второе слово относится к первому и самостоятельно с общегерманскими формами не соотносится.

Под реконструируемыми формами указывается их предполагаемое значение. Здесь, однако, следует особо подчеркнуть, что автор не производил самостоятельной семантической реконструкции и не берет на себя ответственности за надежность восстанавливаемых значений. Выписанные значения реконструируемых слов в большинстве случаев представляют собой просто общую часть значений сопоставляемых древнегерманских слов. Значение древнегерманского слова указывается только в том случае, если оно отличается от того, которое выписано под реконструируемой формой. У многозначных слов приводятся только основные значения.

Сравнительный словарь включает около 800 статей (в том числе первая часть — около 350 статей), которые охватывают: 1) почти все существительные, представленные в каждом из пяти древних германских языков; 2) подавляющее большинство существительных, не представленных только в готском и/или в древнесаксонском, т. е. в языках, от которых до нас дошло ограниченное число слов; 3) наиболее интересные со сравнительно-исторической и общелингвистической точек зрения слова, не представленные в древнеисландском, древнеанглийском или древневерхненемецком, или даже в двух из этих языков (т. е. распространенные заведомо не во всей германской языковой области, поскольку лексика этих трех языков известна нам достаточно хорошо). Выбор слов последней группы был в значительной мере субъективным. Слова, представленные еще у́же, в словарь не вошли. Из словаря исключены поздние заимствования, почти все слова с отчетливо выделяющимися аффиксами, а также часть бессуффиксных отглагольных имен со значением действия.

Основной принцип внутренней организации словаря — объединение статей с одинаковым или сходным соотношением морфологических типов сопоставляемых слов в одну группу. Первая часть словаря, охватывающая случаи морфологического единства, распадается на разделы, каждый из которых включает определенный тип общегерманских основ. Вторая часть словаря, охватывающая случаи морфологического расхождения, распадается на ряд более мелких подразделений, в зависимости

от соотношения между реконструируемыми формами. Первичные подразделения словаря занумерованы единой нумерацией.

Внутри каждого первичного подразделения словаря статьи расположены в алфавитном порядке реконструируемых словоформ. Используется следующий алфавит: a, ƀ, đ, e, ē, $ē_2$, f, g, x, i, ī, j, k, l, m, n, ō, p, r, s, t, þ, u, ū, w, z.

Этот список ясно показывает также применяемую систему записи общегерманских форм; так, лабиовелярные звуки записываются как двойные: *xw*, *kw*, (*g*)*w* и наравне с дифтонгами *ai*, *au*, *eu* располагаются в общем алфавитном порядке. В трудном вопросе о соотношении между общегерманскими *e* и *i* мы предпочли более старую точку зрения об их независимости — отчасти потому, что противоположная точка зрения А. Мейе, по-видимому, не может быть полностью доказана, отчасти потому, что принятая нами система облегчает сопоставление реконструируемых общегерманских архетипов с другими индоевропейскими формами. Основанием для выбора между *e* и *i* обычно служат, правда, не фонетические, а морфологические данные (например, огласовка других германских слов того же корня), а иногда и внегерманские данные; во многих случаях, однако, выбор между *e* и *i* не может быть удовлетворительно обоснован и должен рассматриваться как условный.

Запись древнегерманских форм несколько унифицирована. Так, долгота гласных везде записывается единообразно (по традиции указывается также долгота готского *ū*, хотя готская графика не различает *u* и *ū*). Дентальный спирант (глухой или звонкий в зависимости от позиции) записывается в древнеисландском в начале слова как *þ*, в прочих положениях как *ð*, в древнеанглийском в начале и в конце слова как *þ*, в середине слова как *ð*, в древнесаксонском обычно как *th* (в некоторых случаях как *đ*). В древневерхненемецком отражение общегерманского **þ* записывается всегда как *d* (не как *th*). В древнеисландском отражение общегерманского **w* записывается как *u* в середине слова, как *v* в начале слова; звук /j/ всегда записывается как *i*. Звук /k/ записывается как *k* в готском, древнеисландском и древнесаксонском, как *c* в древнеанглийском и древневерхненемецком (но перед *e*, *i* в древневерхненемецком как *k*).

Для древнеанглийского приводятся формы уэссекского диалекта, для древневерхненемецкого — восточнофранкского. При отсутствии древнегерманской формы может быть приведена более поздняя. При отсутствии древнесаксонской формы могут быть даны нижненемецкие формы. При наличии нескольких фонетических вариантов обычно приводится только вариант с наиболее регулярным фонетическим развитием.

Вопросы, связанные только со случаями морфологического расхождения между сопоставляемыми древнегерманскими словами, будут рассмотрены во второй части нашей работы.

Часть первая

СООТВЕТСТВУЮЩИЕ ДРУГ ДРУГУ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ ДРЕВНИХ ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКОВ ПРИНАДЛЕЖАТ К ОДНОМУ И ТОМУ ЖЕ МОРФОЛОГИЧЕСКОМУ ТИПУ

1. Основы мужского рода на *-a*

общегерм.	гот.	др.-исл.	др.-англ.	др.-сакс.	др.-в.-нем.
1. **aiþum-a-z* 'зять'	—		*ādum* 'зять, шурин'	—	*eidum*
2. **akr-a-z* 'поле, пашня'	*akrs*	*akr*	*æcer* (мн. *accras*)	*akkar*	*acchar*
3. **alm-a-z* **elm-a-z* 'вяз'	—	*almr*	*elm*	—	ср. *elmboum* 'вяз'
4. **ams-a-z* 'плечо'	*ams* 'плечо'	*āss* 'горный хребет'	—	—	—
5. **ars-a-z* 'ягодицы'	—	*ars*, *rass*	*ears*	*ars*	*ars*
6. **ƀarug-a-z* 'боров'	—	*bǫrgr*	*bearȝ*	—	*barug*
7. **ƀaug-a-z* 'кольцо'	—	*baugr*	*bēaȝ*	ср.-н.-нем. *bōch*	*boug*
8. **ƀeuđ-a-z* 'стол'	**biuþs* (род. п. *biudis*)	*biōðr* 'стол'; 'блюдо'	*bēod*	*biod*	*biot*
9. **ƀranđ-a-z* 'головня'	—	*brandr* 'головня'; 'столб'; 'клинок'	*brånd* 'головня'; 'огонь'; 'меч'	ср.-н.-нем. *brant*	*brant* 'головня'; 'пожар'; 'меч'
10. **ƀruzđ-a-z* 'острие, край'	—	*broddr* 'острие, край, кончик, росток'	*brord*	—	*brort* 'острие, край'; 'копье'; 'передняя часть корабля'

общегерм.	гот.	др.-исл.	др.-англ.	др.-сакс.	др.-в.-нем.
11. **ƀūk-a-z* 'живот, туловище'	—	*būkr*	*būc* 'живот, туловище'; 'кувшин'	др.-нем. *būk*	*būh*
12. **đag-a-z* 'день'	*dags*	*dagr*	*dæʒ*	*dag*	*tag*
13. **đaig-a-z* 'мягкая масса, тесто'	*daigs*	*deigr*	*dāh* (род. *dāʒes*)	ср.-н.-нем. *dēch*	*teig*
14. **đraum-a-z* 'мечта, сновидение'	—	*draumr*	*drēam* 'радость, ликование, пение' (часто не признается генетически тождественным др.-исл., др.-сакс. и др.-в.-нем. словам из-за значения)	*drōm*	*troum*
15. **đwerg-a-z* 'карлик'	—	*duergr*	*dweorʒ*	ср.-н.-нем. *dwerch*	*twerg*
16. **eƀur-a-z* 'кабан'	—	*iǫfurr* поэтич. 'князь'	*eofor*	—	*ebur*
17. **erl-a-z* **eril-a-z* 'предводитель дружины'	—	*iarl* рун. *erilaR* 'предводитель дружины, князь, эрл'	*eorl* 'дворянин, эрл'	*erl* 'знатный человек'	ср. *erl-* в сложных словах
18. **ēl-a-z* 'угорь'	—	*āll*	*ǣl*	—	*āl*
19. **ē̆þm-a-z* **ēđ(u)m-a-z* 'дыхание'	—	—	*ǣðm*	*āđum*	*ātum*

20. **farm-a-z* 'перевоз', погрузка судна'	—	*farmr* 'погрузка судна'	*fearm* 'погрузка судна'	*farm*	*farm* 'лодка, паром'
21. **faþm-a-z* 'охват, сажень'	—	*faðmr* 'охват, объятие'	*fæðm* 'протянутые руки, сажень'	*fathmōs* (мн.) 'протянутые руки'	*fadam* 'сажень'
22. **fisk-a-z* 'рыба'	*fisks*	*fiskr*	*fisc*	*fisk*	*fisc*
23. **frusk-a-z* 'лягушка'	—	*froskr*	*frosc*, *forsc*	ср.-н.-нем. *vorsch*	*frosc*
24. **fugl-a-z* 'птица'	*fugls*	*fugl*	*fuȝol*	*fugal*	*fogal*
25. **gaist-a-z* 'дух, демон'	—	—	*ȝāst* 'дух'; 'демон'; 'дыхание, душа'	*gēst*	*geist*
26. **gaiz-a-z* 'копье, острога'	ср. латинизированное *Hariogaisus*	*geirr*	*ȝār*	*gēr*	*gēr*
27. **gauk-a-z* 'кукушка'	—	*gaukr*	*ȝēac*	ср.-н.-нем. *gōk*	*gouh*
28. **gazđ-a-z* 'шип', жало'	*gazds*	*gaddr*	—	—	*gart*
29. **gīsl-a-z* 'заложник'	—	*gīsl* (также *ō-f*)	*ȝīsel*	*gīsal*	*gīsal*
30. **xađuk-a-z* 'ястреб'	—	*haukr*	*heafoc*	ср. *hađuk-* в собственных именах	*habuh*
31. **xafr-a-z* или **xađr-a-z* 'козел'	—	*hafr*	*hæfer*	—	—

Продолжение

общегерм.	гот.	др.-исл.	др.-англ.	др.-сакс.	др.-в.-нем.
32. **xals-a-z* 'шея'	*hals*	*hals*	*heals*	*hals*	*hals*
33. **xamar-a-z* 'молот'	—	*hamarr*	*hamor*	*hamur*	*hamar*
34. **xarm-a-z* 'горе, вред'	—	*harmr*	*hearm* 'горе, вред, боль'	*harm* 'горе, вред, боль'	—
35. **xarug-a-z* 'куча камней, жертвенник'	—	*hǫrgr* 'куча камней'	*hearȝ* 'храм (языческий)'	—	*harug* 'священная роща'
36. **xaup-a-z* 'куча, толпа'	—	—	*hēap*	*hōp*	*houf*
37. **xelm-a-z* 'шлем'	*hilms*	*hialmr*	*helm*	*helm*	*helm*
38. **xemel-a-z* **xemen-a-z* **xemn-a-z* или **xeƀn-a-z* 'небо'	*himins*	*himinn* (дат. *himni* и *hifni*)	*heofon*	*himil* *heƀan*	*himil*
39. **xlaiƀ-a-z* 'каравай хлеба'	*hlaifs (-b-)* 'хлеб'	*hleifr*	*hlāf*	—	*leib*
40. **xnapp-a-z* 'ковш'	—	*hnappr* 'ковш, корыто'	*hnæpp* 'ковш, кубок'	*hnap* 'ковш, миска'	*(h)napf* 'чаша, миска'
41. **xōf-a-z* 'копыто'	—	*hōfr*	*hōf*	*hōf*	*huof*
42. **xreng-a-z* 'кольцо, круг'	—	*hringr* 'кольцо, круг', 'бухта'	*hrinȝ*	*hring*	*hring*

43. **xunđ-a-z* 'собака'	*hunds*	*hundr*	*hund*	*hund*	*hunt*
44. **xwelp-a-z* 'щенок'	—	*huelpr*	*hwelp*	*hwelp*	*welf*
45. **xwer-a-z* 'котел'	—	*huerr*	*hwer*	—	*(h)wer*
46. **igil-a-z* **īgil-a-z* **igul-a-z* **īgul-a-z* 'еж'; 'ерш'	—	*igull* *īgull* 'ерш'	*iȝil, īl* 'еж'; 'ерш'	—	*igil* *īgil* 'еж'; 'ерш'
47. **kamƀ-a-z* 'гребень'	—	*kambr*	*câmb*	*kamb*	*camb*
48. **karl-a-z* **kerl-a-z* 'взрослый, зрелый мужчина'	—	*karl*	*ceorl* 'мужчина, супруг'	ср.-н.-нем. *kerle*	*car(a)l*
49. **keul-a-z* 'корабль'	—	*kiōll*	*cēol*	ср.-н.-нем. *kēl*	*kiol* 'большой корабль'
50. **krupp-a-z* 'отросток, тело'	—	*kroppr* 'тело'	*cropp* 'побег, выпуклость, зоб'	ср.-н.-нем. *krop*	*cropf*
51. **kuning-a-z* **kunung-a-z* 'король'	—	*konungr*	*cyninȝ*	*kuning*	*kuning*
52. **kupp-a-z* 'чаша'	—	*koppr* 'чаша, миска'	*copp*	ср.-н.-нем. *kop*	*copf* 'чаша, кубок'; 'череп, голова'
53. **kuss-a-z* 'поцелуй'	—	*koss*	*coss*	*kus, kos*	*cus*

общегерм.	гот.	др.-исл.	др.-англ.	др.-сакс.	др.-в.-нем.
54. **laxs-a-z* 'лосось'	—	*lax*	*leax*	др.-н.-нем. *lahs*	*ahs*
55. **lauk-a-z* 'лук-порей'	—	*laukr*	*lēac*	др.-н.-нем. *lōk*	*ouh*
56. **lukk-a-z* 'прядь волос'	—	*lokkr*	*locc*	др.-н.-нем. *lok*	*loch*
57. *marx-a-z* 'конь' (заимств.)	—	*marr* (в позднем языке мн. также *marir*)	*mearh*	—	*mar(a)h*
58. **mēg-a-z* 'родственник (через супруга)'	*mēgs* 'зять'	*māgr*	*mǣʒ* 'родственник (вообще)'	*māg* 'родственник (вообще)'	*māg*
59. **mistil-a-z* 'омела'	—	ср. *mistel-teinn* 'ветка омелы, омела'	*mistel* 'омела' (также *mistel-tān*)	—	*mistil*
60. **munþ-a-z* 'рот, уста'	*munþs*	*munnr, muðr*	*mūþ*	*mūth, mund*	*mund*
61. **murgen-a-z* **murgun-a-z* **murgan-a-z* 'утро'	*maurgins*	*morginn* *morgunn*	*morʒen*	*morgan*	*morgan*
62. **pung-a-z* 'кожаная сумка, кошель'	*puggs*	*pungr*	*punʒ*	ср.-н.-нем. *punge*	ср. *scaz-phung* 'кошелек'
63. **rukk-a-z* 'верхняя одежда'	—	*rokkr*	*rocc*	др.-н.-нем. *rok*	*roch*

64. ***sađul-a-z* **sađl-a-z* 'седло'**	—	*sǫđull*	*sadol*	ср.-н.-нем. *sadel*	*satul* *satal*
65. ****saum-a-z*** 'шов'	—	*saumr*	*sēam*	ср.-н.-нем. *sōm*	*soum* 'шов, кайма'
66. ****selx-a-z*** 'тюлень'	—	*selr*	*seolh*	др.-н.-нем. *selah*	*selah*
67. ****skalk-a-z*** 'слуга, холоп'	*skalks*	*skalkr*	*scealc* 'слуга, холоп'; 'воин, вассал'	*skalk* 'слуга, холоп'; 'мошенник'	*scalc*
68. ****skatt-a-z*** 'богатство, деньги'	*skatts* 'деньги, монета'	*skattr* 'налог, дань'; 'богатство'	*sceatt* 'богатство, деньги'; 'дань'	*skat (-tt-)* 'богатство, деньги, монета'	*scaz (-zz-)* 'богатство, деньги, монета'; 'сокровище'; 'налог, цена'
69. ****skōx-a-z*** 'башмак'	*skōhs*	*skōr*	*scō(h)*	*skō(h)*	*scuoh*
70. ****snegil-a-z* **snagil-a-z*** 'улитка'	—	*snigill*	*snegl* *snægl*	др.-н.-нем. *snegil*	ср.-в.-нем. *snegel* 'улитка, пиявка'
71. ****stain-a-z*** 'камень'	*stains*	*steinn*	*stān*	*stēn*	*stein*
72. ****stall-a-z*** '(место)положение'	—	*stallr* 'подставка, алтарь'; 'ясли, стойло'	*steall* 'положение, состояние'	ср.-н.-нем. *stal* 'хлев'	*stal (-ll-)* '(место)положение'; 'жилище'; 'стойло'
73. ****stapul-a-z* **stapl-a-z*** 'подпорка, подставка'	—	*stǫpull* 'столб, башенка'	*stapol* 'подпорка, столб'	ср.-н.-нем. *stapel* 'подставка, колонна'	*staffal* 'ступенька'
74. ****stōl-a-z*** 'стул'	*stōls* 'стул, трон'	*stōll*	*stōl*	*stōl*	*stuol*
75. ****straum-a-z*** 'поток, течение'	—	*straumr*	*strēam*	*strōm*	*stroum*

общегерм.	гот.	др.-исл.	др.-англ.	др.-сакс.	др.-в.-нем.
76. **stukk-a-z* 'ствол, палка'	—	*stokkr* 'ствол, палка, чурбан'	*stocc*	др.-н.-нем. *stok*	*stok (-ck-)*
77. **sturk-a-z* 'аист'	—	*storkr*	*storc*	ср.-н.-нем. *stork*	*storah, storc*
78. **sturm-a-z* 'буря'	—	*stormr*	*storm*	*storm*	*sturm*
79. **swain-a-z* 'слуга, пастух'	—	*sueinn* 'мальчик, слуга'	*swān* 'свинопас'; поэтич. 'человек, воин'	*swēn* 'свинопас'	*swein*
80. **sweƀl-a-z* **swefl-a-z* 'сера'	*swibls*	—	*swefl*	ср.-н.-нем. *swevel*	*swebal* *swefal*
81. **taikur-a-z* 'деверь'	—	—	*tācor*	—	*zeihhur*
82. **tain-a-z* 'ветка, прут'	*tains*	*teinn* 'ветка, прут'; 'пика'	*tān*	—	*zein* 'ветка, прут'; 'трость'
83. **taum-a-z* 'повод, узда'	—	*taumr*	*tēam* 'запряжка'; 'потомство'	др.-н.-нем. *tōm*	*zoum*
84. **ters-a-z* 'penis'	—	—	*teors*	ср.-н.-нем. *ters*	*zers*
85. **tupp-a-z* 'коса (волос), макушка'	—	*toppr* 'коса'	*topp* 'верхушка'	ср.-н.-нем. *top*	*zopf* 'коса'
86. **twīfl-a-z* 'сомнение'	*tweifls*	—	—	ср.-н.-нем. *twīvel*	*zwīfal*
87. **þarm-a-z* 'кишка'	—	*þarmr*	*þearm*	ср.-н.-нем. *darm*	*dar(a)m*

88. * *þegn-a-z* 'свободный человек, воин'	—	*þegn* 'свободный человек'	*þeȝn* 'дворянин, воин, герой'; 'слуга'	*thegan* 'воин, герой'	*degan* 'воин, герой'; 'мальчик, слуга'
89. * *þeuƀ-a-z* 'вор'	*þiubs*	*þiōfr*	*þēof*	*thiof*	*dioƀ*
90. * *þunr-a-z* 'гром'	—	*Þōrr* 'бог-громовержец'	*þunor*	ср.-н.-нем. *doner*	*donar*
91. * *þuris-a-z* * *þurs-a-z* 'великан, демон'	—	*þurs*, *þors*	*þyrs*	—	*duris* *durs*
92. * *utr-a-z* 'выдра'	—	*otr*	*otter*	ср.-н.-нем. *otter*	*otter*
93. * *wagn-a-z* 'повозка'	—	*vagn*	*wæȝn*	ср. др.-н.-нем. *reidi-wagan* 'повозка'	*wagan*
94. * *wang-a-z* 'поле, луг'	*waggs* 'райские луга, рай'	*vangr*	*wånȝ*	*wang*	ср. *holz-wangā* (мн. 'поля с рощами')
95. * *warg-a-z* 'преступник'	ср. *launa-wargs* 'неблагодарный' (сущ.; ср. *laun* 'награда')	*vargr* 'волк'; 'вор, разбойник, изгнанный преступник'	*wearȝ* '(изгнанный) преступник'	*warg*	*warg* 'преступник, изверг'
96. * *weƀil-a-z* 'жук'	—	ср. *torð-yfill* 'навозный жук'	*wifel* 'жук' (ср. *tord-wifel* 'навозный жук')	ср. др.-н.-нем. *gold-wivel* 'светлячок'	*wibil* 'род жука'
97. **wir-a-z* 'человек'	*wair*	*verr*	*wer*	*wer*	*wer*
98. **wulf-a-z* 'волк'	*wulfs*	*ulfr*	*wulf*	*wulf*	*wolf*

2. Подгруппа основ на *-ja*

1. **xerđi-a-z* 'пастух'	*hairdeis*	*hirðir*	*hyrde*	*hirdi*	*hirti*

общегерм.	гот.	др.-исл.	др.-англ.	др.-сакс.	др.-в.-нем.
2. ***mēki-a-z**	*mēkeis (вин. п. mēki)	mǣkir	mēce	māki	—
3. ***neþj-a-z** 'потомок, родственник' (возможно, заимствовано из славянского)	niþjis 'родственник'	niðr	niþþas (мн.) 'люди'	—	—

3. Подгруппа основ на *-wa*

общегерм.	гот.	др.-исл.	др.-англ.	др.-сакс.	др.-в.-нем.
1. ***ƀarw-a-z** 'дерево, лес'	—	*bǫrr* 'дерево'	*bearu* 'лес, роща'	—	—
2. ***exw-a-z** 'лошадь'	ср. *aiƕa-tundi* 'шиповник'	*iōr (a-m)*	*eoh* 'конь'	ср. *ehu-skalk* 'всадник'	—
3. ***tīw-a-z** 'бог, бог грома'	—	*Tȳr* 'бог-громовержец'; *tīvar* (мн.) 'боги'	*Tīw* 'бог грома'	—	*Ziu* 'бог грома'

4. Основы среднего рода на *-a*

общегерм.	гот.	др.-исл.	др.-англ.	др.-сакс.	др.-в.-нем.
1. ***aitr-a-n** 'яд'	—	*eitr*	*ā(t)tor*	*ēttor*	*ei(t)tar*
2. ***aiz-a-n** 'руда'; 'медь, бронза'	*aiz* 'медь, медная монета'	*eir*	*ār*	*ēr*	*ēr*

3. ***akran-a-n** 'лесной плод, желудь'	*akran* 'плод'	*akarn*	*æcern* 'желудь'	—	ср.-в.-нем. *eckern* 'желудь' *bein*
4. ***ƀain-a-n** 'кость, нога'	—	*bein*	*bān*	*bēn*	
5. ***ƀarn-a-n** 'ребенок'	*barn*	*barn*	*bearn*	*barn*	*barn*
6. ***ƀaþ-a-n** 'купанье'	—	*bað* 'баня'	*bæþ*	*bath*	*bad*
7. ***ƀaukn-a-n** 'знак'	—	— (*bākn* заимств. из др.-фриз.)	*bēacen* 'знак, знамя'	*bōkan* 'знак, примета'	*bouhhan* 'знак'; 'пример'
8. ***ƀlađ-a-n** 'лист'	—	*blað*	*blæd*	*blad*	*blat* (мн. *bletir*)
9. ***ƀlōđ-a-n** ***ƀlōþ-a-n** 'кровь'	*blōþ* (-*þ*-)	} *blōð*	*blōd*	*blōd*	*bluot*
10. ***ƀrauđ-a-n** 'хлеб'	—	*brauð*	*brēad*	*brōd*	*brōt*
11. ***ƀruþ-a-n** 'суп'	—	*broð* 'мясной суп'	*broþ*	—	*brod*
12. ***ƀurđ-a-n** 'доска'	ср. *fōtu-baurd*; 'подставка для ног'	*borð* 'доска'; 'борт'; 'стол'	*bord* 'доска'; 'борт'; 'стол'	*bord* 'стол'	ср.-в.-нем. *bort* 'борт'
13. ***đeuz-a-n** 'зверь'	*dius* (-*z*-)	*dȳr*	*dēor*	*dior*	*tior*
14. ***đulg-a-n** 'вред, рана'	—	*dolg* 'вражда'	*dolȝ* 'рана'	—	*tolg* 'рана, рубец'
15. ***ēt-a-n** 'еда'	—	*āt*	*ǣt*	*āt*	*āȥ*
16. ***faikn-a-n** 'коварный поступок, обман'	—	*feikn* 'гибель'	*fācen* 'коварный поступок, обман, предательство'	*fēkn*	*feihhan*

общегерм.	гот.	др.-исл.	др.-англ.	др.-сакс.	др.-в.-нем.
17. **far-a-n* 'средство перевозки'	—	*far* 'повозка'; 'судно'	*fær* 'поездка, путь, жизненный путь'; 'корабль'	—	*far* 'перевоз через реку, паром'; 'берег'
18. **fat-a-n* 'сосуд'	—	*fat* 'сосуд'; 'одежда'	*fæt*	—	*faʒ*
19. *fell-a-n* 'шкура, кожа'	ср. *þrūts-fill* 'проказа'	ср. *-fell* в сложных словах	*fell*	*fell*	*fel (-ll-)*
20. **fōđr-a-n* **fōþr-a-n* 'корм'; 'короб, футляр'	*fōdr* 'ножны, футляр'	} *fōðr*	*fōdor* *fōðor*	ср.-н.-нем. *fōder*	*fuotar*
21. **gaman-a-n* 'радость, веселье, игра'	—	*gaman* 'радость, веселье, игра, похоть'	*ʒâmen* 'радость, веселье, игра, удовольствие, шутка'	*gaman* 'радость, веселье, игра, удовольствие, шутка'	*gaman* 'радость' веселье, игра, шутка'
22. **garn-a-n* 'пряжа'	—	*garn*	*ʒearn*	—	*garn*
23. **geld-a-n* 'плата, возмещение'	*gild* 'налог, подать'	*giald* 'плата, возмещение, штраф'	*ʒield* 'плата, возмещение, дань, налог'; 'жертва'; 'идол'	*geld* 'плата, возмещение, жертва'	*gelt* 'плата, возмещение, вознаграждение'
24. **glas-a-n* **glaz-a-n* 'стекло'	—	*gler*	*ʒlæs*	—	*glas*
25. **gras-a-n* 'трава'	*gras*	*gras*	*ʒræs*, *ʒærs*	*gras*	*gras*
26. **gulþ-a-n* 'золото'	*gulþ*	*gull*, *goll*	*ʒold*	*gold*	*gold*
27. **xaƀ-a-n* 'море'	—	*haf*	*hæf*	ср.-н.-нем. *haf*	ср.-в.-нем. *hab (-b-)* 'море, гавань'

28. **xaubiđ-a-n* **xaubuđ-a-n* **xabuđ-a-n* 'голова'	*haubiþ (-d-)*	*haufuð* *hǫfuð*	*hēafod* *hafud*	*hōbid*	*houbit*
29. **xēr-a-n* 'волос'	—	*hār*	*hær*	*hār*	*hār*
30. **xliđ-a-n* **xliþ-a-n* 'дверь, крышка'	—	} *hlið* 'дверь, ворота'	*hlid* 'крышка'	—	*lit* *lid*, *lith* 'крышка, решетка'
31. **xrīs-a-n* 'прут'	—	*hrīs* 'прут'; кустарник'	*hrīs*	ср.-н.-нем. *rīs*	*(h)rīs* (мн. *-ir*) 'прут, хворост'
32. **xrōt-a-n* 'крыша'	*hrōt*	*hrōt*	—	—	—
33. **xruss-a-n* 'лошадь'	—	*hross*	*hors*	*hros*, *hors*	*(h)ros (-ss-)*
34. **xult-a-n* 'дерево (материал), дрова'	—	*holt* 'роща'	*holt* 'дерево, дрова'; 'роща'	*holt* 'дерево, дрова'; 'лес, роща'	*holz* (мн. также-*ir*)
35. **xunig-a-n* **xunag-a-n* **xunang-a-n* 'мед'	—	*hunang*	*huniʒ*	*honig*	*honag* *honang*
36. **xunsl-a-n* 'обряд, жертва'	*hunsl* 'жертва'	— (*hūsl* заимств. из др.-англ.)	*hūsl* 'таинство причастия'	—	—
37. **xurn-a-n* 'рог'	*haurn*	*horn*	*horn*	—	*horn*
38. *xūs-a-n* 'дом, жилище'	ср. *gud-hūs* 'храм'	*hūs*	*hūs*	*hūs*	*hūs* (мн. также -*ir*)
39. **īsarn-a-n* **īzarn-a-n* 'железо' (заимств. из кельт.)	*eisarn*	*īsarn* *iārn*	*īse(r)n* *īren*	*īsarn*	*īsa(r)n*
40. **jēr-a-n* 'год'	*jēr*	*ār*	*ʒēar* 'год, весна'	*jār*, *gēr*	*jār*

общегерм.	гот.	др.-исл.	др.-англ.	др.-сакс.	др.-в.-нем.
41. **juk-a-n* 'ярмо, иго'	*juk*	*ok*	*ʒeoc*	*juk*	*joh, juh*
42. **land-a-n* 'земля, суша'	*land*	*land*	*lånd*	*land*	*lant*
43. **leþr-a-n* 'кожа (материал)' (заимств. из кельт.)	—	*leðr*	*leðer*	ср.-н.-нем. *leder*	*leder*
44. **leuxt-a-n* **leuxađ-a-n* 'свет'	*liuhaþ (-d-)*	—	*lēoht*	*lioht*	*lioht*
45. **leuþ-a-n* **leuđ-a-n* 'песня'	ср. *awi-liuþ (-d-)* 'восхваление'	} *liōð* 'строфа'	*lēoþ*	др.-н.-нем. *-lioth* в сложных словах	*liod*
46. **luƀ-a-n* 'похвала'	—	*lof* 'похвала'; 'разрешение'	*lof*	*lof*	*lob*
47. **malt-a-n* 'солод'	—	*malt*	*mealt*	ср.-н.-нем. *malt*	*malz*
48. **mēl-a-n* 'мера, определенное время, время еды'	*mēl* 'мера, время'	*māl*	*mǣl*	ср.-н.-нем. *māl* 'определенное время'	*māl* 'определенное время, время еды'
49. **mēl-a-n* 'пятно, знак, примета'	*mēla* (мн.) 'письменные знаки'	*māl* 'примета, облик'	*mǣl*	ср. *hōƀid-māl* 'изображение головы'	*māl* 'точка, пятно'
50. **met-a-n* 'измерение, мера'	—	*met* (мн.) 'вес'	*(ʒe)met* 'измерение'	—	*meʒ* 'мера (жидкости)'
51. **naut-a-n* 'рогатый скот'	—	*naut*	*nēat*	—	*nōʒ*

52. **razn-a-n* 'дом'	*razn*	*rann*	*ærn*	—	—
53. **saxs-a-n* 'нож, короткий меч'	—	*sax*	*seax*	др.-н.-нем. *sahs*	*sahs*
54. **salt-a-n* 'соль'	*salt*	*salt*	*sealt*	*salt*	*salz*
55. **sendr-a-n* 'окалина, шлак'	—	*sindr* 'шлак'	*sinder*	др.-н.-нем. *sinder*	*sintar*
56. **set-a-n* 'сиденье, место'	—	*set* 'местопребывание'; *siǫt* (мн.) 'жилище'	*set* 'войсковой лагерь'; 'стойло, загон'; 'заход солнца'	—	*sez* 'сиденье, место, местопребывание'; 'лагерь'
57. **silubr-a-n* **silabr-a-n* 'серебро' (заимств.)	*silubr*	*silfr*	*seolfor*	*silubar*	*silabar*
58. **skēp-a-n* 'овца'	—	—	*scēap*	*skāp*	*scāf*
59. **skip-a-n* 'корабль'	*skip*	*skip*	*scip*	*skip*	*scif*
60. **skīd-a-n* 'полено'	—	*skīð* 'полено, лыжа'	*scīd*	—	*scīt*
61. **skuft-a-n* 'волосы (на голове)'	*skuft*	*skopt*	—	—	*scuft*
62. **sōt-a-n* 'сажа'	—	*sōt*	*sōt*	ср.-н.-нем. *sōt*	—
63. **spell-a-n* 'рассказ'	*spill* 'рассказ, басня'	*spiall* 'рассказ, речь'	*spell* 'рассказ, речь, проповедь'	*spel (-ll-)* 'рассказ, речь, проповедь'	*spel (-ll-)* 'рассказ, басня, сказка, ложь'
64. **spur-a-n* 'след'	—	*spor*	*spor*	ср.-н.-нем. *spor*	*spor*
65. **swerd-a-n* 'меч'	—	*suerð*	*sweord*	*swerd*	*swert*

Продолжение

общегерм.	гот.	др.-исл.	др.-англ.	др.-сакс.	др.-в.-нем.
66. *swīn-a-n* 'свинья'	*swein*	*suīn*	*swīn*	*swīn*	*swīn*
67. **teld-a-n* 'палатка'	—	*tiald* 'палатка, полог'	*teld*	ср.-н.-нем. *telt*	*zelt*
68. **tembr-an* 'дерево (строительный материал)'	—	*timbr*	*timber* 'дерево'; 'постройка'	*timbar* 'здание'	*zimbar* 'дерево'; 'постройка'
69. **tin-a-n* 'олово'	—	*tin*	*tin*	ср.-н.-нем. *tin*	*zin*
70. **tungl-a-n* 'светило, созвездие'	*tuggl*	*tungl* 'луна' ср. *himin-tungl* 'светило, созвездие'	*tunȝol*	*tungal*	ср. *himil-zungal* 'светило, 'созвездие'
71. **þeux-a-n* 'верхняя часть бедра'	—	*þiō*	*þēo(h)*	ср.-н.-нем. *dēch*	*dioh*
72. **wad-a-n* 'брод'	—	*vað*	*wæd* 'вода', 'море' *ȝewæd* 'брод'	сн.-н.-нем. *wat*	*wat*
73. **waxs-a-n* 'воск'	—	*vax*	*weax*	ср.-н.-нем. *wahs*	*wahs*
74. **warp-a-n* 'бросок'; 'уток и основа ткани'	—	*varp* 'бросок'; 'уток'	*wearp* 'основа'	др.-н.-нем. *warp* 'основа'	*warf* 'основа'
75. **weðr-a-n* 'ветер'; 'погода'	—	*veðr* 'ветер'; 'погода'; 'воздух'	*weder* 'ветер'; 'погода'; 'воздух'	*wedar* 'погода, дурная погода'	*wetar* 'погода'; 'воздух'
76. **werk-a-n* 'дело, работа'	—	*verk*	*weorc* 'работа'; 'тяжкий труд, страдание'	*werk*	*wer(a)h*, *werc*

77. **wēƀn-a-n* 'оружие'	*wēpna* (мн.)	*vāpn*	*wǣpn, wǣmn*	*wāpan*	*wā(f)fan* 'оружие, снаряжение'; 'меч'
78. **wīƀ-a-n* 'женщина'	—	*vīf*	*wīf*	*wīf*	*wīb*
79. **wīn-a-n* 'вино' (заимств. из лат.)	*wein*	*vīn*	*wīn*	*wīn*	*wīn*
80. **wunđr-a-n* 'чудо'	—	*undr*	*wundor*	*wundar*	*wuntar* 'чудо'; 'удивление'
81. **wurđ-a-n* 'слово'	*waurd*	*orð* 'слово, призыв'; 'договор'	*word*	*word*	*wort*

5. Подгруппа основ на *-ja*

1. **flatj-a-n* 'пол (дома)'	—	*flet*	*flett* 'пол (дома)'; 'зал'; 'дом'	*flet(ti)* 'дом'	*flezzi* 'пол (дома)'; 'зал'; 'берег'
2. **xauj-a-n* 'сено'	*hawi*	*hey* (дат. п. *hey(v)i*)	*hīeȝ*	*hōi*	*houwi*
3. **kunj-a-n* 'род'	*kuni*	*kyn*	*cynn* 'род, потомство'	—	*cunni*
4. **luƀj-a-n* 'зелье, яд'	—	*lyf* (обычно мн.) 'целебная трава'	*lybb* 'яд'	ср.-н.-нем. *lubbi* 'яд'	*luppi* 'яд'; 'волшебство'
5. **natj-a-n* 'сеть'	*nati*	*net*	*nett*	*net(ti)*	*nezzi*
6. **reƀj-a-n* 'ребро'	—	*rif* 'ребро, риф'	*ribb*	др.-н.-нем. *ribbi*	*rippi*
7. **rīki-a-n* 'власть, господство, царство'	*reiki* 'господство'	*rīki*	*rīce*	*rīki*	*rīhhi*
8. **stukki-a-n* 'кусок, штука'	—	*stykki*	*stycce*	др.-н.-нем. *stukki*	*stucki*

общегерм.	гот.	др.-исл.	др.-англ.	др.-сакс.	др.-в.-нем.
9. **wađj-a-n* 'залог, спор об заклад'	*wadi* 'залог, спор об заклад, задаток'	*veð* 'залог'	*wedd* 'залог'; 'договор'	др.-н.-нем. *weddi* 'залог'	*wetti* 'залог, спор об заклад'; 'штраф'
6. Подгруппа основ на -*wa*					
1. **ƀlīw-a-n* 'свинец'	—	*blȳ* (*a-n*)	—	*blī*	*blīo*
2. **knew-a-n* 'колено'	**kniu* (род. п. *kniwis*)	*knē* (*a-n*) 'колено'; 'поколение'; 'узел'	*cnēo(w)*	*knio*	*kneo*
3. **melw-a-n* 'мука́'	—	*miǫl*	*meolu*	*melo*	*melo* 'мука, пыль'
4. **sarw-a-n* 'вооружение, оружие'	*sarwa* (мн.) 'вооружение'	—	*searu*	—	*saro*
5. **smerw-a-n* 'жир, мазь'	—	*smiǫr* 'жир, мазь, масло'	*smeoru*	др.-н.-нем. *smero*	*smero*
6. **straw-a-n* 'солома'	—	*strā* (*a-n*) 'соломина'	*strēa(w)*	ср.-н.-нем. *strō*	*strō* (род. п. -*wes*)
7. **trew-a-n* 'дерево'	*triu*	*trē* (*a-n*)	*trēo(w)*	*trio*	—
7. Основы женского рода на -*ō*					
1. **axs-ō* 'ось'	—	ср. *ǫxull* (*a-m*) с суффиксом	*eax*	—	*ahsa*
2. **feþr-ō* 'перо'	—	*fiǫðr*	*feðer*	*fethera*	*fedara*
3. **grōƀ-ō* 'яма'	*grōba*	*grōf*	ср.-англ. *grōfe* 'борозда, сток, ров'	ср.-н.-нем. *grōve* 'яма, могила'	*gruoba*

4. **xans-ō* 'толпа, множество'	*hansa*	—	*hōs*	ср.-н.-нем. *hanse*	*hansa*
5. **xrung-ō* 'бревно, балка'	*hrugga*	—	*hrunȝ*	ср.-н.-нем. *runge*	ср.- в. нем. *runge*
6. **kar-ō* 'забота, печаль, горе'	*kara* 'забота'	*kǫr* 'одр болезни'	*cearu* 'забота, печаль, горе'; 'жалоба'	*kara* 'горе, скорбь, жалоба'	*chara* 'жалоба, сетование'
7. **kwal-ō* **kwēl-ō* 'мука, пытка'	—	*kuǫl*	*cwalu* 'насильственная смерть, убийство'	*quāla*	*quāla*
8. **laiƀ-ō* 'остаток'	*laiba*	*leif* (обычно во мн.)	*lāf*	*lēƀa*	*leiba*
9. **laug-ō* 'вода для мытья'	—	*laug* 'горячий источник'; 'баня'	*lēaȝ* 'щелок'	ср.-н.-нем. *lōge* 'щелок'	*louga* 'щелок'
10. **liƀr-ō* 'печень'	—	*lifr*	*lifer*	ср.-н.-нем. *lever*	*libara*
11. **man-ō* 'грива'	—	*mǫn*	*mânu*	ср.-н.-нем. *mane*	*mana*
12. **nēƥl-ō* 'игла'	*nēƥla*	*nāl*	*nǣdl*, *nǣðl*	*nādla*	*nādala*
13. **paiđ-ō* 'рубаха, верхняя одежда' (заимств.)	*paida*	—	*pād* 'одеяние, плащ'	*pēd*	*pheit* 'рубаха'
14. **rūn-ō* 'тайна'; 'тайный совет'	*rūna*	*rūnar* (мн.) 'тайное знание'; 'руны'	*rūn* 'тайна'; 'тайный совет'; 'руна'	*rūna*	*rūna*
15. **sag-ō* **seg-ō* 'пила'	—	*sǫg*	*saȝu*	ср.-н.-нем. *sage*	*saga* *sega*

общегерм.	гот.	др.-исл.	др.-англ.	др.-сакс.	др.-в.-нем.
16. **salƀ-ō* 'мазь'	—	—	*sealf*	*salba*	*salba*
17. **tēl-ō* 'обман, опасность'	—	*tāl* 'обман, обольщение'	*tǣl* 'упрек, обвинение, клевета, насмешка'	—	*zāla* 'преследование, опасность'
18. **þenxsl-ō* **þenxsil-ō* 'дышло'	—	*þīsl*	*þīsl*	} ср.-н.-нем. *dīsel*	*dīhsila*
19. **wamƀ-ō* 'живот'	*wamba* 'живот, тело'	*vǫmb*	*wåmb* 'живот'; 'матка'	ср.-н.-нем. *wamme*	*wamba*
20. **wēr-ō* 'истина, верность'	—	*Vār* 'богиня обетов'; *vārar* (мн.) 'обет'	*wǣr* 'верность, обет, соглашение'	—	*wāra*
21. **wull-ō* 'шерсть'	*wulla*	*ull*	*wull*	ср.-н.-нем. *wulle*	*wolla*

8. Подгруппа основ на -*jō*

общегерм.	гот.	др.-исл.	др.-англ.	др.-сакс.	др.-в.-нем.
1. **agj-ō* 'острие, край'	—	*egg*	*ecȝ* 'острие, край'; 'меч'	—	*ecka*
2. **axwj-ō* 'земля, омываемая водой'	—	*ey* 'остров'	*īeȝ* 'остров'	—	ср. *-ouwa* в сложных словах 'поток, земля, омываемая водой, заливной луг'
3. **seƀj-ō* 'родство'	*sibja*	*Sif* 'жена Тора'; *sifiar* (мн.) 'родство через супруга'	*sibb* 'родство'; 'дружелюбие, мир'	*sibbia* 'кровное родство'	*sippa* 'кровное родство'; 'род, клан'

4. **sunj-ō* 'истина'; 'законное препятствие'	*sunja* 'истина'	*syn* 'отрицание, отклонение' (например, извинения)	—	*sunnea* 'препятствие'	*sunna* 'законное препятствие'
5. **wenj-ō* 'пастбище'	*winja*	*vin*	—	ср.-н.-нем. *winne*	*winna*

9. Подгруппа основ на *-wō*

1. **ƀađw-ō* 'борьба, битва'	—	*bǫđ*	*beadu*	—	ср. *batu-* в собственных именах
2. **rōw-ō* **rēw-ō* 'покой'	—	*rō (ō-f)* 'покой, мир'	*rōw* 'покой, отдых'	ср.-н.-нем. *rōwe* ср.-н.-нем. *rāwe*	*ruowa* *rāwa*
3. **treww-ō* 'верность'	*triggwa* 'союз'	др.-норв. *trygguar* (мн.) 'доверие'	*trēow*	*treuwa*	*triuwa*
4. **þraw-ō* 'мучительное желание'; 'мучение'	—	*þrā (ō-f)* 'мучительное желание, тоска'	*þrawu, þrēa* 'мучение, угроза'	—	*drawa, drōa* 'угроза'

10. Основы мужского рода на *-i*

1. **ƀalg-iz* 'шкура, мех'	*balgs*	*belgr*	*belȝ* 'шкура, мех, кузнечные меха'	ср.-н.-нем. *balch*	*balg* 'шкура, мех, кузнечные меха'
2. **gast-i-z* 'чужеземец, гость'	*gasts*	*gestr*	*ȝiest* 'чужеземец, гость'; поэт. 'враг'	*gast*	*gast*
3. **skriđ-i-z* **skriþ-i-z* 'движение, шаг'	—	*skriðr* 'движение, продвижение'	*scride* *scriđe* 'бег'	—	*scrit* 'шаг'

общегерм.	гот.	др.-исл.	др.-англ.	др.-сакс.	др.-в.-нем.
4. **wen-i-z* 'друг'	—	*vinr*	*wine* 'друг, возлюбленный, супруг'	*wini*	*wini* 'друг, возлюбленный, супруг'
11. Основы женского рода на *-i*					
1. **aixt-i-z* 'владения, собственность'	*aihts*	*ætt, ātt* 'семья, клан'; 'страна света'	*æht*	—	*ēht*
2. **alđ-i-z* 'возраст, век'; мн. 'люди'	*alds* 'возраст'	*ǫld*	*ield*	*eldī* (мн.) 'люди'	—
3. **arđ-i-z* **arþ-i-z* 'жатва, урожай'	—	} *ǫrð*	*ierþ* 'жатва'	—	*art* 'жатва, урожай'; 'происхождение'
4. **ƀrūđ-i-z* 'невеста'	*brūþs* 'молодая женщина'	*brūðr*	*brȳd* 'невеста, жена'	*brūd*	*brūt* 'невеста, жена'
5. **đēđ-i-z* 'действие, поступок, дело'	*dēds, gadēþs (-d-)*	*dāð*	*dǣd, dēd*	*dād*	*tāt*
6. **đruxt-i-z* 'отряд, свита'	ср. *gadrauhts (i-m)* 'воин'	*drōtt*	*dryht* 'отряд, свита'; 'толпа, люди'	ср. *druht-folk* 'свита'	*truht* 'отряд, свита'; 'войско'
7. **đulþ-i-z* 'праздник'	*dulþs* (дат. ед. 1 раз *dulþ*)	—	—	—	*tuld* 'праздник, ярмарка'
8. **farđ-i-z* 'поездка, поход'	—	*ferð* 'поездка, путешествие'	*fierd* 'поход'; 'войско'	*fard* 'поход'; 'войско'	*fart* 'поездка, путешествие'; 'путь'
9. **geft-i-z* 'дар'	*fra-gifts* 'ссуда'	*gipt*	*ʒift* 'приданое'	*gift*	*gift*

10. **xurđ-i-z* **xurþ-i-z* 'плетень'; 'плетеная дверь'	*haurds* 'дверь'	} *hurð* 'дверь'	—	*hurth* 'плетень'	*hurd* 'плетень'; 'загон'
11. **xūđ-i-z* 'кожа'	—	*hūð*	*hȳd*	*hūd*	*hūt*
12. **nauđ-i-z* 'нужда'	*nauþs (-d-)*	*nauð(r)* 'нужда'; 'принуждение'	*nīed* 'нужда'; 'долг'	*nōd* 'нужна'; 'притеснение'	*nōt*
13. **skulđ-i-z* 'долг, должное'	—	*skuld* 'долг, налог'; *skyld* 'налог'; 'причина'	*scyld* 'долг, обязанность'	*skuld* 'долг, налог'	*scult* 'долг, обязанность'; 'вина, преступление'; 'причина'
14. **suxt-i-z* 'болезнь,	*sauhts*	*sōtt*, *sūt*	*suht*	*suht*	*suht*
15. **þurft-i-z* 'нужда, необходимость'	*þaurfts*	*þurft*	—	*thur(u)ft*	*dur(u)ft*
16. **west-i-z* 'бытие, существование	*wists* 'существо'; 'природа'	*vist* 'пребывание'; 'местопребывание'; 'пропитание'	*wist* 'пропитание, еда'	*wist* 'пропитание, еда'	—
17. **wurđ-i-z* 'судьба, рок'	—	*urðr* 'рок'; *Urðr* 'одна из трех Норн'	*wyrd*	*wurd*, *wurth* 'судьба, рок'; 'богиня судьбы'	*wurt* 'судьба, рок'; 'случай'
18. **wurt-i-z* 'растение, корень'	*waurts* 'корень'	*urt* 'растение'	*wyrt*	*wurt*	*wurz* 'трава, растение'

12. Основы мужского рода на *-u*

1. **friþ-u-z* 'мир'	—	*friðr* 'любовь, мир'	*friðu* 'мир, безопасность, защита'	*frithu*	*fridu* 'мир, примирение' защита'

общегерм.	гот.	др.-исл.	др.-англ.	др.-сакс.	др.-в.-нем.
2. **xer-u-z* 'меч'	*hairus*	*hiǫrr*	*heoru*	ср. *heru-* в сложных словах	—
3. **mag-u-z* 'мальчик, слуга'	*magus*	*mǫgr* 'юноша'; 'сын'	*maȝu* 'мальчик, слуга'; 'сын'; 'человек, воин'	*magu* 'мальчик'	ср. *magazogo* 'воспитатель'
4. **međ-u-z* 'мед (напиток)'	—	*miǫđr*	*meodu*, *medu*	ср.-н.-нем. *mede*	*mitu*
5. **seđ-u-z* 'обычай'	*sidus*	*siđr*	*sidu* 'обычай'; 'целомудрие'	*sidu* 'обычай'; 'целомудрие'	*situ*
6. **sun-u-z* 'сын'	*sunus*	*sunr*, *sonr*	*sunu*	*sunu*	*sunu*
7. **wal-u-z* 'палка, бревно'	*walus* 'палка'	*vǫlr* 'бревно'	—	ср.-н.-нем. *wal*	—
8. **wiđ-u-z* 'лес, дерево, дрова'	—	*viđr*	*widu*, *wudu*	ср. др.-н.-нем. *wido-hoppe* 'удод'	*witu* 'дерево, дрова'

13. Основы мужского рода на -*n*

общегерм.	гот.	др.-исл.	др.-англ.	др.-сакс.	др.-в.-нем.
1. **ab-an* 'человек, муж'	*aba* (род. мн. *abnē*, дат. *abnam*)	*afi*	—	—	—
2. **anđ-an* 'дыхание, усиленное дыхание, волнение'	—	*andi* 'дыхание, дух'	*ånda* 'волнение, гнев, страдание'	*ando* 'дыхание, дух'	*anto* 'болезненное ощущение'
3. **ang-an* 'изгиб, острый край'	ср. *hals-agga* 'изгиб шеи'	*angi* 'зубец, острие'	*ånȝa* 'шип, острие'	—	*ango* 'крючок'

4.* *ap-an* 'обезьяна'	—	*api* 'обезьяна'; 'дурак'	*apa*	*apo*	*affo*
5. **att-an* 'отец'	*atta*	*atti*	—	—	*atto*
6. **ƀan-an* 'смерть, убийство'; 'убийца'	—	*bani*	*bâna* 'убийца'	*bano* 'убийца'	*bano* 'смерть, гибель'
7. **ƀlōm-an* 'цветок'	*blōma*	*blōmi*	—	*blōmo*	*bluomo*
8. **ƀuđ-an* 'посланец'	—	*bodi* 'вестник'	*boda*	*bodo*	*boto* 'посланец, посол'
9. **ƀug-an* 'дуга, лук'	—	*bogi*	*boȝa*	*bogo*	*bogo*
10. **đrup-an* 'капля'	—	*dropi*	*dropa*	*dropo*	*tropfo*
11. **fan-an* 'ткань, знамя'	*fana* 'ткань'	ср. *gunn-fani* 'знамя'	*fâna* 'знамя' (=*ȝūṕ-fâna*)	*fano* 'ткань'	*fano* 'знамя' (=*gund-fano*)
12. **ful-an* 'жеребенок'	*fula*	*foli*	*fola*	*folo*	*folo*
13. **galg-an* 'виселица'	*galga* 'крест Христа'	*galgi*	*ȝealȝa*	*galgo*	*galgo*
14. **gōm-an* 'нёбо'	—	*gōmi*	*ȝōma*	—	*guomo*
15. **gum-an* 'человек'	*guma*	*gumi*	*ȝuma*	*gumo*	*gomo*
16. **xaƀr-an* 'овес'	—	*hafri*	—	*haƀoro*	*habaro*
17. **xan-an* 'петух'	*hana*	*hani*	*hâna*	*hano*	*hano*
18. **xaz-an* **xas-an* 'заяц'	—	*heri*	*hara*	ср.-н.-нем. *hase*	*haso*

общегерм.	гот.	др.-исл.	др.-англ.	др.-сакс.	др.-в.-нем.
19. ******xwōst-an*** 'кашель'	—	***hōsti***	*hwōsta*	ср.-н.-нем. *hōste*	*huosto*
20. ******mag-an*** 'желудок'	—	*magt*	*maʒa*	ср.-н.-нем. *mage*	*mago*
21. ******maþ-an*** 'червь, личинка'	*maþa*	ср. *maþkr* 'личинка'	*maða*	*matho*	*mado*
22. ******mēn-an*** 'луна'; 'месяц'	*mēna* 'луна'	*māni*	*mōna*	*māno*	*māno*
23. ******nab(a)l-an*** 'пупок'	—	*nafli*	*nafela*	—	*nabalo*
24. ******nef-an*** 'внук'; 'племянник'	—	*nefi* 'племянник, родственник'	*nefa*	*nefo*	*nefo* 'племянник, родственник'
25. ******pus-an*** 'кошель, мешок'	—	*posi*	*posa*	—	*phoso*
26. ******skīm-an***	*skeima* 'светильник, факел'		*scīma* 'свет'	*skīmo* 'блеск'	*scīmo* 'мерцание, блеск,; 'луч'
******skim-an*** 'свечение, мерцание'		*skimi* 'свечение, мерцание'	*scima* 'тень'	*skimo* 'тень'	ср.-в.-нем. *scheme* 'тень'
27. ******skuww-an*** 'тень, силуэт'	*skuggwa* 'зеркало'	*skuggi* 'тень, силуэт'; 'призрак'	*scuwa* 'тень, силуэт'; 'ширма'	—	*scuwo* 'тень'
28. ******sprut-an*** 'побег'	—	*sproti* 'побег'; 'палка'	*sprota*	ср.-н.-нем. *sprote*	*spro(ʒ)ʒo*

29. **spur-an* 'шпора'	—	*spori*	*spora*	ср.-н.-нем. *spore*	*sporo*
30. **tīm-an* 'время'	—	*tīmi* 'время, срок'; 'удача'	*tīma* 'время'; 'случай'	—	—
31. **þūm-an* **þum-an* 'большой палец'	—	др.-швед. *þumi*	*þūma*	ср.-н.-нем. *dūme*	*dūmo*
32. **welj-an* 'воля, желание'	*wilja*	*vili* (род. п. *vilia*)	*willa*	*willio*	*willo*

14. Основы женского рода на -*n*

1. **ask-ōn* **azg-ōn* 'пепел, зола'	*azgō*	*aska*	*æsce*	—	*asca*
2. **ƀlēđr-ōn* **ƀlađr-ōn* 'пузырек, прыщ'	—	*blađra*	*blædre*	*blādara*	*blātara* 'оспина'
3. **ƀrunj-ōn* 'нагрудные латы'	*brunjō*	*brynia*	*byrne*	*brunnia*	*brunna* 'нагрудные латы, кольчуга'
4. **đūƀ-ōn* 'голубь'	ср. *hraiwa-dūbō* 'горлица'	*dūfa*	*dūfe*	*dūƀa*	*tūba*
5. **fleug-ōn* **flug-ōn* 'муха'	—	*fluga*	*flēoȝe*	—	*flioga*
6. **xarp-ōn* 'арфа'	—	*harpa*	*hearpe*	ср.-н.-нем. *harpe*	*harfa*
7. **xōr-ōn* 'проститутка'	—	*hōra*	*hōre*	ср.-н.-нем. *hōre*	*huora*
8. **līn(i)-ōn* 'веревка'	—	*līna*	*līne*	ср.-н.-нем. *līne*	*līna*

общегерм.	гот.	др.-исл.	др.-англ.	др.-сакс.	др.-в.-нем.
9. **līst-ōn* 'кромка, край'	—	*līsta*	*līste* 'кромка, край, кайма'	ср.-н.-нем. *līste*	*līsta*
10. **mōm-ōn* 'мама, мамка, тетка'	—	*mōna* (с диссимил.) 'мама'	—	ср.-н.-нем. *mōme* 'тетка'	*muoma* 'тетка'
11. **sīđ-ōn* 'сторона, бок'	—	*sīða* 'сторона, бок, побережье'	*sīde*	*sīda*	*sīta*
12. **smiþj-ōn* 'кузница, мастерская'	—	*smiðia*	*smiððe*	ср.-н.-нем. *smede*	*smidda*
13. **snarx-ōn* 'веревка'	—	*snara*	*sneare*	ср.-н.-нем. *snare* 'струна'	*snarahha*
14. **swalw-ōn* 'ласточка'	—	*suala*	*swealwe*	др.-н.-нем. *swala*	*swal(a)wa*
15. **tung-ōn* 'язык'	*tuggō*	*tunga*	*tunȝe*	*tunga*	*zunga*
16. **þelj-ōn* 'дощатый настил'	—	*þilia* 'палуба из досок'	*þille* 'дощатый пол'	—	*dilla* 'доска, дощатый пол'
17. **uwwal-ōn* **uwwil-ōn* 'сова'	—	*ugla*	*ūle*	—	*ūwila*
18. **wiđuw-ōn* 'вдова'	*widuwō*	—	*widuwe*	*widowa*	*wituwa*
19. **wik-ōn* 'неделя'	*wikō* 'порядок'	*vika* 'неделя'; 'морская миля'	*wicu*, *wucu* (род. п. *wican*, *wucan*)	др.-н.-нем. *wika*	*wehha*

15. Подгруппа основ на -*īn*

1. **aiþ-īn* 'мать'	*aiþei*	*eiða* (*n-f*)	—	—	*eidī*
2. **alþ-īn* 'возраст'	—	*elli*	*ieldo*	*eldī*	*eltī*

16. Основы среднего рода на -*n*

1. **aug-ōn* 'глаз'	*augō*	*auga*	*ēaʒe*	*ōga*	*ouga*
2. **auz-ōn* **aus-ōn* 'ухо'	*ausō*	*eyra*	*ēare*	*ōra*	*ōra*

17. Основы мужского и женского рода на -*r*

1. **ƀrōþ-er* 'брат'	*brōþar*	*brōðir*	*brōðor*	*brōthar*	*bruodar*
2. **đuxt-er* 'дочь'	*dauhtar*	*dōttir*	*dohtor*	*dohtar*	*tohter*
3. **fađ-er* 'отец'	*fadar*	*faðir*	*fæder*	*fadar*	*fatar*
4. **mōđ-er* 'мать'	—	*mōðir*	*mōdor*	*mōdar*	*muoter*
5. **swest-er* 'сестра'	*swistar*	*systir* (рун. *swestar*)	*sweostor*	*swestar*	*swester*

18. Корневые основы

1. **ƀrōk-* (*f*) 'штаны'	—	*brōk* (мн. *brǣkr*)	*brōc* (мн. *brēc*)	—	*bruoh* (мн. *bruoh*)
2. **mann-* (*m*) 'человек, мужчина'	*manna* (мн. *mans*, часть форм по типу *n-m*)	*maðr* (мн. *menn*)	*månn* (мн. *menn*)	*man* (мн. *man*, *men*)	*man* (мн. *man*)
3. **naxt-* (*f*) 'ночь'	*nahts* (мн. *nahts*)	*nātt* (мн. *nǣtr*)	*neaht*, *niht* (мн. *neaht*, *niht*)	*naht* (мн. *naht*)	*naht* (мн. *naht*)

УКАЗАТЕЛЬ К ПЕРВОЙ ЧАСТИ СЛОВАРЯ

Ниже указаны в алфавитном порядке реконструируемые общегерманские именные основы (без основообразующего элемента, за исключением основ на *-r*). Первая цифра числового индекса указывает на раздел, вторая — на номер статьи внутри раздела. Первая цифра позволяет, таким образом, сразу же определить морфологический тип (основообразующий элемент и род) реконструируемого слова, а именно:

1 *a-m*	4 *a-n*	7 *ō-f*	10 *i-m*	13 *n-m*	16 *n-n*
2 *ja-m*	5 *ja-n*	8 *jō-f*	11 *i-f*	14 *n-f*	17 *r*-основы
3 *wa-m*	6 *wa-n*	9 *wō-f*	12 *u-m*	15 *īn-f*	18 корневые

М. М. Маковский

ВАРИАНТНОСТЬ ЛЕКСЕМ В ДРЕВНЕАНГЛИЙСКИХ ГЛОССАХ КАК ПРИЗНАК ДИАЛЕКТНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ СЛОВАРЯ

«Unte hvarjatoh waurde at mannan innuman maht ist anþarleikein inmaidjan»

(«Skeireins», VI)

Среди памятников древнегерманской письменности (в частности, древнеанглийской) особое место занимают так называемые глоссы, т. е. надстрочные пословные переводы латинских текстов или списков слов (глоссариев)[1]. Дело в том, что во многих глоссированных текстах (особенно в Линдисфарнских

[1] Древнеанглийские глоссы собраны (хотя, очевидно, не полностью) в следующих изданиях: F. Mone. Quellen und Forschungen zur Geschichte der deutschen Literatur und Sprache, Bd I, Abt. II, 1. Glossensammlung. Aachen — Leipzig, 1830; The Latin Hymns of the Anglo-Saxon church with an interlinear Anglo-Saxon Gloss, ed. by J. Stevenson («Publications of the Surtees Society», XXIII). Durham, 1851; E. Hausknecht. Die ae. Glossen des Codex MS 1650 der kgl. Bibliothek zu Bruessel. «Anglia», VI, 1883; J. Bright. Anglo-Saxon glosses to Boethius. «American journal of philology», 5, 1884; F. Kluge. Ags. Glossen. «Anglia», VIII, 1885; J. Zupitza. Altenglische Glossen zu Abbos Clericorum Decus. — ZfdA, XXXI, 1887; его же. Altenglische Glossen zu Beda. — Там же; F. Holthausen. Altenglische Glossen zu Isidor's Synonyma. «Anglia», XI, 1888; A. Napier. Altenglische Glossen. «Englische Studien», 11, 1888; его же. Altenglische Glossen zu Isidor's contra Judaeos. «Englische Studien», 13, 1889; его же. Old Northumbrian glosses in the Vatican. «The Academy», XXXV, XXXVI, 1889; J. Zupitza. Altenglische Glossen. — ZfdA, XXXIII, 1889; J. H. Hessels. An eighth century century Latin-Anglo-Saxon glossary preserved in the library of Corpus Christi College, Cambridge (MS 144). Cambridge, 1890; H. Logeman. New Aldhelm glosses. «Anglia», XIII, 1890; W. Stokes. Glosses from Turin and the Vatican. «The Academy», XXXVII, 1891; E. Steimeyer. Ags. Glossen zu Vita Cuthberti. — PBB, 30, 1905; J. H. Hessels. A late eighth century Latin-Anglo-Saxon glossary preserved in the library of the Leiden University (MS Voss. Qo Lat. 69). Cambridge, 1906; U. Lindelöf. Die ae. Glossen im Bosworth Psalter (Brit. Mus. MS Addit. 37517). «Mémoires de la Société néo-philologique de Helsingfors», 5, 1909; O. Schlutter. Zerstreute Glossen aus Brusseler Handschriften. «Anglia», XXXII, 1909; его же. Altenglisch-althochdeutsches aus dem Codex Trevirensis № 40. «Anglia», XXXV, 1912; M. Förster. Die ae. Glossenhandschrift Platinua 32 (Antwerpen) und Additional 32246 (London). «Anglia», XLI, 1917; H. D. Meritt. Old English glosses. New York, 1945; его же. The Old English Prudentius glosses at Boulogne sur Mer. Stanford, 1959; H. Sweet. The oldest English texts. — EETS, 83. London, 1957; J. Zupitza. Mercisches aus der HS

и Рашвортских евангелиях и Веспасианской псалтыри) мы обнаруживаем весьма интересную особенность: одна латинская лемма (инвариант) передается двумя или более (очевидно, синонимичными) древнеанглийскими словами. С другой стороны, несколько латинских лемм нередко соответствуют (особенно в Альдхельмских глоссах) одному и тому же английскому слову. Казалось бы, что такая вариантность дает в руки исследователя ключ к безошибочному установлению диалектной принадлежности слова как в плане его семантики, так и в плане употребления определенного слова для выражения того или иного понятия в изучаемом ареале. Однако при ближайшем рассмотрении вопрос этот оказывается намного сложнее.

Прежде всего необходимо отметить, что вариантность в глоссах может быть обусловлена весьма гетерогенными причинами: грамматической эквивалентностью тех или иных форм или оборотов в рассматриваемом диалекте[2], вариацией исконных и заимствованных (иногда транслитерированных латинских) слов, желанием глоссатора дать более или менее развернутое объяснение слов, которые, по его мнению, могут быть непонятными вследствие их архаичности или специфической диалектной окраски, и, наконец, собственно диалектной вариантностью лексем. Следует подчеркнуть далее, что анализ глосс неизбежно ставит перед лингвистом целый ряд проблем, которые никак нельзя игнорировать. Прежде всего характер самих лексических синонимов, представляемых двойными или тройными глоссами, может быть весьма различным: перед нами могут оказаться не только междиалектные, но и внутридиалектные синонимы, в том числе и хронологически различные (особенно как следствие переписки рукописей и дополнения их последующими глоссаторами), не только ареально ограниченные исконные древнеанглийские слова, но и весьма окказиональные, не удержавшиеся в системе языка слова, выпавшие из его ткани вскоре после своего появления (такие слова нередко могут быть принадлежностью лишь данного памятника или изобретением глоссатора). Нельзя упускать из виду и то обстоятельство, что

Royal 2 A 20 im Britischen Museum. — ZfdA, XXXIII, 1889; его же. Lateinische und altenglische Glossen. — Там же; J. M. Rosier. Old English glosses to an Epistle of St. Boniface. — JEGPh, LIX, 4, 1960; S. J. Crawford. The Worcester marks and glosses of the Old English manuscripts in the Bodleian together with the Worcester version of the Nicodeme Creed. «Anglia», LII, 1928; The Latin Hymns of the Anglo-Saxon Church, with an interlinear Anglo-Saxon gloss derived chiefly from a manuscript of the eleventh century preserved in the library of the Dean and Chapter of Durham, ed. by J. Stevenson. «Publications of the Surtees Society», XXII. London, 1851 (ср. также сноску 8).

[2] Ср.: A. Brunner. A note on the distribution of the variant forms in the Lindisfarne gospels. «English and Germanic studies», I. London, 1947—1948; Sh. Kuhn. Synonyms in OE. Bede. — JEGPh, XLVI, 1947.

при переписке глоссаторы по небрежности нередко делали ошибки в написании того или иного глоссированного слова (ср. свидетельство писца в «Лейдонском Глоссарии»: «Sicut inveni, scripsi, ne reputes scriptori»)[3]. Значительные трудности при определении диалектной принадлежности вариантных глосс возникают также в связи с большей или меньшей взаимопроницаемостью лексической структуры древнеанглийских диалектов. При анализе глосс следует иметь в виду следующие возможности: 1) отсутствие в изучаемом диалекте ряда слов других диалектов; 2) употребление в изучаемом диалекте слов другого диалекта, но с иным значением; 3) одно и то же понятие в разных диалектах может выражаться разными словами; 4) слово может принадлежать данному диалекту лишь в определенной, структурно особой форме (метатеза) или в определенной части речи.

Если учесть все сказанное, становится ясным, что при изучении вариантных глосс с точки зрения их диалектной принадлежности приходится привлекать весьма сложный исследовательский аппарат.

Необходимо прежде всего проверить, являются ли лексемы, представленные в глоссах, ареально ограниченными вокабулами. Решение этой проблемы неразрывно связано с выяснением следующего вопроса: являются ли изучаемые вокабулы конститутивными элементами лексико-семантических рядов-моделей, релевантных только для определенной части памятников, т. е. выражается ли определенное понятие в данной группе памятников только изучаемыми словами (изолированный ряд может состоять и из одного слова) в отличие от других групп памятников, где те же понятия могут выражаться другим рядом изолированных лексем? Кроме того, необходима проверка консервации (диахронной преемственности) выделенных лексико-семантических рядов-моделей (или отдельных их элементов) в среднеанглийских памятниках и в современных английских диалектах, а также возможности их представленности лишь в определенной части германской языковой области (отдельные лексемы-модели для удобства пользования материалом даются нами в алфавитном порядке и там, где это возможно, легко могут быть включены в соответствующие изолированные лексико-семантические микроряды). Весьма плодотворен так называемый «цепной» анализ: если одно из двух глоссированных слов (при инвариантной латинской лемме) в другом месте того же или иного памятника оказывается эквивалентным другому слову, то вполне естественна синонимичность всех трех древнеанглий-

[3] Графические ошибки часто возникали в связи с тем, что глоссатору не хватало места для полного написания слова на строке: оставшаяся часть слова часто присоединялась к следующему слову. Ср.: H. D. Meritt. Fact and lore about old English words. Stanford, 1954.

ских глосс. При этом следует учитывать, однако, что латинское слово может иметь несколько несходных значений, что «нейтрализует» синонимичность «цепочки» (ср.: H. D. Meritt, Old English glosses: 7, 45 livor—*lael*; 28, 470 livor—*aefst*). Если две латинские леммы оказываются эквивалентными одной и той же древнеанглийской глоссе, то это особенно важно, если указанные леммы разнозначны. Если какое-либо слово, не вошедшее ни в один ряд, в вариантной глоссе соотносится только со словом (или словами), входящими только в определенный микроряд, то оно включается в этот ряд. Вариантность лексем в глоссах особенно показательна в тех случаях, когда одна из уравниваемых единиц или обе (в соответствии со значением латинской леммы) в данном изолированном ряду являются аллосемами по отношению к соответствующим единицам другого ряда, в который они входят на уровне лексем. Слова, манифестирующиеся только в глоссах, при наличии достаточного материала образуют самостоятельный ряд[4].

Многие древневерхненемецкие рукописи, как известно, содержат древнеанглийские глоссы[5]. Привлечение этих материалов для сравнения имеет то преимущество, что они, как правило, являются ранними по отношению к существующим древнеанглийским глоссам. Кроме того, в древневерхненемецких глоссах засвидетельствованы редкие слова, которые в древнеанглийских текстах встречаются как ἅπαξ λεγόμενα (существование и точное написание таких слов обычно требует дополнительного подтверждения). Древнеанглийские слова в древневерхненемецких рукописях нередко сопровождаются соответствующими древневерхненемецкими словами или толкованиями, что может в некоторой степени способствовать выявлению точного значения изучаемых древнеанглийских слов. Полезным может оказаться также контекстный анализ вариантных лексем. Такой анализ особенно показателен в тех случаях, когда древнеанглийская глосса соответствует нескольким леммам (нередко разнозначным) в латинском. Важным критерием при анализе диалектного характера древнеанглийских глосс может оказаться привлечение древнеанглийского и современного английского топонимического материала (ареальное перемещение

---

[4] Некоторые общие принципы анализа древнеанглийской лексики с точки зрения ее ареального распределения см.: М. М. Маковский. Проблема «географии слов» в древнеанглийских диалектах. — ВЯ, 1962, № 2.

[5] Ср.: Die althochdeutschen Glossen, hrsg. von E. Sievers und E. Steinmeyer. Berlin, I — 1879, II — 1882, III — 1895, IV — 1898, V — 1922; H. Michiels, Über englische Bestandteile altdeutscher Glossenhandschriften. Bonn, 1912; C. Leydecker. Über Beziehungen zwischen ahd. und ags. Glossen. Bonn, 1911; E. Gutmacher. Der Wortschatz des ahd. Tatian in seinem Verhältnis zum Altsächsischen, Angelsächsischen und Altfriesischen. — PBB, 39, 1914.

топонимов вряд ли возможно, по крайней мере в больших масштабах).[6] При этом особенно интересным может оказаться исследование синонимичных элементов топонимических названий в связи с диалектно-ареальной и хронологической стратиграфией словаря. Если какой-то элемент ряда манифестируется в большинстве германских языков (древних и/или новых), но одновременно представлен в современных английских диалектах, то это никак не нейтрализует диалектный характер данного элемента или ряда, в который он входит, ибо «общегерманскому» характеру рассматриваемого элемента противостоит в данном случае лексическая изолированность (resp. на лингвистическом уровне — ареальная ограниченность) данного компонента системы (особенно если этот лексический элемент ограничен тем же рядом в среднеанглийских памятниках).

Следует иметь в виду, что специфическое диалектное значение слова, да и вообще само его существование и употребительность обусловливаются, с одной стороны, его местом и лексическими корреляциями в микросистеме внутридиалектных синонимов и, с другой — в макросистеме междиалектных синонимических связей. В частности, слова какого-либо диалекта нередко получают особое семантическое развитие по аналогии с синонимичными словами, успевшими изменить свое значение (разумеется при этом, что синонимы, с которыми то или иное диалектное слово вступает в корреляцию, могут быть заимствованы из другого родственного диалекта или из неродственного языка). Отметим также тот факт, что в результате конкуренции синонимов определенные звенья микро- и макросистем могут выпадать или смещаться. В свете сказанного становится понятной важность изучения лексической вариантности, которая, как уже говорилось, фактически является отражением внутри- и междиалектных синонимических связей.

В настоящей статье нас будет интересовать прежде всего вопрос о том, насколько лексическая вариантность в глоссах может служить средством выявления диалектной принадлежности соответствующих лексем и (более широко) насколько такая вариантность дает возможность изучить характер и особенности ареального распределения словаря на территории древней Британии. Исследуются главным образом известные нортумбрийские памятники (Линдисфарнские и Рашворские евангелия), а также глоссы, обычно считаемые мерсийскими и кентскими (Веспасианская псалтырь, кентские глоссы, изданные Ю. Цупитцей, Г. Суитом, А. Напиром и др.). Естественно, что весь этот материал будет по возможности сопоставляться с материалом уэссекских памятников (отсутствие указаний на

---

[6] Ср.: Th. Miller. Place names in English Bede, and the localisation of the MS. Strassburg, 1896; A. H. Smith. English place name elements, I—II. Cambridge, 1952.

уэссекские слова означает, что таковые вообще не засвидетельствованы). При сопоставлении диалектных вариантов одного и того же языкового памятника (например, текстов евангелия или псалтыри), кроме закономерного соответствия различных диалектых слов, могут представляться следующие возможности. Во-первых, в каждом данном стихе как в уэссекском, так и в англском варианте может быть употреблена одна и та же лексическая единица (разумеется, с соответствующими фонетическими изменениями); во-вторых, слово в уэссекском тексте может не совпадать с соответствующим словом англского извода, но по всем показателям быть англским; кроме того, в каждом данном стихе англского и уэссекского текстов мы можем наблюдать закономерное соответствие англского и уэссекского слова, однако в других местах уэссекского текста указанное англское слово может употребляться, не находя соответствия в англском тексте. Все эти случаи, однако, никак не нейтрализуют диалектного характера слов исследуемого ареала и объясняются различными причинами, связанными не только с историей перевода, перепиской и эмендацией соответствующих текстов, но и с определенными стилистическими закономерностями, диалектным смешением и различными хронологическими рамками рассматриваемых памятников[7]. Особенно показательной при исследовании подобных случаев может оказаться критика текстов, и в частности рассмотрение так называемой рекуррентности, т. е. соответствия одного и того же латинского слова одному и тому же древнеанглийскому слову в данном диалектном тексте при одновременном соответствии того же латинского слова разным древнеанглийским в другом памятнике[8].

---

[7] См. подробнее: М. М. Маковский. Указ. соч.

[8] В статье приняты следующие сокращения: Aldh. Gl. — K. W. Bouterwek. Die ags. glossen in dem Brüsseler Codex von Aldhelms Schrift De virginitate. — ZfdA, Bd IX, H. 3, 1853; An. Ox. — A. Napier. Old English glosses chiefly unpublished. «Anecdota Oxiniensia», XI. Oxford, 1900; Bd — The Old English version of Bede's ecclesiastical history of the English people, ed. by Th. Morris. London. — EETS, 95, 1890; 96, 1891; 110, 1898; 111, 1898; Bl. Gl. — E. Brock. The Blicklung Glosses. — EETS, 73, 1880; EDD — The English dialect dictionary, ed. by J. Wright, vol. I—II. Oxford, 1898—1906; J — the gospel of St. John; Kent. Gl. — J. Zupitza. Kentische Glossen des neunten Jahrhunderts. — ZfdA, XXI, 1876; Lamb. Ps. — U. Lindelöf, The Lambeth Psalter. «Acta Societatis Scientiae Fennicae», vol. XXXV, № 1; vol. XLIII, № 3; Lind. — The Lindisfarne and Rushworth gospels. «Publications of the Surtees Society». London, XXVIII, 1854; XXXIX, 1861; XLIII, 1863; XLVIII, 1865; Lk — the gospel of St. Luke; Mt — the gospel of St. Matthew; Mk — the gospel of St. Mark; Ps. Surt. — J. Stevenson. Anglo-Saxon and early English psalters. «Publications of the Surtees Society», XVI, 1843; XIX, 1847; R(R_1 и R_2) — the Rushworth gospels; Rtl — Ritual Ecclesiae Dunelmensis. «Publications of the Surtees Society», CXL, 1927; Ve. Ps. — The Vespasian psalter. В кн. «The oldest English texts», ed. by H. Sweet. Oxford, 1957

Beg (др.-сакс. *bōg*, др.-нем. *baug*, др.-фриз. *bag*, др.-исл. *baugr*)—лат. corona: Wrt. Voc., I, 42, 72: corona—seo hringe, ...corona vel circulus — *wulderbeah*; Lind., Mk, XV, 17 (W. S. gospels — *helm*); J, XIX, 5 (W. S. gospels — *cyne-helm*); Mt, XXVII, 28 (W. S. gospels — *cyne-helm*); Ve. Ps. *beg* (coronam): 20, 4; 64, 12; CP, 1339: *beag* — лат. munila; Wrt. Voc. I, 282, 54; II, 16, 48; 55, 79; 81, 29; 114, 33; DG, 343, 15: *beag-wise*; 338, 12; Bl. Hom., 171, 10; 23, 33; Ps. Surt., 20, 4; 64, 12; An. Ox., 5260; в поэзии: Gen., 1875; B, 1211; 2427; 2330; 3164; 6308. Ср. древнеанглийские имена собственные (в кентских грамотах): *Beaglog*, *Beagmund*, *Beag-stan*, *Beagswið*; ср. также современные топонимы (в северных графствах): *Beal (beg + halh)*, *Wilby (wilig* 'willow' + *beg)*.

Bel [др.-исл. *bal*, ср.-англ. (в «Piers the Plowman») *bal*, совр. северн. диал. *bale* (EDD, I, стр. 139) 'a blaze, a flame']: Wrt. Voc., II, 82, 42: *bele* (вариант *fyr*) — лат. pyre; Erfurt Gl., 1157: *beel* — лат. bustum, ustrina; Leiden Gl.: *beel* (вариант *áad*) — лат. rogus; Aldh. Gl., 1, 28: rogorum = fyra; 2, 153: rogorum = ada; Beda Hist Eccl. (Cotton MS, Tib. C.), 133: rogus = *bel*, *ðæs beel*. Ср. современные топонимы: *Belaugh* (др.-англ. *bel-haga*) — Норфольк; *Baycliffe* — Ланкашир; *Belgrave* — Лестешир; *Belstead* — Эссекс (ср. *bǽlstede*: Beow., 3097); *Belton* — Лестешир; *Beltoft*, *Belwood* — Линколншир; *Beald* — Кембриджшир (ср. в документе 1195 г. название того же топонима *Bele* super Dedehil). Ср. швабск. *bal*.

Bera (ср.-англ. *berien*, *bery*, др.-исл. *berja*, др.-нем. *berien*, лат. *ferire*, др.-ирл. *barc*):

Lind., Mk, V, 15: ...seðe fram diowle *gebered waes* (vexabatur)	W. S. gospels, Mk, V, 15: ... þe mid deofle *gedreht waes*
Mk, V, 18: ...seðe from diowle auaelled (вариант *geberd*) *waes* (vexatus)	Mk, V, 18: se þe aer mid deofle *gedreht* waes
Mk, IX, 20: I miððy *gebered waes* on eorðo he gefealt hine femende (elisus)	Mk, IX, 20: and on eorþan forgnyden, faemende he tearflode
Mt, IX, 36: ... f'ðon weron *gegeberede* (vexati;	Mt, IX, 36: ...hig waeron *gedrehte*

Ср. в среднеанглийском:

Ancren Riwle, 188—þer ȝe schulen iseon bunsen (вариант *berien*) nam mit tes deofles bettles

---

(там же, Kentish and Mercian charters); Wrt. Voc. — Anglo-Saxon and Old English vocabularies, ed. by T. Wright and R. Wülker. London, 1884.

Ср. в современных североанглийских диалектах (EDD, I, 246) *berry* (Шотландия, Нортумберленд, Иоркшир): I. 'to beat': *to berry* a bairn; «Ye'll hae to get *berried* and scartit, whammelt and riven, till ye learn as J hae learned»; II. 'to thrash'; «I'll *berry* your crap by the lighat o' the moon»; «He's been *berryin* all day». Ср. в алеманских диалектах (E. Ochs. Badisches Wörterbuch, Lief. 2, Lahr, 1926, стр. 150): *beren* 'kneten': «Lehm *berren*»; «*geberren* als ein lindes wehsle»; швабск. (Fischer, Schwb. Wb., I, стр. 864) *beren* 'schlagen': «Mit aim Scheit die Lendi *beren*»; «Als die Fraw ie nit ufsteen, do erwuscht er ein gueten, lidwaichen Stecken, damit *bert* er der streitigen Bestia den Kopf, die Arm, die Lenden»; cp *abberen* (там же, I., стр. 5) 'abprügeln': «*Bört* ihn mit trucknen Streichen wol ab»; *beren* 'kneten': «Man soll Lätten mit Pferdes Mist wol zusamen *pären*»; швейц. (Staub—Tobler. Schweiz. Idiotikon, IV, стр. 1459): *beren* 'mit Schlägen bearbeiten, schlagen, prügeln'.

Bremma (др.-в.-нем. *breman*, фриз. *brimme*, голл. *brommen*, нем. *brummen*, кимр. *brefu*, совр. сев-англ. диалектн. *breme* 'rage'):

J, XI, 33 (Lind): ...*Bremmde* of gaste (fremuiţ), Rushw. MS *bernde*	J, XI, 33 (уэссекск. Cod. Bibl. Publ. Canţ.): *geomrode* on hys gaste
J, XI, 38: ...*bremmde* on hine seolfne (fremens)	J, XI, 38: *geomrode* on him sylfum

Birliga (ср. совр. сев.-англ. диал. *to birle* 'to pour out,' др.-нем. *biril* 'корзина'):

Lind., J, II, 8: ...*bırileđ* (вариант *daeleđ*) nu I brengeđ đaem aldor men (haurite)	J, II, 8 (уэссекск.): ... *Hladađ* nu, and berađ þaere dryhte ealdre
Lind., J, II, 9: ...đa embeht menn I uut geuuiston đađe *birladon* þ waeter (haurierant)	J II, 9: ...þa þanas sođlice wiston, þe þaet waeter *hlodon*

Biwaerla (ср. лтш. *vert* 'бежать', чеш. *vravorati*):

Lind., Lk, XI, 42: ah wæh iuh æl f'đon teigđas meric I cumela I ælc wyrt I *biwærlas* þ dom I lufo (præterites)	Lk, XI, 42 (уэссекск.): Ac wa eow Fariseum. ge þe teođiđ mintan and rudan and ælce wyrte and ge *forbugođ* dom and Godes lufe
Lind., Lk, X, 31: ... I gesene hine *biwærlde* (prætervit)	Lk, X, 31: ... and þa he þæt geseah, he hine *forbeah*
Lind., J, IX, 1: I đona foerde (вариант miđđy *wærlde*)	J, IX, 1 (уэссекск.): Da se Hælend *for*, þa geseah he đonne

gesæh monnu blindne fro ~ man þe wæs blind geboren acennisse (præteriens). B Rushw.
Ms — *foerde*

Rtl, 19, 39: Eghuoelc on weg his *giwærlde* (quisque in viam suam declinavit); Rtl, 39, 25: giduolo *awærle* (errores declinet).

Dene: Lind., Lk, III, 5: *pæð* (вариант *dene*) — лат. vallis; Lk, XVI, 26: *dene* (вариант *pæð*) — лат. chaos (ср. W. S. gospels — *dwolma*); Ve. Ps., 83,7: *dene* — лат. convalle; 64,14: *gemæru* (вариант *dene*) — лат. convalles; Bd, 5, 12; Ps. Lamb., 83, 7; ср. топонимы в кентских грамотах: *Ciollan-denu* (Sweet, Ct, 41, 11); *Liowsan-denu* (Ct, 29, 8); *Turca-denu* (Ct, 14, 4). Ср. современные топонимы (в северных графствах): *Denham*, *Denmead*, *Denton*. О *dene* 'долина' ср. «Tr. Ph. Society», 1961.

Edmodia (др.-в.-нем. *gi-otmuotigen*, ср.-англ. *eadmodien*): Lind., Mk, IV, 41: *herað* (варианты *edmodiað*, *hersumiað*) — лат. obediunt (ср. W. S. gospels — *hersumiað*); Mt, XVIII, 4: *eðmodiges* (вариант *beges*) — лат. humiliaverit; ср. также Mk, 1, 27; Mt, I, 20, 10; Ve. Ps., 43, 25; 105, 42; 106, 17; 85, 15; 118, 75; 142, 3; 50, 10; *geeaðmodian*: Ve. Ps., 9, 31; 54, 20; 146, 6; 34, 13; 80, 15; 43, 20; 93, 5; 104, 18; 34, 14; 38, 3; Blickl. Hom., 99, 2; Bd, 4, 23; 5, 3.

Edwita (гот. *idweitjan*, др.-в.-нем. *ita-wizen*) — лат. reprobare: Lind., Lk, XX, 17: *f'cuomon* (вариант *eðwitadon*) — лат. reprobaverunt (ср. W. S. gospels — *awurpon*); Ve. Ps., 43, 17; 73, 10; 68, 10; 118, 42; 73, 18; 34, 7; 101, 9; 41, 11; 88, 52; 78, 12; Ps. Surt., 73, 18; 43, 17; 41, 11; 88, 52; 34, 7; ср. в современных северных диалектах: *to wite* 'to blame, to accuse', *a wite* 'punishment', 'fault'.

Elnung (от. *ellen*, др.-в.-нем. *ellan-*, *ellinon*, др.-исл. *elja*, *elna*, гот. *aljanon*, др.-в.-нем. *ellinon*) — лат. zelus, robur, virtus: Lind., J, II, 17: *elnung* (вариант *æfista*) — лат. zelus (ср. W. S. gospels — *anda*); Rtl., 192, 4; Ps. Surt., 36, 1, 8; в поэзии: B, 602; Gen., 48, 2; Jul., 393; ср. в среднеанглийском: «his grace and his *elne*» («Ancren Riwle», 106); «Mi Jesu, ðu beodest ðin *elning*» (O. E. Hom., I, 201, 2).

Faecne (др.-в.-нем. *bifehnon*, др.-сакс. *fekni*): Lind., Lk, XX, 23: *facen* (вариант *esuicnise*) — лат. dolum; Kent. Gl., 415; 430: *facenful* — лат. fraudulentur; 477: *facenful* — лат. dolosus; Ve. Ps., 11, 3; 11, 4; 30, 19; 54, 24; 16, 1; 5, 7; 51, 6; 108, 3; 119, 2; 119, 3; 42, 1; 108, 2; CP, 2112; *facon* — dolus, fraus: Rtl, 25, 12; 26, 4; 104, 8; 120, 18; 25, 14; *facenlice*: CP, 926; Ve. Ps., 5, 11; 35, 3; 13, 3; 34, 20; *un-fæcne*: Ep., 679. Ср. ср.-англ. «Fair things oftymes ar fundin *faikyn*» (Henryson, Fables, 58, 1450 г.).

Faex [др.-фриз. *fax*, др.-в.-нем. *fahs*, др.-исл. (совр. норв.) *fax*]: Lind., J, XI, 2: *herum* (вариант *fæx*) — лат. capillis (ср. W. S. gospels — *loccum*); Wrt. Voc., I. 282, 36; II, 22, 56; 95, 45;

An. Ox, 1214: *fexe* (вариант *hære*) — лат. capillatura; 1119: *fexa* (вариант *hæra*) — лат. cincinnorum; Bd., 3, 9; 2, 16; CP, 364; Aldh. Gl., 463, 35; в поэтических произведениях: B, 2967; 5926; Dan., 438; Jul., 591; Jud., 281. Ср. в среднеанглийском: *uæx* (Layam., 24843; Cursor Mundi, 7244). Интересны современные английские топонимы с элементом *fax* (ср.-нем. диал. *fax* 'скудная горная поросль', швейц.-нем. диал. *fach* 'короткая жесткая трава', норв., швед. диал. *faxe* 'жесткая трава'): *Faxfleet(flēot)* — East Riding of Yorkshire, *Faxton(tun)* — Нортумберленд, *Vexour(ora)* — Кент, *Bellyfax*—East Riding of Yorkshire, *Halifax* — West Riding of Yorkshire. Ср. в современных северноанглийских диалектах: *fax* 'hair' (EDD, II, 312).

Flita (др.-в.-нем. *flizan*): Lind., J. IX, 22: *getugun* (вариант *flioton*) — лат. conspiraverant (ср. W. S. gospels — *gedihton*); Mk, IX, 34: *geteledon* (вариант *flioton*) — лат. disputaverunt; Kent. Gl., 56: *flitgeorn* — лат. litigiosus; 972; 1022; DG, 18, 6; Bd, 3, 19; 5, 6; Bl. Hom., 175, 13; An. Ox., 3002: *flitende* — лат. disputans; Wrt. Voc., II, 76, 83; ср. в современных северноанглийских диалектах: *to flite* 'to scold, to chide': «Her mither *flet* sair for her byding away» (EDD, II, 413) Ср. также: Rtl, 44, 1; 5, 19; Ef., 330; Ep., 854. Ср., брет. *flata*.

Fraepi(g)a: Lind. Mt, XII, 10: *gefræpgedon* (вариант *geteldon*) — лат. accuserunt (ср. W. S. gospels — *wrehton*); Mt, XXI, 37: *teldon* (вариант *fræpigdon*) — лат. verebuntur (Rushw. M.S. — *ofwitun*), ср. W. S. gospels — *forwandiað*. Ср. в современных северноанглийских диалектах: *to frape* 'to scold, to reprove' (EDD, II, 487).

Frec (гот. *faihu-friks* — Lk, XIV, 16; др.-в.-нем. *freh*, др.-исл. *frekr*): Lind., Mt, XXV, 27: *fric* — лат. usura (Rushw. MS — *ofersceatta*), ср. W. S. gospels — *gafole*; Wrt. Voc., I, 50, 63: *gifere* (вариант *frec*) — лат. ambro; CP, 1240: *freceð* — лат. lucor; An. Ox., 3569; 2445; Gen., 2580; Cd., 121; Ep. Gl., 475. Ср. в современных северноанглийских диалектах: *freck* 'ready, eager, bold' (EDD, II, 489), голл. *vrec*, нем. *frech*, датск. *fräck*, исл. *frekr*; ср. в среднеанглийском («Ancren Riwle», 128) *wrecche*. Ср. «Englische Studien», 39, 1908.

Gegerela: Mk, 1, 6 (Rushw.): *gegerelad* (вариант *gewedad*) — лат. vestitus; Mk, II, 21 (Rushw): *giwedo* (вариант *giregelu*) — лат. vestimento; Bl. Hom., 143, 35; 169, 1; 215, 29; Bd, 3, 40; 4, 19; Ps. Surt., 44, 10; Wrt. Voc., II, 146, 52: *gegerela* (вариант *godweb*) — лат. fasces; Ps. Lamb., 101, 27: *scrud* (вариант *gegyrlu*) — лат. vestimentam; 103, 6: *gegyrlu* (вариант *wæfels*) — лат. amictus; Wrt. Voc., II, 50, 4: *hloðan* (вариант *gegirelan*) — лат. liniamento; ср. также 94, 82; 35, 41; 19, 72; Rtl, 48, 1; 103, 11, 13; Ve. Ps., 44, 10.

(Ge)haðriga ср. нем. *hadern*: Lind., Lk, XII, 50: *gebegd* (вариант *gehraðrad*) — лат. coartor; ср. Lk, XIX, 43; Bd, 4, 32;

B, 3072; El., 1276. Ср. кимр. *cader* 'забор', др.-ирл. *cathir* 'город'; ср. имя собственное *Hathor* в кентской грамоте (18, 5).

Gema (гот. *gaumjan* др.-сакс. *gomean*, др.-в.-нем. *guomon*, исл. *geyma*, датск. *gjemme*, швед. *gömma*): Lind., Mt, XIX, 2: *gemde* (вариант *hælde*) — лат. curavit; Mk, I, 34: *lecnade* (вариант *gemde*) — лат. curavit (ср. W. S. gospels — *gehælde*); Mk, VI, 5: *gegemde* (вариант *gehælde*) — лат. curavit (ср. W. S. gospels — *gehælde*); Lk, XII, 11: *gema* (вариант *gearnfulle*, *hoga wosa*) — лат. solliciti (ср. W. S. gospels — ne be ge *ymbe-þencende*); Blickl. Hom., 23, 17; 67, 30; 99, 30; 95, 29; Rtl, 9, 15 — лат. curare; 44, 10: *a-gema*; 43, 13: *gemnisse*; Ve. Ps., 39, 18; DG, 76, 29 (ср. «Anglia», IX). Ср. в современных североанглийских диалектах *gaum (goam, gome)* 'notice, heed, attention'; 'to pay heed', особенно в графствах Нортумберленд, Дурхем, Дербишир (EDD, II, 576—577): «It's te nae use speaking: he dizn't *gaum* nae mair an nowght»; «To sae iv he took th' leyst *gawm* o' what aw sed»; ср. в среднеанглийском: «Ich toke ful good *gome*» («Piers the Plowman», XX, 14); «For ȝiff menn wordenn nimenn *gom* þeȝȝ mihtenn understanndenn («Ormulum», 18839); ср. швейц.-нем. *gaumen* (Staub — Tobler. Schwz. Idiotikon, II, стр. 300 и сл.) 'Wache haben, Acht haben, hüten'.

(Ge)strion (др.-в.-нем. *ki-striuni*, др.-сакс. *gistriuni*): Lind., Lk, XV, 12: *faees* (вариант *striones*) — лат. substantiae (ср. W. S. gospels — *æhte*); ср. Mt, XIX, 21: *strion* (вариант *forf*) — лат. thesaurum (ср. W. S. gospels — *gold-hord*); ср. Mt, XVI, 26; CP, 510; 1470; Aldh. Gl., 132: *streo* — лат. mercimoniam; ср. древнеанглийское имя собственное (у Беды): *streonæshalch*; ср. также современные топонимы: *Strensall*, *Ingestre* (Северный Йоркшир).

Gewita: An. Ox., 3582: *hreas* (вариант *gewat*) — лат. occubuit; Lind., Mt, XXVII, 5: *gewat* — лат. recessit; ср. W. S. gospels — *ferde*; ср. Lk, VIII, 13: *fearrageð (fleað)* — лат. recedunt; Rushw. MS, Mt, II, 14: *gewat* — лат. recessit; Kent. Gl., 31, 75, 97, 678, 739 (recedere), 1133 (pertransire), 77 (procedere), 544 (praecedere); Ef, 335: *geuuitendi* — лат. decidens; Lorica Gl (Kentish): *gewite* — лат. pereat; Ve. Ps., 6, 9; 79, 19; 38, 14; Ve. Hymns, 4, 6; 21, 12; 37, 22; 34, 22; Kentish Charters (Sweet): 38, 9; 41, 41; Wrt. Voc., II, 105, 21; 145, 9; 106, 11; An. Ox., 53, 25; 1495; 3590; Bd, 5, 12; Bl. Hom., 121, 31; 129, 36; 245, 5; 233, 31; 191, 14; 117, 1; 139, 13; ср. в современных североанглийских диалектах: *wight* 'swift, nimble, active, vigorous, strong, clever' (EDD, VI, 490); ср. у Чосера («Canterbury Tales», 3457): *wight* 'clever'; ср. в.-сакс. (Müller — Fraureut. Wb. der obersächsischen und erzgebirgischen Mundarten, II, стр. 650): *weisen* 'schnell und wiegend gehen': «der *weeste* aber's Dorf runger» (Округ Ölfen); «se sei af Huf in Bayern *gewaast* (фогтландск.). Ср. ср.-нидерл. *weten*.

Hena (гот. *haunjan*, др.-фриз. *hena*, др.-в.-нем. *honjan*, совр. нем. *höhnen*): Lind, Mk, IX, 12: *gehened* (вариант *geniðrad*, *geteled*) — лат. contemnatur (ср. W. S. gospels — and sig *oferhogod*); Mk, XIV, 64: *geniðradon* (вариант *gehendon*) — лат. condemnaverunt (ср. W. S. gospels — *hyrwdon*); Mk, X, 16: *teleð* (вариант *geheneð*); Rtl, 43, 6; 27,17; DG, 173, 22: *gehynad* (вариант *geeaðmodad*); Wrt. Voc., II, 107, 60; 139, 77; 29, 67; 70, 9; Blickl. Hom., 87, 2; CP, 788; *geheende* — лат. exauctoravit; Ve. Ps., 17, 28; 74, 8: *gehenað* — лат. humiliat; 104, 18: *geeaðmodedun* (вариант *gehendun* — лат. humiliaverunt; 37, 9: *gehened* (вариант *geeadmet*) — лат. humiliatus. Ср. ср.-англ., (Layam, 6874, 14412): *hænde*, *hunde*.

Henðu (др.-в.-нем. *honida*, гот. *hauns*, ср.-англ. *henð*): Lind., Mk, XIII, 44: *henðu* (вариант *unspeod*) — лат. pænuria (ср. W. S. gospels — *yrmþe*); Kent. Gl., 707; 811: *henð* — лат. damnum; Rtl, 189, 16: *gihene* — лат. caducus; Aelfr. Gl., 81; Wrt. Voc., II, 140, 29; B, 475, 593, 277; Gen., 776; An., 117.

Hiwan (**Higan**) (гот. *heiwa-frauja*—греч. οἰκοδεσπότης, др.-сакс. *hiwa* 'жена', исл. *hjun*, др.-в.-нем. *hiwo* 'муж', *hiwa* 'жена'): Rushw. MS, Mt, X, 25: *hiwe* (вариант *hine*) — лат. domesticos, в Lind. — *gehuse*; Lk, II, 4: *higo* — лат. familia (ср. W. S. gospels — *hirede*); Lk, XII, 42: *higo* — лат. familiam, в W. S. gospels — *hyred*; Mt, R., X, 36: *higu* (вариант *hine*) — лат. domestici (ср. Lind. — *huse*, W. S. gospels — *gehusan*); XIII, 27: *hiorodaes* (вариант *higna*) — лат. familias; Rtl, 16, 6; 56, 1; 56, 16; 24, 4; 14, 5; 14, 15; 22, 14; 31, 7; 34, 3; 59, 13; 30, 9; Kentish and Mercian Charters (Sweet): 39, 3; 41, 24; 41, 42; 37, 34; 37, 41; 42, 9; 10, 4; 5, 9; 30, 21; 37, 26; 39, 13; 40, 6; 41, 21; 7, 9; 59, 66; 42, 13; 42, 20; 37, 14; 37, 23; 37, 43; 41, 67; 40, 17; 31, 3; 40, 3; Chronicle, 716: *hiwan* (MS A — munecas); Bd, 3, 11; 3, 28; 4, 19; Gen., 1489; 2371; ср. современные топонимы (*hiwa* употребляется также в значении 'религиозная община'): *Henbury*(*burh*) — Дорсет, *Henwood* — Уорвикшир, *Hinton* — Девоншир, Глостешир, *Honiton* — Девоншир, *Henwick* — Нортхэмптон, *Hewenstreet* — Сассекс, *Hewingbear* — Сомерсет. Ср. в среднеанглийском: Layam., 368: children and *hinen*; O. E. Hom., I, 197, 112: ðin owune *hine*.

Laecca (1): Lind., Mk, XIV, 48: *gefoanne* (вариант *læccanne*) — лат. comprehendere; Mk, VII, 33: *togegrap* (вариант *gelahte*) — лат. adpraehendendens; Lk, XII, 35; *gegrippa* (*læcga*) — лат. comprehendant; Lk, XVIII, 12: *gefengon* (вариант *gelohton*) — лат. comprehenderunt; Kentish Land Charters, 230, 13; ср. в среднеанглийском *lecche* («Ancren Riwle»), *lecche*, *lacche* (Piers the Plowman», «The Owl and the Nightingale»). Ср. в современных северноанглийских диалектах: *latch* 'to catch, to lay hold of' (EDD, III, 531). В W. S. gospels всюду *niman*.

Laecca (2): Ps. Cant., 88, 35: ða forðgað of welerum minum ne onsien on *leccungae* (Ps. Spl. C— *to bysmre*) — лат. quae procedunt de labiis meis non faciam irrita. Ср. в современных

североанглийских диалектах: *to lack* 'to slight, to calumniate' (EDD, III, 495). Ср. в среднеанглийском у Чосера («Canterbury Tales», 284, 5): «Yit somwhat *lakken* him wolde she».

Leora (др.-ирл. *lord* 'я шел', *lorc* 'след', кимр. *llyr* 'бег' — лат. proetire, obire, transire:

Lind. Mk, XV, 44: ðonne gewundrade gif gie (huoeðer, faest) *geliorade* (лат. obisset)	W. S. Gospels, Mk, XV, 44: Da wundrode Pilatus gif he ða gyt *forþ-ferde*

Lind., Mt, XXIV, 34; Mk, XIII, 30; Lk, XXI, 32; Mt, XXIV, 35; Lk, I, 2, 4; В W. S. Gospels здесь глаголу *leoran* всюду противостоят *faran* и *gangan*, которые, кстати, употребляются и в Lindisfarne Gospels, Веспасианской псалтыри, Ritual Dunelmensis, Gregory's Dialogues, Bedes Eccl. Hist. и, видимо, являются общими для них; Bd, 146, 21 — *geleorde* (ркп *T*; ркп *B* — *gewende*); 174, 16 — *leorde* (ркп *T*; ркп *B* — *becom*, ркп *O* — *ferde*); 198, 10 — *leoran* (ркп *T*; ркп *B* — *gewitan*, ркп *O* — *faran*); 244, 15 — *leorde* (ркп *T*; ркп *O* — *ferde*); Ve. Ps., 17, 13; 36, 36; 56, 2; 61, 7; 72, 9; 88, 42; 89, 6; Royal Ps., 56, 2; 148, 6; Ps. Cant., 100, 3; 118, 119; DG_1, 138, 29 (DG_2 — *faro*); 161, 27. Ср В, 752, 761, 804. Ср швед. диал. *lura*, *lora*, *lurka*; нем. диал. *leiern* 'медленно двигаться':

«aber der amaysz hauf viel basz
beritten auf der hewschreck sasz
die kund keinen minuten feyern
thet mit dem kopf hin und her *leyern*»
(Muchenkrieg, 3, 104);

«als er sich die steile treppe an dem glatten seile hinauf *geleiert* hatte...» (Gutzkow. Ritter vom Geist, 5, 383). Ср. Grimm. Dt. Wb., VI, стр. 687. Ср. в современных североанглийских диалектах: *lire* в узком значении 'to plait a shirt front', *lirk* 'a crease' (EDD, III, 620).

Luta: Lind., Mk, V, 22: *feoll* (вариант *hleat*) — лат. precidit; Mk, III, 11: *gefeollon* (вариант *lutun*) — лат. procidebant (ср. W. S. Gospels — *gefeollon*); Kent. Gl., 1068: *forðloton*; Ve. Ps., 94, 6; ср ср.-англ. *loute*, исл. *luta*. Ср. в современных североанглийских диалектах: *lout* 'to bend, to bow' (EDD, III, 670). Ср. др.-н.-франк. *hlōtha*, ср.-в.-нем. *luot*, совр. в.-нем. диал. *lūt* 'груз'.

Mand (в германских языках, кроме англ., имелось только в ср-н-нем. mande, ср.-голл. *mand* ново-голл. *mand*):

Mt, XIV, 20 (R_1): I etun alle I fulle wyrdun I genoman þa hlafe twaelf *monde* (лат. cophinos).	W. S. Gospels, Mt, XIV, 20: And hi aeton ealle, and waeron gefyllede. And hi namon ða lafa, twelf *wylian* fulle

В Lind. в этом месте находим *ceawlas* (вариант *foðer*)	ðaera gebrytsena
Mk VIII. 8: ...I genomon þte ofergelefed waes of ðaem ðaem screadungum slofa cewalas (вариант *mondo*) (лат. sportas)	Mk, VIII, 8: And hi aeton, and wurdon gefyllede; and hi namon ðaet of ðam brytsenum belaf, seofon *wilian* fulle (ср. у Виклиффа — *leepis*).
Mt, XVI, 10: Ne seofo hlafa feor ðusendo ðara monna I hu monig *monda* onfendi ge? (лат. sporta)	Mt, XVI, 10: Ne ðaera seofon hlafa and feower þusend manna, and hu fela *wyligena* ge namon?
Mk, VIII, 19: ...fif ðusendo I huu monig *mondo* ðara screadunga fulle gie genomon (лат. cophinos)	Mk, VIII, 19: and hu fela *wyligena* ge namon fulle
Mt, XVI, 9 (R_1): I hi moniga *monde* genoman... (лат. cophinos). В Lind. cewlas	Mt, XVI, 9: ...and hi fela *wyligena* ge namon?

Понятие «корзина» по преимуществу выражается через *mand* еще в следующих памятниках: Ep. Gl., 193, 222, 839; Erf. Gl., 1174; Met. Gl., 199; Wrt. Voc., 283, 9; 485, 16 (ркп. Cott. Cleop. A III). Ср. в ср.-н.-нем. (Schiller — Lübben. Mndeutsches Wörtercbuch, III, стр. 21): *mande* 'Korb ohne Henkel'. Ср. также: Grimm. Dtsches Wrtb., VI, стр. 1534; Mand 'Korb' (H. Fischer. Schwäb. Wb., IV, стр. 2435). Ср. в современных североанглийских диалектах (EDD, IV, 56): *maund* 'a basket, a hamper' (Йоркшир, Линкольншир, Девоншир, Шотландия).

В произведениях Эльфрика и Альфреда понятие «корзина», кроме *wilige*, выражается, как правило, еще через *lēap* (ср. EDD, III, 552: *leap*, *lib* 'a large basket' — Суссекс, Сомерсети, Хэмпшир, Оксфордшир).

Merra (гот. *marzjan*, др.-фриз. *mera*, др.-в.-нем. *merrien*). В Линдисфарнских евангелиях это слово употребляется в значении 'занимать (площадь, пространство)', не встречаемом в других древнеанглийских памятниках: Lk, XIII, 7: earoð *gionetað* (вариант *gemerrað*) — лат. occupat (ср. W. S. gospels — *ofþricð*); ср. также Mt, XXII, 29: *merras* (вариант *geduellas*) — лат. erratis (ср. W. S. gospels — *dweliað*); Ve. Ps., 77, 31: *amerde* — лат. impedevit; An., 747; Jul., 412.

Reaf (др.-сакс. *nodrof*, др.-фриз. *raf*, др.-в.-нем. *roub*): Mt, XXII, 12: *wede* (вариант *reaf*) — лат. vestim; Kent. Gl., 1144: *reaf.* — лат. indumentum; Wrt. Voc., I, 81, 40; *reafian* — лат. deripere: Mk, III, 27 (Lind.): *to niomanne* (вариант *genioma*, *gereofage*) — лат. diripere; Kent. Gl., 936; Ve. Ps., 108, 11; 68, 5; 21, 14; 34, 10; 49, 22; 9, 30; 31, 11; 88, 42; 89, 10; 103, 21; Bl. Hom., 63, 17; Bl. Gl., 163, 12; Kent. Gl., 4: *reafiað* — лат. rapiunt. Ср.

гот. *bi-raubon*, исл. *raufa*, др.-в.-нем. *roubon*; ср. в современных северноанглийских диалектах: *reave*, *reeve* 'to plunder' (EDD, V, 64); ср. синоним *reaf-hacel* (др.-фриз. *hezil*, др.-в.-нем. *hachul*, ср.-н.-нем. *hakel*, др.-исл. *hokul*, гот. hakul-s (ср.: Holthausen. Altengl. et. Wb., стр. 143), ср.-в.-нем. *haeze*, *haez* (Grimm. Dt. Wb, IV, стр. 555; Lexer, I, стр. 1197); ср. швейц. (Staub — Tobler. Schwz. Id., II, стр. 1768); швабск. *hes* (Fischer. Schwb. Wb., II, стр. 1219); ср. также: Ochs. Badisches Wb., стр. 570. В английском языке встречается только в северных памятниках (особенно в Lind.) и в северных диалектах современного языка (*hackle*).

Reord (гот. *razda*, др.-в.-нем. *rarta*): Lind., J, IV, 27: *riordade* (вариант *spræce*) — лат. lóquebantur (ср. W. S. gospels — *spræc*); Rtl (locutio, eloquium), 85, 5; 170, 2; Ve. Ps., 113, 1: *elreord* — лат. barbaro; Bd, 5, 3; Gen., 1484; 1635; Dan., 511; Seef., 53; B, 2555; ср. в шотландских диалектах *reerd*.

Reordia 'to feed, to satisfy': Lind. (prandere, pascere, coenare), Mt, XXV, 37 (ср. W. S. gospels — *feddon*); J. XXI, 17; Lk, XVII, 8; XV, 24; XVI, 19 (ср. W. S. gospels — *gewistfullode*); XXII, 20 (ср. W. S. gospels — *geeten hæfde*); Ve. Ps., 131, 15; 80, 17; 102, 5; 104, 40; 106, 9; 147, 14; 16, 17; 103, 13; Wrt. Voc., II, 130, 72. Ср. Mt, XIV, 20: *gefylled* (вариант *geriordad*) — лат. saturati sunt.

Risa 'to be fitting':

Lind., Mt, IX, 11: :l gefrugnon ðus cuoðonde f' ðon cuoeðað aelaruas I uuðuuto f' ðon Helias *risenlic were* (вариант *geras*) gecomme aerist (лат. oportet)	W. S. gospels, Mk, IX, 11: And hi hine ahsodon da, Hwaet secgað Pharisei and ða boceras, ðaet *gebyrd* aerest Helias cume?

ср. швейц. *reis*, *reitz* 'dienlich, brauchbar, geordnet' (Staub — Tobler. Schwz. Idiotikon, VI, стр. 1927): «Der Holz ist *reis*» 'In Ordnung, gut, brauchbar'; «Ich bin noch nicht ganz *reis*» «ich bin noch nicht in einem Zustande, wir es sein sollte'. Ср. также *gereis* 'Einrichtung, Anordnung, Anstalten' (там же, стр. 1297—1301; Grimm. Dt. Wb., IV, 1, 2, стр. 3621); *reisen* 'rüsten, ordnen, geschickt machen' (Stalder, 2, стр. 268); 'ordentlich weisen'; ср.:

Es ist doch nicht mein sohnes weib
Es ist nummen mein armes südeli,
Es *reist* meinen gästlenen stübeli

(Staub — Tobler. Schweiz. Volkslieder, I, 113).

Ср.: Grimm. Dt. Wb., VIII, стр. 734—735.

Rið (ср. в сев.-фриз. *ride*, *rie* 'устье реки'): Aldh. Gl., 447, 4: *burne* (вариант *riþe*) — лат. latex; 490, 30: *riþe* — лат. rivo; 499, 54: *riþa* — лат. torrentum (вариант latex, rivulorum);

448, 61: *riþum* — лат. rivulum; Hymn. Surt., 17, 12: *eorþan riþum* — лат. terrae rivulis; S e d u l i u s. Carmen Paschale, 74: лат. latices — *burnan*, *watem*; Wrt. Voc., 80, 69: *burna ðoðe* broc — лат. latex. Ср. в современных диалектах: *rithe*, *ride* 'a small stream'. Ср. топонимы: *Ritton* — Нортумберленд, *Reeth* — Северный Иоркшир, *Ryde* — остров Уайт, *Shepreth* (*sceap*) — Кембриджшир, *Meldreth* — там же (*myln*), *Rewreth* (*hragra*) — Эссекс [видимо, из кельт. *rit-* < и.-е. **pr̥t-* 'брод', ср. в топонимах: *Shep-reth*, но *Ox-ford* (исконно германское)].

Smeaga (ср. лтш. *smaugs*): Lind., Mk, II, 6: *ðencendo* (вариант *smeande*) — лат. cogitans; Mk, II, 8: *smeadon* (вариант *ðohton*) — лат. cogitarent; Lk, XIV, 31: *smeað* (вариант *ðencað*) — лат. cogitat; Kent. Gl., 652, 749, 953; Ve. Ps., 62, 7; 118, 16; 34, 47; 42, 5; 118, 69; 118, 2; 108, 11; 118, 148; 63, 7; 34, 28; 70, 24; 35, 5; 76, 7; 76, 13; 118, 70; 142, 5; 37, 13; 89, 9; 63, 7; 118, 129; Kentish Charters, 40, 1; Rtl, 7, 11; 46, 3; 84, 13; ср. нем. диал. *schmiegen* (Grimm, Dt. Wb., s. v.). В уэссекском всюду *þencan*.

Stiora (гот. *stiurjan*, др.-фриз. *stiora*, др.-в.-нем. *stiuren*, исл. *styra*): Lind., Mk, VIII, 30: *fobead* (вариант *stiorde*) — лат. comminatus (ср. W. S. gospels — *bead*); то же Mk, VIII, 33 (ср. W. S. gospels — *cidde*); DG, 50, 18; 282, 12; 216, 22; 317, 13; ср. нем. диал. *steuern* 'мешать' (Grimm, Dt. Wb., s. v.).

Swelta (гот. *swiltan*, др.-исл. *svelta*, др.-в.-нем. *swelzen* 'сгорать', др.-сакс. *sweltan*): Lind., J, XVIII, 14: *sie dead* (вариант *gesueltæ*) — лат. mori; J, IV, 47: *deadege* (вариант *gesuelta*) — лат. mori; J, XII, 33: *sueltende* (вариант *gedeðet*) — лат. moriturus; Ve. Ps., 48, 11; 81, 7; 117, 17; Bd, 5, 6; Bl. Hom., 59, 70; 193, 4; 79, 15; Wrt. Voc., II, 64, 54; 88, 35; ср. в среднеанглийском («Ormulum», «Piers the Plowman») *swelten*, *swelte*; ср. исл. *svelta*, датск. *sulte*; ср. в современных североанглийских диалектах: *to swelt* 'to die' (EDD, V, 880), особенно в Шотландии, в графствах Нортумберленд, Иоркшир.

Swiga (др.-в.-нем. *swigen*, совр. нем. *schweigen*): Lind., Mk, I, 22: *swigdcn* (вариант *styldcn*) — лат. stupebant (ср. W. S. gospels — *wundredcn*); Mt, XII, 23: *gestylton* (вариант *gesuigdon*) — лат. stupebant (ср. W. S. gospels — *wundredcn*); Kent. Gl, 357 (tacere); DG, 157, 18; An. Ox., 1937; Ve. Ps., 49, 3; 31, 3; 49, 21; 106, 29; 27, 1; 34, 22; 38, 13; 82, 1; 108, 2; Mart., 35: *ofsuigde*; Rtl, 125, 14; 108, 3; Sedulius, Carmen Paschale, 375.

Tæla: Lind., Mk, IX, 34: *geteledon* (вариант *geflioton*) — лат. disputaverant; Mk, III, 2: *geteldon* (вариант *nioria*) — лат. accusarent (ср. W. S. gospels — *gewregdon*); Lk, XVI, 14: *teldon* (вариант *hlogcn*) — лат. deridebant. Интересно использование глагола *telan* в значении 'simulare' или 'similare' (?): Lk, XX, 20: *worhton* (вариант *teledon*, *bebrugdon*[9]) (ср. W. S. gospels — *leton*);

[9] Ср., однако. Mt, VII, 24: *geefned bið* (варианты *geliced bið*, *geteled bið*) — лат. assimilabitur (ср. W. S. gospels — *byð gelic*). Глагол *bregdan*,

Ve. Ps., 37, 21; 108, 4; 49, 20; 70, 13; 108, 29; 100,5; Ptl. (= contemnere, dispicere): 43, 6; 50, 3; 64, 8; 64, 12; Kent. Gl., 15, 770 (detrahere), 924 (detractare), 718 (deridere).

Telgo (др.-исл. *tjalgo*, др.-в.-нем. *zelga*; ср. др.-ирл. *dliugim*): Lind., Mk, IV, 32: *telgr* (вариант *twiggo*) — лат. ramas (ср. W. S. gospels — *bogas*); Rtl, 68, 16: *telga* — лат. ramus; Wrt. Voc., I, 80, 4; *telgra* — лат. virgultum; Aldh. Gl., 496, 71; 483, 58; 433, 47; 412, 41; An. Ox., 562; ср. топонимы *Tilden(denu)* (Кент), *Tilhurst (hyrst)*, *Tilley(leah)* (Шропшир). Ср. в современных северноанглийских диалектах: *tiller*, *tellow*, *tillow* (EDD, VI, 148). Сравнение с топонимическим материалом указывает, таким образом, на раннее ареальное обособление этого некогда общеанглийского слова.

Temesia (н.-нем. *temesen*, голл. *temsen*, *teemsen*): Lind., Mt, XII, 4: *getemeseda* (вариант *f'estne*) — лат. propositiones (ср. W. S. gospels — *offring-hlafas*); Mk, II, 26: *foregegearwad* (вариант *temised*) — лат. propositiones (ср. W. S. gospels — *offning-hlafas*). Это слово упоминается как северное в раннем диалектном словаре (1674 г.) Дж Рея (*temse-bread*). Ср. в среднеанглийском (Prompt. Parv., 488, 2): *temzyn*, *tymze*. Ср. в современных северно-английских диалектах: *temse* (EDD, VI, 60), особенно в Шотландии и в графствах Нортумберленд, Дурхэм, Норфольк и др.

ðiostrig (др.-сакс. *thiustri*, др.-фризск. *thinstere*, голл. *duister*): Lind., Mk, VIII, 17: *ðiostrig* (вариант *blind*) — лат. cæcatum (ср. W. S. gospels — *geblende*); Ve. Ps., 142, 3: *degulnisse* (вариант *ðystrum*) — лат. obscuris; Aldh. Gl., 483: *tenebrosa* (obscura) — *ðestreful*; ср. в среднеанглийском: *ðestre*, *ðeostre*, *ðiestre*.

ðyfel: Wrt., II, 125, 44: *ðyfela* (вариант *boxa*) — лат. belsarum. Ср. в среднеанглийском: «Smale fuȝele ðat fleoð bi grunde and bi *þuvele*» («Owl and the Nightingale», 278); ср. в современных северноанглийских диалектах: *thivel* 'a pot-stick'. Ср. топонимы: *Thule* (Девоншир), *Rixdale* (risc) (Йоркшир).

Waega (др.-сакс. *wegian*, др.-в.-нем. *weigen*, др.-исл. *veig*, совр. нем. *weigern*): Lind., Mt, V, 11: *gesuicas* (вариант *wæges*) — лат. mentientis (ср. W. S. gospels — *leogende*); Wrt. Voc., II, 148, 27: *wægde* (вариант *bepæhte*) — лат. fefellit (delusit); 138, 53:

в отличие от уэссекских памятников (где он употребляется в значениях 'vibrare, jactare, stringere, trahere, plectere'), в англских памятниках встречается только в значениях '(as)similare', 'simulare' (?). Использование существительного *gebregd* в англских памятниках, как нам кажется, говорит в пользу наличия последнего из указанных значений ('simulare'). Чисто этимологически развитие значений 'se vertere in aliquid' — 'simulare' — 'similare' вполне оправдано. Ср. Ve. Ps., 84, 2: *gebregdenlice* — лат. astute; Ps. Surt., 82, 4; An Ox., 732; Wrt. Voc., II, 9, 39. Ср. в современных северноанглийских диалектах: *brade*, *breed*, *braid*, особенно в Шотландии, графствах Кумберленд, Йоркшир, Линкольншир и др. (EDD, I, 372) 'to resemble, to take after': «He *braads* o' th' dog i' t'boose»; «That bairn *braades* o' it's gran'feythir»; «there's no *breed* o' him i'e toon».

Bepæhst (вариант *wægest*) — лат. deludis (decipis); Kent. Gl., 414: *Wego* — лат. mentitur; 933 — лат. fallit; 596: *wegende welere* — лат. labium mentiens; Kent. Charters, 39, 14; Ve. Ps., 131, 11 (*bi-wægan*); Reg. Ps., 285, 17: *wægeo* — лат. mentietur; Bd, 4, 32; Ef. Gl., 356 (*a-wægan*).

Widlia (ср. ирл. *fiothal*): Lind., J, XVIII, 28: *gewidlæd* (вариант *besmitten*) — лат. contaminarentur; *gewidlian* (profanare): Wrt. Voc., II, 66, 47; An. Ox., 4428; Rtl., 104, 8; 47, 17; 180, 10 (inguinare, polluere, coinquinere).

Wlite (гот. *wlits*, др.-фриз. *wlite*, исл. *litr*): Lind., Mt, XXII, 16: *wlit* (вариант *onsion*) — лат. personam (ср. W. S. gospels — *had*); Wrt. Voc., II, 151, 4—5: *hleor* (вариант *wlita*) — лат. frons; Lorica Gl. (Kentish), 17; Ve. Ps., 139, 14; 4, 7; 68, 30; 10, 8; 20, 13; 26, 8; 44, 13; 15, 11; 20, 7; 42, 5; 33, 6; 20, 10; 66, 2; 79, 17 (*on-wlite*); Bd, 4, 9; Bl. Hom., 113, 16. Ср. в среднеанглийском: «ðe lilie mid hire faire *wlite*» («Owl and the Nightingale», 439); «Al his *wlite* wurð teres wet» («Gen and Ex», 2288); Layam., 3139, 22844.

Wlonc (др.-сакс. *wlanc*): Lind., Mk, X, 25: *wælig* (вариант *wlonca*) — лат. divitem (ср. W. S. gospels — *welega*); Lk, XVI, 22: *welig* (вариант *wlonc*) — лат. dives; DG, 279, 1; Aldh. Gl., 526, 70; ср. в поэзии: B., 2416, 2668, 5898; Gen., 2579; Dan., 96; Sat., 94; ср. в среднеанглийском: «*Wloncest* wede» («Gawayne», 2025), «Sumeras tide is al to *wlonc*» («Owl and the Nightingale», 489).

* * *

Огромное значение лексической вариантности для исторической лексикологии и этимологии английских диалектов несомненно: такая вариантность не только является живым свидетельством дифференциации лексических и семантических рядов в древних диалектах, но и дает возможность конкретно судить о характере и путях развития диалектной лексики.

Вполне понятно, что приведенный лексический материал никак не может претендовать на полноту: в одной статье вообще невозможно полностью исследовать лексический запас того или иного языкового ареала. Нам представлялось, однако, целесообразным привести те случаи, которые, как показало рассмотрение более обширного языкового материала, являются наиболее типичными.

Изучение вариантных разночтений лексического характера в нортумбрийских глоссах и сопоставление их с другими германскими деалектами дает основание, как нам представляется, заключить следующее: 1) выделенная группа слов носит ареально ограниченный характер: эти слова (некоторые из них являются общегерманскими и, очевидно, некогда были общедревнеанглийскими), с одной стороны, не встречаются ни в одном уэссекском тексте, а с другой стороны, их территориальная

обособленность подтверждается соответствующими топонимами и современным диалектным употреблением[10]: 2) исследованные парные глоссы, как правило, носят междиалектный характер. Второе слово представляет собой обычно инодиалектную параллель первому слову; 3) изучение материала дает основание предположить, что слова англского (северного) ареала связаны изоглоссами, с одной стороны, со скандинавско-алеманской областью, а с другой стороны — с алеманским и частично нижненемецким микроареалами (в данной статье были приведены те случаи рассматриваемого явления, которые, как показал анализ более обширного языкового материала, являются наиболее типичными).

---

[10] Все рассмотренные слова по своей семантике и стилистической окраске являются обиходно-бытовыми и широко представлены в прозаической литературе (в том числе и в непереводной). Вследствие этого в отношении указанных слов вряд ли можно предположить узкопоэтическое употребление или влияние латинских моделей.

Г. А. Климов

О ЛЕКСИКЕ ОСЕТИНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В СВАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Проблема осетинско-сванских языковых связей естественно вырастает из культурно-исторического контекста длительных и прочных связей, сложившихся между осетинским и грузинским народами[1]. История и археология застают языковых предшественников современных осетин на обширных пространствах и предгорьях Северного Кавказа еще в VIII—III вв. до н. э. На фоне общей проблемы осетинско-грузинских языковых встреч, изучение которых уже располагает некоторой традицией[2], вопрос об осетинско-сванских языковых взаимоотношениях приобретает дополнительный интерес, если учесть, что в картвельском языкознании до сих пор, по-видимому, остается непреодоленной известная гипотеза Н. Я. Марра о смешанном характере сванского языка[3]. Эта заметка ставит перед собой скромную задачу подвести некоторые итоги изучения так называемых аланизмов в сванском языке.

В настоящее время ареальный контакт между осетинским и сванским языками почти полностью отсутствует. Однако существование его в прошлом с необходимостью вытекает как на основании чисто лингвистического материала (наличие языковых встреч, аланская топонимика верховьев Кубани, Баксана, Чегема и Черека[4], так и на основании единства куль-

[1] Первый опыт обобщения различных аспектов осетинско-грузинских взаимоотношений дан в работе: Г. Д. Тогошвили. Из истории грузинско-осетинских взаимоотношений (с древнейших времен до конца XIV века). Сталинири, 1958 (на груз. яз.).

[2] Ср.: Н. Я. Марр. Ossetica-Japhetica. «Изв. Российской Академии наук», № 18. Пг., 1918, стр. 2069—2100; В. И. Абаев. К характеристике современного осетинского языка. «Яфетический сборник», VII. Л., 1932, стр. 57—80; его же. Осетинский язык и фольклор, 1. М.—Л., 1949, стр. 526—528, 323—330; его же. О некоторых осетинских элементах в грузинском языке. «Труды Института языкознания АН СССР», т. VI, 1956, стр. 437—441; Г. Ахвледиани. Сборник избранных работ по осетинскому языку, кн. 1. Тбилиси, 1960, стр. 160—210 и др.

[3] См.: Н. Я. Марр. Где сохранилось сванское склонение? «Изв. имп. Академии наук», № 16. СПб., 1911, стр. 1199—1206; его же. Из поездок в Сванию. «Христианский восток», т. II, вып. 1. СПб., 1913, стр. 16—20; его же. Кавказоведение и абхазский язык. — ЖМНП, ч. LXIII, № 5, 1916, стр. 15.

[4] В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, 1, стр. 271—290.

турно-исторического контекста, в котором в течение длительного времени жили носители этих языков (в этом отношении интересны поразительные фольклорные встречи в сюжетах из нартовского эпоса, отмеченные В. И. Абаевым)[5]. Достоверно известно о многовековой экспансии аланов с Северного Кавказа в центральные области исторической Грузии. Эта экспансия поставила в грузинской историографии очень сложный и интересный вопрос о так называемых двалах, в которых некоторые исследователи видят древнейших представителей аланской речи в Закавказье[6]. С другой стороны, имеются прямые указания на расселение сванов на севере за Кавказским хребтом в период между XIV—XVII столетиями[7], а также на то, что примерно в эту же эпоху в области Рача, смежной с Южной Осетией, еще говорили по-свански (сванская топонимика Рачи и Верхнего Лучхуми изучена М. М. Калдани[8]). Старое сванское название осетин *saw-j-är* 'савиары' (*är* — морфема множественного числа в именах; форма единственного числа — *mə-säw*, где налицо префикс имени происхождения *mə-*) было перенесено сванами на тюркоязычных балкарцев и карачаевцев, занимающих ныне прежние места расселения алан. В специальной литературе предполагается, что перенос данного этнонима с осетин на балкарцев и карачаевцев должен был произойти около XIII—XIV столетий, когда в связи с монгольским нашествием и постепенной сменой этнического состава населения Кабарды почти прекратились непосредственные осетинско-сванские контакты[9].

Этимологические исследования В. И. Абаева выявили факты обоюдного осетинско-сванского языкового влияния. Не обнаружено пока каких-либо заимствований морфологического харак-

---

5 В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, I, стр. 304—306.

6 Двальская проблема не может считаться окончательно решенной, ср.: Г. С. Ахвледиани. «Южноосетинский» или «двальский»? «Наша наука». Тбилиси, 1925, № 3-4, стр. 14—16; его же. Сборник избранных работ по осетинскому языку, I, стр. 65—79; Д. В. Гвритишвили. К вопросу об этнической принадлежности «двалов» и о переселении осетин в Картли. «Мимомхилвали». Тбилиси, 1949, № 1, стр. 109—120; В. Гамрекели. О племени двалов (к вопросу об этнической принадлежности и исторических судьбах племени двалов). «Материалы по этнографии Грузии», IX. Тбилиси, 1957, стр. 178—210.

7 Л. И. Лавров. Расселение сванов на Северном Кавказе до XIX века. «Краткие сообщения Института этнографии», X. М.—Л., 1950, стр. 82—83 и сб. «Вопросы этнографии Кавказа». Тбилиси, 1952, стр. 337—342.

8 См.: М. М. Калдани. К вопросу о суффиксе *-iš* (*/-š*) в грузинской географической номенклатуре. «XVIII Научная сессия Института языкознания (план работы и тезисы докладов)». Тбилиси, 1959, стр. 18—20.

9 Ср.: Н. Я. Марр. Избранные работы, т. IV. Л., 1937, стр. 197; см. также: Г. С. Ахвледиани. Ossetica-Georgica. «Изв. Северо-осетинского научно-исследоват. ин-та», т. XXII, вып. 1. Орджоникидзе, 1960, стр. 29.

тера, не видно его следов и в области фонетического строя. Все заимствования распространяются в наиболее проницаемой для иноязычных влияний сфере языка — его словарном составе, основной заимствующей стороной при этом оказывается сванский язык, где насчитывается несколько десятков аланизмов, в то время как в осетинском языке с большей или меньшей степенью достоверности можно усмотреть лишь единичные сванизмы. Ниже приводится список наиболее достоверных аланизмов, выявленных в сванском языке[10]:

Сванск. *arsan* 'крепкая веревка из конопли и щетины' < осет. *ræsæn* (?) 'веревка'. Обращает на себя внимание, что в осетинском это слово сохранилось в незакономерной форме — с *t* вместо ожидаемого *s*: *rætæn*. Ср. др.-инд. *raśanā-* 'веревка' (ПС, 298)[11].

Сванск. *bale* (объектн. пад. *bala-s*, *bale-s*) 'древесный лист' < осет. ир. *bælas*/ диг. *bælasæ* 'дерево с листвой'. Предполагается связь осетинской основы с др.-инд. *palāśa-* 'листва'[12].

Сванск. *bwast* / *bwasd* 'мир, 'вселенная' < осет. *bæstæ* 'страна, мир' (ПС, 300); восходит к общеиранск. **upasta-* (ЭС, 255).

Сванск. *buran* 'помет мелкого скота' < осет. ир. *byron* / диг. *burojnæ* 'мусор, сор' (ПС, 300).

Сванск. *guna* 'копоть' < осет. ир. *ǧuna* / диг. *quna* 'плесень'. Слово должно идти из осетинского, в котором чередование *ǧ* / *q* характерно для основ индоевропейского происхождения[13].

Сванск. *gurana* / *gurna* 'круглый камень для толчения зерен или соли', 'пест' < осет. ир. *kuroj* / диг. *kurojnæ* 'мельница' (ПС, 297).

Сванск. *dalisw* / *dalüs* 'барашек от шести месяцев до года' < осет. ир. *dalis*/ диг. *dalys* то же значение (ЭС, 655); возможно, восходит к **dāriša-* или *dārišī-* (ср. др.-инд. *dārikā-* 'дочь', 'девушка'; *dāraka-* 'мальчик', 'молодое животное').

Сванск. *darg* 'козленок от шести месяцев до года' < осет. ир. *dærḳ'* / диг. *dærḳæ* 'телка', 'годовалый козленок' (ЭС, 655); ср. др.-инд. *dāraka-* 'мальчик', 'молодое животное'.

Сванск. *woräš* 'сусло для араки (водки)' < осет. *wæras* 'брага' (ПС, 298—299)[14].

---

[10] Основная часть их выявлена в статье В. И. Абаева «Поездка в Сванетию», стр. 294—301 (далее сокращенно — ПС), а также в его «Историко-этимологическом словаре осетинского языка», т. 1, АН СССР. М.—Л., 1958 (далее сокращенно — ЭС).

[11] В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, I, стр. 139—140; см. также: Вяч. Вс. Иванов. Проблема языков centum и satəm. — ВЯ, 1958, № 4, стр. 15.

[12] См. ЭС, 247.

[13] В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, 1, стр. 88.

[14] Ср.: Ю. Немет. Список слова на языке ясов, венгерских алан. Пер. с нем. и примеч. В. И. Абаева. Орджоникидзе, 1960, стр. 10.

Сванск. *zad* 'солод' < осет. *zad* то же (ПС, 296); осет. *zad* представляет собой причастие прошедшего времени от глагола *zajyn* 'расти' и буквально значит 'проросшее (зерно)'.

Сванск. *talapa* 'ресница' < осет. *tœfalœ* то же (ср. ПС, 299).

Сванск. *k̦'adar* 'сухой' < осет. *kœtœr* 'застывший' (ЭС, 631).

Сванск. *k̦'ānk̦'-ūl* 'малюсенький' < осет. *k'annœg* 'маленький', 'малый'. Слово имеет иранскую этимологию, ср. ир. **kanya-ka* 'малый', 'юный' (ср. ЭС, 618); *-ūl* в сванском является известным уменьшительным суффиксом.

Сванск. *manäš* 'рожь' < осет. *mœnoew* 'пшеница' (ПС, 296). В осетинском слово стоит в одном ряду с другими названиями растений с начальным *mœ-*[15].

Сванск. *manda* 'желание', 'воля' < осет. *mondag* 'страстное желание'. В осетинском слово входит в «гнездо» корня *mon-* с общим значением 'проявлять духовную активность' (ср. *amonyn* 'наставлять', 'показывать'; *amond* 'счастье'...), отражающего индо-иранск. **man-*.

Сванск. *matata* 'ядовитое растение' < осет. ир. *mœtatyk* / диг. *tatuk* 'съедобное растение' (ПС, 295). Подобно *mœnœw* это слово входит в осетинском в ряд названий растений с начальным *mœ-*[16].

Сванск. *mak̦wšdäg* / *maqwšdag* 'бедро, ляжка' < осет. *mœk'ustag* 'плечевая кость' (ПС, 299). Во второй части слова распознается осетинское *stœg* 'кость'.

Сванск. *mōg* 'мушмула' < осет. ир. *mugœ* / диг. *mogœ* то же (ПС, 295). В сванских диалектах сохраняется и исконное картвельское название мушмулы *žūnţw* / *zūnţ'* (ср. груз. *zγmarţl-*, занск. *ckimunţur-* и др.)[17].

Сванск. *məršk̦'* / *məšk̦'* муравей' < осет. ир. *mœlʒyg* / диг. *mulʒug* то же (ПС, 297). Староосетинская форма восстанавливается в виде **murčuk* и связана с др.-ир. *mauri*, перс. *murčeh*[17]. Несколько труднее связать сванское слово с соответствующими ему груз. *ʒinčwel-* и занск. *dimčk̦u*.

Сванск. *rang* 'мед (напиток)' < осет. *rong* 'мифический напиток нартов, нектар' (ПС, 299). По-видимому, восходит к др.-ир. **frāna-ka*[18].

Сванск. *sīmak* 'девушка на выданье' < осет. *simœg* 'танцующая массовый танец'. В осетинском идет от глагольной основы *sim-* 'танцевать массовый танец (*simd*)'.

---

[15] В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, 1, стр. 587—588.

[16] См.: А. С. Чикобава. Чанско-мегрельско-грузинский сравнительный словарь. Тбилиси. 1938, стр. 136.

[17] Это сопоставление В. И. Абаева представляется Г. Деетерсу очень смелым. См.: G. Deeters. Bemerkungen zu K. Bouda's südkaukasisch-nordkaukasischen Etymologien. «Die Welt des Orients». Göttingen, 1957, стр. 386.

[18] В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, 1, стр. 348—353.

Сванск. *s’ḳel* ‘голень’ < осет. ир. *sk’elœ* / диг. *sč̣il* ‘лодыжка’, ‘задняя часть ноги’ (ср. ПС, 299).

Сванск. *səlxər* ‘полоумный’ < осет. *sœlxœr* то же (ПС, 300). В осетинском объясняется как ‘имеющий поврежденную (*xoeld*) голову (*sœr*)’.

Сванск. *pusn* / *pusd* ‘господин’ < осет. ир. *fysym* / диг. *fusun* ‘хозяин в отношении гостя’. Восходит к др.-ир. **pasumant* ‘хозяин скота’[19].

Сванск. *kan* ‘конопля’ < осет. ир. *gœn* / диг. *gœnœ* то же (ср. ПС, 296).

Сванск. *kərdän* ‘тряпка’ < осет. *kœrdœn* ‘платок’ (ПС, 299). В осетинском является производным от глагола *kœrdyn* ‘резать’, собственно, ‘отрезанное, отрез’ (ЭС, 583).

Сванск. *kərǯin* ‘хлеб, испеченный в золе’ < осет. ир. *kœrʒyn* / диг. *kœrʒin* ‘хлеб ячменный или кукурузный’ (ПС, 298). В слове налицо осетинский суффикс *-ʒyn* / *-ʒin*.

Сванск. *šged* ‘лес’, ‘северный склон горы’ < осет. *cœgœt* ‘северный склон горы’ является древней индоевропейской основой, ср. лит. *kaktà* ‘лоб’, др.-инд. *kakātikā-* ‘часть лобной кости’[20].

Сванск. *čimāga* / *čamāga* ‘обильная пища и питье’ < осет. *cymgœ* ‘хлебово’, ‘похлебка’, ‘кисель’. В осетинском является причастным образованием на *-gœ* от *cymyn* ‘хлебать’[21].

Сванск. *čirt* ‘куча камней, собранных с поля, расчищенного под пашню’ < осет. ир. *cyrt* / диг. *cirt* ‘памятник’, ‘могила’ (ПС, 298). Основа связана с др.-ир. *čiϑra-* ‘знак’.

Сванск. *Werʒmeg* ‘собственное имя, встречающееся в сказках, а также в быту’ < осет. ир. *Wœrœzmoeg* / диг. *Wyryzmag* ‘имя нартовского героя’ (ПС, 301).

Сванск. *Närt* ‘богатырь’, ‘представитель богатырской породы людей’ < осет. *Nart* ‘название эпических героев’ (ПС, 301).

Сванск. *Satanäj* / *Zitanäj* ‘имя чародейки в сказках’ < осет. *Satana* ‘имя нартовской героини’ (ПС, 301).

Сванск. *Sosruqwa* ‘имя эпического героя’ < осет. *Sozruqo* ‘имя нартовского героя’ (ПС, 301).

Сванск. *Xabiǯ* / *Xabǯə* ‘собственное имя, встречающееся в сказках и быту’ < осет. *Xœmyc* / *Xœmic* ‘имя нартовского героя’ (ПС, 301).

Как видно из приводимого материала, с семантической точки зрения сфера аланизмов в сванском языке охватывает прежде всего термины хозяйства и материальной культуры и смежные с ними области словаря, номенклатуру животновод-

---

[19] Ср. ЭС, 502.

[20] См.: О. Н. Трубачев. Три литовских этимологии. 1. *kaktà*, 2. *šiáudas*, 3. *lopšỹs*. — LP, VIII, 1960, стр. 236—237.

[21] Ср. ЭС, 321.

ства и растительного мира, названия некоторых видов пищи и напитков. Обращает на себя внимание факт наличия имен мифологических героев, заимствованных из осетинского фольклора, и т. д.

Установлено, что фонетический облик сванских, равно как и балкарских и карачаевских аланизмов, примыкает к соответствующим формам западноосетинского дигорского диалекта, что свидетельствует о былых контактах сванских диалектов именно с последним, а не иронским. В ряде случаев выступает архаичный облик таких заимствований по сравнению с современными осетинскими формами, например в гласных вместо *о* налицо *а* (ср. *buran*, *gurana*, *rang*), вместо *æ* также *a* (ср. *arsan*, *talapa*, *ḳadar*, *čimāga*), в согласных вместо свистящих налицо шипящие (ср. *kərǯin*, *šged*, *čirt*) и т. п. Можно думать, что отдельные из рассмотренных выше аланизмов вошли в сванский словарь уже в позднейшее время через балкарский язык[22].

Необходимо отметить, что выявлением аланизмов в сванских диалектах до сих пор занимались почти исключительно иранисты, и прежде всего В. И. Абаев. Однако совершенно очевидно, что их систематическое изучение принесет пользу не только иранистике, получившей таким образом важные свидетельства для исторической фонетики осетинского языка: оно скорее должно касаться исследователей картвельских языков, перед которыми уже давно стоит неотложная задача объективной оценки удельного веса всех иноязычных отложений в сванском языке. По-видимому, именно практическое неучастие картвелистов в этой работе сказывается на популярности среди них точки зрения о смешанном картвельско-адыгском характере этого языка, которая была выдвинута в свое время Н. Я. Марром, сильно переоценивавшим, как известно, фактор межъязыкового влияния. Между тем небольшое число адыгеизмов, представленных в сванской лексике, не может идти в количественное сравнение с выявленными в ней словами аланского (осетинского) происхождения[23]. Трудно ожи-

---

[22] ПС, 302.

[23] Об адыгеизмах сванского см.: С. Н. Джанашиа. Сванско-адыгейские (черкесские) языковые встречи. Картвельско-адыгейские параллели, 1. «Изв. ИЯИМК», XII. Тбилиси, 1942, стр. 249—278; Г. В. Рогава. К вопросу о структуре именных основ и категориях грамматических классов в адыгских (черкесских) языках. Тбилиси, 1956, стр. 129. — Тезис об усвоении сванским языком адыгской морфемы эргативно-косвенного падежа *-м* и морфемы третьего лица множественного числа в глаголах *-х* заслуживает последовательной критики из соображений как общих методологических, так и конкретных лингвистических (скудость адыгских заимствований в сванском вообще, объяснимость соответствующих фактов на картвельской почве).

дать сколько-нибудь значительного числа первых и на основании данных культурно-исторического контекста, свидетельствующих о том, что адыгская речь начинает распространяться на осетиноязычной и отчасти тюркоязычной по того времени территории Кабарды в основном в XIV—XV столетиях [24].

---

[24] См.: Е. И. Крупнов. Краткий очерк археологии Кабардинской АССР. Нальчик, 1946, стр. 43—45; Л. И. Лавров. Происхождение кабардинцев и заселение ими нынешней территории. «Советская этнография», 1956, № 1, стр. 19—28; ср. также: «История Кабарды с древнейших времен до наших дней». М., 1957, стр. 27—29 и др.

В. Н. Топоров

ЗАМЕТКИ ПО ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ЭТИМОЛОГИИ

1. ТОХАРСКИЙ КОРЕНЬ *warp-* И ЕГО БАЛТИЙСКОЕ СООТВЕТСТВИЕ

Уже не раз указывались специфические схождения в лексике между тохарскими и балтийскими языками (ср., например: E. Fraenkel. Zur tocharischen Grammatik. — IF, 50, 1922, стр. 1—20, 97—108, 220—231; его же. Tocharų kalbos gramatika ir baltų kalbos. — A. Phil., 3, 1932, стр. 5—21; E. Benveniste. Tokharien et indo-européen. «Festschrift für H. Hirt», II. Heidelberg, 1936, стр. 227—240; В. Георгиев. Балто-славянский и тохарский языки. — ВЯ, 1958, № 6, стр. 3—20). Число таких соответствий может быть увеличено по крайней мере еще на несколько слов. Здесь же остановимся лишь на одном из них. Речь идет о глаголе *wārp-* 'окружать', отмеченном в обоих диалектах, и связанных с ним производных: A *warp* 'огороженное место', *warpi* 'сад', *warpiśke* (варианты *warpäśke*, *warwiśke*), B *werpĭśke* — уменьшительное образование от *warpi*. Некоторые склонны допускать этот же корень *warp-* в A *wartṣi*, B *wertsya*, выступающих в соответствии с др.-инд. *parivāra*, *pariṣad*, *samiti* (ср.: E. Sieg, W. Siegling, W. Schulze. Tocharische Grammatik. Göttingen, 1931, стр. 7; H. Pedersen. Tocharisch vom Gesichtspunkt der indoeuropäischen Sprachvergleichung. København, 1941, стр. 98); можно думать, что A *wartsi*, B *wertsya* объясняются более удачно иным образом (между прочим, ср. западнотохарский переход *pts* в *kts*: B *kektseñe* при A *kapśañi*, где *ś* из *ts*. См.: W. Krause, W. Thomas. Tocharisches Elementarbuch, Bd I. Heidelberg, 1960, стр. 71). К сожалению, до сих пор является признанной очень небрежная и приблизительная этимология тохарских слов с этим корнем: *warp-* из и.-е. **u̯er-* 'покрывать, охватывать', ср. др.-инд. *apivṛṇóti*, авест. *varənā*, чешск. *zavírati* и т. п. (см.: A. J. van Windekens. Lexique étymologique des dialectes tokhariens. Louvain, 1941, стр. 155; P. Poucha. Institutiones linguae tocharicae. Pars 1. Thesaurus linguae tocharicae dialecti A. Praha, 1955, стр. 291 и др.), хотя уже Бенвенистом (указ. соч.) было указано правильное сопо-

ставление с хетт. *u̯arpa ti̯a-* с тем же значением[1] и даже авест. *varəp*. Со своей стороны, при полном согласии с приведенными Бенвенистом сближениями, обратим внимание на то, что литовский глагол *varpýti* среди ряда хорошо известных значений обладает еще одним малоизвестным значением, стоящим среди других несколько изолированно, — 'огораживать вехами', 'обставлять вехами'. Это же значение встречается и в некоторых приставочных глаголах с указанным корнем: *apvarpýti*, *nuvarpýti*, *užvarpýti* (ср. отчасти *varpýti* в значении 'прикреплять к вехе (хмель)' или *apývarpstė* 'жердь, по которой вьется хмель', *apývarpstis*, *apývarptis*. См. «Lietuvių kalbos žodynas», I. Vilnius, 1941, стр. 186). Фонетическая и семантическая близость тох. *wārp-* и лит. *varpýti* слишком велика, чтобы допускать мысль о случайном сходстве. Поскольку малая употребительность и изолированность лит. *varpýti* в значении 'огораживать вехами' гарантируют его архаичность, целесообразно видеть в тохарских и балтийских словах с корнем **varp-* сохранение старого индоевропейского (ср. хеттские и авестийские примеры) технического термина. Возможно, что детальный анализ балтийского (прежде всего литовского) материала позволит вскрыть эволюцию целого ряда других слов с корнем *varp-* и его конкретные связи с корнем *verp-*.

2. ХЕТТСКОЕ *tangarant-* : ЛИТОВСКОЕ *keñkras*

Значение хетт. *tangarant-* 'не евший (не пивший)' в настоящее время может считаться твердо установленным (см.: F r i e d r i c h, стр. 210, со ссылкой на письмо Гютербока, а также: G. N e u m a n n. Hethitische Etymologien, II. — KZ, 75, 1958, стр. 223—224). Помимо некоторых чисто этимологических соображений, значение слова подтверждается четко выраженным противопоставлением *adandaš akuu̯andaš*, т. е. 'евших и пивших', и *tangarantaš*, т. е. 'не евших (не пивших)' (см. KUB, IX, 34; IV, 15—16). Хеттское слово принадлежит к группе прилагательных на *-ant*, недавно описанных А. Камменхубер (MSS, 8, 1956, стр. 56). Представляется вполне оправданной реконструкция хеттского корня **tangar* 'голодать', предложенная Нейманном, и установление связи этого слова с и.-е. **kenk-* (P o k o r n y, стр. 565), ср. греч. κέγκει, объясняемое в глоссе Фотия как πεινᾷ, готск. *hūhrus* 'голод' (из **hunhrus*).

---

[1] Ср. KUB, XIV, 15; III, 38: 1-[e-da-] (ni ku)-e-da-ni-ik-ki u̯a-ar-pa ti-i̯a-u-e-ni nu-u̯(a-ra-an-kán kat-ta) ú-u̯a-te-u-e-ni «einen (von den beiden Teilen) wollen wir umzingeln und ihn herabführen!» См.: A. G ö t z e. Die Annalen des Muršiliš. — MVAeG, Bd 38, H. 6. Leipzig, 1933, стр. 55, 237—239. — Значение устанавливается, в частности, из сравнения XIII, 2; IV, 28 (u̯a-ar-pí ti-i̯a-an) и XIII, 24 (u̯a-ar-ḫu-nu-u̯a-an-te-eš a-ša-an-du — вариант), где u̯arḫunuu̯ant- переводится как «unzugänglich gemacht», «eingezäunt».

Заслуживает также внимания упущенное Нейманном литовское прилагательное *keñkras* 'тощий, исхудавший' (вариант *keñgras*), отмеченное уже в словарях Руига и Мильке. Связь этого слова с хетт. *tangarant* несомненна. Важно и другое: данные литовского языка помогают, видимо, расширить наши сведения о словообразовательных и отчасти семантических условиях, в которых возникли сопоставляемые слова. С одной стороны, сопоставление лит. *keñkras* с *keñkti* 'вредить, недоставать, нуждаться', *kankénti* 'мучить, истязать' (*kankìnti*) с латышским куронизмом *kañcināt* (K. Mūlenbachs. Latviešu valodas vārdnīca, II sējums. Rīgā, 1925—1927, стр. 153—154) позволяет видеть в *-r-* старый суффиксальный элемент и, следовательно, восстановить корень **kenk-* и производное от него адъективное образование **kenk-r-*. Возможно, связанные с этими словами *kañkaras* 'купец, скряга', *sukañkarioti* 'скопить', *kañkaroti* 'sunkiai dirbti, maža uždirbant' (см. «Lietuvių kalbos žodynas», V. Vilnius, 1959, стр. 212) и, может быть, даже лтш. *kankarains*, *kankari*, *kankaret* (если они сюда относятся) содержат тот же элемент *-ar-*, что и хетт. *tang-ar-*. Таким образом, только в балтийских языках есть достаточно определенные основания для выделения суффиксального *-r-* / *-ar-* в этом корне. С другой стороны, семантические особенности относящихся сюда литовских слов делают правдоподобным заключение о непервоначальности связи и.-е. **kenk-* : *kenk-r-* с понятием голода и о более широком некогда круге значений, связываемых с этим корнем. Некоторые этапы этой эволюции значений у слова **kenk-* : **kenk-r-* представлены в литовском языке полнее, чем в любом другом индоевропейском языке.

3. ЕЩЕ РАЗ О ХЕТТСКОМ *u̯au̯arkima*

Недавно Г. Оттен установил, что реально крылось за хеттским словом *u̯au̯arkima* («Beiträge zum hethitischen Lexikon». — ZfAssyr., 50, 1952). Оказалось, что речь идет о дверной петле. Э. Ларош («Hittite *-ima-* : indo-européen *-mo-*». — BSL, 52, 1956, стр. 78—79) внес ряд уточнений, и в частности предложил связывать *u̯a-u̯ark-ima* с и.-е. **uerg-* 'serrer, enclore'. Однако не исключена, видимо, возможность более непосредственного соотнесения этого слова с корнем **u̯er-* (в расширенном виде) 'вращать, вращаться'. В таком случае семантически подобная связь не только оправдана, но и является наиболее возможной — напрашивается сравнение с лтш. *vārsti* 'дверные петли, шарниры' и рядом других слов, связанных с глаголом *vārstīt* 'закрывать и открывать (двери)' (ср. также лит. *várstyti* с тем же значением, *várstymas* и т. п.), который в свою очередь произведен от глагола *vẽrt* (лит. *vérti*,

прусск. *etwerreis* 'отвори' и т. д.), обозначающего, между прочим, открывание или закрывание двери путем вращения ее вокруг неподвижной опоры. Формы вроде лтш. *vārkstīt* (см.: K. Mūlenbachs. Latviešu valodas vārdnīca, IV. sējums. Rīgā, 1931, стр. 505—506) могли бы дать более точные основания для сравнения, если бы было доказано, что *-k-* (из *-k-* или *-g-*, ср. отражения этого корня с *-g-/-g'h-* в греч. ἔργω, авест. *varez*, русск. *верг-/верз-* [ср. также *верея*] в значении, связанном с запиранием—отпиранием дверей) в них не является вторичным. Учитывая сказанное Ларошем о значении суффикса *-ima-* в хеттском (в частности, и в *u̯au̯arkima*), существенным представляется сравнение хеттского слова с лит. *várstymas* 'открывание, закрывание двери'.

О. Н. Трубачев

О ВОЗМОЖНОСТИ ВЕНГЕРСКО-ТОХАРСКИХ СВЯЗЕЙ

Этот вопрос, насколько известно, ставится впервые, если иметь в виду, разумеется, прежде всего специальные венгерско-тохарские связи, а не тезис о возможности финно-угорско-(уральско-)-тохарских связей в целом. Древняя внешняя история венгерского языка известна весьма относительно и фрагментарно, внешняя история тохарских диалектов почти неизвестна. Здесь не предполагается развертывать анализ этих сложных проблем, мы хотим лишь обратить внимание читателя на несколько аргументов этимологического характера в пользу реальности венгерско-тохарских языковых связей:

I. венг. *kert* 'сад' — тох. В *kercīye* 'дворец'
II. венг. *talp* 'подошва' — тох. А *śalpem* 'подошва'
III. венг. *orca* 'лицо' — ток. А *akmal* 'лицо'.

I. Венг. *kert* 'сад' по сути дела является только венгерским словом и другим финно-угорским неизвестно. Вместе с тем его исконно венгерская этимология[1] не представляется достаточно убедительной. Скорее здесь надо искать культурное заимствование, что уже многократно обсуждалось в литературе, причем источник видели в осет. ир. *kært* 'двор'[2]. Но в таком случае, во-первых, вероятное др.-осет. **kart* дало бы др.-венг. **kärt*, **kart*, а не действительное *kert*, известное в этой форме с самых древних письменных памятников венгерского языка (1055 г.), а во-вторых, само осетинское слово, может быть, не исконного иранского происхождения, но входит в ареал культурного термина *karta/karda* 'огороженное место, двор', охватывающего обширную группу языков[3]. Как бы то ни было, определенное фонетическое и семантическое своеобразие венг. *kert* оставляет вопрос о его источнике открытым. Поэтому не лишено

---

[1] Bárczi G. Magyar szófejtő szótár. Budapest, 1941, стр. 162.
[2] См. полемику по этому поводу: G. Schmidt. Zur Frage der ossetisch-ungarischen Lehnwörter. — FUF, XVIII, 1927, стр. 94—95; H. Sköld. Ungarisch und tagaurisch. — FUF, XIX, 1928, Anzeiger, стр. 5; G. Schmidt. Zur Erforschung der ossetisch-ungarischen Lehnbeziehungen. — FUF, XIX, 1928, Anzeiger, стр. 13 и сл.
[3] См.: В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. I. М.—Л., 1958, стр. 586—587.

интереса предположение о заимствовании венг. *kert* 'сад' из тох. *kert-*, ср. засвидетельствованное тох. В *kercīye* 'дворец'. Тохарское слово родственно слав. **gordъ*, герм. **gard-* (ср. нем. *Garten*, англ. *garden* 'сад'), лат. *hortus* 'сад'[4] и обладает при этом уникальными фонетико-морфологическими приметами (*k-* < и.-е. *gh* / *g'h*, вокализм *-e-* в отличие от обычного *-o-* в других индоевропейских). Именно эти приметы нашли отражение в венг. *kert*[5].

II. Венг. *talp* 'подошва' представляет собой разительное соответствие тохарскому *śalpem* в том же значении, убедительно этимологизируемому в последнее время как сложение **tel-pe-*, собственно, 'плоская нога, ступня'[6]. Индоевропейский характер, гарантируемый, таким образом, для тохарского слова, указывает то же направление заимствования, что и в предыдущем случае: тох. > венг. Венг. *talp*, как и венг. *kert*, неизвестно другим финно-угорским.

III. Венг. *arc*, *orca* 'лицо' представляет сложение *orr* 'нос' + *száj* 'рот' и весьма напоминает тох. А *ak-mal* 'лицо', буквально 'глаз + рот'. Как раз это соответствие не имеет исключительно венгерско-тохарского характера, так как известно большое число типологически близких примеров в кавказской языковой области, пермском и др., которые здесь не могут входить в расчет. Важно лишь указать на неиндоевропейский характер такого сложения в тохарском[7]. При попытке инвентаризации венгерско-тохарских лексических соответствий, о которой преждевременно еще говорить, этот пример также может быть упомянут, тем более что здесь следует говорить о финно-угорском (венгерском?) влиянии на тохарский. Аналогичное независимое происхождение в неиндоевропейской среде очевидно для осет. *cæskom* 'лицо' (< 'глаз + рот').

В этой короткой заметке мы позволим себе обойти молчанием трудный вопрос вероятной локализации и датировки гипотетических венгерско-тохарских контактов. О локализации говорить вообще пока не представляется возможным, кроме того, она

---

[4] A. J. Van Windekens. Lexique étymologique des dialectes tokhariens. Louvain, 1941, стр. 37.

[5] Настоящая этимология венг. *kert* была предложена мной в докладе, прочитанном в Венгерском лингвистическом обществе в Будапеште (заседание 22 октября 1957 г.), см. недавнее упоминание об этом в статье: Э. Балецкий. Венгерское *kert* в закарпатских украинских говорах. «Studia Slavica», t. VI, fasc. 3-4, 1960, стр. 260, сноска 39. — Полный текст доклада по досадной случайности утерян.

[6] См. сведения по этимологии тохарского слова в богатом обзоре В. Н. Топорова «Тохарская этимология за двадцать лет», который публикуется в этом сборнике. О венгерском слове см.: Bárczi G. Указ. соч., стр. 299, где допускается финно-угорское происхождение и приводится сравнение единственно с саамск. *tuolpa* 'плоский', ослабляемое, как признает автор, дальним характером связей венгерского и саамского.

[7] См. также: В. Н. Топоров. Указ. соч.

играет подчиненную роль сравнительно с датировкой, хронологией. О последней тоже едва ли можно ставить вопрос абсолютно. Впрочем, и относительную хронологию мы в состоянии пока лишь наметить. Так, если мы знаем в основном только венгерско-тохарские соответствия, то terminus post quem будет вероятное время выделения правенгров: не позднее начала новой эры? [8] Предполагают, что правенгры, как и угры в целом, продолжали долгое время оставаться в районах, примыкающих к Уральскому хребту с запада.

Затронутый здесь вопрос нуждается в систематическом изучении. Важность его очевидна. Ведь до сих пор считаются единственно достоверными сношения древних угров только с тюрками и иранцами [9]. В этой связи любой новый материал о древних сношениях венгров с кентумными индоевропейцами приобретает особый интерес.

---

[8] Ср.: П. Хайду. К этногенезу венгерского народа. «Acta linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae», t. II, fasc. II, 3-4, 1953, стр. 315.

[9] Там же, стр. 302, 308.

Ж. Ж. Варбот

О СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОМ АНАЛИЗЕ В ЭТИМОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Методы исследования всегда определяются его объектом и целью. Объект этимологического исследования — слово как единство звуковой формы и определенного лексического значения. Цель этимологического исследования в современном языкознании определяется как решение проблемы происхождения слова, причем внимание исследователя концентрируется не столько на поисках этимона (т. е. сочетания первичной формы с первичным значением), сколько на определении модели образования слова в его фонетической форме, составе морфем и значении на базе соответствующей языковой системы[1]. Поскольку слово как лексическая единица состоит из морфем и поскольку данное определение цели этимологического исследования предполагает помещение слова в определенную словообразовательную систему, постольку словообразовательный анализ должен рассматриваться как составная часть этимологического исследования, последовательное проведение словообразовательного анализа — как один из методов этимологического исследования.

Словообразовательный анализ, в том смысле, как он применяется в этимологии, заключается в выделении и отделении в исследуемом слове морфем, присоединившихся к непроизводной с точки зрения древнейшего доступного для нас языкового состояния, основе в различные периоды ее бытования в языке.

Данный тип словообразовательного анализа, предполагающий восстановление исторической последовательности соединения морфем и их фонетического облика периода присоединения каждой из них к производящей основе, может быть назван диахроническим словообразовательным анализом и должен строго отличаться от синхронно-словообразовательного анализа, устанавливающего возможности морфологического членения слова относительного синхронного разреза языка. Результаты этих двух типов морфологического анализа слова часто не совпадают. Вместе с тем диахронический словообразовательный анализ опирается на данные синхронно-словообразовательного

---

[1] См.: В. Н. Топоров. О некоторых теоретических основаниях этимологического анализа. — ВЯ, 1960, № 3, стр. 47—49.

анализа, примененного к последовательным, сменяющим друг друга состояниям одного и того же языка.

Диахронический словообразовательный анализ необходимо осложняется решением вопросов чисто фонетического характера, с одной стороны, и семантического — с другой стороны. Однако и в такой осложненной форме словообразовательный анализ не может исчерпывать всю проблематику этимологического исследования, поскольку за пределами словообразовательного анализа остается проблема отождествления слов, основ и, наконец, корней.

Этимологическое исследование отличается от диахронического словообразовательного анализа именно тем, что круг родственных слов или родство последовательных звеньев развития одной основы не является данным и его установление входит в число задач исследования. Так возникает проблема отождествления, решение которой требует широкого привлечения фонетических закономерностей, наблюдений над семантическими изменениями, данных лингвистической географии, истории культуры и т. п.

Так называемая корневая этимология, т. е. исследование, основанное только на отождествлении корней двух (или более) слов очень отдаленных эпох или разных (хотя и родственных) языков, вызвала резкую критику[2]. Одновременно поощрялось, как противоположное корневой этимологии, этимологизирование, основанное на отождествлении целых слов родственных языков. Однако совершенно очевидно, что даже наиболее убедительное отождествление такого рода не решает само по себе проблемы происхождения данных слов: наличие тождественных образований в родственных языках не означает непременно принадлежность их праязыку и не исключает возможности параллельного развития в родственных языках[3]; сходные формы даже родственных языков могут быть по происхождению неоднотипными образованиями[4]; наконец, даже доказательное возведение отождествленного слова родственных языков к праязыку не избавляет от решения вопроса о морфологической структуре слова, о его родственном окружении, следовательно, об отождествлении корня. Поскольку целью этимологии является определение модели образования слова в определенной языковой системе, постольку этимологическое исследование не может обойтись без определения корня (или, строже, непроизводной

---

[2] См.: Х. Педерсен. — KZ, XXXII, 1893, стр. 250—251; В. Пизани. Этимология. М., 1956, стр. 113—114.

[3] См.: Вяч. Иванов. Тохарская параллель к славянским уменьшительным формам. «Славянская филология». Сб. статей, II (IV Международный съезд славистов). М., 1958, стр. 58—63.

[4] Ср. ит. *piazza* и русск. *площадь* (В. Пизани. Указ. соч., стр. 167—170).

основы), принадлежащего часто древнейшему языковому состоянию и потому необходимо принимающего очень абстрактный вид и значение [5]. Следует, однако, учитывать, что степень гипотетичности этого корня в отношении формы и значения определяется только уровнем наших знаний о древнейшей языковой структуре и ее позднейших преобразованиях, а потому не является величиной неизменной. К тому же гипотетические корни давно уже перестали рассматриваться как исторически неделимые корневые слова первобытного языка и используются в этимологических исследованиях (как и в работах по сравнительной грамматике индоевропейских языков) как основы, непроизводные с точки зрения определенного периода развития индоевропейского праязыка, который является наидревнейшим из доступных нам сейчас языковых состояний, — как основы, которые, возможно, формально совпадают с исчезнувшими непроизводными словами того периода, но которые могут равно быть и частями этих более древних слов. Как морфемы (а не слова!) эти индоевропейские корни не могут иметь конкретного лексического значения. Конкретное лексическое значение достижимо лишь в тех случаях, когда хотя бы один из группы родственных языков сохранил от праязыка корневое слово, которое и послужило основой для образования исследуемого слова или группы слов. Но и при этом условии конкретное значение присуще лишь этому корневому слову как таковому; становясь же основой новых слов, их корнем, слово одновременно приобретает абстрактное значение.

Древнейших корневых имен, однако, сохранилось немного. В большинстве случаев исследование этимологии индоевропейского слова приводит к восстановлению непроизводной индоевропейской основы («корня») с абстрактным значением и последовательности ее соединения с различными аффиксами, чего, собственно, и достаточно для определения модели слова [6]. Подобный результат этимологического исследования нельзя противопоставлять возможному в некоторых случаях обнаружению исходного корневого слова как нахождению реального происхождения слова [7]. Степень реальности результата зависит (при относительном равенстве прочих условий) от методики исследования, и в последнем случае можно говорить только о большей конкретности этимологии.

В конечном счете правомерность и убедительность выделения индоевропейского корня в этимологическом исследовании

---

[5] См.: А. А. Белецкий. Принципы этимологических исследований (на материале греческого языка). Киев, 1950, стр. 12.

[6] Ср.: J. Pokorny. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1949—1959.

[7] См.: Н. М. Шанский. Принципы построения русского этимологического словаря словообразовательно-исторического характера. — ВЯ, 1959, № 5, стр. 37—38.

определяется именно доказательностью сближения и последовательностью анализа производных слов отдельных индоевропейских языков.

В методике исследования, в том числе и в применении словообразовательного анализа, этимология переживает растущее влияние со стороны получающих все большее распространение в других областях языкознания тенденций к изучению языка как системы и в связи с этим к предпочтению в диахронических исследованиях метода внутренней реконструкции [8].

В применении к словообразовательному анализу это означает постепенное и последовательное отделение морфологических элементов анализируемого слова в порядке, обратном их исторической последовательности, на основе тщательного изучения родственного окружения слова, семантически связанных с ним слов и слов тождественного морфологического строения на каждом поддающемся выделению этапе развития данной языковой традиции. Для русского слова, восходящего к индоевропейскому корню (т. е. имеющего родственные связи в индоевропейских языках не только славянской, но и других групп), такими этапами непременно оказываются древнерусский язык (с выделением одного или нескольких хронологических разрезов), праславянский язык и индоевропейский праязык.

Ретроспективный характер и последовательность анализа способствуют устранению типичной для корневой этимологии ошибки — неоправданной архаизации некоторых образований. Так, например, П. Тедеско, исходя из семантических связей славянского слова *naglъ* в славянских языках и словообразовательного анализа круга родственных слов, убедительно доказал славянское происхождение образования *naglъ* (<**na-lьg-lo* от **na-leg-* 'напасть, настигнуть' [9]), которое обычно рассматривается как образование индоевропейского характера [10]. Таково же направление «Этимологических заметок» А. Вайана [11].

Даже в тех случаях, когда слово современного славянского языка имеет бесспорно родственные в древних индоевропейских языках или в современных языках другой группы индоевропейской семьи языков, — даже тогда необходим и полезен последовательный ретроспективный анализ начиная с установления родственного окружения слова в современном языке, так как именно семантическим и словообразовательным связям поздней-

---

[8] P. Guiraud. Les champs morpho-sémantiques. Critères externes et critères internes en étymologie. — BSL, t. 52, fas. 1, 1956, стр. 265—288; J. M. Kořínek. Poznámky k metodice etymologisování. «Slovo a slovesnost», ročn. 2, № 2, 1936.

[9] См.: P. Tedesco. Slavic **pilьnъ* and *naglъ*: two etymologies based on meaning. «Language», vol. 27, № 1, 1951, стр. 28—33.

[10] Литературу см.: Vasmer, II, стр. 193.

[11] См.: A. Vaillant. Notes étymologiques. «Славянская филология». Сб. статей, I (IV Международный съезд славистов). М., 1958, стр. 68—75.

шего периода слово может быть обязано существенными изменениями своей структуры, и только после устранения этих поздних наслоений исследователь может переходить к рассмотрению более древних отношений. Ср., например, случаи поздних взаимовлияний семантически близких слов в работе А. И. Попова «Из истории лексики языков Восточной Европы» (Л., 1957).

Рассматривая праславянские источники русского глагола *хвастать*, имеющего точные соответствия в других славянских языках[12], необходимо, например, объяснить представленные в северных великорусских говорах отношения *фáстать* — *фости́ть*.

При анализе почти любого слова современного индоевропейского языка (разумеется, помимо явных поздних заимствований) целесообразно хотя бы в рабочем порядке провести исследование по всем возможным уровням в их последовательности, даже если представляются убедительными и достаточными для решения вопроса о происхождении слова данные какого-то из верхних уровней. Иногда оказывается, что эти данные свидетельствуют скорее о более поздних семантических связях слова и даже его народноэтимологическом осмыслении, чем о происхождении его. Например, неоднократно предлагалось объяснение русского слова *клевета* и соответствующих слов других славянских языков как чисто славянских производных от глаголов *клепать* или (чаще) *клевать*[13]. Между тем, как показал В. Н. Топоров, наличие в латинском языке очень близкого структурно и семантически слова *calumnia* заставляет предполагать если не индоевропейский характер основы **klew-*, то во всяком случае ее производство от совершенно иного корня, а именно от и.-е. **kel-/*kol-* 'звучать, звать' и т. п.[14], причем эти соображения хорошо согласуются с семантически параллельными образованиями.

Разумеется, для исследования этимологии слова, неоднократно рассматривавшегося в литературе, совсем не обязательно повторение анализа на всех уровнях, исследователь может сосредоточить свое внимание на наиболее неясном и спорном этапе. Однако исходная анализируемая форма должна быть максимально приближена к избранному уровню исследования не только фонетически, но и структурно. Методологически неточно исследовать праславянскую структуру и отношения для современного русского слова *сын*, опуская доступный для исследователя промежуточный этап в виде древнерусской формы

---

[12] См.: Sławski, I, 1, стр. 91.

[13] Литературу см.: Преображенский, I, стр. 312—313 и Vasmer, I, стр. 566.

[14] См.: В. Н. Топоров. Этимологические заметки (славяно-италийские параллели). — КСИС, 25. М., 1958, стр. 74—79.

сынъ и ее парадигмы. Разрывы такого рода наблюдаются в этимологических исследованиях Г. А. Ильинского. Не свободны от них и некоторые современные исследования, хотя здесь чаще речь может идти только о большей детализации уровней путем привлечения дополнительных материалов. Например, для уточнения происхождения предполагаемого заимствования русск. *бушлат*[15] представляет интерес предварительное выяснение связи этой формы с формой того же значения *буршлат*, широко употребляющейся в произведениях Станюковича. Рассматривая индоевропейскую этимологию лит. *vadìnti* 'звать, называть' и связывая его с др.-инд. *vádati* 'говорит, объявляет' и т. п.[16], возможно, следовало бы прежде осветить его родственные связи в пределах балтийских языков, в частности отношения лит. *vadìnti* и лтш. *vedinât* 'приглашать, подговаривать' (а. также отношения лтш. vedinât и лтш. *vest* 'вести', *vedējs* 'возница, проводник' и т. п.[17]).

Само собой разумеется, что требование последовательности анализа отнюдь не означает, что для каждого современного славянского слова, имеющего индоевропейский корень, анализ должен быть доведен до этого корня. Для производных слов более позднего периода, чем общеиндоевропейский, этимологический анализ может ограничиться отождествлением предполагаемой непроизводной основы слова с основой другого слова того же или родственного языка и объяснением словообразовательной модели слова. Например, для выяснения происхождения русского слова *обыденный* достаточно оказалось доказательного отождествления его основы с именем *день* и объяснения образования в целом слиянием сочетания *въ инъ день*[18].

Последовательный ретроспективный словообразовательный анализ облегчает выяснение сложных, хронологически различных этимологических связей слов, принадлежащих к одному и тому же языковому состоянию. Часто, например, на славянской почве такого рода связи установить не удается и только после анализа на индоевропейском уровне оказывается возможным возвратиться к праславянскому этапу для констатации этимологического родства, восходящего к индоевропейскому праязыку. Так, если и предполагалось родство ст.-слав. **нощь** и русск. *нетопырь*, то огласовка *е* все-таки считалась загадочной, и только данные хеттского языка — *nekut* 'вечер', *neku* 'смеркаться' и тох. В *nekciye* 'вечером' — свидетельствуют о наличии здесь древнего, индоевропейского происхождения, чере-

---

[15] См.: F. Hinze. Russ. *бушлат*, Matrosenkittel aus Segeltuch. — ZfS, Bd V, H. 4, 1960, стр. 524—525.

[16] См.: Vasmer, I, стр. 163—164; Walde-Pokorny, 1, стр. 252.

[17] Ср. лат. *induco* 'вводить' и *inductus* 'побуждение, обман'.

[18] См.: Г. А. Ильинский. Славянские этимологии. — РФВ, т. LXVI, № 3-4, 1911, стр. 279—283; Vasmer, II, стр. 247.

дования корневого гласного [19]. Точно так же морфологическая структура общеславянского **modliti* и лит. *melsti* подтверждает предположение о суффиксальном характере -*a*(*i*)- в хетт. *malda*(*i*)- и объясняет его отношения с формой *maldi* [20].

Этот порядок исследования тем более необходим для установления относительной хронологии этимологических связей слов, что в некоторых случаях древнейшие корневые имена сохраняются вплоть до стадии современных славянских языков и поэтому образование производных от соответствующих корней может быть ошибочно отнесено также к исторически ближайшему периоду. Так, в великорусских говорах представлено корневое имя *корь* (род. пад. ед. *кря*) 'корень' [21] при литературной форме *корень*, отношение которой к форме *корь* может быть понято только при анализе на праславянском и индоевропейском уровнях, с привлечением соответствующих форм других славянских и других индоевропейских языков. В подобных случаях особенно важно изучение словообразовательной модели слова и ее совместимости с продуктивными словообразовательными типами древнерусского языка и праславянского языка.

Относительно методики словообразовательного анализа в этимологическом исследовании справедливо неоднократно упоминавшееся, но все еще не всегда соблюдаемое правило Перссона (предложенное для определения детерминативов), согласно которому слово может делиться на корень и формант только при условии, что существование соответствующего корня может быть доказано, а формант представлен в целом ряде форм [22]. Шпехт, расширяя это правило, считает возможным выделение корня даже в том случае, если он представлен только в связанном состоянии, но в сочетании с различными формантами [23]. Таким образом, расщепление слова на морфемы с целью установить историческую последовательность присоединения морфем, изменения морфологических границ и выделения древнейшей словообразовательной модели слова должно основываться (для каждого уровня исследования) на сопоставлении слова со

[19] См.: В. В. Иванов. О значении хеттского языка для сравнительно-исторического исследования славянских языков. — ВСЯ, вып. 2. М., 1957, стр. 19.

[20] См.: В. В. Иванов. Индоевропейские корни в клинописном хеттском языке и особенности их структуры. Канд. дисс. М., 1955, стр. 251—252.

[21] См.: Диттель. Сборник рязанских областных слов.. — ЖСт., 1898, вып. II, стр. 214.

[22] См.: P. Persson. Beiträge zur indogermanischen Wortforschung. Uppsala — Leipzig, 1912, стр. 609.

[23] См.: F. Specht. Der Ursprung der indogermanischen Deklination. Göttingen, 1944, стр. 333. Ср. такой же вывод Г. О. Винокура относительно синхронно-словообразовательного анализа: Г. О. Винокур. Избранные работы по русскому языку. М., 1959, стр. 435—436.

всей группой предполагаемых однокоренных и односуффиксальных слов (определение границ этой группы основывается предварительно на фонетических, семантических, лингво-географических и т. п. критериях). Морфологический анализ может начинаться как с отождествления непроизводной основы (корня), так и с выделения суффикса (или префикса), но должен непременно включать в себя решение обоих вопросов, так как корень и суффикс (или второй корень, или префикс, или тематический гласный) — понятия и величины соотносительные, а поэтому без убедительного отождествления корня правильность выделения суффикса остается спорной и наоборот. О. Н. Трубачев справедливо сомневается в правильности выделения корня *бар-* в русском *баран* в отрыве от решения вопроса об отождествлении суффикса *-ан*[24]. Отмечая вероятность происхождения слав. *пастырь* от *пасти*, Фасмер, однако, оговаривает отсутствие в славянских языках других имен с суффиксом *-тырь*[25].

Отождествление корня в случаях мнимой ясности словообразовательной структуры слова тем более важно, что широко распространены аналогические образования, так что если, например, для праслав. **telen-t* наличие более древних отношений конца основы подтверждается образованиями типа **telьcь*, то праслав. **pors-ent* — происхождения аналогичного[26].

Для решения вопроса о морфологической členимости слова полезно использовать весь круг родственных слов: не только слова, представляющиеся параллельными анализируемому слову образованиями от общей основы, но и слова, явно производные по отношению к данному[27], так как именно в этих производных может лучше сохраниться первоначальный вид словообразовательного форманта исходной основы, а это облегчит его отождествление. Так, например, выделение суффикса *-ъt-* в др.-русск. *лапъть* по сопоставлению с праслав. **nogъt-* и **olkъt-* подтверждается особенно единством морфологического типа всех трех слов: если **nogъt-* и **olkъt-* первоначально принадлежали к основам на согласный, а затем перешли в основы на *ĭ*, то тот же путь можно предполагать и для **lapъt-*, поскольку уменьшительно-ласкательное *лапоток* служит доказательством первичной принадлежности основы **lapъt-* к основам на согласный[28]. Особенно важно использование производных

[24] См.: О. Н. Трубачев. Происхождение названий домашних животных в славянских языках. М., 1960, стр. 75.

[25] См.: Vasmer, II, стр. 322.

[26] См.: О. Н. Трубачев. Указ. соч., стр. 63.

[27] Ср. критические замечания о словаре И. Короминаса: Y. Malkiel. Linguistic problems in a new hispanic etymological dictionary. «Word», vol. 12, № 1, 1956, стр. 37.

[28] См.: И. С. Вахрос. Наименования обуви в русском языке. I. Древнейшие наименования, до Петровской эпохи. «Annuaire de l'Institut

в силу того, что в результате обратного образования основа в производящем слове может быть значительно преобразована. Иногда эти изменения касаются фонетической стороны непроизводной основы и связаны с народноэтимологическим переосмыслением слова. Например, одновременным действием и обратного образования (от *пучок*), и народной этимологии (к *путать*) может объясняться вятское (XVIII в.) *пут* 'связка' при уменьшительном *пучок*[29]. В ряде случаев обратное образование может привести к замещению суффикса производящей основы другим суффиксом, который исторически также соотносителен с той формой суффикса, которая фонетически появляется в производном слове. Так, обратным образованием, основанным на существовании исторического чередования *ск/щ*, возможно, объясняется диалектное (рыбинское) *трепескаться*, *-áюсь* 'трястись'[30] при литературном *трепетать*, *трепещу*.

Этимологический анализ требует не только расщепления анализируемой формы на морфемы на основании отождествления корня и словообразующего форманта, но и выяснения самой модели словообразования, т. е. значения форманта и степени типичности его сочетания с корнями данного семантического круга.

Для определения значения суффикса обычно необходимо и достаточно описать семантически круг основ (корней), к которым он присоединяется, и круг значений основ, которые с его помощью образуются. Поэтому доказательное отождествление словообразовательных формантов требует сопоставления анализируемого слова со словами, не только содержащими тот же предполагаемый формант, но и принадлежащими к тому же семантическому кругу. Так, например, для доказательства морфологического деления др.-русск. *верзень* 'вид лаптя' < **вьрзьнь** < **вьрз-ьнь* и его образования от др.-русск. *верзати* 'вязать' с помощью суффикса *-ьнь* очень убедительно сопоставление с аналогичным и формально, и семантически диалектным (олонецким) *вéртень*, *вертни* 'берестовые лапти', образованным от *вертеть*; для др.-русск. *въступни* 'вид низкой обуви' как производного от *въступати* с суффиксом *-ьнь* более доказательно сопоставление с тверск. *сбóвень* 'башмак' (от *совать*) и *нáсовень* 'рубаха' (от *насóвывать*, *насовáть* 'надевать'), чем с великорусск. обл. *лизень* 'говяжий язык' (от *лизать*)[31]. Иногда

Finlandais d'Etudes Soviétiques». Supplément du № 6-10. Хельсинки, 1959, стр. 123.

[29] См.: П. К. Симони. Вятский областной словарь (1772 г.). — ЖСт., 1899, вып. III—IV, стр. 450.

[30] См.: В. Водарский. Областные слова Рыбинского уезда Ярославской губернии. — ЖСт., 1902, вып. III—IV, стр. 410.

[31] И. С. Вахрос. Указ. соч., см.: *верзень* — стр. 77, *въступни* — стр. 75.

вопросы выделения и определения значения того или иного форманта требуют тонкого и тщательного исследования системы глагольного формообразования[32], поскольку давние основообразующие форманты стали средствами формообразования. Разумеется, для решения вопроса о морфологическом членении анализируемого слова желательно и доказательно только привлечение для сравнения слов с более или менее ясной словообразовательной структурой. С этой точки зрения малоубедительно предложенное Хинце объяснение группы *-ат* в русск. *бушлат* путем сопоставления с *халат* и *кадат*[33], которые вряд ли могут рассматриваться как морфологически членимые даже для древнерусского языка. Поскольку при сопоставлениях морфологически сходных слов должен учитываться семантический аспект, постольку для целей отождествления словообразовательных формантов в этимологическом анализе нарицательных имен мало подходят данные ономастики, которые особенно широко использует Соболевский[34]. Только при условии строгого исторического и семантического отождествления данные ономастики могут использоваться для уточнения вида непроизводной основы анализируемого слова[35].

Значение производного слова, возможность выделения суффикса определенного значения и возможное значение корня взаимосвязаны. Знание одного из этих звеньев облегчает определение других, правильность выделения и определения каждого должна проверяться анализом других. Например, исходя из возможности выделить в ст.-слав. жюпище 'гроб, могила' суффикс *-ище*, который часто образует слова со значением 'бывшее место чего-то' (ср. ст.-слав. кладѫжище, русск. *селище*, *городище*, *пепелище*), Соболевский предполагает для анализируемого слова первичное значение 'место бывшей жюпы' и связывает это слово с укр. диал. *жюпа* 'соляная копь, яма для добывания соли'[36]. Этимологический анализ хетт. *paltana* 'плечо' (его сравнение с греч. πλάτη 'лопатка весла' и т. п.) опирается на возможность выделить в *paltana*, как в названии части человеческого тела, суффикс *-ana*, обычный в хеттских названиях частей тела (ср. *ištamana* 'ухо' при *ištamaš* 'слышать')[37].

---

[32] См.: В. Н. Топоров. Этимологические заметки (славяно-италийские параллели). — КСИС, 25. М., 1958, стр. 76—79.

[33] См.: F. Hinze. Указ. соч., стр. 525.

[34] Ср.: А. И. Соболевский. Из области словообразования. — РФВ, т. LXVI, № 3-4, 1911, стр. 332—333, 335, 337.

[35] Ср., например, использование ономастики в исследовании славянских основ на *-й*: Р. Эккерт. К вопросу о составе группы имен существительных с основой на *-й* в праславянском языке. — ВСЯ, вып. 4. М., 1959, стр. 100—129.

[36] См.: А. И. Соболевский. Из истории словарного материала. — РФВ, т. LXV, 1911, № 1-2, стр. 410—411.

[37] См.: В. В. Иванов. Индоевропейские корни в клинописном хеттском языке и особенности их структуры, стр. 479—481.

Отождествление суффикса (если известно его значение) облегчает отождествление корня, поскольку вносит некоторые семантические ограничения: суффикс предполагает корень определенного семантического круга. Так, на характерном для славянских языков употреблении суффикса *-janinъ* для образования названий лиц по месту их пребывания построена Г. А. Ильинским этимология названия славянского племени λενζανῖνοι: λενζ- должно быть именем с первоначальным территориальным значением, ζ должно передавать смягченный звук, возникший из сочетания с *j*; на основании этого предполагается родство с **lędъ* 'невозделанная, необработанная земля, пустошь, новь'[38]. Однако и в подобных случаях проблема отождествления корня как таковая остается: обычно мы можем с уверенностью говорить о значении продуктивных для данного уровня суффиксов, а именно такие суффиксы особенно часто распространяются аналогически; поэтому без отождествления корня невозможно судить о правильности данного образования с точки зрения употребления и соединения корня и суффикса. Например, суффикс *-ина* образует в русском языке названия мяса животных от основ названий самих животных (ср. *телятина*, *говядина*, *свинина*, *оленина*) и существительные со значением единичности (*ягодина*, *соломина*), по говорам же его употребление еще шире: ср. диалектное рыбинское *мяснина* 'мясо'[39].

Определение словообразовательной структуры очень существенно для относительной хронологизации образования. Первые сведения об относительной хронологии возникновения слова дает круг родственных слов, его объем, его распределение по родственным языкам. Наличие однокоренных слов в различных славянских языках свидетельствует о праславянской принадлежности корня, наличие в славянских языках одной и той же производной основы при сохранении соответствующей непроизводной (корня) может свидетельствовать о праславянском происхождении соединения морфологических составляющих этой основы, но правильность этих предположений должна быть проверена анализом на индоевропейском уровне и зависит от наличия соответствующих производных и непроизводных основ в других индоевропейских языках, от наличия в индоевропейском праязыке соответствующей словообразовательной модели и степени типичности ее для индоевропейского или праславянского словообразования. Например, наличие в хеттском языке существительного *perunaš* 'скала', образованного от корня **per-* при помощи суффикса **-un*, позволяет рассматривать славянское имя *Перунъ* как древнейшее образование,

---

[38] См.: Г. А. Ильинский. Кто были Λενζανῖνοι Константина Багрянородного? «Slavia», ročn. 4, seš. 2, 1925, стр. 314—319.

[39] См.: В. Водарский Областные слова Рыбинского уезда Ярославской губернии, стр. 402.

предполагая уже не утрату расширителя *-к- на славянской почве (ср. лит. *perkūnija* 'гроза с громом и молнией'), а отсутствие этого расширителя в производных от корня **per-* в ряде «восточных» индоевропейских диалектов[40].

Несоответствие данных анализа словообразовательной модели и круга родственных слов указывает на ошибочность допущенных отождествлений и морфологического членения слова. Так, возражая против возведения праслав. **jastrębъ* к сложению *ostrъ* 'быстрый' и *rębъ* 'пестрый', Фасмер ссылается на противоречие между древним характером слова и поздним происхождением подобных dvandva сложений[41]. Более правдоподобной в этом отношении представляется этимология, предложенная М. Веем: общеслав. **(j)āsŭ(s)tr-ęb* 'быстро летающий' < и.-е. **ōk'u-pter*[42].

О древнем характере образования общеслав. *stado* свидетельствует наличие в слове непродуктивного суффикса *-do*[43]. Общеслав. *koza* О. Н. Трубачев рассматривает как образование относительно позднего характера, поскольку регулярное словообразование типа *koza/kozьlъ — kozьlę*, представленного для этой основы, обычно хронологически следует за более древним супплетивизмом типа *ovьca — jagnę*, *svinьja — porsę* и т. д.[44]

Итак, словообразовательный анализ, как определение морфологической структуры слова и как часть этимологического анализа, может быть связан с другой стороной этимологического анализа — с проблемой отождествления слова, основы или корня — не только в плане формальном (отнесения той или иной группы звуков слова к корню или к суффиксу), но и в плане семантическом — вследствие необходимости определенного, чисто семантического соответствия корня, суффикса (словообразовательного форманта) и образуемого их соединением слова; результаты словообразовательного анализа и решение проблемы тождества могут в силу этого взаимно контролироваться. Определение словообразовательной модели может служить основой для определения и языковой принадлежности соответствующего образования, и относительной хронологии его появления. Но реализация этих очень существенных для этимологии возможностей словообразовательного анализа зависит от степени изученности словообразовательной системы языка, создавшего анализируемое слово, во все периоды его развития, во всех его диалектах и дочерних языках.

---

[40] См.: В. В. Иванов. К этимологии балтийского и славянского названий бога грома. — ВСЯ, вып. 3. М., 1958, стр. 111.

[41] См.: Vasmer, III, стр. 497.

[42] См.: M. Vey. Le nom de l'«autour» en slave. — BSL, t. 49, fasc. 1, 1953, стр. 24—39.

[43] См.: О. Н. Трубачев. Указ. соч., стр. 104.

[44] Там же, стр. 89.

Изучение словообразовательной системы языка в ее развитии, изучение не только набора используемых словообразовательных формантов и их аранжировки, но и их роли в создании определенных лексико-грамматических групп слов, их отношения к формированию слов более узких семантических групп, изучение омонимии и полисемии словообразовательных формантов, становится, таким образом, необходимым основанием этимологии. При этом следует учитывать, что словообразовательная система в ее истории есть не только основа создания слова, постепенного наращения словообразовательных формантов, но и орудие разрушения слова в его морфологическом строении, стирания старых границ и создания из старого материала унаследованного слова новых, соответствующих новым структурным моделям морфологических единиц и их соединений. Для того чтобы объяснить и устранить следы более поздних изменений, нарушений и разрушений в древней морфологической структуре слова (даже в тех случаях, когда внешне изменения выражаются только в изменении некоторых звуков, в фонетическом облике слова), необходимо знание словообразовательных систем, которые влияли на слово в его истории, знание морфологических связей слова — и словообразовательных и формообразовательных. Так, появление *-k-* во всей парадигме лит. *jùõkti*, *jẽkti* 'понимать, чувствовать' и *jokė́tis* 'прийти в чувство' вместо ожидаемого *g* (по связи с родственным лит. *jėgà* 'сила, мощь') Э. Френкель объясняет влиянием произношения некоторых морфологических форм тех же глаголов: *jė̃gsiu*, *jė̃gti* должны были звучать как *jė̃ksiu*, *jė̃kti*[45].

Происхождение начального *б* в диалектном северновеликорусском *бучни* (**бучень*) 'род обуви' (при *онуча*, *обувать*, *разувать* и т. д. и и.-е. **-ou-* 'обувать') объясняется переразложением приставочного образования **об-уч-ьнь*[46].

Ср. подобное же переразложение: новгор. *перезýться*, *перезýйся* 'переобуть сапоги'[47].

Вероятно, фонетическим упрощением группы *стн* > *сн* в слове *лѣ́стница* объясняется уменьшительное *лѣ́сенка*.

Очень важно для этимологии изучение морфологических чередований суффиксов типа гетероклизы *-r-* / *-n-*; наличие подобных чередований может служить дополнительным обоснованием для сравнения однокоренных слов, имеющих различные суффиксы (ср. лат. *acer*, греч. ἄκων, слав. осла, греч. ἀκμή и т. д.).[48]

[45] См.: E. Fraenkel. Zur indoeuropäischen Wortbildung und Etymologie. — LP, III, стр. 119—121.

[46] См.: Г. А. Ильинский. Славянские этимологии. — РФВ, т. LXX, вып. 2, № 4, 1913, стр. 273—275.

[47] См.: М. К. Герасимов. Словарь уездного череповецкого говора. — Сб. ОРЯС, т. 87, № 3, 1910, стр. 70.

[48] См.: Э. Бенвенист. Индоевропейское именное словообразование. М., 1955, стр. 29.

В силу того, что этимология оперирует часто словами, принадлежащими не одному языку, а языкам родственным, существенное значение для этимологии приобретает сравнительное изучение словообразовательных систем родственных языков. От значения и места той или иной морфемы или словообразовательной модели в системе словообразования каждого из родственных языков зависит правомерность сравнения и отождествления слов, основ, корней и выделения словообразовалтельных формантов. С переходом к языкам наиболее близкородственным необходимость учета возможных различий в словообразовательных системах не отпадает. Расхождения различного характера могут касаться даже словообразования разных говоров одного и того же языка[49]. Разумеется, случаи, когда два кажущихся тождественными слова двух родственных языков оказываются в действительности совершенно различными по происхождению образованиями (ср. Пизани об ит. *piazza* и русск. *площадь*), редки в таких близкородственных языках, как, например, славянские. Однако и здесь они все-таки не исключаются. Возможно, одним из таких случаев является русское наречие *силóм* при серб. *сӣлом* и болг. *сӣлом* (общее значение 'насильно').

Обычно все три слова рассматриваются как производные от *сила*[50]. Развитие образования наречий на *-ом* на основе наречного употребления древних форм творительного падежа единственного числа мужского и среднего рода относится, вероятно, уже к периоду независимого развития отдельных славянских языков, поэтому рассматриваемые наречия в лучшем случае являются хотя и тождественными, но параллельными образованиями (а не продолжением одной унаследованной праславянской формы). Однако развитие этой словообразовательной модели в наречиях было связано в различных славянских языках с общим развитием системы именного формообразования и могло не дать абсолютно тождественных результатов. В сербском языке утратилось различие форм творительного падежа единственного числа мужского-среднего и женского рода и окончание *-ом* обобщено для всех трех родов. Соответственно возможно образование наречий на *-ом* от имен всех трех родов, например для женского рода: *srećom*, *grije̋škom*[51]. Следовательно, образование *сӣлом* от *сӣла* вполне возможно; это

---

[49] Ср. различие словообразовательных моделей в названиях ягод по русским диалектам: Н. П. Гринкова. О названиях некоторых ягод в восточнославянских языках. «Славянская филология». Сб. статей, III. М., 1958, стр. 97—123.

[50] Ср. об. укр. *сылом*: Преображенский, II, стр. 285; о болг. *сӣлом*: Младенов, стр. 580.

[51] См.: T. Maretić. Gramatika i stilistika hrvatskoga ili srpskoga književnog jezika. Zagreb, 1899, стр. 578—579.

предположение подкрепляется еще анализом ударения: интонация и место ударения в *сѝлом* свидетельствуют о старом акуте в корневом слоге, что соответствует интонации имени *сѝла* (праслав. **sîla*).

К *сила* восходит, вероятно, и болг. *сѝлом*: после утраты падежных окончаний в болгарском языке по аналогии с сохранившимися в наречном употреблении формами типа *денем* могли образовываться наречия на *-ом / -ем* от существительных любого рода (ср. *нощем*).

В русском языке сохранилось различие форм творительного падежа мужского-среднего и женского рода. Соответственно в наречном употреблении обычны формы на *-ом* от имен мужского-среднего рода и на *-ой / -ою* от имен женского рода. В наречном значении широко употребляется образованная от *сила* форма *силой*, *силою*. Она известна начиная с древнейших памятников русского языка и имеет значение 'насильно'. Учитывая все это, можно поставить под сомнение образование наречия *сило́м* от того же имени *сила*. Если исходить из основной тенденции данного типа словообразования, то производящей основой наречия *сило́м* должна быть основа имени существительного мужского или среднего рода, а поэтому допустимо предположение об образовании *сило́м* от *сило́* 'силок, петля'.

Параллельная наречная форма *силко́м* (с тем же значением, что и *сило́м*) может восходить к уменьшительной форме *сило́к* (др.-русск. *силъкъ*). Ударение в формах *сило́м*, *силко́м* соответствует древнему месту ударения в форме творительного падежа единственного числа мужского-среднего рода.

С точки зрения значения сближение наречий *сило́м*, *силко́м* с *сило́*, *сило́к* также представляется допустимым, поскольку значение 'против воли, насильственно' может развиться из значения 'привести, взять связанным'. Возможно здесь и влияние народной этимологии.

Словообразовательный анализ в этимологическом исследовании не может быть оторван от вопросов морфонологических. Привлечение данных о закономерностях использования определенных ступеней огласовки корневого гласного в различных словообразовательных моделях, о фонетических вариантах в начале и в конце словообразовательных формантов и корней, о типичной для данного языка фонологической структуре различных морфем является поддержкой, подкреплением, а иногда и основой словообразовательного анализа в этимологическом исследовании. Эти данные позволяют сближать фонетически далекие формы, анализировать их хронологические отношения. Так, Младенов связывает как родственные болг. сербск. *vada* 'маленькая канава' и *voda* других славянских языков, основываясь на допустимости в имени ступени удлинения корневого

гласного[52]. Следует, однако, учесть, что соответствующее удлинение наблюдается обычно в отглагольных образованиях, а индоевропейский корень *u̯od- 'вода' является именным. Если сопоставить сербск. *väda* 'маленькая канава, желоб (для воды)' с производным от праслав. *ved- / vod- 'вести', *väditi* 'вынимать, извлекать, добывать' и др.-русск. *водоважа* (калька греческого ὑδράγωγος), то, кажется, можно допустить, что и сербск. *väda*, болг. *вада* являются производными от *ved- / vod-* 'вести'. К этой группе следует присоединить также укр. *вада*: «рівчак для води на поливних городах»[53].

Большое значение для этимологии имеет разработка теории фонологической структуры корня в индоевропейском праязыке. Разумеется, для того чтобы полученные выводы имели доказательную силу, следует изучать с точки зрения фонологической структуры корни, выделенные по лексико-морфологическим признакам. Фонетическое определение корня, из которого хотел исходить в своих исследованиях Ю. Курилович, может быть только целью, результатом исследования. Зато получение более или менее определенных данных о фонологической структуре корня могло бы быть серьезной опорой для словообразовательного анализа. При исследовании слов индоевропейского происхождения, лишенных ясных этимологических связей, подвергшихся действию переразложений в морфологической структуре или слов обособленных, большое значение имела бы возможность хотя бы в рабочем порядке выделить отдельные морфемы, исходя только из фонетических признаков. Во всех случаях это помогло бы уточнить границы морфем.

Не менее существенной является и разработка вопросов фонологической структуры корня и словообразовательных формантов для отдельных групп индоевропейских языков, в частности — для праславянского языка. К сожалению, опытов в этом направлении сделано еще очень мало[54]. Между тем на каждом поддающемся выделению хронологическом уровне исследования словообразовательный анализ должен опираться не только на соответствующие фонологические системы, но и на

---

[52] См.: Ст. Младенов. Славянские этимологии. — РФВ, т. LXV, № 1-2, 1911, стр. 361—365.

[53] См.: Й. О. Дзендзелівський. Словник специфічної лексики говірок нижнього Подністров'я. «Лексикографічний бюлетень», вип. VI. Київ, 1958, стр. 40.

[54] См.: Antonín Dostál. K otázce slovotvorných typů, zvlášť slovanských. Studie a práce linguistické. I. K šedesátým narozeninám akademika Bohuslava Havránka. Praha, 1954, стр. 99—113; V. Mathesius. La structure phonologique du lexique du tchèque moderne. — TSLP, 1, 1929, стр. 67—84; G. Y. Shevelov. The structure of the root in modern Russian. «Slavic and East European Journal», vol. 15, № 2. Bloomington, 1957, стр. 106—124.

соответствующие закономерности фонологической структуры слога, морфемы и слова, также исторически меняющиеся.

К области морфонологии относится и такая существенная для словообразовательного анализа проблема, как древнейшее строение основ в индоевропейском праязыке. Теория Э. Бенвениста об образовании от одного и того же индоевропейского корня I и II основ должна учитываться в этимологических исследованиях всех индоевропейских языков; это избавит этимологию от мнимых заимствований, непонятных нерегулярных фонетических изменений и поможет восстановить реальную картину хронологически различных этимологических связей слов одного и того же языка. Например, рассмотрение хетт. *tekan* 'земля' как продолжения индоевропейской основы I, а соответствующих форм других языков как основы II (тох. A *tkam*, тох. B. *kem* 'земля', греч. χθών, ст.-слав. земꙗ и т. д.) дает возможность объяснять расхождения форм этих языков как результат различного рода преобразований образующегося в основе II сочетания согласных, а поэтому ненужным становится гипотетическое бругмановское *$\bar{þ}$[55].

Очень важно в связи с этим изучение вопроса об относительной хронологии живых и продуктивных отношений основы I и основы II. Предложенное, например, Г. А. Ильинским объяснение русск. *бревно*, польск. *bierzwno* из праслав. **bьrvь*, восходящего к редукции и.-е. **bher-* 'резать' с расширением *-u* (ср. праслав. **borvъ*), а русск. *бревно*, чеш. *břevno* из контаминации этого и.-е. **bheru* с другим видом основы — **bhrei* (т. е., используя терминологию Бенвениста, с основой II, но с другим расширением)[56] предполагает, что соотношение основ I и II было живым и продуктивным непосредственно перед выделением из индоевропейской языковой общности праславянского языка.

Для решения этого вопроса полезно было бы изучить возможности и относительную хронологию морфологического использования ступени редукции корневого гласного вместо более древней нулевой ступени (которая характерна для основы II)[57].

Применение в этимологических исследованиях теории Бенвениста об индоевропейских основе I и основе II, открывая новые возможности для этимологического изучения лексики каждого из индоевропейских языков, для более полного изучения путей семантического развития, вместе с тем осложняет

---

[55] См.: В. В. Иванов. Индоевропейские корни в клинописном хеттском языке и особенности их структуры, стр. 587—594.

[56] См.: Г. А. Ильинский. Славянские этимологии. — РФВ, т. LXV, № 1-2, 1911, стр. 221—225.

[57] Ср.: A. Vaillant. Grammaire comparée des langues slaves, t. I. Paris, 1950, стр. 170.

исследование, поскольку увеличивает удельный вес собственно индоевропейского уровня исследования, для которого еще недостаточно исследованы вопросы относительной хронологии различных фонетических и морфологических процессов, увеличивает удельный вес собственно корневой этимологии. Тем бóльшие требования поэтому должны предъявляться к методике проведения предшествующих этапов анализа. Как и во всяком случае использования словообразовательной модели для этимологического анализа, здесь обнаруживается невозможность ограничить этимологическое исследование рамками словообразовательного анализа и оказывается необходимым многократное решение проблемы отождествления на основе фонетических закономерностей, законов семантики, данных лингвистической географии, истории и т. д.

История этимологии как науки связана с постепенным овладением различными сторонами этимологического анализа. Пришло время признать, что слово — объект этимологического анализа — возникает на скрещении, пересечении различных структур языка, и поэтому этимологический анализ должен включать в себя методику исследования всех этих структур[58]. Новые знания относительно какой-либо из этих структур позволяют уточнить соответствующий аспект этимологического исследования, иногда — переделить области применения различных методов, но не отменяют необходимости использовать все методы. Так, ларингальная теория не только облегчила в ряде случаев фонетическое отождествление слов родственных языков, но и используется для фонетического объяснения происхождения некоторых элементов, обычно рассматриваемых как морфологические. Например, А. Мартине считает *-k-* в лат. *senex*, *amica*, праслав. **starьkъ* и т. п. рефлексом индоевропейского H_2[59]; различие элементов *-u-* и *-k-* в паре лат. *riuos* — ст.-слав. *rěka* А. Мартине объясняет различием рефлексов индоевропейского H_3 (по Мартине — A^w) в различных фонетических условиях: лат. *rīuos* < и.-е. **riA*^{w}*os*, ст.-слав. *rěka* < и.-е. **roiA*^{w}*s*[60]. Следует, однако, учитывать, что чисто фонетическое решение подобных вопросов возможно лишь для древнейшего периода развития языков индоевропейской семьи; нужно считаться с возможностью ранней морфологизации фонетически возникших элементов, а отсюда — необходимость использова-

---

58 См.: В. Н. Топоров. О некоторых теоретических основаниях этимологического анализа. — ВЯ, 1960, № 3, стр. 47—49; J. Malkiel. The Hypothetical base in Romance etymology. «Word», vol. 6, № 1, 1950, стр. 42—69.

59 См.: A. Martinet. Le couple *senex* — *senatus* et le «suffixe» *-k-*. — BSL, t. 51, fasc. 1, 1955, стр. 42—52.

60 См.: A. Martinet. Some cases of *-k-/-w-* alternation in indo-european. «Word», vol. 12, № 1, 1956, стр. 1—6.

ния в соответствующих исследованиях уже словообразовательного анализа.

Место каждого метода исследования в каждом отдельном случае определяется спецификой этимологизируемого слова, наличными данными относительно его родственного окружения, истории и т. д. На различных уровнях исследования могут преобладать различные методы. Ни один из методов не может быть отвергнут с порога. Данные различных методов должны взаимно контролироваться и поддерживать друг друга. Говорить о преобладающей роли какого-то одного из методов можно лишь в порядке полемики с его противниками. Рассматривая как один из возможных стержней этимологического исследования словообразовательный анализ, следует одновременно оговаривать его зависимость и в отношении материала для анализа, и в отношении реальности результатов от решения проблемы отождествления.

Ж. Ж. Варбот

СЛАВ. *vad- 'ПРИУЧАТЬ; ПРИВЫЧКА, ПРИУЧЕНИЕ'

Корень *vad- со значением 'приучать, навыкать' представлен в восточно- и южнославянских языках: русск. *пова́дка*, *пова́дить(ся)*, *отва́дить*, вологодск. *ва́диться* 'готовиться к чему, собираться, приучаться, навыкать'[1], подмоск. *пова́да* 'привычка, обычай', *пова́диться* 'привыкнуть', *пова́живать* 'набаловывать, приучать'[2], смоленск. *ува́диться* 'повадиться', *пува́дка* 'привычка'[3]; словен. *váditi* «1. Упражнять. 2. Приманивать», *vája* 'упражнение'[4], *razvâda* 'худая привычка', *razváditi koga* 'разбаловать, привить кому-нибудь худые привычки'[5], *naváditi* 'приучать', *navâdni, -a, -o* 'обыкновенный', *navâja* 'привычка'[6]; сербск. *на́вада* 'привычка', *на̀вадити* 'приучать'[7]; ст.-слав. навада 'привычка'[8].

Надежной индоевропейской этимологии славянский корень *vad- 'приучать' не имеет. Что касается его славянских родственных связей, то Фасмер допускает, что *vad- 'приучать' может быть продуктом семантического развития слав. *vad- 'ссориться, клеветать'[9] (через промежуточную ступень 'обманывать, приманивать'). Это толкование происхождения *vad- 'приучать' кажется, однако, небезупречным вследствие явного преобладания в соответствующих славянских производных значения привычки, приобретенной повторением, упражнением, тренировкой: ср. словен. *vája* 'упражнение' *navâdni* 'обыкновенный'; сербск. (охот.) *на̀вадити* 'натаскать'[10].

---

[1] См.: Даль, 1, стр. 160.
[2] См.: В. И. Чернышев. Сведения о народных говорах некоторых селений Московского уезда. — Сб. ОРЯС, т. 68, № 3, 1900, стр. 140.
[3] См.: В. Н. Добровольский. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914, стр. 611, 927.
[4] См.: М. Хостник. Словинско-русский словарь. Горица, 1901, стр. 318.
[5] Там же, стр. 257.
[6] Там же, стр. 136.
[7] См.: Вук Стеф. Караџиħ. Српски рjечник истумачен њемачкиjем и латинскиjем риjечима. Београд, 1935, стр. 391.
[8] См.: Fr. Miklosich. LP, стр. 398.
[9] См.: Vasmer, I, стр. 163—164: *вадить*.
[10] См.: И. И. Толстой. Сербско-хорватско-русский словарь. М., 1957, стр. 427.

Представляется небезынтересным рассмотрение (в качестве возможного родственного для корня **vad-* 'приучать') славянского глагольного корня **ved-/vod-* 'вести'. Замечание о родстве русск. *вада* и *водить* было высказано Р. Якобсоном[11]. Судя по данным русского языка, производные от корня **ved-/vod-* могут развивать значения 'приучать(ся), приручать(ся), иметь обыкновение': ср. выражения *как водится*, *так повелось*, диал. *вожа́ный* (о медведе) 'ручной, ученый'[12], *во́жий* 'послушный'[13], *повдный* 'послушный, смирный, слушающийся повода' (о лошадях)[14], *заведение* 'обычай'[15], *пово́д* 'обычай'[16]. Примером аналогичного семантического развития может служить русск. *наташка́ть* 'принести в несколько приемов' и 'обучить'.

В производных от корня **ved-/vod-* в восточно- и южнославянских языках широко представлена корневая огласовка *а*- обычно в глаголах несовершенного вида, производных от *voditi:* ср. русск. *ва̀живать*, *выва̀живать*, словен. *razvâjati* 'разводить'[17], сербск. *прова́ђати* 'проводить'[18]. Однако **vad-* 'приучать' нельзя отождествлять с этими случаями удлинения корневого гласного *о* > *а* в корне **vod-*: сравнение морфологически тождественных образований от **vad-* и **vod-* с корневой огласовкой *а* в сербском и словенском языках показывает, что производные от **vad-* имеют исконное ударение на корне с восходящей интонацией (ср. сербск. *на̀вадити*, *на̀ваћати*, словен. *razváditi*, *naváditi*), а производные от **vod-* — ударение, передвинутое на суффикс, и, следовательно, нисходящую интонацию корневого слога (ср. сербск. *дова́ђати*, *изва́ђати*, *нава́ђати*). Следовательно, в производных от **vod-* корневое *а* является результатом относительно нового удлинения корневого гласного *о*, связанного с морфологическим оформлением категории вида в славянских языках (удлинение корневых гласных в производных глаголах несовершенного вида с суффиксом *-а-*)[19]; акутовое же *а* производных со значением 'приучать' (если предполагать их родство с **vod-*) может в таком случае рассматриваться только как отражение более раннего

---

[11] «Such terms as *váda*, *povádka* 'habit', *vádít'* 'habituate' are from the same roots as the verbs *vodít'*, *vestí* 'lead, keep, conduct' (см.: R. Jakobson. Max Vasmer. Russisches etymologisches Wörterbuch. «Word», vol. 7, № 2, 1951, p. 190).

[12] См.: Даль, I, стр. 223.

[13] Там же.

[14] См.: М. К. Герасимов. Материалы лексикографические по новгородским говорам. — ЖСт., 1899, вып. III—IV, стр. 405.

[15] См.: В. Г. Богораз. Областной словарь колымского русского наречия. — Сб. ОРЯС, т. 68. № 4, 1901, стр. 53; В. Н. Добровольский. Указ. соч., стр. 231.

[16] См.: В. Н. Добровольский. Указ. соч., стр. 613.

[17] См.: М. Хостник. Указ. соч., стр. 257.

[18] См.: И. И. Толстой. Указ. соч., стр. 750.

[19] См.: А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951, стр. 242—243.

удлинения корневого *о*. Можно допустить, что это *ō*>*а* характеризовало первоначально имя, образованное от глагола *voditi* с продлением типа *vṛddhi* корневого гласного (ср. горѣти — гарь), а соответствующие глаголы группы *váditi* со значением ‛приучать’ считать отыменными, сохранившими корневое ударение исходного имени существительного с корневым долгим акутовым гласным[20]. Однако представленные в славянских языках имена — русск. *повàдка*, сербск. *нáвада*, словен. *vája*- — являются скорее производными от глаголов: русск. *повàдить*, сербск. *нàвадити*, словен. *váditi*. Поэтому предпочтительнее рассматривать глаголы типа *vaditi* как собственно глагольные образования от корня **vod*-, со старым удлинением корневого гласного.

Этимологические словари индоевропейских языков не фиксируют ступень *ō* для корня **vedh*- ‛вести’. Представляется, однако, что в славянских языках она была возможна. В праславянском языке во многих глаголах с инфинитивной основой на *-i-* корневое *о* выступало в ступени удлинения: ср. слав. *baviti* (сербск. *бȁвити*), *plaviti* (сербск. *плȁвити*), *kaziti*[21]. Возможно, о наличии в диалектах праславянского языка аналогичной формы *vaditi* от корня **ved-/vod*-, параллельной глаголу *voditi*, могут свидетельствовать следующие данные: др.-русск. *допровадити*, *запровадити*, *провадити* ‛доставить, препроводить’, *провадитисѧ* ‛переправляться’; ст.-слав. **късповадити** ‛отъехать, возвратиться’[22]; соврем. русск. *спровàдить*, диал. арх. *провáдить* ‛продеть во что’[23]; сербск. *вȁдити* ‛вынимать, извлекать’[24], *нàвадити* ‛натаскать в достаточном количестве’[25]. Все приведенные формы по значению соответствуют корню **ved- /vod*- ‛вести, водить’, но подобные же образования со значением ‛приучать’ могли стать основой для выделения самостоятельного корня **vad*- ‛приучать’. Как переходные могут рассматриваться случаи употребления типа др.-русск. «Аще сѧ ввадить волкъ в овцѣ. то выносить все стадо. аще не оубьють его» (Пов. вр. л. 6453 г.)[26].

Наконец, о сохранении словообразовательных связей между корнями **ved-* / *vod*- и **vad*-, возможно, свидетельствует

---

[20] Об ударении в славянских отыменных глаголах см.: A. Leskien. Untersuchungen über Betonungs- und Quantitätsverhältnisse in den slavischen Sprachen. — AfslPh, Bd 24, H. 1-2, 1902, стр. 121.

[21] См.: А. Мейе. Указ. соч., стр. 190—191.

[22] См.: Срезневский, I, стб. 706, 939; II, стб. 1511; I, стб. 414. — Соответствующие древнерусские формы представлены примерами из летописей и грамот.

[23] См. «Опыт областного великорусского словаря». СПб., 1852, стр. 179.

[24] См.: Вук Стеф. Караџић. Указ. соч., стр. 53.

[25] Там же, стр. 391. Ср. также др.-русск. *водоважа*.

[26] См.: Срезневский, I, стб. 326.

русск. диал. (ярослав.) *изводи́ться* 'приобретать плохие привычки, отвыкать от дела'[27] при *изва̀диться*, *изва̀живаться*. «1. Привыкать к чему-нибудь. 2. Приобретать плохие привычки, отвыкать от дела», *изва̀дка* «1. Привычка. 2. Дурная привычка»[28], *нава̀диться* то же, что *изваживаться*[29], и *пова̀дка* 'привычка, обычай'[30].

---

[27] См.: С. А. Копорский. О говоре севера Пошехоно-Володарского уезда Ярославской губернии. «Труды Ярославского пед. ин-та», т. II, вып. 3, 1929, стр. 121.

[28] См.: Г. Г. Мельниченко. Краткий ярославский областной словарь. Ярославль, 1961, стр. 80.

[29] Там же стр. 116.

[30] Там же, стр. 147.

В. А. Никонов

ПОИСКИ СИСТЕМЫ

I. Признавая системность языка, до сих пор нередко подменяют его этимологическую систему системой самих обозначаемых реалий. За пример системы наивно принимают этимологические работы, в которых материал отобран тематически (наименования растений, или птиц, или бабочек), но ничем не объединен этимологически и каждое слово рассмотрено изолированно. В таком случае непонятен сам выбор слов — это интерес ботаника, орнитолога или энтомолога, а не лингвиста. Если названья птиц не представляют никакой языковой общности, то почему исследователь взял только их, а не все слова в том же алфавитном порядке? Не одно и то же система терминов родства и система самих отношений родства.

Ф. П. Филин предложил отличать тематические ряды слов от лексико-семантических: «Отношения между словами в тематических группах строятся только на внешних отношениях между понятиями ... Иное дело лексико-семантические группы слов, представляющие собою внутреннее, специфическое явление языка, обусловленное ходом его исторического развития» [1]. Как пример лексико-семантических групп он приводит синонимические и антонимические ряды. Действительно, они всего отчетливей выражают внутриязыковую, собственно-языковую связь слов. Но не только они! Они — лишь частный случай.

Подменять систему слов системой реалий значит игнорировать внутренние законы языка, который лишь как целостная система отражает действительность: наименованье соотнесено не с объектом непосредственно, а с системой языка и только через нее — с объектом. Слово, взятое вне системы языка, бессмысленно.

II. Слово никогда не возникает вне ряда. Каждое слово имеет своих предшественников. Даже целиком выдуманное в XVIII в. слово *газ*, как замечали, напоминает *Geist* 'дух', может быть неосознанно для творца слова. Родившееся на наших глазах слово *космонавт* не могло бы образоваться, не будь до него слов *космос* и *аэронавт*.

---

[1] Ф. П. Филин. О лексико-семантических группах слов. «Езиковедски изследвания в чест на академик Стефан Младенов». София, 1957, стр. 529.

Ряд — еще не система. Система — организация более высокого порядка, чем ряд. Она — отношение между рядами, ряды рядов.

Слово возникает лишь на пересечении рядов (в плане семантическом или формальном). Этимология — не что иное, как отысканье этих координат.

Если потомки утратят этимологические источники современных слов *теплоход*, *электровоз*, то этимологи будущего по текстам смогут построить таблицу:

паровоз	*тепловоз*	*электровоз*	—	—	—
пароход	*теплоход*	*дизельэлектроход*	*атомоход*	—	—
—	*теплосеть*	*электросеть*	—	—	—
парильня	—	—	—	*спальня*	—
—	*теплица*	—	—	—	*светлица*

Таблица не замкнута, она далеко продолжается и по оси абсцисс, и по оси ординат. Каждому ясно пересеченье рядов, рождающее новое слово из двух основ. Но точно так же координатны образования из основы с формантом, не обладающим самостоятельным лексическим значением (*-ица*, *-льня*). Так, этимология *читальня* — пересеченье ряда *чит-* (*читать*, *читатель*) и ряда *-льня* (*спальня*, *красильня*).

Не все ячейки таблицы заполнены: язык реализует лишь ничтожную долю своих возможностей. Его избыточность, в частности словообразовательная, грандиозна. Но в ней — неисчерпаемые внутренние резервы языка, обеспечивающие его непрерывное развитие. Русский, даже никогда не слыхавший слова *купальня*, не только поймет его, а и легко его образует при надобности, зная ряды *купать*, *купаться* и *спальня*, *парильня*. В будущем, когда техническая терминология станет не стихийной, а планомерной, подлинно научной по своему построению, ее система сможет предсказывать изобретенья, как периодическая система Менделеева предсказывает открытие химических элементов.

Ряды изменчивы. Различна судьба слов, возникших в одном ряду: одни отмерли, другие перешли в иной ряд (по значенью или по форме) — например, индоевропейские основы на *-и-*. Ряд распался. Возникают новые ряды. На наших глазах образовался мощный по употребительности русский лексический ряд: *колхоз*, *совхоз*, также *лесхоз*, *учхоз* и др. Втягивание в иные ряды перераспределяет прежние ряды.

Сложность анализа этимологии как системы ясна даже на простейшем примере. В латинском языке *axis* означало и 'ось', и производно 'земную ось', соответственно *polus* — и 'конец оси', и производно 'полюс' ('конец земной оси'): вторичные значенья воспроизводят отношенья первичных значений. Русский язык со-

хранил ту же индоевропейскую основу для значения 'ось', для обозначенья земной оси использовал ее же как кальку, добавив уточняющее определенье, а *polus* заимствовал лишь в новом значении. Из четырех сторон квадрата, образованного этими словами в латинском языке, в русском языке налицо лишь одна.

Смена ряда резче при межъязыковом заимствовании, как преломление луча при переходе из одной среды в другую.

Языки	Значенья			
	'лев'	'лось'	'слон'	'верблюд'
Греч.			ἐλέφας	
Лат.			*elephantus*	
Готск.				*ilbandus*
Тюркск.	*arslan*			
Русск.		*слон*	*слон*	*верблюд*

Но те же самые процессы происходят и внутри одного языка. Как перераспределяются семантические ряды, показывает судьба русских слов *добрый* и *худой*: возникшие в разных рядах, они на каком-то этапе оказались антонимичны в значениях 'хороший' и 'плохой', затем произошло переразложенье семантического ряда: *добрый* сегодня противопоставляется *злому*, а значенье 'хороший' отступило (реликтово сохраняется в словосочетаниях *добрый день*, *добрый конь*), то же произошло с *худой*, вошедшим в иную антонимичную пару *полный* 'толстый' — *худой* 'тонкий'. Так, встретясь на какое-то время, *добрый* — *худой* снова разошлись далеко.

В современном болгарском старый суффикс *-ар*, образующий nomina agentis, зажил новой кипучей жизнью: в сельскохозяйственных кооперативах многочисленны *воловáр*, *конáр*, *бикáр*, *телчáр*, *зайчáр*, *ягнáр*, *жребчáр*. Но одновременно ушли из языка старые *свиняр* и *кокошкар* (*кокоши* 'куриный'): *свиняр* означало самого бедного человека в деревне — таким и был свинопас; *кокшар* 'мелкий воришка' ('курокрад'). Поэтому образованья на *-ар* не смогли занять этих мест ряда и вместо них образовались *свиневъд*, *птицевъд*[2]. Этот пример раскрывает причину переразложенья семантического ряда: произошло смещенье значений 'по боковой оси' (*свиняр* 'свинопас' > 'самый бедный'). Этим объясняются и приведенные сдвиги при межъязыковых переходах.

Так как ряд — не капризная случайность, а закон формирования слов, то естественно, что при утрате ряда сознанье говорящих стремится восполнить образовавшийся разрыв, поды-

---

[2] Стойко Стойков. Българска диалектология. София, 1956 (ротапринт), стр. 146.

скав слову ряд, хотя бы и мнимый. Так рождаются «наивные этимологии». Позже в противоположность научным их без всяких оснований наименовали народными. В древнем Риме их называли бычьими (etymologia bovina).

При наивной этимологии порой подбирался ряд не для корня (который оставался «без значенья»), а для формальных элементов — словообразовательных или грамматических: так образовалось русское слово *зонт* из *зонтик* — голландск. *zonnedek* ('солнце' и 'покрышка'), переразложенного на мнимую основу *зонт* и русский суффикс *-ик*. Но это то же самое, как русский показатель женского рода *-а* в *лампа* из нем. Lampe. Значит, не переосмысленьем самим по себе продиктовано это, а законом ряда. Само переосмысленье — лишь одно из проявлений этого закона.

III. Развитие лексики сводимо к двум процессам: 1) изменение значения существующего слова без формальных изменений его (слово *совет* в значении 'орган власти' — в плане формальном «нулевое» словообразование, «собственно семантическое», по В. В. Виноградову[3]; 2) возникновение нового слова из наличных материалов данного языка (*бедный* из *беда* или *колхоз* из *коллективное хозяйство*). С точки зренья каждого отдельного языка есть иной путь: заимствования из других языков. Установить заимствование достаточно для этимологии слова в рамках этого языка. Но там, где слово возникло, оно возникло как результат одного из двух названных процессов.

Сравнительная сила внутренних процессов или заимствования различна для разных разделов лексики. Различна и степень устойчивости разных лексических групп. В русском языке все количественные числительные от 1 до 10 имеют те же самые основы, как и в болгарском, а из десяти прилагательных, обозначающих цвет, одинаковы для обоих языков только пять. Предлагаемая таблица сопоставляет 13 пар родственных языков — и в каждой паре числительные гораздо устойчивей «цветовых» прилагательных:

Пара родственных языков	Общие основы	
	количественные числительные 1—10	«цветовые» прилагательные
Русский — болгарский	10	5
Русский — чешский	10	6
Болгарский — чешский	10	7
Таджикский — курдский	10	5
Таджикский — осетинский	6	1

---

[3] В. В. Виноградов. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии. «Вопросы теории и истории языка . . .» М., 1952, стр. 146.

Пара родственных языков	Общие основы	
	количественные числительные 1—10	«цветовые» прилагательные
Курдский — осетинский	6	2
Литовский — латышский	10	5
Башкирский — чувашский	9	6
Башкирский — азербайджанский	10	5
Чувашский — азербайджанский	7	3
Финский (суоми) — эрзянский	9	1
Финский (суоми) — удмуртский	6	0
Эрзянский — удмуртский	6	2

Два ряда слов отражают разные ступени развития языка — числительные, как ряд, складываются гораздо раньше, чем цветовая гамма прилагательных, и устойчивей удерживаются. Кроме этимолога, знание таких существенных различий обязательно для глоттохронолога, пытающегося строить далеко идущие выводы на статистике лексических расхождений [4].

Исследователей глоттогенеза особенно привлекали термины родства, признанные наиболее исконными. Но термины родства выражают не столько биологические отношения, сколько отношения социальные (ср.: отцовство при матриархате, при групповом браке патриархата и в современной парнобрачной семье). Термины родства, отражая общественные отношенья, содержат немало заимствований, отражающих заимствованье самих отношений.

Максимальны заимствованья среди наименований предметов материальной культуры. Их этимологии чаще всего надо искать не генетически, а ареально — в соседних языках.

Характерный пример — наименования лодки. Их этимологическая группировка перекрестна с генетической группировкой языков. Вот небольшой фрагмент языковой карты *лодка*:

Иранские языки

Тадж.	*каик*	Тадж.	*кема*
Афган.	*кāйук*	Осет.	*чема*
Курдск.	*qeig*		

Тюркские языки

Тур.	*kayik*	Чув.	*кимĕ*
		Тат.	*кәмә*
		Тув.	*хеме*

— одна основа свойственна некоторым тюркским языкам и некоторым иранским, а другая основа также объединяет иранские и тюркские. Основа *каик* распространена от индонезий-

[4] Отношенье автора к глоттохронологии изложено в его работе «Консонантный коэффициент», опубликованной в LP, VIII. Poznań, 1960.

ского языка до палеоазиатских, ее знают русские диалекты Дона и Оби.

П. Я. Черных отмечал, что наименованья головных уборов в русском языке не славянского происхождения: старшие заимствования — *шапка*, *колпак*; поздние — *фуражка*, *шляпа*, *картуз*, *кепка*[5].

Этимологическая общность вскрывает исторический ареал, связывавший различные народы в древности, таково большинство имеменований металлов.

IV. Возможны три аспекта этимологического исследования (неудачно называемые методами):

1) генетический, наиболее разработанный — установление родства слов, например 'зима' — лат. *hiems*, греч. χεῖμα, санскр. *hímā* (все с тем же значением);

2) ареальный (именуемый еще маргинальным) — исследование перекрестных межъязыковых влияний, например 'стекло' — тат. *пыяла*, башк. *быяла*, морд. *пияла*.

Правомерно говорить в этом смысле о «поволжских этимологиях», «кавказских этимологиях»[6], хотя в аспекте генетическом такое понятие либо бессмысленно, либо ошибочно. Однако, находя ареальную этимологию, нередко трудно решить, обязана ли она действительно соседству или унаследована из языка-субстрата, т. е., по существу, генетична.

Помимо этого, ареал распространения исключительно важен даже при установлении этимологии генетической (это учли составители новейших этимологических словарей);

3) типологический, наименее разработанный и поэтому требующий предварительных замечаний. Этимология имеет дело и с типами в плане семантическом, и с типами в плане формальном, смешивать их нельзя. Сам термин *тип* разменяли и обесценили, превратив в обозначение любой мельчайшей группы.

Есть этимологические явленья, необъяснимые ни генетиче-

---

[5] П. Я. Черных. Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период. М., 1956, стр. 78.

[6] Интереснейшие зональные явленья отметил В. Н. Топоров в Восточных Альпах на стыке трех языковых ветвей: в резьянских говорах словенского языка, в говорах верхнеалеманских и в ретороманских развились сложные многоэлементные предлоги (модель «туда наружу вверх»). К сожаленью, он спешит объяснить эту примечательную общность . . . гористостью! Нет никаких оснований выводить языковый факт непосредственно из природных условий. Ведь тут же приведены другие убедительные параллели, объединяющие резьянские, верхнеалеманские и ретороманские говоры: например, некоторые наречия, употребляемые после глагола в качестве отделимых глагольных приставок, как и соответствия других черт (В. Н. Топоров. Slovenica. — ВСЯ, вып. 4. М., 1959, стр. 98—99), которые немыслимо объяснять пересеченной местностью. Причина ареальных этимологий не в однородности рельефа, а в длительном общении соседних языков, породившем калькирование моделей и другие соответствия.

ски ни ареально и понятные лишь типологически. Значения 'лес' и 'гора' в весьма различных языках оказываются «чередующимися» (уместно воспользоваться термином исторической фонетики): болгарское слово *гора* означает 'лес' (при значении 'гора' в других славянских языках); немецкое *Wald* 'лес' в составных топонимах (*Шварцвальд* и др.) обозначает горы; общетюркская основа *таг* 'гора' означает в якутском языке 'лес' — *тыа*. Едва ли такие параллели рождены родством или соседством. Объединенные в русском языке одним звуковым комплексом *игла* 'шипы растений, колючки животных и швейный инструмент' в финском-суоми выражены словами от трех разных основ, в кабардино-черкесском *банэ* обозначает колючки и животных, и растений (игла-инструмент — *мастэ*), а в чувашском *йеп* объединяет все три значенья, как и в русском, хотя нет оснований подозревать кальку с русского.

Генетический, ареальный и типологический аспекты этимологического исследования не конкурируют друг с другом. Каждый из них решает свои задачи, и ни один из них не вправе претендовать на монополию. Отдельное же исследование может совмещать их или ограничиться одним из них.

V. Слово — единство значения и формы. Если значенья различны, значит, это уже не одно и то же слово. С другой стороны, строго говоря, нельзя одно слово произнести дважды: повторенье чем-то отличается фонетически и семантически, хотя бы неуловимо. Существует, следовательно, диапазон существенных различий, вне которого всю массу различий говорящий как бы не замечает. Границы между существенными и несущественными различиями не резки. Но в речевой реальности статистически малозначительны пограничные случаи, требующие уточнения.

В слове всегда едины формальный и семантический планы. Существенное изменение одного означает уже новое слово. Но единство — не тождество. Значенья и формы на протяжении всего существования языка развили свои внутренние закономерности. Следовательно, они не изоморфны. Система значений и система форм не накладываются одна на другую однозначно. Русский язык выражает принадлежность и суффиксами, и родительным падежом, и причастным оборотом, а родительный падеж выражает, кроме принадлежности, еще два десятка значений.

При этом обнаруживается не только процесс расхождений формальной и семантической систем, а и тенденция установить системную связь между ними. Если в современном русском языке (как и во многих других языках) формальная система грамматического рода, некогда выражавшая семантическую систему, давно уж не адекватна никакой семантической системе, то, наоборот, в особый лексический разряд складываются

географические названья, приобретая некоторую формальную общность (существительное в именительном падеже, тогда как исторически функции топонимов выполняли и предложные формы косвенных падежей: «в дубках», «у млына»).

Поэтому необходим поиск этимологической системы как внутри каждого из обоих планов, так и в пересекающей их плоскости отношений между ними.

VI. В плане формальном, кроме измененья значения при неизменной форме (упоминавшийся пример *совет* в значении 'орган власти'), возможны два пути возникновения нового слова:

1) разнообразные формальные изменения — фонетические (Umläut, метатеза ударения и др.), аффиксация (префикс, суффикс, инфикс), «грамматическое» словообразование, т. е. смена грамматической формы слова без каких-либо внешних изменений (именно сюда, а не к «семантическому словообразованию» принадлежит, например, английская конверсия, так как перемещенье из одной части речи в другую — формальное измененье, хотя «внешне», фонетически, не выраженное);

2) словосложение во всех его видах (частный случай — удвоенье основы); сюда же, по-видимому, относится и выделенное В. В. Виноградовым «синтаксическое словообразование».

Могут ли эти пути сочетаться в одном акте словообразованья? Оба пути формальных изменений, по-видимому, сочетаемы, и это отличает их от «собственно семантического» словообразования (формально «нулевого»). Если даже отказаться от практически удобного определенья слова как промежутка между двумя пробелами и признать словом сочетанье *железная дорога*, все же прилагательное *железнодорожный* образовано явно сочетанием обоих путей, так как нет слова *железнодорога*. Сочетанья разновидностей внутри одного пути общеизвестны (например, частые в славянских языках префиксально-суффиксальные образования — *заречье*; не смешивать с более частым процессом образования — *заманчивый*, где префиксация и аффиксация разновременны).

Выбор того или иного пути, модели и средства в разных языках различен. В немецком властно господствует словосложенье, хотя развита и аффиксация; в славянских, безусловно, преобладает аффиксация; тюркским языкам чужда префиксация, в полинезийских излюблено удвоенье и т. д. Однако можно видеть и некоторые типологические черты, общие для самых различных языков. Так, удвоение основы для усиления или выражения множественности, повторности используют столь далекие друг от друга языки (хотя и неравномерно), что исключена генетическая или ареальная причина самой общности.

Этимологические исследования преимущественно занимались основами, а часто и ограничивались ими, пренебрегая формой, тогда как в действительности этимология слова чаще всего

обязана именно формальным измененьям, которые несут не меньше информации, чем основа. Как можно обойтись только этимологией основы в словах *белый*, *белка*, *белье*, *белуга*, *белесый*, *белизна*, *беляк*, *беловой*, *беляна*, *бельмо*, *белила* и мн. др.?

Формальные элементы словообразования образуют мощные по употребительности ряды, которые вступают в определенные отношенья и между собой, и с другими формальными рядами (например, с грамматическими категориями рода, частей речи), и с рядами семантическими.

Русский язык располагает огромным ассортиментом суффиксов, среди которых *-ит* отнюдь не самый частый. Но из 900 названий минералов 448 образованы с участием этого суффикса! Разница между такой частотой и малой общей вероятностью выражает избирательность. Нечленная форма с суффиксом *-ск* стала исключительно детерминативом топонимов, свободным от каких-либо других нагрузок (Иркутск, Ленинск, Комсомольск).

В казахском языке абсолютное большинство наименований растений образовано формантом *-ык*, *-ак*, *-ек (булдырык*, *жантак*, *еркек)*.

Формант *-ика*, *-ника* образует большинство наименований ягодных растений в русском языке: *земляника*, *клубника*, *ежевика*, *брусника*, *черника*, *голубика*, *куманика*, *костяника*, диалектные — *серебрика* (шиповник), *пьяника* (голубика), *рябика* (рябина) и мн. др.; для ягодных кустарников преобладает *-ина* (*малина*, *калина*, *рябина*, *смородина*, *бузина*). Из всех наименований птиц формант *-к-* (в формах *-ка*, *-ик*, *-ок*) образует в русском языке 34%, в польском — 49, в болгарском — 32%[7].

Этимолог, игнорирующий формант, не только лишает себя важнейшего инструмента, но и обрекает себя на грубейшие ошибки. Достаточно представить исследованье, не различающее слов *венок*, *венец*, *веник*. В славянских языках с их максимальной аффикальностью это особенно важно подчеркнуть. Недорого стоит прозрачная этимология основы в *бесноватый*, трудней самая главная задача этимологии в этом случае — выяснить, почему и как появились тут форманты *-н-ов-ат-*.

Яснее системность форманта, чем основ. Поэтому именно анализ форманта — часто наилучшая руководящая нить при этимологизации, обнаруживающая ряд, в котором возникло слово, и тем самым устанавливающая одну из осей для определения его координат. Войди слово *мусульманин* в русский язык сегодня, было бы *муслим*, как в арабском подлиннике;

---

[7] Подсчет сделан по словникам, приложенным к исследованию: O. Ferianc. Slovenské názvoslovie vtákov. Bratislava, 1958, материал которых все же недостаточен. Привлечение более обильного материала, несомненно, уточнит данные, но не изменит преобладания *-к-*.

совсем иным оно было бы, если бы вошло в славянские языки через Византию на заре ислама. Формант датирует заимствование и указывает маршрут, выдавая иранское посредство: ир. *муслиман*, где *-ан*, форма множественного числа, на славянской почве втянулось в ряд *-ане* (*славяне*, *крестьяне*) и получило вторичное единственное число *-анин*.

Невнимание к форманту неизбежно влечет ошибочную этимологию. Один анализ аффикса подчас дает верную этимологию. Статистическая работа над суффиксами славянских прилагательных выявила польский суффикс *-utk-* с диминутивным значеньем, соответствующий русскому *-еньк-*. Естественно предположить, что слово *малютка* — не *малют(а)ка* (от *малюта*, документированного лишь как личное имя), а субстантивация заимствованного польского прилагательного. И действительно, в польском обнаруживаем прилагательное *malutka* 'маленькая' — в ряду *jaśniutka* 'светленькая', *ładniutka* 'хорошенькая'.

VII. В плане семантическом все этимологии основаны на метонимии. Какими бы способами ни образовывалось новое слово, его значенье всегда обусловлено значеньями наличных слов, выражая ту или иную связь с ними.

При этом следует параллельно рассматривать и образованье новых слов без внешних изменений (слово *совет* в значении 'орган власти'), и образованье новых слов, отличающихся в обоих планах (*светлый* из *свет*), и образованье «слов, разделенных пробелом» (*железная дорога*). В плане формальном их этимологии совершенно разнотипны, в плане семантическом различительны иные признаки и слова всех трех формальных типов окажутся однотипными, а формально однотипные принадлежат к разным семантическим типам.

Семантические связи, рождающие новое слово, многообразны. Можно привести предложенные для них основные группировки:

Ж. Вандриес[8]	А. А. Белецкий[9]
Сужение	Сужение
—[10]	Расширение
Метонимия	—
Метафора	Метафора

Действительно, сужение и расширение значенья часто ощутимы при образовании новых слов. Значенья непрерывно

---

[8] Ж. Вандриес. Язык. Лингвистическое введение в историю. Пер. с франц. М., 1937, стр. 212.

[9] А. А. Белецкий. Принципы этимологических исследований (на материале греческого языка). Киев. 1950, стр. 34—38.

[10] Ж. Вандриес не отрицал расширения, но не включил его отдельным видом. Он высказал мысль, что расширение реже, чем сужение.

изменяются в объеме. Но раз этот признак всеобщ, он не специфичен. Больше того! Каждое расширение значения есть одновременно сужение, как и наоборот, например *осел* 'глупец' из *осел* 'животное такого-то биологического вида' (никто не думает, что у называемого четыре ноги, хвост и пр.). Напрасны попытки свести этимологии к «расширениям» и «сужениям». Только как частный (и не слишком частый) случай они выступают в качестве главного отличия значения нового слова от исходного.

Различны отношения, выражаемые семантической связью возникающего слова с теми, от которых оно образовано. Сюда относятся и превращенья нарицательного имени в собственное (*Новгород* из 'новый город', греч. *Леонид* из 'потомок льва'), и наоборот (*король*, *хулиган*, *монета*, *силуэт*), и такие отношенья, как обладающий — обладаемое, изделие — мастер, материал — изделие и мн. др.

Сюда же принадлежит и синекдоха (перенос наименованья с целого на часть: франц. *pomme* 'яблоко' из лат. *pomum* 'плод', этимология наименования *носорог*; реже обратное — наименование содержимого по содержащему: «съесть три тарелки»). Многие склонны резко отделять синекдоху от метонимии (правда, они имели в виду словоупотребление, а не словообразование, но справедливо рассматривать эти явления как степени одного процесса).

Неоправданно и обособление метафорической этимологии. Обычно противопоставляют метафорический перенос «по сходству» метонимическому переносу «по смежности». Но, как справедливо указали М. М. Покровский[11] и В. В. Виноградов[12], значение 'похожий на что' — в сущности модификация значения 'имеющий что', с той разницей, что имеющий обладает самим предметом, похожий обладает признаком предмета.

Будущая классификация этимологий в семантическом плане возникнет на иной основе. Сейчас важно понять вопреки схоластическим перегородкам: изменения значений[13] принципиально едины — смена координат. Новое слово находится в иных смысловых отношениях с другими словами. Новое слово — смена координат в семантическом плане, а чаще и в плане формы. При этом степень отрыва от прежних связей различна.

---

[11] М. М. Покровский. Материалы для исторической грамматики латинского языка. М., 1898, стр. 38.

[12] В. В. Виноградов. Русский язык. М., 1947.

[13] Принятое выражение «перенос значений» неточно. Во всех обозначаемых им случаях суть не в переносе значенья, а в изменении значения при частичном или полном переносе формы. Если помнить об этом, то само выраженье не опасней, чем «солнце заходит».

В одних случаях новое слово оказывается лишь окказиональным, а исходное могущественно и прочно. В письмах к нежно любимой жене А. П. Чехов ласково называл ее *собака*, но это осталось интимным словоупотреблением, не поколебав позиций слова *собака* даже в языке самого писателя. Таких случаев подавляющее большинство. Многие из них не ограничены языком индивидуума. В селах под Смоленском все говорят *в город*, *из города*, имея в виду не город вообще, а только Смоленск; вокруг Вологды *в город* означает всегда только 'в Вологду'. Но там и тут слово *город* живет и в общелитературном значении нарицательного слова, а местное значенье — эмбриональная ступень нового слова. Только очень немногие образования поднимаются с этой ступени на следующую.

Если новое слово вошло в лексический состав языка, оно сосуществует с исходным на различных семантических координатах, далеких и даже непересекающихся: *глава* — *голова*. Иногда при таком сосуществовании близость формы поддерживает семантические связи нового слова с семантическим полем слова исходного, и такая переходность может даже длиться долго, но рано или поздно эти связи рвутся, и лишь этимологический анализ обнаруживает их.

Наконец, исходное слово может исчезнуть из языка — русский язык не знает этимологических предков слова *корова*.

VIII. На чем же основаны семантические превращенья? Каким образом совершается переход от одного значенья к другому?

Этимология основана на всеобщих взаимосвязях явлений, каждое из которых обладает бесчисленными гранями. Какой же именно из бесчисленных признаков объекта становится его именем? Конечно, самый главный! Но что значит главный? Для одних главным признаком коровы служило съедобное мясо, для других — молоко, а для третьих, не знавших ее пользы для питания, всего характерней казались ее грозные рога. Этимологическое исследование и решает, какому из многих признаков объекта обязано происхождением слово *корова*.

В русском языке, как и во многих других, *кислое молоко* отмечает признак кислоты, а венгерский язык предпочел метафору *aludtej* 'сонное молоко'. В основе латинского наименования женщины (*femina*) — идея 'кормить (грудью)', герм. *Weib*, как полагают, — 'трудиться', слав. *жена* — 'родить, род'; польск. *kobieta* 'женщина' В. Махек убедительно связывает со ст.-нем. *ga-beita* 'сожительница'.

Многочисленны слова, основанные на признаке, который нам не кажется главным. Возьмем примеры наиболее прозрачных этимологий. Если *слесарь* (нем. *schlössel* 'замочник') легко оправдать исторически, то трудно понять, почему назвавшие *мебель* (франц. *meuble*) отметили именно признак движимости

(лат. *mobilis*). Исп. *octana* 'вид перемежающейся лихорадки' как будто не связано со значеньем 'болезнь' или близкими к нему, 'восемь' в основе этого слова указывает лишь на периодичность приступов. В семантическом плане наименование для этой болезни могло образоваться на разных координатах: в ряду значений, выражающих температуру, характер боли, видимые наружные измененья тела (ср. *скарлатина, краснуха, желтуха*) и мн. др.—все это грани того же явленья. Казалось бы, нет ничего общего между бесконечно далекими значеньями 'восемь' и 'болезнь'. Но среди бесчисленных нитей всеобщей взаимосвязи явлений обнаружилась и эта. Новое слово заняло свое место в семантическом поле. Оно еще сохраняет связи со значениями 'семь' или 'девять', но для него уже властней другой ряд — наименованья иных болезней. И если от него образуются производные, то они займут место уже на ином пересечении, уйдя с оси числительных, связь с которыми погасится, — развитие значенья пойдет по оси 'болезнь' до пересеченья с каким-то иным рядом значений.

IX. Мнимая безудержно-свободная капризность этимологий в семантическом плане в действительности подчинена жесткой избирательности, даже для самых смелых метафор.

Не случайно в языках очень различных семей и территориально далеких друг от друга оказываются этимологически родственными слова со значеньями 'тысяча' (или 'миллион'), 'множество' и 'тьма'. Замечено, что в различных языковых семьях нарицательные географические термины в массе образованы из наименований частей тела или частей одежды — см. обильный материал по тюркским языкам[14]; в русском: *нос* 'мыс', *хребет*, *перешеек*, *пояс*, *рукав* (платья и реки), *устье* (из *уста*; ср. в германских языках: англ. *mouth* 'рот' и 'устье', нем. *Mund* 'рот' — *Münde* 'устье') и мн. др.

Ж. Вандриес привел множество примеров такой избирательности этимологий в семантическом плане, т. е. их семантической несвободы[15].

Наконец, налицо такое связанно-групповое движение значений, которое исключает сомненья в том, что каждая отдельная этимология в семантическом плане обусловлена семантической системой:

Значения	Общеславянские	Древнерусские	Русские
'равнина'	*поле*		
'пахотная земля'	*село*	*поле*, *деревня*	*поле*
'населенный пункт'	*весь*, *село*	*село*	*село*, *деревня*

[14] Э. и В. Мурзаевы. Словарь местных географических терминов. М., 1959, стр. 10.

[15] Ж. Вандриес. Указ. соч., стр. 193.

— связанные между собой значения хронологически перемещались со ступени на ступень не поодиночке (пример отражает основную линию; действительность, понятно, была «пестрей»).

Внимательного и вдумчивого исследователя сам анализ языкового материала, а не предвзятая идея системности заставляет искать систему, властью которой только и возможно объяснить отдельные факты, непонятные порознь.

X. Однако всем наглядно видна явная несистемность этимологий.

Наименования птиц в славянских языках и в семантическом плане, и в плане формальном выглядят весьма пестро. Одни из них указывают на внешний признак — цвет (*синица*, *горихвостка*) или голос (звукоподражательные — *кукушка*, *чечетка*), другие — на образ жизни (*буревестник*, *зимородок*), среди них характерны подчеркивающие, чем питается птица (болг. *осояд*, польск. *osoroja*, *rybołow*) и устанавливающие связь ее с определенным растением (*коноплянка*, *кедровка*, *ореховка*, *просянка*, *овсянка*). И формально названья птиц далеки от унификации. Преобладающему среди них форманту *-ка* (*коноплянка*, *славка*, *lenivka*, *konopka*) ни в одном языке не принадлежит абсолютного большинства, не говоря уж о монополии, даже если присоединить *-ок*, *-ек*, *-ик* (*чирок*, *кулик*, *rudzik*, *çižek*). Немало наименований птиц с суффиксом *-ица* (*синица*, *lastovica*), составных (*дубонос*, *шилохвост*, *kvetozob*, *krutihlav*, *trusichvost*) или со вторым компонентом отглагольным (*козодой*, *осояд*, *včelojed*, *osoroja*) и мн. др. А явные заимствования — *попугай*, *колибри*! При этом семантическая и формальная группировки не изоморфны: в той или иной семантической группе слова относятся к разным группам формальным и обратно. Где же во всем этом система?

Но даже и в такой пестроте все-таки несомненны определенные группы, отличающие наименованья птиц от наименований растений. Выделяются и «ведущие» группы, в плане ли семантическом или в плане формальном. Ощутимы даже некоторые связи семантических и формальных групп. Для связи семантического и формального плана показательно наблюденье А. А. Белецкого: «Довольно часто при производстве глаголов от имен происходит расширение, а при производстве многих типов имен... от глаголов — сужение»[16]; субстантивация прилагательных сужает значенье, образованье качественных прилагательных от существительных (обычно через ступень относительных), наоборот, расширяет.

Словом, улавливаются несомненные черты этимологических систем, но каких-то разных, не образующих единой этимологической системы.

---

[16] А. А. Белецкий. Указ. соч., стр. 37.

Еще в 1883 г. Н. В. Крушевский, не без связи с Бодуэном де Куртене, высказал замечательную мысль, не оцененную в свое время и непростительно забытую: «Все то, что известно в грамматиках под общим именем словообразования, представляет массу систем, не настолько выдающихся в необозримой массе слов, составляющих язык, чтобы быть замеченными при поверхностном наблюдении»[17].

Приведенные поздние заимствованья *попугай*, *колибри* показывают, как тематическая группа растет за счет слов, рожденных в разных системах. Многие, кажущиеся исконно славянскими, вошли из других языков (*пустельга* из тюрк. *посторгай* 'жаворонок'). Но по существу то же происходит и внутри одного языка. Наименования всех птиц не созданы единым актом, они складывались на протяжении длительного времени. А в разные периоды они образовывались иначе, так как системы перегруппировывались.

Ошибочно опрокидывать в прошлое современную систему, с точки зренья которой смешны и бессмысленны *восток*, *запад*, *восход*, *закат*. Другой пример. В русском языке сегодня слово *соль* выражает четыре главных значения, которые для нас образуют логически такую систему;

химическое соединение
↓
приправа к пище
↓ ↓
нечто существенное остроумие,

но совершенно ясно, что генетическая схема отличалась от нашей логической. Слово *соль* не родилось как обозначенье химического соединенья — первичней *соль* только как приправа к пище. Слово *соль* возникло не в ряду наименований химических соединений, — такого ряда тогда не существовало. Возникни оно сегодня, оно было бы совсем иным. Каждое слово возникает только в определенной системе. Это положение позволило автору подойти и к топонимии как к системе[18]. Даже терминология новейшей отрасли науки или техники не сложилась в один день творенья, а несет в себе следы нескольких этапов становленья этой отрасли.

В свою очередь слова разных систем, втянутые в иную, в разной степени принимают те или иные черты новой для них системы (например, могут переменить грамматический род, подвергнуться переосмыслению и т. п.), но обычно сохраняют большинство признаков той системы, в которой возникли.

---

[17] Н. Крушевский. Очерк науки о языке. Казань, 1883, стр. 45.
[18] В. А. Никонов. Закон ряда в географических названиях. «Onomastica», VI. Wrocław — Kraków, 1958.

Система ли это? Но никому не придет в голову отрицать, что электрическая железная дорога — слаженная система, хотя идея тяги перенята у паровой дороги, само средство тяги — из иной, не транспортной системы, рельсы применялись еще конной дорогой, а колесу тысячи лет. Этимологически все эти компоненты принадлежат другим системам, накладывая, конечно, свой отпечаток на новую систему, которая в свою очередь в разной мере деформировала их, приспособляя к требованьям новой системы.

Обязательно ли считаться с наличием частных систем в языке — например, отраслевых, тематических и т. д.? Этимология определенной лексической группы обладает своими специфическими закономерностями, без учета которых этимолог, оперируя лишь общеязыковыми критериями, впадает в неизбежные ошибки. Дело не только в том, что термины морского дела у нас в изобилии голландские, церковные — греческие, а музыкальные — итальянские. Хотя и это при этимологическом исследовании немаловажно, но еще важней, что та или иная частная система обладает своими специфическими закономерностями. Любой анализ топонима вне топонимического контекста — бесплодное и вредное занятие, как всякое этимологическое упражненье над произвольно вырванным словом, изолированным от его системы.

Конечно, частные этимологические системы не замкнуты наглухо, они входят в общую систему языка и переплетаются с другими частными системами его. Но общеэтимологические закономерности преломляются в них специфически и возникают собственные внутренние закономерности. Наличие таких частных систем еще более усиливает обманчивое впечатленье этимологического «разброда» в языке, тогда как могло бы служить подступом к пониманию системы.

Кажущаяся несистемность этимологии — не хаос капризных случайностей, а исторический результат борьбы многих развивающихся, сталкивающихся и взаимопроникающих систем, результат не застывший, а находящийся в движении. Но этим этимология не отличается от любой другой системы: неподвижных систем нет.

XI. Хотя слово всегда возникает по законам языка и из наличных средств языка, но, не выходя за пределы языка, нельзя понять этимологии ни одного слова. Почему для папиросы (в русском через польский — *papieros*) главным признаком при назывании оказалась бумага, а не назначение, не табак и не цилиндрическая форма? Достаточно представить, зачем потребовалось само слово: в отличие от имевшихся способов куренья в трубке, самокрутке и т. п. стали употреблять табак в бумажной гильзе; новое в этом не куренье, не табак, а бумага — именно этот признак и содержал главную информацию.

Чтобы ответить на вопрос, с чем сравнивали, создавая слово, необходимо знать условия, в которых слово возникло. Без знанья этиологии нет этимологии.

Тщетно биться над разгадкой этимологии франц. *grève* 'забастовка', даже при правильной связи с *grève* 'песчаный берег', если не знать, как родилось *faire grève* 'бастовать': бастующие толпились на Гревской площади Парижа, которая получила названье, когда еще была песчаной. Английское слово *Alsatian* означает 'должник' и 'эльзасец' не потому, что в глазах англичан все эльзасцы — злостные должники, а от названья лондонского квартала *Alsation* (Эльзас), где в XVI—XVII вв. среди преступников находили себе убежище должники.

Внеязыковые процессы обусловили, что наименованья каш старше наименований хлеба: в таком порядке человечество знакомилось с этими видами пищи[19]. Этимология, не опирающаяся на такое знание, висит в воздухе. Учет реалий продиктовал О. Н. Трубачеву исправленье данной М. Фасмером этимологии *сычуг*[20], и такие примеры обильны.

В языке хауса 'радуга' называется *bakan gizo* 'лук паука'. Какая сложная система понятий обусловила эту метафору! Назвать радугу луком мог лишь охотничий народ, приписать этот лук пауку мог лишь народ тропиков, где пауки огромны и опасны (иначе они не заняли бы такого места в мифологии).

Полемизируя с моей работой, утверждавшей обязательность этиологической базы в этимологии[21], чешские лингвисты отстаивают примат этимологии, видя в ней основу этиологии, первый шаг к ней, и признавая, что этимология без этиологии недостаточна[22]. При таком согласии в главном спор о том, с чего начинать, отступает на второй план.

Внеязыковые факторы движут, сталкивают и изменяют этимологические системы. Ключ к каждой системе — не в ней самой, а вне ее.

Но внеязыковые факторы проявляются в языке лишь опосредствованно, по внутренним законам языка.

XII. На Черновицкой конференции 1960 г. Н. Ф. Пелевина доложила о применении теории вероятностей к этимологическим исследованиям[23]. Сославшись на недавние работы Дж. Грин-

---

[19] О. Н. Трубачев. Из истории названий каш в славянских языках. «Slavia». Praha, 1960, seš. I, стр. 1—30.

[20] О. Н. Трубачев. Об этимологическом словаре русского языка. — ВЯ, 1960, № 3, стр. 68.

[21] Vl. Nikonov. L'étymologie? Non, l'étiologie! «Revue Internationale d'Onomastique». Paris, 1960, № 3.

[22] «Zpravodaj Místopisné komise ČSAV». Praha, 1961, № 4, стр. 226—227 (ред. Вл. Шмилауэр и Ян Свобода).

[23] Н. Ф. Пелевина. Установление этимологического тождества с помощью умножения вероятностей. «Питання прикладної лінгвістики». Чернівці, 1960, стр. 38—40.

берга (Чикаго), она забыла о Е. Д. Поливанове, который еще за три десятилетия до Гринберга предложил математическую формулу для проверки надежности этимологий[24]. Е. Д. Поливанов настаивал приложить теорию вероятностей «к определению относительной вероятности этимологий — как достоверных, так и гипотетических, наконец, фантастических». Он привел известный пример: санскр. *çatam* и лат. *centum*, оба со значением 'сто'. Каков здесь шанс случайности? Если мы знаем только одну единственную параллель, этот шанс выражается как $\frac{1}{x}$. Но такое же соответствие находим и в слав. *сто*, авест. *satəm* и др. Обозначим количество таких языков через y. Теперь вероятность случайного совпаденья выразится уже $\frac{1}{x \cdot y}$. Далее: соответствие санскритского *ç* латинскому *c* не ограничена одним примером, есть санскр. *çva* и лат. *canis* 'собака'; если таких параллелей в обоих языках найдется по 30, то вероятность совпаденья еще уменьшится до $\frac{1}{x \cdot y \cdot 30}$. Но соответствие распространяется и на другие элементы обоих языков: во всех сравниваемых словах санскритскому *a* соответствует латинское *en* и т. д. Если таких примеров наберется 20, то вероятность случайного совпаденья выразится совсем ничтожной величиной $\frac{1}{x \cdot y \cdot 30 \cdot 20}$. Следовательно, соответствие не случайно.

В докладе Н. Ф. Пелевиной средствами теории вероятностей показано, что параллельность семантических отношений пары *косой* — *коса* с парой *кривой* — *кривуша* — этимологическая связь, а не случайное совпаденье.

Это только первые шаги, от которых неблизко до решенья этимологических задач электронно-вычислительной машиной, да при всей ценности математических методов в этимологии, разработка которых еще впереди, систему этимологии раскроют, может быть, и не они.

В. Н. Топоров различает этимологические факты, поддающиеся единственно вероятностному анализу, от анализируемых эффективней иными методами: «И в диахроническом плане выявляется серия строго обусловленных и однозначно объясняемых изменений и серия явлений в двух смежных средах, не поддающаяся установлению однозначной связи и доступная исключительно вероятностному анализу. При реконструкции доисторического состояния языка при постоянном уменьшении наших сведений о детерминированной части увеличивается значение вероятностных заключений. Несомненно, что введение вероятностных индексов при каждой реконструированной форме

[24] Е. Поливанов. За марксистское языкознание. Сборник популярных лингвистических статей. М., 1931. стр. 177—181.

позволяет в принципе дать более строгую картину восстановления исчезнувших систем (в фонологии, в морфологии, в синтаксисе) при решении целого ряда этимологических проблем, пока в основном не связанных с системным анализом. Такой путь предельно сузил бы возможности субъективных заключений; при нем каждая реконструированная система или отдельные ее части вплоть до форм представляли бы собой некое исчисление вероятностей, предусматривающее все ответы, возможные в данной теории. По существу, речь шла бы о реконструкции возможных алгоритмов утраченных форм. Конечно, в целом ряде случаев такая вероятностная реконструкция оказалась бы (особенно при теперешнем состоянии науки) крайне неэкономной, поскольку мы все еще не обладаем достаточными познаниями в области лингвистической типологии и не вполне усвоили вероятностные правила игры импликаций на разных уровнях языка. Однако уже сейчас высокая ступень избыточности устанавливаемых вероятностных реконструкций компенсировалась бы тем, что сразу же стали бы ясны очень многочисленные случаи, когда восстановление той или иной формы или решение этимологии данного конкретного слова оказалось бы вообще беспредметным в силу отсутствия сколько-нибудь надежных исходных данных, из-за практически бесконечного количества решений или просто из-за того, что применительно к данному языковому факту вопрос был поставлен неверно»[25].

Во всяком случае пока нет оснований для борьбы этих методов. Ведь и о системе этимологии не могло бы идти речи, не будь достигнутого этимологическими разысканиями на традиционных путях, возможности которых далеко еще не исчерпаны и сегодня. Но они поднимутся на новую ступень, если, сохраняя свой богатый и тонкий инструментарий, не ограничатся изолированными этимологиями, а подойдут к анализу их системы.

---

[25] В. Н. Топоров. О введении вероятности в языкознание.—ВЯ, 1959, № 6, стр. 33—34.

КРИТИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ

ТОХАРСКАЯ ЭТИМОЛОГИЯ ЗА ДВАДЦАТЬ ЛЕТ

Первый этап в развитии этимологических исследований в области тохарских языков закончился на рубеже тридцатых-сороковых годов, когда появилось несколько достаточно подробных работ, содержащих многочисленные этимологические объяснения тохарских слов. Среди них прежде всего заслуживают внимания Дюшен-Гиемен, 1941 (статья, предлагающая этимологическое решение полутораста тохарских слов); Пизани, 1943 (этимология 65 слов) и прежде всего, конечно, ряд работ Ван Виндекенса (Виндекенс, 1940; 1941_1; 1941_2; 1942_1; 1942_2; 1942_3 и др.) [1], включая его этимологический словарь обоих тохарских диалектов (Виндекенс, 1941_3) и критическую литературу, посвященную рассмотрению этого словаря (например, Куврер, 1942; Поуха — АО, 13, 1942, стр. 145—146; Пизани — AGI, 34, 1942, стр. 121—124 и т. п.). К числу бесспорных достижений тридцатилетнего периода в изучении тохарского языка следует отнести тот факт, что огромное большинство тохарских слов так или иначе было объяснено этимологически исходя из индоевропейского корнеслова, а часть слов (в том числе такие важные, как названия имен родства, названия некоторых частей тела, числительные, некоторые глаголы и т. п.) получила безукоризненное этимологическое обоснование, которое не может быть оспорено и в настоящее время. Значение таких точных этимологий в применении к тохарскому материалу тем больше, что с их помощью удалось установить (с известным вероятием) инвентарь основных особенностей перехода от индоевропейских звуков к тохарским (задача сама по себе весьма сложная, если учесть огромный временно́й разрыв между древнейшими индоевропейскими диалектами и исторически засвидетельствованными тохарскими текстами и сложность фонетической эволюции тохарского языка).

Тем не менее сейчас представляется более конструктивным говорить о существенных недостатках этимологических исследований в течение этого первого периода в развитии тохароведения. Между прочим, это объясняется и тем, что недостатки (причем не индивидуальные, относящиеся к тому или иному этимологу или к анализу тех или иных конкретных слов, а связанные с методологическими просчетами), свойственные предыдущему периоду, в значительной степени повторяются и в этимологических работах последних двадцати лет. И если сейчас очевидных ошибок в объяснении тохарских слов меньше, чем раньше, то часто это связано с наличием более серьезной текстологической подготовки, которая в свою очередь объясняется изданием и переводом новых, ранее неизвестных памятников, а также с устранением некоторых ложных выводов

[1] Здесь и далее полное название работ по тохарской этимологии и словари см. в конце статьи.

о развитии тохарского вокализма и особенно консонантизма, но не с преодолением общих заблуждений теоретического характера, столь отчетливо проявляющихся при анализе тохарского словаря с этимологической точки зрения.

В чем же вкратце заключается специфика этимологического анализа применительно к тохарскому языку, выделяющая его среди всех других индоевропейских диалектов (даже тех, которые подобно некоторым иранским, армянским, кельтским или германским диалектам претерпели сложную фонетическую эволюцию)? Прежде всего в том, что звуковые изменения в тохарском языке (включая сюда, естественно, и те индоевропейские диалекты, которые легли в основу тохарского языка) были столь значительны, что открывают перед исследователем *чрезвычайно широкие возможности этимологического объяснения*. Разумеется, это не парадокс, поскольку лингвисту важны не только и не столько легкие и достаточно удовлетворительные с фонетической и семантической точки зрения этимологические решения, но и умение найти критерии сравнительной оценки ряда этимологических решений и выбора лучшего (или лучших) решения. В этом смысле правдоподобность этимологического объяснения (если ограничиваться лишь одним объяснением) всегда относительна. Никакая степень точности фонетических или семантических соответствий в принципе не снимает этой относительности, если только исследователь не пройдет через искус иных объяснений того же самого слова. В применении к тохарской этимологии это положение не остается на уровне лишь общего принципа: оно встает перед исследователем при анализе большинства тохарских слов. Объяснение этому следует видеть в *особом* характере звуковых изменений в тохарском языке, когда главной чертой развития оказывалось не столько сильное отклонение тохарского рефлекса от соответствующего индоевропейского звука, сколько нейтрализации слишком существенных противопоставлений по дифференциальным элементам. Поэтому, например, в отличие от некоторых германских, армянских и ряда других диалектов, где противопоставления по глухости—звонкости или придыхательности—непридыхательности существуют, хотя и в трансформированном виде, в тохарских диалектах эти противопоставления (если не говорить о некоторых относительно периферийных случаях) сняты полностью. Поэтому большую часть тохарских слов можно представить как старые индоевропейские слова, записанные иным алфавитом с более ограниченным запасом единиц; этимологию таких слов целесообразно понимать как последовательность переписывания их с помощью ряда изменяющихся алфавитов, последним из которых следует считать тот, что совпадает с единицами индоевропейской фонологической системы. Данные исторической фонетики тохарского языка с очевидностью свидетельствуют, что тохарскому корню типа **kat-* (ср., например, А *kat* 'разрушение') могут равным образом соответствовать такие записанные индоевропейским алфавитом формы, как: **kat-*, **kad-*, **kadh-*, **gat-*, **gad-*, **gadh-*, **ghat-*, **ghad-*, **ghadh-*, **k'at-*, **k'ad-*, **k'adh-*, **g'at-*, **g'ad-*, **g'adh-*, **g'hat-*, **g'had-*, **g'hadh-* и т. п., если принять во внимание изменения вокализма(в частности, при предположении *o* или *e* в корне количество исходных форм, которые могли дать тохарское *kat-*, увеличивается втрое) или наличие некоторых других фонем в индоевропейском (k^{u}, g^{u}, $g^{u}h$ и т. д.). Понятно, что при семантической многозначности индоевропейских корней, засвидетельствованной, между прочим, у Вальде и Покорного, многие из перечисленных выше форм окажутся вполне удовлетворительным объяснением тохарских слов типа **kat-*; во всяком случае такие объяснения ничем не уступали бы наиболее надежным этимологиям слов в других индоевропейских языках, если не считать наличия столь же удовлетворительных других объяснений. Поэтому в отношении тохарской этимологии есть все основания говорить о столь же последовательном, ~~как~~ и в других случаях, проведении принципа регулярности

фонетических изменений и, следовательно, о такой же степени точности этимологических решений, как и применительно к другим языкам. Разница состоит, по сути дела, лишь в том, что одинаковая степень точности не приводит в тохарском к единственному решению. Отсюда — настоятельная необходимость указывать все возможные решения с относительной оценкой каждого из них. Эти особенности тохарской этимологии становятся особенно рельефными при сравнении с хеттской этимологией. Не случайно, что пути этимологических разысканий тохарской и хеттской лексики, ставшей известной практически в одно и то же время, существенно различны. Не приходилось сомневаться в индоевропейской принадлежности тохарского языка и (часто) в значении тохарских слов, во многих случаях определявшемся соответствующими санскритскими словами, переводом которых и являлись данные тохарские слова; трудности заключались главным образом в ограничении возможного круга этимологий и в уточнении деталей фонетических преобразований тохарского слова. В отношении хеттского языка, напротив, трудность прежде всего состояла в определении индоевропейской принадлежности этого языка и в установлении значения слов (если только они не встречались в билингвистических текстах); фонетические же детали этимологии объяснялись значительно проще.

Было бы, однако, ошибочным заключить, что более или менее автоматическим получением всего набора равноценных этимологий тохарских слов ограничиваются возможности исследователя. Лучшее из сделанного в этой области за последние двадцать лет свидетельствует о том, что в распоряжении этимолога-тохароведа есть целый ряд средств, позволяющих довольно заметно ограничить возможности выбора правильной этимологии. К числу таких средств следует отнести все более возрастающее знание особенностей фонетического развития тохарских языков, приуроченного к периодам, намечаемым с помощью исследования относительной хронологии. В частности, работы, посвященные палатализации согласных в тохарских диалектах (Лейн, Краузе—Томас и особенно Эванджелисти, см. Тохарские языки, 1959, стр. 109—118), не только существенно увеличили наши сведения об относительной хронологии палатализационных процессов и их условиях, но и позволили (правда, в относительно ограниченной области) различать рефлексы индоевропейских звонких и глухих согласных. Естественно, что открытия такого рода (как отчасти и установление других фонетических закономерностей, ср. работы Лейна, Пизани, Педерсена, Эванджелисти, Виндекенса, Краузе др.) сразу же решительно суживают круг равноценных этимологий.

С другой стороны, дальнейший филологический анализ тохарских текстов и сравнение их с соответствующими иноязычными (например, с санскритскими, древнетюркскими и даже тибетскими, если иметь в виду микротексты типа сложных слов) способствует не только количественному увеличению объема тохарского словаря, но и уточнению значения и формы целого ряда ранее известных слов. И то и другое небезразлично для будущего тохарской этимологии. Естественно, что при сравнительной оценке этимологических исследований предыдущего периода и настоящего следует помнить, что в наши дни исследователь имеет в своем распоряжении (помимо того, что вышло до 1940 г.) словарь тохарского А с превосходной документацией, но слабый в лексикографическом отношении (этимологические объяснения, сопровождающие многие тохарские слова, чаще всего малооригинальны или слабы; к словарю тохарских слов приложен полезный латинско-тохарский словарь и целый ряд облегчающих работу лингвиста-этимолога индексов), см. Поуха, 1955 (о нем — W. Couvreur. — «La Nouvelle Clio», 7-8, 1955—1956, стр. 1—3, 67—98; G. S. Lane. — JAOS, 76, 1956, стр. 190—192; W. Thomas. — OLZ, 53, 1958, стр. 384—389 и др,); словарь к тохарским фрагментам из «Уданаланкары» (Зиг—Зиглинг, 1949), словарь к тохарской «Пуньявантаджа-

таке» (Лейн 1948), индекс Дебса (Дебс, 1955). Особенно возросла осведомленность в лексике тохарского В благодаря публикации «Уданаланкары», кучанских текстов, относящихся к медицине и к магии (Филлиоза, Зиг), фрагментов из Винаи и Пратимокши (Куврер), ряда отрывков из берлинского и парижского собраний (Зиг, Куврер, Томас), из санскритско-кучанского словаря (Воробьев-Десятовский). Некоторые переводы текстов на тохарском А (Зиг, Лейн) также расширили основание для этимологических исследований. Исследования же общего характера (Куврер, Краузе, Томас, Лейн, Педерсен, Виндекенс) определенным образом уточняют и ограничивают сферу возможного в области этимологических разысканий по тохарской лексике.

* * *

Вероятно, не будет преувеличением, если сказать, что особенности работы в области тохарской этимологии, ее задачи и наиболее привлекательные образцы конкретного анализа нашли лучшее отражение в исследованиях В. Куврера. Он не только превосходный практик, но, пожалуй, и единственный теоретик в этой области. Четче, чем кто-либо иной, он подчеркнул все те выводы, которые можно сделать из особенностей развития фонетики от индоевропейского к тохарскому (ср., в частности, его рассуждения о происхождении тохарского *ś*, к которому так или иначе причастны около полутора десятков разных фонем и их сочетаний, см. Куврер, 1942), предостерег от соблазнительной легкости этимологизирования тохарских слов и указал на искажение этимологической перспективы при обычном сравнительно-историческом подходе к анализу слова. Однако Куврер, не ограничиваясь констатацией трудностей, сумел указать некоторые пути, следуя которыми можно достичь известного прогресса в тохарской этимологии. Если говорить о более частных рецептах, то речь идет о соответствиях в области вокализма, несравненно более простых и точных, чем в консонантизме, и о фонологическом корректировании принципа регулярности фонетических законов (Куврер, 1942). Если же иметь в виду рекомендации общего характера, то они сводятся к указанию на первостепенную важность предварительной филологической обработки тохарского материала. Куврер справедливо восстает против примитивного возведения тохарских слов к гипотетическим индоевропейским корням (этим особенно грешили Виндекенс, Поуха и некоторые другие лингвисты), причем соответствующие тохарские слова часто не определены с достаточной точностью со стороны значения, которое в 20—30% всех случаев основывается на плохо или неполно переведенных словах, которые засвидетельствованы (нередко однократно) в устаревших публикациях и переводах (например, у С. Леви).

Самому Кувреру принадлежит целый ряд сближений. Многие из них кажутся безукоризненными, но он тем не менее отбрасывает их, так как они основаны на неверном чтении или на некорректном способе определения значения. Относительно некоторых слов предлагается несколько этимологий с приблизительной оценкой степени вероятия того или иного объяснения. Наконец, многие этимологические удачи Куврера целиком связаны с новым прочтением текста или с пристальным анализом употребления данного слова в разных контекстах.

Вот несколько примеров. Тох. А *ar-*, В *er-* обычно сближали с и.-е. **er-* 'подниматься, двигаться'. Более того, этимология повлияла на определение значения этого тохарского слова, которое Леви определил как 'soulever'. Кувреру удалось выделить несколько мест, где в тохарском А значение этого глагола недвусмысленно — 'produire, créer, causer', ср. 61 а 4 и 30 а 2 (по изданию Зига и Зиглинга 1921 г.). С другой стороны, оказалось, что при *ar-* засвидетельствованы в качестве прямого дополнения такие слова, как *tuṅk* 'любовь', *yäslyi* 'ненависть', *räskär* 'гнев', *kāswone* 'благо-

и т. д. Наконец, переходя к кучанским текстам, Куврер показывает, что значение 'soulever' возникает там лишь в присутствии наречия *kauc* 'вверх, вверху'. Уже этих соображений достаточно, чтобы отбросить старое объяснение. Тем не менее Куврер приводит еще один аргумент: он показывает, что и.-е. **er-*, с которым связывали анализируемые тохарские слова, на самом деле отражено в тох. А *yär-*, *yār-*, В *yar-* 'купать, мыть', которые, как и хетт. *arra-* 'мыть' — *arriškiịa*, имеют производное образование на *-ske* / *-sko* — А *yärs-*, В *yars-* (правда, трактовка этих форм может быть и несколько иной).

На основании семантического противопоставления тох. А *āks-* и *tränk-* в отрывке 20 b 2: *(pā)kṣ(i)ññā ñy ānand kus sam pättāñkät kucc oki täm kuc täm tränkäṣ* 'Научи меня, о Ананда, кто такой Будда и что он говорит' Куврер заключает, что приписывание глаголу *āks-* значения 'говорить' и, следовательно, сближение его с арм. *asem* 'я говорю', лат. *aio*, *adagium* и т. д., предполагающими и.-е. **ēg'-* 'говорить', является неправильным.

Примерно по таким же соображениям советует Куврер отбросить сравнение тох. А *eṃts-*, В *eṅk-* 'хватать' с греч. ἐνεγκεῖν, др.-инд. *naśati*; неправильное этимологическое сближение привело к приписыванию тохарскому слову значения 'нести', хотя, как показывает 299 а 5 и др., оно значит 'хватать, брать'.

Заслуживает внимания анализ этимологически сближаемых тох. А *tärk-*, В *tärk-*, *tark-* и хетт. *tarnā-* 'пускать', на основании которых и раньше, и теперь (ср. Тохарские языки, 1959, стр. 35) делаются далеко идущие выводы. Куврер подчеркивает, что значение, приписанное тохарскому глаголу еще Зигом и Зиглингом ('lassen, entlassen'), не может быть подтверждено серьезными аргументами и, напротив, легко опровергается случаями вроде 8 b 3 (*wak cärk* 'поднял голос') или 97 а 4 (*cärk* 'покинул'). По мнению Куврера, тохарские формы соответствующего корня имеют значение, совершенно («tout au tout») отличное от хетт. *tarnā-* (а именно 'покидать'). Что касается фонетического вида сопоставляемых слов, то хетт. *tarnā-* через **tarknā-* связывается Куврером с **targanā-* (подобно *ḫinganu-*, *ḫarganu-*), а тох. А *tärnā-* восходит к форме с корневым *k*, сохраняемым и в тох. В *tärkana-*.

Примерно таким же образом подходит Куврер к анализу некоторых других слов (см. Куврер, 1942): опровергается связь тох. А *kän-*, В *kän-*, *ken-* со словами, восходящими к и.-е. **g'en-* 'рождать' (на основании значения, ср. тох. А *kaknu*, В *kekenu*=санскр. *sampanna-*); демонстрируется связь тох. А *ok* с *okāk* и устанавливается, что *ok* аналогично лат. *dum* (ср. *mā ok* и лат. *nondum*, построенное таким же образом); подвергается сомнению сближение тох. АВ *tsārwo* (= санскр. *praharṣa*) с и.-е. **g'her-* (ср. др.-инд. *háryati*, греч. χαίρω); оспаривается сопоставление Виндекенсом тох. А *wär-*, *wrāṣ-*, В *waräsk-* с и.-е. **ụer-* 'вращать' (Куврер рекомендует читать тохарскую А форму как **wärs-*, каузатив от *wär-* 'чувствовать, ощущать' и устанавливает на основании ряда примеров значение, отличное от ранее принятого).

В ряде статей в последующие годы (Куврер, 1944, 1947; 1949 и др.) Куврер продолжает критический анализ тохарских этимологий предыдущего периода, ставя этимологические разыскания в этой области на твердую почву проверенных фактов. Поэтому даже чисто негативные выводы или установление ближней этимологии (без соотнесения с данными других индоевропейских языков) оказывается часто более полезным, чем реконструкция гадательных и эфемерных индоевропейских корней без изучения их истории.

Особо следует остановиться на серии этимологий (около 40 слов), предложенных Куврером (см. Куврер, 1950) в связи с изданием «Уданаланкары» в тохарской версии. Из числа объяснений, признаваемых самим автором за достоверные, заслуживают внимания несколько тохарско-балтийских сопоставлений (ср. **akwatse* 'острый, резкий' и т. п., прилагатель-

ное на *-tse* от основы на *-u*: балт. **ašus* < и.-е. **ak'u-s*, ср. лтш. *ass* примерно с тем же кругом значений; тох. *alāsk-* 'быть больным': лит. *alsà* 'усталость', ср. еще тох. A *ālāsune*, B *alāsä(ṃ)ññe* 'вялость'; тох. *meske* 'связь' : лит. *mēgsti* 'связывать', добавим более точное соответствие в виде лит. *māzgas*; вместо *mēgsti*, может быть, лучше привести *mègzti*, *mẽzga*; ср. также менее надежные, по мнению Куврера, сопоставления тох. **pätkarñe* 'досада, неприятность'? от *pätk- / patk-* : лит. *bodė́tis* 'томиться, гнушаться, питать отвращение' и т. п.; тох. *pruk-* 'уклоняться, отклоняться' : лит. *sprūgti* 'удирать, ускользать'; не лучше ли *sprùkti*?; тох. *klaw-* в «Уданаланкара», 5 b 5 : лит. *šlúoti* 'мести', лтш. *slaũcit*; исчезновение в тохарском, как и в литовском и славянском, старого слова для обозначения пупка и образование нового слова — тох. **kele* — по принципу, аналогичному тому, что был использован в латышском и славянском). Поучительны в методологическом смысле рассуждения, посвященные тох. *kwā* 'звать, взывать' (из-за многозначности тохарского *k* предлагается исходить из **kău-*, **kĕu-*, **kū-*, или **gou-*, **gū-*, или **g'hau*), тох. *śakātai* (obl. sg.) 'палка' (невозможность надежной этимологии из-за многочисленности источников тохарских *ś* и *k*), тох. *tsak-* 'колоть, кусать' (из **dhēg-*, **dhəg-*, или **s / tegh-*, или **denk'-*), тох. *we(ṃ)ṣye* 'грязь' (предполагается совпадение в этом слове ряда параллельных индоевропейских корней) и некоторым другим словам, звуковая бедность и неясность значения которых делают бессмысленной жесткую этимологизацию их. Из остальных объяснений интересны относящиеся к *anāsk-* 'вдыхать' (*-sk-* каузативное) в связи с *onolme / wnolme* 'живое существо' (*-lme* — формант) и сакск. *uysnora* (ср. авест. *uz-an-*), уйгур. *tïnlïγ* (*tïn* 'дыхание', *-l°γ* — посессивный формант), построенными аналогично *onolme*; а также анализ тох. *kant-* (и.-е. **ken-* или **ghen-*, оба со значением 'растирать'); *kotai* (obl. sg.), из **kēt-*, **kōt-*, **kət-*; *ku-* 'лить' (из **g'heu-*, ср. тох. A *kus-* 'лить' с расширением *-s*); *mañu* 'желание' (из и.-е. **men-*, ср. тох. A *mñu* 'мысль'; к значению ср. греч. μέμονα); *nekcije* 'вечером' (в связи с проблемой первоначального вокализма и хетт. *nekuz* gen. sg.); *pälw-* 'причитать, жаловаться' (расширение с помощью *-u* и.-е. **bhel-*); *śarwarñe* 'гордость' (ср. др.-инд. *garva-* 'высокомерие'); *saiwai*, может быть, 'направо' (но слав. *šujь*, др.-инд. *savya-*, авест. *haoya-* 'налево'; *-i-* объясняется эпентезой); *skiyo* 'тень' (точное соответствие греч. σκία); **wepe*, может быть, 'ограда' (ср. тох. B *wāp* 'ткать', из и.-е. **uebh-*); *yṣwar(ka)*, *iṣwarka* 'дружеский' (ср. и.-е. **uesu-* 'хороший'); *kerte* 'меч' (из и.-е. ** /s / ker* — с дентальным расширением); *oṣ(ṣa)le*, может быть, 'запад, вечер' (возможно, из **aus-*, ср. тох. A *oṣeñi* 'ночью', B *yṣiñe* 'ночной'); *wa* 'же' (др.-инд. *vā*) и т. д.

* * *

Среди других работ в области тохарской этимологии стоит выделить те, в которых с помощью этимологического анализа устанавливаются лексические изоглоссы, соединяющие тохарскую языковую область с другими индоевропейскими районами. Исследования такого рода интересны и для решения некоторых вопросов, связанных с географией слов, и для выяснения места, занимаемого тохарскими диалектами среди других индоевропейских. Работы Бенвениста (Тохарские языки, 1959, стр. 90 и сл.), Краузе (там же, стр. 75 и сл.), Порциг («Die Gliederung des indogermanischen Sprachgebietes». Heidelberg, 1954) и ряда других авторов в общих чертах обрисовали наиболее очевидные связи тохарской лексики. Разумеется, что многое еще предстоит сделать в этой области.

Этимологические исследования последних двух десятилетий прибавляют целый ряд новых тохарско-балтийских параллелей к тем поучительным сопоставлениям, которые были известны уже раньше. Помимо упомянутых в статьях Куврера соответствий, можно указать еще целый ряд: тох. A *trisk-* : лит. *treškė́ti*, тох. A *wätk-* 'отделять, отделяться' : лтш. *vedga*

(очень сомнительная параллель, о *wätk* см. ниже), см. Шнейдер, 1942_1; тох. А *ṣar*, В *ṣer* 'сестра' : лит. *sesuõ*, слав. *sestra* (палатальное *ṣ* доказывает, что в начале слова в тохарском было **se-*, и, следовательно, восстановима общая тохарско-балто-славянская форма типа **sesr-*, **sesor-*), см. Виндекенс, 1950; тох. А *pats* : лит. *pats* (ср. также лат. *com-pos*; все эти слова дают основание думать о формах без *-i-*, отличных от др.-инд. *patī* или греч. πόσις), см. Виндекенс, 1953; тох. А *akritär* (*akritar*) 'круглый' : лтш. *kraitât*, лит. *skriẽsti* (Виндекенс, 1952_2); тох. А *aṣuk* (= санскр. *āyata-*) : лит. *sùkti* (для тохарского слова Виндекенс, 1947_2 допускает значение 'овальный'); тох. А *saku*, В *sekwe* : лит. *sakaĩ*, прусск. *sackis* (из **s/v/e-qᵘ̯o-*, Виндекенс, 1947_2); тох. А *stänwo* : лит. *stenė́ti* (сюда же слав. *stenati*, др.-инд. *stanati*, греч. στένω и т. д., см. Виндекенс, 1947_2); тох. А *lyäm* 'озеро' : лит. *liė́ti*, лтш. *liet* (при других индоевропейских параллелях, см. Виндекенс, 1942_2); тох. А. *mkälto* 'маленький' : лит. *mãžas*, *mõžis* (там же); тох. В *Wrauske* (собственное имя) : балт. *varn-* (ср. прусское собственное имя *Warnike*, см. Швентнер, 1959_1) и некоторые другие. Ср. также отказ от сопоставления тох. В *cäñc*, А *ciñcär* с лит. *švánkus* (Виндекенс, 1958).

Любопытно указание Педерсена (1950) на то, что тохарское название имени (А *ñom*, В *ñem*) начиналось со слогового носового : **n̥m-* > **enm-* > **nem-*, как, например, в балтийских (ср. прусск. *emmens*), славянских (*imę*) и некоторых других языках. Сводку сделанного в области выявления тохарско-балто-славянских лексических изоглосс с присовокуплением некоторых новых наблюдений см. у Георгиева (1958, стр. 17—20).

Из числа тохарско-славянских сближений, обнаруженных в результате этимологических разысканий, заслуживают указания такие, как: тох. А *wles* 'деятельность, работа' (есть и глагол) : с.-хорв. *љеса*, словен. *lesa*, чеш. *lisa* и т. д. (из и.-е. **u̯el-* 'плести', расширенного с помощью *-s-*, см. Шнейдер, 1942_1); тох. А *mrosk*, В *mrausk* : чеш. *chmouřiti*, *šmouřiti*, русск. *хмурить* (там же и Виндекенс, 1942_2); тох. В *šotri* 'знак' : слав. *šatriti* (Чоп, 1959); тох. В *mā* : русск. *матусить* (Куврер, 1950); тох. А *kärk* : чеш. *krk*, польск. *kark* (но и др.-инд. *kṛ́kāṭa*, см. Виндекенс, 1952_1); тох. АВ *wätk-* 'разделять, разделяться; решать, приказывать' : слав. *větii* — *větiti* (ср. лит. *vė́tyti*; что касается семантики, ср. лат. *cernere* 'отделять; решать'; предполагается связь *wätk-* < **vet-k-* с *we* 'говорить', ср. каузатив от *wätk-* 'приказывать'; см. Топоров, 1958); тох. АВ *klāw-* 'объявлять, называть' (уточнение значения см. Виндекенс, 1952_2) : слав. *kleveta* (сюда же лат. *calvor*, см. Топоров, 1958); тох. А *spin-* : русск. *спина* (Швентнер, 1959_2); тох. А *kulypatär*, В *kulypelle* : слав. *želěti* (греч. ἐθέλω, см. Чоп, 1958) и др. До сих пор повторяемое сближение тох. А *lap* 'голова' : русск. *лоб* (см. Тохарские языки, 1959, стр. 156; Краузе—Томас, 1960, стр. 54 и т. д.) в такой форме не вполне корректно (**lъbъ* > *лоб*), чего нельзя сказать о сопоставлении *lap* с греч. λόφος.

К наиболее удачным тохарско-германским сопоставлениям можно причислить: тох. А *koc*, В *kauc* : гот. *hauhs*, др.-в.-нем., др.-сакс. *hōh*, др.-англ. *hēah* (Швентнер, 1942_1; в связи с этими тохарскими словами интересно вспомнить лат. *cautēs*, которое ввиду *cōtēs* считалось гиперурбанизмом; Пизани, 1955 остроумно предположил обратное соотношение: *cōtēs* — деревенский субститут городского *cautēs*); тох. А *ku-*, В *śo-* (расширение *-s-*) : др.-исл. *giōsa* (Виндекенс, 1950); тох. В *peṣel* 'червь' (?) : ср.-в.-нем. *visel* 'penis'; тох. А *ko*, В *koyn-* 'рот' : др.-в.-нем. *guomo*, *goumo* 'нёбо', др.-исл. *gomi* (из **g'heu̯-* с расширением *-m*, см. Виндекенс, 1952_1); тох. В *sal* 'грязный' (выделение этого ранее неизвестного слова основано на новом чтении отрывка, приведенного у Филлиоза, 1948, стр. 52: *kuse salturna yāmu*. . .; нужно читать: *kuse sal/sa/rn/e/yāmu*. . .) : герм. **salwa-* с тем же значением (ср. др.-сев. *sǫlr*, англос. *salu*, др.-в.-нем. *salo*, см. Швентнер, 1956_1); тох. АВ *yask* : др.-в.-нем. *jëhan* (ср. лат. *jocus*, умбр. *juka*, см. Виндекенс, 1947_3); тох. А *yçalm*, В *yçelme* 'любовь, чувственное удовольствие' : др.-в.-

нем. *jagōn* (**i̯agh-*, см. Виндекенс, 1942_2); тох. АВ *kărāç* 'лес' : др.-в.-нем. *horst* (Виндекенс, 1952_1) и др.

Среди этимологий тохарских слов, объясняемых сопоставлением со словами из италийских или кельтских языков (помимо уже отмеченного), привлекают внимание такие, как тох. А *rape* 'музыка', связанное с ирл. *reb* 'игра' и соответствующим глаголом *rebaigim* (Виндекенс, 1942_2); тох. А *sākär* 'выдающийся, лучший, достойный' : лат. *sacer* (там же); тох. В *petso* : лат. **pet-s* в *compes*, *hospes*, *sospes* (вокализм *e* при обычном *o*, см. Виндекенс, 1953).

С помощью древнегреческого материала получают объяснение тох. В *kälyp* 'красть' (ср. κλέπτω, лат. *clepo*, гот. *hlifan*; ранее это слово не было известно за пределами западных индоевропейских языков, см. Виндекенс, 1960_3); тох. А *āṣtär* (с вторичной долготой), В *astare*, *āstre* (ср. ἀστήρ и арм. *astł*), см. Виндекенс, 1942_1 (здесь же греч. νέκταρ связывается с тохарским названием бога А *ñkät*, В *ñakte*, *ñākte*; лучше, однако, сравнение с греч. ἄναξ — Педерсен, 1941, микенск. *wa-na-ke-te*, употребляемым в качестве имени бога); тох. А *wrātal* (=др.-инд. *rūpa-*) : греч. ῥέθος (Виндекенс, 1947_2); тох. А *āco* 'зародыш' : др.-греч. ὠδίς (Виндекенс, 1949_2 — тохарское слово объясняется из иранского, ср. согд. будд. *"z'wn* 'существование, потомство, дитя'); тох. *āçi* : греч. τᾱγός, τᾱγεύω (Виндекенс, 1941_1); меньшее (хотя и небезразличное) отношение к тохарской этимологии имеют объяснения начального гласного в некоторых древнегреческих числительных с помощью тох. А *ṣa*, В *ṣe* 'один' (Виндекенс, 1945; ср. также Виндекенс, 1942_4, где предлагается этимология этого тохарского слова) или указание на сохранение имен типа ὕδωρ в тохарском (Виндекенс, 1960_1).

Из тохарско-армянских параллелей, помимо тех, которые были обнаружены уже довольно давно, наиболее интересной следует, видимо, считать тох. А *ākāl*, В *akālk* 'желание' при арм. *ałkałk* 'несчастный'; и в том и в другом слове скрывается, нужно думать, удвоенный корень **ālkālk-* (Виндекенс, 1959_1; ранее Виндекенс видел в этом тохарском слове сложение двух разных основ, см. Виндекенс, 1942_4).

Примеры тохарско-анатолийских связей в области лексики всегда пользовались преимущественным вниманием специалистов; наиболее очевидные из примеров подобного рода стали хрестоматийными. Тем не менее в последние годы было предложено еще несколько сопоставлений. Кроме уже названных, ср. хетт. *ḫamešḫa-*, *ḫamešḫant-* 'весна' (из **Ha*m-es* / *H* / - 'теплый сезон') : тох. А *omәl*, В *emalle* 'теплый', объясняющие первую часть хеттского слова (см. Чоп, 1955); хетт. иероглиф. *ura-* : тох. В *orotse* 'большой' из **uratse* (известный тип прилагательных на *-tse*, ср. *akwatse*, *oktatse*; см. Виндекенс, 1960_2, а также KZ, 72, 1954, стр. 245).

Что касается объяснений тохарских слов с помощью древнеиндийских фактов, то они обычно или совершенно очевидны и были отмечены уже раньше, или малоинтересны, ср. тох. А *çur-* 'заботиться' : др.-инд. *kavi-* (Виндекенс, 1942_2); тох А *wärce* 'слабый, нуждающийся' : др.-инд. *ūna-* 'пустой' (ср. авест. *ūna-*, там же); тох. В *entwe* : др.-инд. *atha u*, *atha vā*; тох. А *çkam* 'и' (из **q^ueq^u-nee*) : др.-инд. *na kaś cana*; заслуживает внимания последняя этимологии Виндекенса (1960_3): В *kärweñe* 'камень', 'скала' : др.-инд. *grāvan* (ср. слав. *žrъnovi*, мн. ч.) и т. п.; известный интерес представляют соображения о некоторых фонетических аномалиях, обнаруживаемых в тохарских словах, заимствованных из санскрита (см. Виндекенс, 1946), а также вопрос о санскритских словах, проникших в тохарский и в другие центральноазиатские языки (ср. тох. В *pātro* < др.-инд. *pātra-* при хотан-сакск. *pāttara-*, согд. *p'ttr* / *pātr* /, откуда уйгур. *patir*; см. Швентнер, 1958_2 и 1951 о тох. АВ *kunti*).

Более интересны указания на лексические связи тохарских диалектов с иранскими. В данном случае хотелось бы прежде всего обратить внимание на вопрос, имеющий прямое отношение к тохарской этимологии. Речь идет о средствах различения исконно тохарских слов и тохарских слов иран-

ского происхождения. Провести это различение часто оказывается очень сложно, поскольку иранские приметы нередко нивелируются в ходе развития тохарской фонетики, или же благодаря тому общему отпечатку, который накладывается на языки Центральной Азии, образующие во многих отношениях нечто подобное языковому союзу. Некоторые итоги тохарско-иранских лексических контактов подведены Краузе (см. Тохарские языки, 1959). Особенно много сделали для установления таких связей Виндекенс, Конов, Швентнер. Ср. некоторые примеры: тох. AB *weñ-* 'говорить' из сакск. *hvañ* (ср. вакхи *xān* 'говорить'); тох. A *çu* из сакск. *çça*u 'один' (но тох. B *ṣe* > сакск. *ṣṣai* 'и, также'); тох. AB *ākl* 'учить, учиться' из ир. *ā + γaul-* (через стадию **ākŭl*; характерна мена *š* > *l*, ср. авест. *gaoša-*, др.-перс. *gauša*, но ир. памирск. *γaul* 'ухо'); тох. A *pätkru* 'ресницы', возможно, из иранского (ср. вакхи *pă̄tk*, ишкаш. *pātik*); тох. AB *tseṃ* 'синий' из и.-е **dhus(e)no-*, которое, однако, подверглось влиянию (в области семантики) памирских диалектов (ср. шугн. *šīn*, игдха *āxšin* и т. д. 'синий'; ср. также тох. B *ekṣinek* 'голубь', восстановленное Зигом и Томасом в правильном чтении отрывка из медицинского текста у Филлиоза, 1948, 56 a 6: *ekṣi tekaṁñana misa*, ср. осет. *ä-xsinäg*, хотан-сакск. *a-ṣṣänaka* 'голубь', Швентнер, 1956_2; как известно, разные названия голубя из иранских языков проникли в другие языки); тох. B *wāp* 'ткать' — допустимо предположение о заимствовании из иранского, ср. шугн., сартык., игдха *vāf* 'ткать', вакхи *vof* (ср., однако, Куврер, 1950); тох. B *kwäñcĭt* 'сезам' при сакск. *kuṃjsata-*; тох. B *kwärkam* 'шафран' при сакск. *kurkuṃ*; тох. B *tvāñkaro* 'имбирь' при сакск. *ttuṃgare* (на основании передачи *u* через тохарские *wa*, *wä*, *vā* предполагается, что последние три слова могли быть заимствованы из диалекта, близкого к афганскому); тох. A *ānās*, возможно, из ир. *ā-nās-*, где *nās-* 'исчезать'; тох. A *kupār* 'глубокий' при авест. *gufra* то же; тох. AB *ñās* 'желание' : парф. *ny'z*, согд. будд. *ny'zk'un* (может быть, из тохарского); тох. A *pärmañk* 'надежда' : парф. *prm'ng* 'мысль' и др. (обо всех этих случаях см. Виндекенс, 1949_2; там же содержатся и другие поучительные сопоставления, которые далеко не всегда объяснимы: тох. B *krañko* : сакск. *kr̥ṅga-*, *krriṃga*; тох. AB *krāke* : сакск. *khārgga;* тох. A *ras-*, *räs-*, *Br/a/so* : ир. **raz-*; тох. A *rem* : сакск. *rrīma*; тох. A *wañk* : пехл. *vāng*; тох. A *wles-* : ир. **varz-* 'работать'; ср., однако, Шнейдер, 1942_1 и др.).

Свой вклад в изучение связей восточноиранских диалектов с тохарскими внес Конов (1942), прибавивший к полутора десяткам известных тохарско-хотанских параллелей еще одно интересное сопоставление: тох. *tvaṃtaṃ* : хот. *tvandana-* (значение слова связано с почитанием). Боуда сопоставил тох. B *witsako* 'корень' с осет. *уидаг* (Тохарские языки, 1959, стр. 81), а Швентнер (1958_4), подтвердив сделанное Поухой наблюдение о связи тох. A *yāmutsi*, B *yāmuttsi* с согд. *'ym'wtsy* (**ēmŭtsi*, ср. кит. *yiñ-wou-tsi*), заметил, что в «Уданаланкаре» 29 a 3 (*yām*)*utts*(*i*) передает санскр. *haṁsa* и, следовательно, не может обозначать попугая (скорее — фламинго). Бейли (TPhS, 1947, стр. 149) готов видеть в тох. A *napeṃ*, *naweṃ* 'человек' указание на контакт с иранским.

Как известно, часть тохарских слов объясняется прямо или косвенно заимствованием из неиндоевропейского источника. Шульце, Сепир, Боуда, Краузе и другие специалисты выявили некоторое количество таких примеров. В последние годы был сделан еще ряд наблюдений. В частности, В. В. Иванов (1961) отметил две тибетские кальки в тохарских текстах (объяснение эпитета Будды в тохарском A с помощью тибетск. *de-bžin-gšegs-pa* и названия восхода солнца тох. A *koṃ-pärk-ant*, B *kaum-park-i* с помощью тибетск. *nyi.šar* 'восход солнца'). Ср. также Тохарские языки, стр. 79-81.

Поскольку еще Шульце обратил внимание на специфические примеры словосложения в тохарских диалектах, построенные по образцу финно-угорских сложных слов (ср. тох. A *ak-mal* 'лицо', собственно — 'глаз —

нос'), этимологический анализ тохарских composita представляет первостепенный интерес (тем более что для тохарского сложные слова вообще мало характерны). В этом отношении несколько интересных наблюдений принадлежит Шнейдеру (1942_1). Ср. тох. А *ārkiśoṣi* 'мир' (собственно, 'небо — земля') — *ārki*, В *ārkwi* 'белый, блестящий' (др.инд. *arjuna-*, лат. *argentum*) и *śoṣi*, В *śaiṣṣe* 'люди' (*śol*, В *śaul* 'жизнь'), а также ведийское образование типа двандва *dyāvāpṛthivī* 'небо и земля'. Более сложный случай разобран Шнейдером на примере тох. А *yuk*, В *yakwe* 'лошадь'; предполагается, что кучанская форма восходит к и.-е. **i̯ugôm ek'ᵘos*' запряженная лошадь', откуда тох. **yukom äkwos* > **yuk äkwe* > В *yakwe*; если это так, то получает объяснение и глагол *yuk* 'побеждать', утративший свое первоначальное значение. Тох. А *akäṃtsune* 'деньги, добро' также интерпретируется как сложное слово (**akär* + **eṃtsune*), составленное примерно по тому же принципу, что и нем. *Landnahme*, др.-исл. *landnām*. В другом месте Шнейдер (1942_2) остроумно (хотя нельзя сказать, что вполне надежно) объясняет тох. А *es* 'плечо' из гаплологии в сочетании типа **saṃ amesa* 'это плечо' (тогда как тох. В *āntse* восходит через стадию **āmsa* к и.-е. **omesos*). Там же тох. А *śalpem*, обозначающее подошву, разлагается на *śal-* (из **tel-*, ср. др.-инд. *talam* 'плоскость') и *pe-ṃ*, в котором скрывается индоевропейское название ноги. Тох. А *āle*, В *ālyi*, *āli* 'ладонь' трактуется как результат ложного анализа старого сочетания **tat tālam* > **tat ālam* (ср. тох. А *āṅkari* 'зубы' из **tat tankar*). Хотя Шнейдер обращается в этих случаях, как правило, к замкнутой семантической группе слов, обозначающих части тела, все же иногда возникает подозрение в чрезмерном желании автора объяснить все слова такого рода обязательно из сочетания двух слов. В частности, предполагаемое им объяснение тохарского названия руки (*tsar*, *ṣar*) из удвоения (**tser-tser-* < **der-der-*, ср. лит. *dìrti*, греч. δέρω, др.-инд. *darmán-*) едва ли лучше, чем общепринятое сближение с греч. χείρ, арм. *jeṙn*. Виндекенс (1950) объясняет тох. А *yoṣmoṣ*, В *yauṣmauś* 'навстречу' сложением *yoṣ* / *yauṣ* (аблатив на *-ṣ* от слова, восходящего к и.-е. **i̯eu-*, ср. др.-инд. *yáuti*) и *moṣ* / *mauṣ* (ср. др.-инд. *mávati*), приводя соответствующие семантические аргументы. В другом месте Виндекенс (1947_2) рассматривает тох. А *arämpat*, В *erepate* (= санскр. *rūpa-*) как двандва: о первом члене см. Виндекенс, 1944_1, второй связывается с **bhendh* 'петь' (ср. др.-инд. *vadana-* 'рот', 'лицо' от *vad-* 'говорить').

Помимо названий частей тела, более или менее достаточное внимание было уделено анализу еще одной семантической группы — названиям животных, ср. Виндекенс, 1959_2 (о тох. А *ko*, *ki*, В *keu* 'корова'); Швентнер, 1958_3 (о названиях овцы и козы, ср. А *śos* : В *śaiyye* = А *as* : В *asīye*); Швентер, 1958_4 (о *yāmut/t/si* 'фламинго'); Швентер, 1959_1 (о 'вороньем' имени); Швентер, 1958_1 [о тох. В *suwo* 'свинья' (детали, уточняющие общепринятую этимологию), о тох. В *wrauña* 'ворона', о тох. А *sukrāṅ-* 'коршун' (уточнение значения слова)].

Среди других этимологий тохарских слов, выдвинутых в 40—50-е годы, можно упомянуть те, что принадлежат Педерсену (1943): А *ārsalə*, *kipə*, *poto*, *ksər*, *tuṅke*; Брумхеду (1952): *ṣpin*, *el*; Шнейдеру (1942_1): *ya*, *yăm*, *ypa*; Швентнеру (1942_2): тох. А *kāts*; Виндекенсу (1942_3): тох. А *kuntis-tsek*, *manark*, В *lwaksā-tsaik* и др.; (1942_4): тох. А *kāltaṅk*, *kärkṣiṃ*, *kärtkāl*, *oṅkaläm*, В *oṅkolmo*, *onolme*, *yçelme*, А *yçalm-*; Пизани (1942, 1943); (ср. также отказ от сравнения тох. А *ri*, В *riye* 'город' с фрак. βρία, см. KZ, 75, 1957, стр. 76—79); Георгиеву (1958).

Можно надеяться, что углубленная филологическая обработка тохарских текстов при понимании условий, в которых приходится трудиться этимологу-тохароведу, и задач, возникающих в этой области, позволит серьезно продвинуться вперед в изучении тохарской этимологии.

Работы по тохарской этимологии и словари

Брумхед, 1952 W. Broomhead. Tocharian *ṣpin* and *el*. — TPhS, 1952, стр. 65—77.

Виндекенс, 1940 A. J. van Windekens. Recherches sur l'étymologie du tokharien et koutchéen. — BSL, 41, 1940, стр. 54—64.

Виндекенс, 1941_1 A. J. van Windekens. Nouvelles recherches sur l'étymologie du tokharien. — BSL, 41, 1941, стр. 184—197.

Виндекенс, 1941_2 A. J. van Windekens. Recherches sur l'étymologie du tokharien. — RBPhH, 20, 1941, стр. 107—110.

Виндекенс, 1941_3 A. J. van Windekens. Lexique étymologique des dialectes tokhariens. Louvain, 1941.

Виндекенс, 1942_1 A. J. van Windekens. Études étymologiques. — RBPhH, 21, 1942, стр. 141—149.

Виндекенс, 1942_2 A. J. van Windekens. Recherchs sur l'étymologie des deux dialectes tokhariens. — BSOAS, 10, 1942, стр. 932—940.

Виндекенс, 1942_3 A. J. van Windekens. Zur tocharischen Wortbildungslehre. — IF, 58, 1942, стр. 257—261.

Виндекенс, 1942_4 A. J. van. Windekens. Die etymologische Erklärung von tocharisch A *ṣa*, B *ṣe* 'eins'. — IF, 58, 1942, стр. 261—265.

Виндекенс, 1942_5 A. J. van Windekens. Beiträge zur vergleichenden Grammatik des Tocharischen. — AO, 13, 1942, стр. 151—166.

Виндекенс, 1944_1 A. J. van Windekens. Neue Studien zur Wortkunde des Tocharischen und des Armenischen. — KZ, 68, 1944, стр. 218—221.

Виндекенс, 1944_2 A. J. van Windekens. Tocharische Etymologien. — IF. 59, 1944, стр. 87—89.

Виндекенс, 1945 A. J. van Windekens. Sur l'initiale de gr. εἴκοσι 'vingt' et ἐννέα 'neuf'. «L'Antiquité Classique», 14, 1955, стр. 133—135.

Виндекенс, 1946 A. J. van Windekens. De quelques anomalies phonétiques dans les mots tokhariens empruntés au sanskrit. «Le Muséon», 59, 1946, стр. 611—620.

Виндекенс, 1947_1 A. J. van Windekens. De trois mots sanskrits en tokharien. «Le Muséon», 60, 1947, стр. 285—288.

Виндекенс, 1947_2 A. J. van Windekens. Studies in the Vocabulary of Tocharien. — BSOAS, 12, 1947, стр. 67—70.

Виндекенс, 1947_3 A. J. van Windekens. Two Tocharian Notes. — BSOAS, 12, 1947, стр. 71—72.

Виндекенс, 1947_4 A. J. van Windekens. Observations sur quelques mots tokhariens. — REIE, 4, 1947, стр. 289—298.

Виндекенс, 1948 A. J. van Windekens. Notes tokharo-grecques. «Miscellanea Gessleriana», Antwerpen, 1948, стр. 1342—1346.

Виндекенс, 1949_1 A. J. van Windekens. Tocharische Etymologien. — IF, 59, 1949, стр. 87—89.

Виндекенс, 1949_2 A. J. van Windekens. Études iraniennes et tokhariennes, I—II. «Le Muséon», 62, 1949, стр. 125—150, 261—274.

Виндекенс, 1950 A. J. van Windekens. Notes tokhariennes. — AO, 18, 1950, стр. 519—524.

Винденс, 1951 A. J. van W i n d e k e n s. Tocharica. «Le Muséon». 64, 1951, стр. 203—215.

Виндекенс, 1952_1 A. J. van W i n d e k e n s. Zur tocharischen Wortforschung. — KZ, 70, 1952, стр. 107—111.

Виндекенс, 1952_2 A. J. van W i n d e k e n s. Kritische Erläuterungen zur tocharischen Wortforschung. — KZ, 70, 1952, стр. 112—114.

Виндекенс, 1953 A. J. van W i n d e k e n s. Tokharien A *pats*, B *petso* 'époux'. «Le Muséon», 66, 1953, стр. 163—166.

Виндекенс, 1957 A. J. van W i n d e k e n s. Une concordance de vocabulaire indo-tokharienne. ALing., 9, 1957, стр. 118—120.

Виндекенс, 1958 A. J. van W i n d e k e n s. Études sur le vocabulaire grec et prégrec. — LP, 7, 1958, стр. 47—53.

Виндекенс, 1959_1 A. J. van W i n d e k e n s. Notes étymologiques «Annali dell Istituto Universitario Orientale di Napoli. Sezione Linguistica», 1, 1959, стр. 15—22.

Виндекенс, 1959_2 A. J. van W i n d e k e n s. Sur la structure et la flexion de tokharien A *ko* et *ki*, B *keu* 'vache'. «Annali dell' Istituto Universitario Orientale di Napoli. Sezione Linguistica», 1, 1959, стр. 107—112.

Виндекенс, 1960_1 A. J. van W i n d e k e n s. Der Typus gr. ὕδωρ im Tocharischen. — IF, 65, 1960, стр. 249—251.

Виндекенс, 1960_2 A. J. van W i n d e k e n s. Hieroglyphen-hethitisch *ura-* und tocharisch B *orotse* 'gross'. — KZ, 76, 1960, стр. 180—181.

Виндекенс, 1960_3 A. J. van W i n d e k e n s. Etudes d'étymologie et de grammaire comparée. — LP, 8, 1960, стр. 30—43.

Виндекенс, 1962 A. J. van W i n d e k e n s. Eléments ouraliens en thokharien. «Orbis», XI, 1962, стр. 600—612.

Георгиев, 1958 В. И. Г е о р г и е в. Балто-славянский и тохарский языки. — ВЯ, 1958, № 6, стр. 2—20.

Дебс, 1955 J.-A. D a b b s. Index verborum tochariensium. Texas, 1955.

Дюшен-Гиемен, 1941 J. D u c h e s n e - G u i l l e m i n. Tocharica. — BSL, 41, 1941, стр. 140—183.

Зиг — Зиглинг, 1949 E. S i e g, W. S i e g l i n g. Tocharische Sprachreste. Sprache B. Heft 1: Die Udānālaṅkāra-Fragmente. Text, Übersetzung und Glossar. Cöttingen, 1949.

Иванов, 1961 В. В. И в а н о в. Тибетские кальки в тохарских текстах. «Краткие сообщения Института народов Азии», 57, 1961, стр. 35—40.

Куврер, 1942 W. C o u v r e u r. L'étymologie du tokharien. — RBPhH, 21, 1942, стр. 5—23.

Куврер, 1944 W. C o u v r e u r. Tocharica. — RBPhH, 23, 1944, стр. 140—183.

Куврер, 1947 W. C o u v r e u r. Zum Tocharischen. II. — REIE., 4. 1947, стр. 340—364.

Куврер, 1949 W. C o u v r e u r. Zur tocharischen Etymologie, I. — IF, 60, 1949, стр. 33—37.

Куврер, 1950 W. C o u v r e u r. B-Tocharische Etymologien. — AO, 18, 1950, стр. 126—130.

Конов, 1942 S. K o n o w. Notes Concerning Khotanese. — NTS 13, 1942, стр. 199—224.

Краузе, 1953 — W. Krause. Eigennamen in tocharischen Texten. — UAJb, 25, 1953, стр. 11—18.

Краузе, 1954 — W. Krause. Tocharische Eigennamen. «IV Congrès International des sciences onomastiques», Uppsala — København, 1954, стр. 325—327.

Краузе, 1955 — W. Krause. Tocharisch. Handbuch der Orientalistik, hrsg. von B. Spuler. Leiden, 1955.

Краузе—Томас, 1960 — W. Krause, W. Thomas. Tocharisches Elementarbuch. I. Heidelberg, 1960.

Лейн, 1948 — G. S. Lane. Vocabulary to the Tocharian Puṇyavantajātaka. American Oriental Society. New Haven, 1948 (JAOS. Supplement).

Мецгер, 1946 — F. Mezger. Some Indo-European Formatives. «Word», 2, 1946, стр. 229—240.

Педерсен, 1941 — H. Pedersen. Tocharisch vom Gesichtspunkt der indoeuropäischen Sprachvergleichung. København, 1941.

Педерсен, 1943 — H. Pedersen. Tocharische Beiträge. — REIE, 3, 1943, стр. 17—19, 209—213.

Педерсен, 1944 — H. Pedersen. Zur tocharischen Sprachgeschichte. København, 1944.

Педерсен, 1950 — H. Pedersen. Eine tocharische Frage. «Jahrbuch für kleinasiatische Forschung», 1, 1950, стр. 103—104.

Пизани, 1942 — V. Pisani. Appunti di tocarico. Glottica Parerga. «Istituto Lombardo di Scienze. Rendiconti, classe di lettere», vol. 75, facs. 2, 1941—1942.

Пизани, 1943 — V. Pisani. Etimologie tocariche. Glottica Parerga 5. «Istituto Lombardo di Scienze e Lettere. Rendiconti, classe di lettere», vol. 76, 1942—1943.

Пизани, 1955 — V. Pisani. Lat. *cautes*, toch. B *kauc*, A *koc*. — KZ, 72, 1955, стр. 95—97.

Поуха, 1955 — P. Poucha. Institutiones linguae tocharicae. Thesaurus linguae tocharicae dialecti A. Praha, 1955.

Топоров, 1958 — В. Н. Топоров. Этимологические заметки. —КСИС, вып. 25, 1958, стр. 74—88.

Тохарские языки 1959 — Тохарские языки. Сборник статей. М., 1959.

Чоп, 1955 — B. Čop. Etyma. «Slav. rev.», 8, 1955. Linguistica, стр. 28—32.

Чоп, 1958 — B. Čop. Beiträge zur indogermanischen Wortforschung. «Slav. rev.», 11, 1958. Linguistica, стр. 49—68.

Чоп, 1959 — B. Čop. Etyma balto-slavica III. «Slov. rev.», 12, 1959/1960, стр. 170—193.

Швентнер, 1942_1 — E. Schwentner. Toch. A *koc*, B *kauc* 'hoch'. — IF, 58, 1942, стр. 36.

Швентнер, 1942_2 — E. Schwentner. Toch. A *kāts* 'Bauch'. — KZ, 67, 1942, стр. 228.

Швентнер, 1951 — E. Schwentner. Noch einmal toch. AB *kunti* 'Topf'. — KZ, 69, 1951, стр. 171.

Швентнер, 1956_1 — E. Schwentner. Toch. B *sal* 'schmutzig'. — KZ, 73, 1956, стр. 117.

Швентнер, 1956_2 — E. Schwentner. Toch. B *ekṣinek* 'Taube'. — KZ, 73, 1956, стр. 238.

Швентнер, 1958_1 E. Schwentner. Tocharische Tiernamen. — IF, 63, 1958, стр. 165—168.

Швентнер, 1958_2 E. Schwentner. Ein zentralasiatisches Wanderwort. — KZ, 75, 1958, стр. 57.

Швентнер, 1958_3 E. Schwentner. Schaf und Ziege im Tocharischen. — KZ, 75, 1958, стр. 169.

Швентнер, 1958_4 E. Schwentner. Toch. A *yāmutsi*, B. *yāmuttsi* 'Flamingo'. — KZ, 75, 1958, стр. 206.

Швентнер, 1959_1 E. Schwentner. Tocharisch B *Wrauske*. — BNF, 10, 1959, стр. 173.

Швентнер, 1959_2 E. Schwentner. Etymologische Kleinigkeiten. — ZfslPh, 28, 1959, стр. 149.

Шнейдер, 1942_1 K. Schneider. Beiträge zur tocharischen Wortkunde und Grammatik. — IF, 58, 1942, стр. 37—50.

Шнейдер, 1942_2 K. Schneider. Zu einigen Benennungen von Teilen des menschlichen Körpers im Tocharischen. — IF, 58, 1942, стр. 169—174.

1961 *В. Н. Топоров*

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО БАЛТИЙСКОЙ ЭТИМОЛОГИИ (1957—1961)*

За последние пять лет появилось не менее полутораста работ, в той или иной степени связанных с балтийской этимологией. В них предлагаются новые объяснения или отвергаются старые, вносятся существенные уточнения или частные поправки, устанавливаются до тех пор неизвестные лексические соответствия с другими языками или же определяются заимствования. В этимологических исследованиях обозреваемого периода приняло участие несколько десятков специалистов. Все это дает основание говорить об оживлении работы в данной области, заставляющем верить, что лучшие времена для балтийской этимологии — еще впереди.

Тем не менее пока трудно говорить об удовлетворительном состоянии разработки балтийской этимологии: до сих пор еще нет ни одного законченного этимологического словаря балтийских языков; слишком значительное число предлагаемых объяснений носит факультативный характер и часто не поддается надежной проверке; наконец, почти отсутствуют этимологические работы, в которых совокупность анализируемых слов исследовалась бы под углом той или иной общей идеи. Отсюда — особое положение, когда даже не очень искушенному исследователю удается иногда сравнительно легко напасть на верный путь и, наоборот, когда даже опытный специалист не гарантирован от серьезных просчетов.

Несомненно, что самое значительное событие в этимологическом исследовании балтийских языков и, пожалуй, вообще в изучении этой группы языков представлено продолжающимся выходом «Литовского этимологического словаря» Э. Френкеля. Полнота используемого материала и высокое искусство выбора наиболее убедительных объяснений способствовали тому, что этимологические исследования балтийских языков в последние годы все более и более концентрируются вокруг этого словаря. Несомненно, что оживление работы в этой области самым непосредственным образом связано с появлением первых тетрадей френкелевского словаря [1]; его завершение (пока выпущено 11 тетрадей, предполагается, что весь словарь будет

---

* Обзор наиболее значительных работ в этой области за период с начала 40-х годов до 1956 г. см.: В. Н. Топоров. Новейшие работы в области изучения балто-славянских языковых отношений. — ВСЯ, III, 1958, стр. 150—158.

[1] Из последних рецензий на словарь Э. Френкеля стоит упомянуть следующие: A. Vaillant. — BSL, 52, 1956, стр. 155—156 и BSL, 53, 1958, стр. 174—175; V. Kiparsky. — «Neuphilologische Mitteilungen», 58, 1957, стр. 39—43; W. R. Schmalstieg. — «Word», 13, 1957, стр. 525—527; J. Otrębski. — LP, 6, 1957, стр. 181—182; P. Skardžius. Baltica, I. — ZfslPh, 27, 1958, стр. 435—445; E. Schwentner. — IF, 63, 1958, стр. 311—314 I; IF, 65, 1960, стр. 100—104; IF, 66, 1961; V. Rūķe-Draviņa. — «Språkliga Bidrag. Meddelanden», vol. 3, № 13, 1959, стр. 45—57; A. Słupski. — LP, 8, 1960, стр. 352; V. Pisani. — «Paideia», 15, 1960, стр. 135—140; V. Machek. — ZfslPh, 28, 1959, стр. 159—164 и ZfslPh, 29, 1961, стр. 345—356 (целый ряд собственных этимологий как результат разбора словаря Френкеля); V. Mažiulis. — «Kalbotyra», 3, 1961, стр. 243—248.

состоять из 13—14 тетрадей, не считая двух-трех выпусков, содержащих индексы)[2] будет наиболее действенным стимулом для развертывания дальнейших исследований в этом направлении[3].

К числу отрадных явлений следует отнести пробуждение интереса к этимологическим исследованиям в Прибалтике, прежде всего в Литве (так как в Латвии, по существу, появилась лишь одна небольшая статья Я. Эндзелина[4], в которой, между прочим, объясняются из средненижненемецкого два латышских названия крестьянских усадеб — *Skapari* и *Sliteri*, а из лит. *meldinės knygos* — лтш. *meldiņš* 'напев' и высказывается предположение, что в лтш. *sakārnis* 'пень' слились два старых слова, ср. лтш. *saka*, лит. *šakà* и русск. *корень*). В частности, закончено исследование А. Сабаляускаса, посвященное происхождению названий сельскохозяйственных растений в балтийских языках и защищенное в качестве диссертации[5]. В печати появился целый ряд отдельных этюдов по этимологии и истории соответствующих названий[6] и статья, содержащая выводы общего харак-

---

[2] После смерти Э. Френкеля выпуск словаря осуществляется Аннемари Слупски с помощью Э. Гофмана и Э. Тангля.

[3] Помимо словаря, заслуживают внимания некоторые из последних статей Э. Френкеля. См., между прочим: E. Fraenkel. Zu den idg. Zeitausdrücken. — ZfslPh, 26, 1958, стр. 339—351 (рассуждения о лит. *dabar̃* в связи со слав. *doba*); его же. Etymologische Miscellen. «Rakstu krājums veltījums J. Endzelīnam». Rīgā, 1959, стр. 101—107 (лит. *viẽkas* '(жизненная) сила'; слав. *věkъ* в качестве семантической параллели к установленной Э. Бенвенистом связи между понятиями «молодой, юный» и «вечный», ср. также лит. *véikus*, *vikrùs*, лтш. *veĩkls* и т. д.; лит. *raĩstas*, *reĩstas* 'болото, болотистый лесок' и содержащие тот же корень *raibas*, *raimas*, *rainas*, *raĩbti*, *reĩbti*; отсюда — ряд семантических параллелей: лит. *balà*, ст.-слав. блато — лит. *báltas*; лит. *pélkė*, лтш. *pelce*, прусск. *pelky* — лит. *pìlkas*; слав. *bagno* — ст.-слав. багръ, оправдывающих сопоставление лит. *raĩstas* со словами того же корня, обозначающими разные оттенки темносерых цветов; анализ лит. *rẽpti*, *aprẽpti* и подобных слов, разоблачение мнимого *aprapstýti* вм. *apdrapstýti*); его же. Zur indoeuropäischen Stammbildung und Flexion. — LP, 7, 1959, стр. 1—24 (уточнение ряда этимологических сближений с точки зрения словообразовательного анализа) и др.

[4] J. Endzelīns. Sīkumi. «Valodas un literaturas institūta raksti», VI. Rīgā, 1958, стр. 325—327 (там же, стр. 327—329, и русский вариант этой статьи).

[5] См.: А. Сабаляускас. Происхождение названий сельскохозяйственных растений в балтийских языках. Вильнюс, 1958 (автореф. дисс.).

[6] См.: A. Sabaliauskas. Dėl kanapės pavadinimo. «Lietuvos TSR Mokslų Akademijos Darbai», Serija A, 2, 1957, стр. 199—210; Dėl grikio pavadinimo. — Там же, 1957, стр. 211—218; Dėl žirnio pavadinimo kilmės. «Literatūra ir kalba», II, 1957, стр. 346—355; Dėl avižos pavadinimo kilmės. «Lietuvos TSR Mokslų Darbai», Serija A, 1, 1958, стр. 173—181; Dėl baltų kalbų česnako pavadinimų kilmės. — Там же, 1958, стр. 165—169; Dėl baltų kalbų svogūno pavadinimų kilmės. — Там же, 1958, стр. 171—177; Par latviešu vārda časkas un citu līdzīgu vārdu cilmi. «Latvijas PSR Zinātņu Akademijas Vēstis», 1958, № 4; Dėl baltų kalbų lęšio pavadinimų kilmės. «Lietuvos TSR Mokslų Akademijos Darbai», Serija A, 2, 1959, стр. 151—157; Dėl baltų kalbų griežčio (brassica napus) pavadinimų kilmės. — Там же, 1959, стр. 159—165; Dėl baltų kalbų ropės pavadinimų kilmės. — Там же, 1959, стр. 207—212; Dėl lietuvių kalbos žodžio *jãvas* kilmės. — Там же, 1959, стр. 213—216; Dėl kai kurių baltų kalbų augalų pavadinimų kilmės. «Lietuvių kalbotyros klausimai», II, 1959, стр. 65—74 (о названиях укропа, тмина и хрена); Dėl kai kurių baltų kalbų žemės ūkio augalų pavadinimų kilmės. — Там же, III, 1960, стр. 257—268 (о названиях редьки, моркови и огурца); относительно происхождения названий растений в балтийских

тера[7]. Автор, сосредоточиваясь прежде всего на вопросе происхождения и распространения названий растений, вносит ряд уточнений в этимологические объяснения. Иногда они довольно существенны (ср. этюд о лит. *kvietỹs*, лтш. *kviesis*, в которых Сабаляускас видит исконно балтийское слово; рассуждения о названии лука *svogū̃nas*, которое в свете диалектных данных оказывается по происхождению караимским, ср. караим. *sogán* и др.). Ряд деталей, относящихся к диалектным названиям лука, чеснока и брюквы в литовском языке, разъяснен В. Урбутисом[8]. В той или иной степени связаны с этимологией некоторые статьи В. Мажюлиса (справедливая критика сделанного Б. Чопом сопоставления хетт. *karu̯a-* с лит. *šárvas*, прусск. *sarwis*; сомнения в правомерности сближения лит. *gùdras* / *gudrùs*, лтш. *gudrs* с хетт. *kutru-* 'свидетель'; предположение, что название *Neringà* представляет собой германизированную форму старого балтийского слова; наблюдения над семантическими особенностями литовских слов *dvãras* и *kiẽmas* и т. п.)[9] и Р. Миронаса (суффикс *-gu-* / *-agù-*, встречающийся в лит. *žmogùs*, *mandagùs*, объясняется с помощью и.-е. I *əé̆g$^{u̯}$-u̯-* : II *əg$^{u̯}$-é̆u̯-* = *g$^{u̯}$ú-* 'идти'; отсюда *žmogùs* — «žeme einąs», а *mandagùs* — «lėtai einąs»)[10]. Наконец, можно назвать несколько критико-библиографических обзоров и информационных заметок (иногда с необходимыми уточнениями), посвященных, в частности, работам по балтийской этимологии[11].

Единственной монографией, в которой вопросы этимологии и истории рассматриваются как основные, является исследование Г. Якобссона, посвященное анализу группы балтийских и славянских слов, восходящих

языках. — «Rakstu krājums veltījums J. Endzelīnam». Rīgā, 1959, стр. 219—242 (о названиях пшеницы и боба).

[7] A. Sabaliauskas. Baltų kalbų žemės ūkio augalų pavadinimų kilmės klausimu. «Literatūra ir kalba», III, 1958, стр. 454—461.

[8] См.: V. Urbutis. Dvi etimologijos pastabos. «Kalbotyra», I, 1958, стр. 220—222 (*gručkas*; здесь же существенное уточнение этимологии лит. *pántas*; оспаривается мнение К. Альминаускаса, согласно которому это слово заимствовано из нем. диал. *pant* = *Pfand*); его же. Kelios baltų kalbų svogūno ir česnako pavadinimų aiškinimo smulkmenos. — Там же, II, 1960, стр. 209—212 (ряд фонетических наблюдений, позволяющих установить происхождение слова). Этому же автору принадлежит разбор литовского материала (с некоторыми поправками и улучшениями) в этимологическом словаре Ф. Славского, см.: V. Urbutis. Lituanika F. Slavskio lenkų kalbos etimologijos žodyne. «Kalbotyra», I, 1958, стр. 215—220.

[9] См.: V. Mažiulis. Hethitico-Baltica. «Rakstu krājums veltījums J. Endzelīnam», стр. 173—180; Dėl *Neringos* vardo. «Lietuvių kalbotyros klausimai», III, 1960, стр. 301—315; Kalbos smulkmenos. «Kalbotyra», I, 1958, стр. 223—224; Dėl žodžių *dvãras*, *kiẽmas*. — Там же, II, 1960, стр. 205—209 (отчасти об этих же словах идет речь в хорошо документированной статье: J. Jurginis. «Viešė» ir jos «pats». — «Literatūra ir kalba», II, 1957, стр. 331—345) и др.

[10] R. Mironas. Dėl priesagos *-gu-* pirminės reikšmės. «Kalbotyra», III, 1961, стр. 242—243.

[11] См.: J. Palauskas. Lituanistiniai dalykai užsienio slavistikos žurnaluose. «Literatūra ir kalba», II, 1957, стр. 485—488; K. Eigminas. Lituanistinė medžiaga naujausioje tarybinėje lingvistinėje literatūroje. — Там же, III, 1958, стр. 581—594; A. Sabaliauskas. Rinkinys Janiui Endzelynui pagerbti. — Там же, V, 1961, стр. 552—561; его же. Veikalas apie giminystės terminų istoriją. — Там же, стр. 562—570 (о книге О. Н. Трубачева о славянских терминах родства); его же. Naujas etimologinis rusų kalbos žodynas. «Lietuvių kalbotyros klausimai», IV, 1961, стр. 319—329 (о балтийском материале в словаре М. Фасмера); J. Palionis. Lietuvių kalbos dalykai naujesniuosiuose E. Niemineno lingvistiniuose darbuose. «Kalbotyra», III, 1961, стр. 248—256 и др.

в конечном счете к и.-е. **temp-*[12]. Опираясь на обширный материал (включая диалектный и ономастический), автор исследует историю балтийских и славянских слов этого корня, подчеркивая, что несколько неопределенный характер их в сочетании с экспрессивностью дали основание для весьма сильного отклонения семантики этих слов от первоначального значения **temp-*. Пожалуй, наиболее любопытной частью книги следует считать страницы, на которых приводятся примеры поразительного параллелизма в развитии латышских слов с корнем *temp-* и соответствующих славянских, делающие допустимым предположение о древнем характере этих сближений (ср., между прочим, переход значений 'тянуть' > 'пить' : лтш. *tèmpt* 'пить, выпить' — русск. *тянуть водку*, *тяпнуть* (= выпить) и т. д., подтверждаемый и рядом других языков).

С целым рядом новых этимологий литовских слов выступил недавно В. Махек[13]. Укажем некоторые из них. Анализируя лит. *áitvaras*, чешский лингвист предлагает исходить из варианта *áičvaras*, поскольку в таком случае открывается возможность рассматривать это литовское слово как заимствование из польск. *poczwara*. В слове *akẽivai* обнаруживается тот же суффикс, что и в слвц. *b(r)ezočivý*, *prezočivý*. Лит. *ãkstinas* трактуется как заимствование из слав. *ostьnъ*, а лит. *alvaras* — из праслав. **orz-vora* (ср. польск. *rozwora*). Последнее объяснение кажется довольно натянутым (к числу подобных этимологий следует отнести еще некоторые: *ar̃das* из слав. *odrъ; balánda* — греч. βλίτον; *balañdis* — слав. *golǫbь; baũžas* — чеш. *pouh(l)y; ber̃ti* — греч. σπείρω с меной *p/b* и подвижным *s-*; *bèsti* — русск. *пахать; burnà* — слвц. *perna; blùzgana* — **lup-skati* — интенсивный глагол от *lupiti; bir̃gzti* — слав. **vьrzg-*, ср. чеш. диал. *vržd(ž)et; ber̃žas* — слав. **pa-pьrskъ; blṓdėti* — лат. *rōdō; bingùs* — лат. *pinguis*[14] и т. д.). Более удачны этимологии *anskat* (из *anàs* и *skatýti*), *anúoti* (также от *anàs*, ряд семантических параллелей), *apyniaĩ* (ср. *apvyniaĩ*, от *výti*), *aviẽtė* (от *avìs*), *baidýti* (фактитив от глагола, соответствующего слав. **bojati sę*), *bìtė* (сокращение от **bik-utė*, ср. слав. *bъčela* из **bik-elā*), *bliùkšti* (ср. лтш. *bļugt*) и др. Некоторые образцы этимологий Махека интересны независимо от возможностей иного объяснения; ср., например, *álbicais* (может быть, связано с нем. *allenseits*), *ámžius* (отказ от сравнения со слав. *mǫžь*), *apẽnt* (едва ли верно предлагаемое Махеком сближение с хетт. *appanda*; к тому же автор игнорирует жемайтскую форму этого слова), *apiẽ* (по-видимому, смешивается формальная эволюция предлога с семантической), *ãpskritas* (ср. ст.-слав. окрьстъ из **ob-skrьt-*), *aumonis* (ср. слав. *u-man- ją*, твор. п.), *ąžuolas* (= *áižuolas*, ср. греч. αἴγίλωψ, долат. **aig'olos*), *bè* (употребляясь при глаголе, оно напоминает *be-* в нем. *be-stehen*, *sich be-finden* и т. п.). Из других этимологических сопоставлений Махека можно указать такие, как лит. *liemuõ* — лат. *līmen*; лит. *reikė̃ti*, *reĩkti* — лат. *licet* (?)[15]; лит. *bèsti*, *bedù* — хетт. *padda* 'рыть'[16]; ср. также рассуждения о заимствованных из славянского балтийских словах, обозначающих борщ, и др.

---

[12] См.: G. Jacobsson. L'histoire d'un groupe de mots balto-slaves (=«Acta universitatis Gothoburgensis», vol. 64, 8, 1958). Göteborg, 1958.

[13] См.: V. Machek. Zum Wortschatz des Litauischen. — ZfslPh, 28, 1959, стр. 159—164, 345—356.

[14] О лит. *bingùs* (ср. польск. *pięknу*) см. также: K. Janáček. Původ slova *pěkný*. «Sborník Vysoké školy pedagogické v Olomouci. Jazyk a literatura», V, 1959, стр. 7—9.

[15] V. Machek. Zwölf lateinische Wortdeutungen. — LP, 8, 1960, стр. 57—65; его же. Neun hethitische Wortvergleiche. — LP, 7, 1959, стр. 77—84; его же. Ruské *šči*. «Rusko-české studie. Sborník Vysoké školy pedagogické v Praze. Jazyk a literatura», II, 1960, стр. 349—354.

[16] О балто-тохарских лексических сопоставлениях см.: В. Н. Топоров. Тохарская этимология за двадцать лет (в этом же сборнике).

Н. Миниссн предложил возвести лит. *krãštas*, лтш. *krasts*, как и слав. *kraj*, к и.-е. **(s)ker-* с расширением *-st-* (ср. тох. А *kärṣt-*, В *kärst-*, *karst-* 'резать' и хетт. *kar-aš-mi* 'я режу'), предполагая в качестве первоначального значение 'предел, граница'[17]. Если это так, то перед нами не отмеченная до сих пор балто-славянская параллель, отличающаяся от генетически связанных форм других языков в двух отношениях: балтийское и славянское слова восходят к основе в состоянии II и характеризуются особым развитием значения.

Продолжал серию балто-славянских этимологий Б. Чоп[18]. Среди них малоудачное сопоставление прусск. *kaāubri* (= *kaubre*) со слав. **kǫpa*, **kǫpina* и указание на возможность связи между лит. *esỹs*, *asỹs*, лтш. *ašķi* и лат. *arista* 'ость колоса' (из **asesta*); между лит. *gilùs* и армянскими словами того же корня — *ənkłmem*, *ənkłnum* и др. В другом месте тот же автор, исходя из семантического перехода «тянуть руки за чем-либо» > «желать», сопоставляет лит. *gobùs* с блр. *хабаць*[19]. Ф. Безлай недавно предложил в связи с этимологией словенского названия ядовитого гриба *olik* сравнение лит. *vìlnis*, *vilnĩtis*, 'волнуха' с русск. *волвянка*, *волнуха*, а Р. Бернар: лит. *brinkti* — болг. *брекнувам*; лтш. *вayda* — болг. русск. *буга*[20].

С двумя балто-славянскими сравнениями выступил М. Фасмер[21]: русск.-ц.-слав. *абрѣдь*, встречаемое в евангельском тексте (Матфей, III, 3) в соответствии с греч. ἀκρίδες, разлагается на префикс, сопоставимый с содержащимся в ц.-слав. ѩскоудь, ѩгоугнивъ, при дублетах без префикса, и корневую часть, соответствующую прусск. *braydis*, лит. *briedis*, лтш. *briêdis* (семантическая параллель: русск. *олёнка* 'навозный жук' : *олень*); др.-чеш. *makati*, *mácěti*, польск. диал. *makać*, в.-луж. *makać* и т. д. сопоставляются с балтийским корнем **mak-*, ср. лит. *mokėti*, лтш. *mâcêt* и т. д. Шютц указал на общее балтийским и славянским языкам табуистическое обозначение змеи (ср. с.-хорв. *guja* — лит. *gaujа*)[22], а В. Георгиев — на слово, идентичное балтийскому обозначению реки, в слав. *-ор-*[23].

Ряд этимологий балтийских слов принадлежит О. Н. Трубачеву. Среди них привлекающее внимание сопоставление лит. *šarmuõ*, *šermuõ*, лтш. *sar̃mulis* 'горностай' с русск. *росомаха* (из праслав. **sormaxa*, ср. укр. диал. *соромаха*) и особенно удачное объяснение балтийского слова, обозначающего глагол «болеть» (ср. лит. *sir̃gti*, *sergù* 'болеть' и лит. *sérgėti* 'охранять, стеречь', позволяющие не только восстановить семантическую эволюцию слов этого корня в литовском, но и восстановить связь между хетт. *ištark-* 'заболеть' и слав. **stergǫ* 'стерегу')[24]; указание на славянское

---

[17] N. Minissi. Lituano *krãštas*, slavo *kraj*. «Ricerche slavistiche», 4, 1955—1956, стр. 56—67.

[18] B. Čop. Etyma balto-slavica III. «Zbornik filozofske fakultete», III. Ljubljana, 1959; его же. Etyma balto-slavica IV. «Slavistična revija», 12, 1959—1960, стр. 170—193; предыдущие публикации на эту же тему см. там же, 5-7, 1954, стр. 227—237; 9, 1956, стр. 155—161.

[19] B. Čop. Beiträge zur indogermanischen Wortforschung IV. «Slavistična revija», 11, 1958. «Linguistica», стр. 49—68.

[20] См.: F. Bezlaj. Etimološki doneski. «Slavistična revija», 12, 1959—1960, стр. 224—229; R. Bernard. Le vocabulaire du dualecte de Razlog. «Балк. езикозн.», III, 2, 1961, стр. 73—74.

[21] M. Vasmer. Baltisch-slavische Wortgleichungen. «Езиковедски изследвания в чест на акад. Стефан Младенов». София, 1957, стр. 351—353.

[22] J. Schütz. Noch ein Tabuwort für «Schlange» im Slavischen. — Там же, стр. 333—336.

[23] В. Георгиев. Наставката *-оп* и произходът на думите *върволъ*, *вървоп*, *вѫпа*. — БЕ, 11, 1961, стр. 302—307.

[24] О. Н. Трубачев. Из истории табуистических названий. — ВСЯ, № 3, 1958, стр. 120—126.

соответствие лит. *saf̃tas* (слав. **xъrtъ*)[25] и лит. *kabė̃ti* (слав. **kobь*)[26]; обнаружение еще одной балто-арийской изоглоссы (ср. лит. *kaktà* 'лоб' и согд. *čakt* / *čk't* 'лоб', пехл. *čakāt*)[27], любопытное в свете ряда недавних работ, обнаруживших довольно значительное количество важных балто-иранских параллелей[28]; объяснение лит. *šiáudas* 'солома' и *lopšỹs* 'колыбель' заимствованием из финно-угорских языков[29]; наконец, целый ряд частных замечаний и уточнений этимологии отдельных балтийских слов в связи с анализом славянских терминов родства и названий домашних животных[30].

Существенные соображения относительно этимологии названия балтийского и славянского бога грома с рядом уточнений и новых сближений, основанных на предложении А. Гётце (ср. хетт. *peruna-*), приведены Вяч. В. Ивановым[31].

Попытка связать лит. *nõvė*, *nõvyti*, лтш. *nâve*, *nâvêt* (и, конечно, слав. *navь*) со словами того же корня, но с иным расширением (лит. *nókti*, лтш. *nākt* и рядом других) на широком фоне соответствующих слов других языков предпринята В. Н. Топоровым[32]. Им же указано несколько параллелей между балтийскими и славянскими языками в области мифологических представлений (в частности, прусск. *cawx*, лит. *kaũkas*, лтш. *kūķis* — болг. *кук*, *кукир*, *кукер* и др.)[33], а также оспорена предлагаемая чешскими лингвистами этимология лит. *žlìbas* (= слав. *slěpъ*) и указаны внутренние связи этого слова в пределах балтийских языков[34].

Б. А. Ларин посвятил специальный этюд с преимущественным вниманием к семантической стороне дела доказательству правомерности сопоставления лит. *šarmà*, *šármas*, лтш. *sarma* (и далее — лит. *šer̃kšnas*, лтш. *sersna*) со слав. *срамъ*, иранск. *šarm* и т. п.[35] Видимо, не приходится сомневаться в убедительности этого сближения. Напротив, маловероятна

---

[25] О. Н. Трубачев. Славянские этимологии 1—7. — ВСЯ, № 2, 1957, стр. 38—41.

[26] О. Н. Трубачев. Следы язычества в славянской лексике. — ВСЯ, № 4, 1959, стр. 138—139.

[27] О. Н. Трубачев. Три литовских этимологии. — LP, 8, 1960, стр. 236—242.

[28] Ср. работы Бейли, Вюста, Бенвениста, Семереньи, Швентнера и др. О них см.: В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962.

[29] О. Н. Трубачев. — LP, 8, 1960, стр. 236—242; особенно поучительно сравнение *lopšỹs* с марийск. *lepš* примерно с тем же значением. Вопрос о возможности контактов такого рода рассматривается в статье: J. Mägiste. Gibt es im Tscheremissischen baltische Lehnwörter. — UAJb, 31, 1959, стр. 169 и сл.

[30] О. Н. Трубачев. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М., 1959; его же. Происхождение названий домашних животных в славянских языках. М., 1960.

[31] Вяч. В. Иванов. К этимологии балтийского и славянского названий бога грома. — ВСЯ, № 3, 1958, стр. 101—111, а также: R. Jakobson. While reading Vasmer's dictionary. «Word», 11, 1955, стр. 615—616.

[32] В. Н. Топоров. Индоевропейский корень **$ə_2$en-/*$ə_2$n-* в балтийском и славянском. — LP, 8, 1960, стр. 194—211.

[33] В. Н. Топоров. Фрагмент славянской мифологии. — КСИС, 30, 1961, стр. 14—32.

[34] В. Н. Топоров. Из праславянской этимологии. «Этимологические исследования по русскому языку», вып. I. М., 1960, стр. 11—12.

[35] Б. А. Ларин. Из славянско-балтийских лексикологических сопоставлений. «Вестник Ленинградского ун-та», 1958, № 14. Серия истории, языка и литературы, вып. 3, стр. 150—158 (следует, между прочим, указать на необоснованность выведения соответствующего иранского слова

попытка доказать, что балтийское название янтаря могло быть заимствовано из угорских языков[36].

В. П. Шмид, отвергая традиционную точку зрения, согласно которой прусск. *curtis*, лит. *kùrtas*, лтш. *kurts* являются заимствованием из славянского, пытается доказать исконность этого слова в балтийских языках, предлагая, кажется, малоубедительное сближение с перс. *kurrah* 'жеребенок' (из **kurna*-)[37]. Более интересно сделанное тем же автором сопоставление мессап. *noman* (PID, II, 474) с лит.-лтш. *nuõma* 'арендная плата' и мессапской конструкции родительного падежа с послелогом *no* с балт. *nuo* в соединении с тем же падежом[38]. Из других мессапско-балтийских соответствий заслуживает внимания предложенное Г. Краэ сопоставление мессап. *kraotedonas* с лит. *krutùs* 'подвижный'[39].

Лит. *agnus* (*ãgnus*) 'подвижный, быстрый', не имевшее достаточно надежной этимологии, стало предметом объяснения Ю. В. Откупщикова, выводящего это слово из корня *ag*- 'гнать, приводить в движение', ср. др.-инд. *ajirá*-, лат. *aginō* 'спешу' и т. п.[40]

Этимологический, по сути дела, анализ позволил Х. С. Стангу и А. Вайяну восстановить минимальные синтаксические сочетания, превратившиеся в дальнейшем в единые формы: Станг указал, что литовский союз *jéib* содержит *b*, идентичное оптативной форме вспомогательного глагола[41], а Вайян увидел в литовских формах, подобных *duočiau* (из **duotė́jau*), сочетание супина с глаголом 'идти' (*ė́jau*), ср. такие случаи, как лит. *idant duotų* (слав. *idǫšt*-)[42].

Ряд балтийских слов (в частности, и те, этимология которых уже была известна и раньше) получил дополнительное освещение со стороны кельтского материала (с разной степенью вероятности), ср. лит. *smalstumaĩ* — кимр. *blys* 'желание' (из **mls*-, ср. чешск. *mlsati*); лит. *baublỹs* — кимр. *bod*, *boda* 'коршун' (**bheu̯*-); лит. *braškė́ti*, лтш. *brakšķêt* — брет. *broc'hañ* 'раздражать', кимр. *brochi*; лит. *briáutis* — кимр. *brwysg* 'опьяненный'; лит. *kasýti*, лтш. *kasît* — кимр. *cos*, *cosfa* 'чесотка, зуд'; лит. *vẽngti* — кимр. *gwingo* 'извиваться' и т. д.; лит. *pū̃liai* — валл. *il* (из **pul-i̯-o*); лит. *lū̃žti* — кимр. *llygru* 'портить'; прусск. *laydis*, лит. *laistýti* — кимр. *llys* 'ил, грязь'; лит. *ligà*, лтш. *liga* — валл. *llyth* 'нежный, слабый' (из **lei̯g-/*lei̯k*-) и др.[43]

По мнению П. Скарджюса, лит. *mantà* 'движимое имущество' не должно отделяться от *mant*- в собственных именах (*Algmantas*, *Daugmantas*, *Normantas*, *Vilmantas* и т. п.), а также от глагола *manýti*[44]; эта

из хинди *çarm*; надо думать, что направление заимствования было обратным, как это и принято считать).

[36] Б. А. Ларин. О слове *янтарь*. «Rakstu krājums veltījums J. Endzelīnam», стр. 149—162.

[37] См.: W. P. Schmid. Baltisch *kurtas* und andere Tierbezeichnungen. «Sybaris, Festschrift Hans Krahe». Wiesbaden, 1958, стр. 129—137.

[38] См.: W. P. Schmid. Messapisch-baltische Kleinigkeiten. — IF, 65, 1960, стр. 24—30.

[39] См.: H. Krahe. Beiträge zur illyrischen Wort- und Namenforschung. — IF, 64, 1958, стр. 26—33.

[40] Ю. В. Откупщиков. К этимологии литовского *agnus*. «Уч. зап. ЛГУ». Серия филологич. наук, вып. 60, 1961, стр. 161—164.

[41] См.: Chr. S. Stang. Die litauische Konjunktion *jeib* und der lit.-lett. Optativ. — NTS, 18, 1958, стр. 348—356.

[42] См.: A. Vaillant. Formation du conditionnel en slave et en baltique. — BSL, 55, 1960, стр. XXIX—XXXI.

[43] R. A. Fowkes. Problems of Cymric Etymology. — LP, 6, 1957, стр. 90—111.

[44] P. Skardžius. Litauische zweistämmige Personennamen mit *mant*- und *mantà* 'bewegliche Habe'. — ZfslPh, 29, 1960, стр. 146—150.

связь вполне правдоподобна и объясняет ряд деталей семантического развития **лит.** *mantà*.

Из числа более частных сопоставлений отдельных литовских слов можно назвать некоторые: лит. *ārasas* 'серый дрозд' — русск. диал. *арса* 'можжевельник', перс. *aris* то же [45]; лит. *garlė* — др.-исл. *gersta*, др.-в.-нем. *gërstī* 'горечь' [46]; лит. *sètas* — из англ. *set* и не имеет ничего общего с лтш. *sę̄ts* (как думает Блесе — KZ, 75, 1957, стр. 111) [47].

Среди работ, ориентирующихся в первую очередь на латышский материал, заслуживают внимания работы Э. Блесе. В одной из них предпринимается новая попытка объяснить начальный гласный в лтш. *uguns* 'огонь' (лит. *ugnìs*) влиянием таких контекстов, как *kurt uguni* и т. п.[48] (в этом отношении уместно сослаться на другую статью по тому же вопросу, см.: E. Hauzenberga-Šturma. — ZfslPh, 25, 1956, стр. 53—57) [49]. В другой статье Блесе рассматривает несколько латышских слов, объединенных наличием местоименного корня **s(u̯)-*: *svaĩnis*, *svešs*, *svabads*, *sę̄brs*, *sę̄ta* и т. д. (ряд примеров далек от достоверности), а также обращается к объяснению лтш. *vaĩcât* 'спрашивать' (из **u̯ait-*, ср.-прусск. *waitiāt*; верное объяснение, устраняющее старое предположение Эндзелина: из вопросительной частицы *vai*) [50]. Немало возражений и сомнений вызывает попытка этимологического решения лтш. *aîcinât* 'приглашать, подзывать' [51].

А. Гатерс выступил с рядом существенных уточнений, относящихся к лтш. *balva* [52]. Исходя из первоначального значения 'бить', присущего этому корню, автор восстанавливает семантическую эволюцию лтш. *balva* и предлагает новые параллели (как внутри балтийских языков, так и за их пределами — в германском, кельтском, славянском).

К. Дравиньш разъясняет слово *Indija* в латышском выражении *elle un Indija*! 'ад и Индия!' (вместо *elle un indeve*! 'ад и черт!' [53].

Но, пожалуй, наиболее интересны латышские этимологии Б. Егерса, проявившего себя как вдумчивый исследователь, строящий расчет не на корнеискательстве, а на предельном использовании внутренних ресурсов. Таково его объяснение взаимного отношения между лит. *kèpti*, лтш. *cept* 'жарить, печь' и лит. *kèpti*, лтш. *ķept* 'липнуть', где на основании убедительного анализа большого материала доказывается связь этих двух пар глаголов и отклоняется как необоснованное предположение о заимствовании лтш. *ķept* из литовского [54]. Образцовыми следует признать и некото-

---

[45] О названиях можжевельника в балтийских языках см.: V. Rūķe-Draviņa. Die Benennungen des Wacholders im Baltischen. «Orbis», 4, 1955, стр. 390—409.

[46] F. Holthausen. Etymologisches II. — KZ, 74, 1956, стр. 242—244.

[47] E. Hofmann. Litauische *sètas*. — KZ, 75, 1957, стр. 121.

[48] E. Blesse. Zum lett. *uguns* 'Feuer'. — KZ, 75, 1958, стр. 191—206.

[49] Ей же принадлежит этимологическое объяснение лтш. *līgava*, *ļaudava*, см. «In honorem Endzelini». Chicago, 1960, стр. 52—63: «(künftige) junge Ehefrau» > «Verlobte, Braut».

[50] E. Blesse. Lettische Etymologien. — KZ, 75, 1957, стр. 91—121.

[51] E. Blesse. — «In honorem Endzelini», стр. 35—42.

[52] A. Gāters. Bemerkungen zur indogermanischen Wurzel **bhel(eu)* 'schlagen'. — KZ, 75, 1957, стр. 80—86.

[53] См.: K. Draviņš. Eine Anmerkung über den lettischen Fluchausdruck *elle un Indija*! 'Hölle und Indien!' — «Årsbok 1957/1958 utgiven av seminarierna för slaviska språk vid Lunds Universitet». Lund, 1961, стр. 127—131.

[54] См.: B. Jēgers. Über das gegenseitige Verhältnis von lit. *kèpti* lett. *cept* 'backen, braten' und lit. *kèpti*, lett. *ķept* 'kleben'. — Там же, стр. 110—125.

рые другие этимологии этого ученого. Так, с помощью филигранного анализа ему удалось показать наличие в лтш. *brīdināt* среди других значений и значения 'переходить вброд'[55], позволяющего связать это слово с балто-славянским **bred-* 'брести, переправляться', а также убедительно продемонстрировать, как из этого значения развились некоторые другие, ставшие в этом слове теперь основными. Там же Егерс объясняет лтш. *buĉlît*, *buôlêt* 'таращить (глаза)' и др. (с *-uo-* из старого *-ōu-*), относя их к семье с.-хорв. *буљити*, *избуљити*, чеш. *vybouliti* (сюда же лит. *buõlas*, *buõlis* и т. п.). Рассматривая лтш. *muca* 'бочка' (из **mukịā*) и связывая его с *maukt*, *maukna*, Егерс приводит в качестве подтверждения и такое выражение, как *muceniski ādu maukt*; с другой стороны, предлагаемое объяснение проливает свет на некоторые реалии, дополняя результаты известного исследования А. Биленштейна о деревянной утвари у латышей. Не менее убедительны и литовские этимологии Егерса: опровергнув мнение Френкеля, согласно которому лит. *nesivaimẽti* является переделкой из **nesilaimẽti*, ему удалось доказать самостоятельность и исконность этого глагола (из **vaidmėtis*, ср. *vaidmuõ*), ср. лит. *vaimẽtis*; правдоподобно и новое объяснение лит. *vienguñgis*, о котором недавно писали Отрембский и Френкель.

В области прусской этимологии за последние годы сделано очень немного. Э. Хемп, опираясь на засвидетельствованное в публикации Германа прусск. *soye* (= *sũjē*, ранее было известно *suge*, неопределенное в фонетическом отношении), указал на еще одну балто-албанскую изоглоссу — прусск. *soye*, алб. *shi* (ср. указанное раньше Хемпом сближение прусск. *dadan* — алб. *djathe*, «Word», 9, 1953, стр. 139—140)[56]. В. П. Шмид, видимо, правильно отклоняет взгляды тех ученых, которые видели в прусск. *lasto* 'кровать' заимствование из славянского, и исходит из корня **leǵh-* 'лежать', отраженного, кроме того, в лит. *lažà*, лтш. *laža* и в прусск. *làsinna*; словообразовательный анализ *lasto* укрепляет уверенность в обоснованности предлагаемого объяснения[57]. Х. С. Станг вновь обращается к рассмотрению прусских наречных образований с элементом *-d-*, видя в них балто-славянскую особенность[58]. Этимологии четырех прусских слов были предложены В. Н. Топоровым[59]: *arrien* (отказ видеть в этом слове заимствование), *dēigiskan* (не опечатка, как думали раньше, а несколько неуклюжий перевод нем. *milde*), *etnīstis* (отглагольное имя с абстрактным значением, **et-nī/neị-*, ср. лат. *ab-solvo*, *ab-solutio*), *etskīuns* (**et-skeị-/skī-*, ср. сходное нем. *Abschied*, лит. *atskíesti*).

Значительное количество работ посвящено объяснению балтийских слов с помощью заимствований и, наоборот, объяснению слов соседних языков, отражающих балтийское влияние. Многие из исследований такого рода небезразличны для этимологии и уже в силу этого заслуживают (хотя бы самого краткого) упоминания.

Общий вопрос о критериях выделения заимствованных слов в литовском языке пытается решить В. Сиртаутас (фонетический и дистрибуционный критерий)[60].

---

[55] См.: B. Jēgers. Baltische Etymologien. — ZfslPh, 27, 1958, стр. 89—103. Несколько новых этимологий Егерса можно найти в «In honorem Endzelini», стр. 64—71.

[56] E. P. Hamp. Opruss. *Soye* 'rain'. — KZ, 74, 1956, стр. 127—128.

[57] W. P. Schmid. Altpreußische *lasto* 'Bett'. — IF, 63, 1958, стр. 220—227.

[58] Chr. S. Stang. Eine preußisch-slavische (oder baltisch-slavische?) Sonderbildung. «Scando-Slavica», 3, 1957, стр. 236—239.

[59] В. Н. Топоров. Заметки по прусской этимологии. — ВСЯ, № 3, 1958, стр. 112—119.

[60] V. Sirtautas. Dėl skolinių pažinimo problemos lietuvių kalboje. «Уч. зап. Шауляйского пед. ин-та», I. Гуманитарные науки, 1961, стр. 122—142.

Р. Экблом и в своих последних работах остался верен старой теме балто-германских контактов, ср. рассуждения о лит. *kùni(n)gas* и условиях его заимствования (около 1200 г.) из средненемецкого[61] или сопоставление балт. *gud-* с швед. *gute*, верное даже для тех случаев, когда *gud-* употребляется в таких словах, как *gudnoterė*, *gudkarklis*[62]. Специально немецкими заимствованиями в литовском занимался А. Зенн, продолжая направление своих прежних исследований. Многие из его объяснений поучительны. Особенно это относится к словам, которые по своему виду могут быть приняты за старые исконные формы балтийских языков. Так, например, лит. *slinkti*, возводимые Р. Траутманом к балто-слав. **slenkō*, оказывается более целесообразным выводить из н.-нем. *slinken* 'красть' (ср. англ. *to slink*)[63]. В другой статье приводится еще целый ряд аналогичных примеров[64]: лит. *čir̃pti*, *cir̃pti* из нем. *zirpen* (ср. англ. *to chirp*); лит. *rãmaloti* из нем. *rammeln*; лит. *rupšnóti* из нем. *ruppsen*; лит. *rùsvelkis* из нем. *Rosswerk*; лит. *slìpti* из н.-нем. *slippen* (ср. англ. *to slip away*); лит. *smaksóti* из н.-нем. *smacksen*; лит. *pupà* из нем. *Puff (bohne)*.

Э. Ниеминен продолжал исследовать проблему балто-финских лексических контактов[65], ему же принадлежит новое объяснение лтш. *gatis*, ранее объяснявшегося заимствованием из нижне-немецкого (по мнению Ниеминена, не исключена возможность связи с прaслав. **gatь*)[66]. О лит. *šiáudas* и *lopšỹs* как заимствованиях из финно-угорских языков говорилось выше.

Несколько работ посвящено выявлению балтийских лексических заимствований в славянских языках. Естественно, что такие исследования дают лишь косвенный материал для балтийской этимологии. Однако пренебрегать им было бы неразумно, тем более что часто остается неясным, идет ли речь об исконном родстве или о заимствовании. В этом смысле поучителен этюд П. Скарджюса, в котором высказывается мнение о том, что лит. *dvakas* не заимствовано из слав. **dvoxa*(-ъ), а связано с *dvėkuóti*, *dvikti*, *dvoka*[67]. В других статьях Скарджюс объясняет русск. *витина* и

---

[61] R. Ekblom. Deutsch *kunig* und litauisch *kùni(n)gas*. «Scando-Slavica», III, 1957, стр. 176—180. Ср. также: Klimas. The Spread of Primitive Germanic **kuningaz* in non-Germanic Languages. «Istituto Universitario Orientale. Annali, Sezione linguistica», I. Napoli, 1959.

[62] R. Ekblom. Balt. *gudas* und schw. *gute* 'Gotländer'. «Rakstu krājums veltījums J. Endzelīnam», стр. 91—100.

[63] A. Senn. Litauische *sliñkti*. «Die Sprache», 5, 1959, стр. 183—186.

[64] A. Senn. Zur Frage des deutschen Einflusses auf das Litauische. «Istituto Universitario Orientale. Annali, Sezione linguistica», I. Napoli, 1959, стр. 65—78.

[65] См.: E. Nieminen. Über einige Eigenschaften der baltischen Sprache, die sich in den ältesten baltischen Lehnwörtern der ostseefinnischen Sprachen abspiegelt. «Sitzungsberichte der Finnischen Akademie der Wissenschaften». Helsinki, 1957, стр. 185—206 (об этой работе см.: A. Sabaliauskas. Įdomus suomių kalbininko darbas. «Literatūra iz kalba», 5, 1961, стр. 623—624); его же. Beiträge zu den baltisch-ostseefinnischen Berührungen. «Rakstu krājums veltījums J. Endzelīnam», стр. 201—210; его же. Viikatteen ja sen hamaran nimityksistä. «Eripainos Virittäjästä», 1957, № 1, стр. 23—34, и др. О работах Ниеминена в этой области см.: J. Palionis. Lietuvių kalbos dalykai naujesniuosiuose E. Niemineno lingvistiniuose darbuose. «Kalbotyra», 3, 1961, стр. 248—256.

[66] E. Nieminen. Die urslavische Benennung der Bekleidung der Beine **gatję* bzw. **gatjě*. «Scando-Slavica», 3, 1957, стр. 224—235.

[67] См.: P. Skardžius. Baltisches. — ZfslPh, 27, 1957, стр. 173—176.

польск. *wicina* из литовского названия плоскодонного судна *vytìnė*[68] (приведенных аргументов больше, чем достаточно, чтобы вполне согласиться с автором) и русск. *дякло*, блр. *дзякло*, польск. *dziaklo* из лит. **dėkla*(*s*), а не из *dėklẽ* (как предполагал Френкель)[69]. О. Н. Трубачев привел ряд примеров из русских названий каш, которые оказались заимствованиями из литовского: *тюря*, *путря*, *плескана*, ср. также *свисло*[70]. А. А. Вержбовский описал свыше трех десятков старых белорусских юридических терминов литовского происхождения (*крены девотчие* — лит. *krienai*, *мезглева* — лит. *mẽzliava*, *ринклева* — лит. *riñkliava*, *палукно* — лит. *palūkanos*, *ройтиник* — лит. *raĩtininkas*, *ошвиник* — лит. *ašvininkas*, *бендр* — лит. *beñdras*, *ушкур* — лит. *užkurỹs* и др.)[71]. Балтийские элементы в польских говорах оказались описанными в книге покойного С. Вестфаля о польском языке (следы ятвяжского языка)[72] и в обстоятельной статье Т. Зданцевича (литуанизмы в районе Сейн)[73].

Весьма многообрáзны работы, посвященные ономастике балтийского происхождения (в общей сложности их несколько десятков). Как правило, они имеют дело и с этимологическими объяснениями или по крайней мере с приведением соответствий из других языков или с других территорий. Назовем лишь некоторые из таких работ. Скарджюс доказывает, что собственное имя *Radvila*(*s*) не имеет ничего общего с апеллятивом *radvilà* (первое — из *Radi-vilas*, от *vìltis* 'надеяться', *viltìs* 'надежда', ср. *Mant-vilas* и др., тогда как последнее — из **radų-ilā* : *radulỹs*), а название города *Ukmergė* является простой фонетической трансформацией старого *Vilk(a)mergė*[74]. Френкель в одной из последних своих статей остановился на анализе ряда гидронимов на территории Литвы [*Odmuõ*, *Vadak(s)tìs*, *Neretà*, *Nerìs*, *Nerỹs*, прусское имя *Warnekros*][75]. С целым рядом статей и заметок выступил Я. Отрембский. Им указано несколько названий ятвяжского происхождения (ср. *Lė̃ipalingis*, *Azagis*, *Gáiliekas*, *Bil̃sas*, *Dùlgas*, *Niedà* и др.)[76], проанализированы названия *Pilica* (ср. лит. *Pelesà*), *Przemsza* (ср. лит. *Musià*, *Musẽ*) с внесением ряда уточнений[77],

---

[68] См.: P. Skardžius. Russ. *vitina* und lit. *vytìnė*. — ZfslPh, 26, 1957, стр. 150—151.

[69] См.: P. Skardžius. Russisch-weissrussischen *дякло* (*дзякло*) und litauisches *duoklė*. — LP, 7, 1957, стр. 265—270.

[70] О. Н. Трубачев. Из истории названий каш в славянских языках. «Slavia», ročn. 29, 1960, стр. 26—28.

[71] А. А. Вержбовский. Древнебелорусская юридическая лексика литовского происхождения. «Lietuvių kalbotyros klausimai», 3, 1960, стр. 269—276. Тому же автору принадлежат еще две статьи примерно на ту же тему: «Балтызмы ў беларускай мове» («Весці АН БССР. Серия грам. навук», 1959, № 2, стр. 117—134) и «Балтызмы» (там же, 1960, № 3, стр. 124—132).

[72] S. Westfal. Rzecz o polszczyźnie. London, 1956 (см. раздел «Jatvingorum gens bellicosissima»).

[73] T. Zdancewicz. Litewskie elementy słownikowe w gwarach polskich okolic Sejn. — LP, 8, 1960, стр. 333—352.

[74] P. Skardžius. Baltisches. — ZfslPh, 27, 1958, стр. 173—176.

[75] E. Fraenkel. Zur indogermanischen Namenforschung. «Sybaris, Festschrift Hans Krahe». Wiesbaden, 1958, стр. 37—44.

[76] См.: Я. С. Отрембский. Язык ятвягов. — ВСЯ, № 5, 1961, стр. 3—8; его же. *Dùlgas*. — BNF, 8, 1957, стр. 280—281 [ср. также *Wisa* из **Veiša* (ятвяжск.), см.: J. Otrębski. Wisła. «Vistula». — LP, 8, 1960, стр. 257—258]. О гидрониме ятвяжского происхождения *Krzna* см.: В. Н. Топоров. Две заметки из области балтийской топонимии. «Rakstu krājums veltījums J. Endzelīnam», стр. 251—266.

[77] См.: J. Otrębski. Z badań onomastycznych. «Onomastica», 6, 1958, стр. 75—77.

Lietuvà[78], *Žeimenà*[79] и др., и также имя *Jagiełło*[80]. Применительно к русским территориям работа такого рода проделана в монографии В. Н. Топорова и О. Н. Трубачева о верхнеднепровской гидронимии[81] и отчасти в подробных исследованиях П. Арумаа, проанализировавшего некоторые спорные случаи[82]. О топонимических (прежде всего водных) названиях Прибалтики писали В. Дамбе, Б. Савукинас, А. Ванагас, В. Гринавецкис, В. Мажюлис[83], а в более широком плане с привлечением центральноевропейского материала Г. Краэ[84], Р. Шмитлейн[85] и др. Несомненно, что осторожное этимологическое исследование ономастического материала, несмотря на известные трудности, сулит важные результаты, особенно, если учесть существенное изменение территории, населяемой балтами в прошлом и в настоящем.

В. Н. Топоров

---

78 См. J. Otrębski. *Lietuvà.* — BNF, 9, 1958, стр. 116—118, 188.

79 J. Otrębski. Žeimenà. — Там же. стр. 189—190.

80 J. Otrębski. Jagiełło. «Rakstu krājums veltījums J. Entzelīnam», стр. 211—214.

81 См.: В. Н. Топоров и О. Н. Трубачев. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962; их же. Балтийская гидронимия Верхнего Поднепровья. «Lietuvių kalbotyros klausimai», 4, 1961, стр. 195—218; см. также: В. Н. Топоров. О балтийских следах в топонимике русских территорий. — Там же, 2, 1959, стр. 55—64.

82 P. Arumaa. Sur les principes et méthodes d'hydronymie russe: les noms en *gost'*. «Scando-Slavica», 6, 1960, стр. 144—175.

83 См.: V. Dambe. Blīdienes vietvārdi kā pagātnes liecinieki. «Rakstu krājums veltījums J. Endzelīnam», стр. 391—452 и ряд других ее работ (включая участие в составлении топонимического словаря Латвии); B. Savukynas. Ežerų vardai. «Lietuvių kalboturos klausimai», 3, 1960, стр. 289—300; 4, 1961, стр. 219—226; A. Vanagas. Dėl upės vardo Danė (Danija, Dangė). — Там же, 3, стр. 317—320; его же. Akmenà, Lašmuõ ir kiti panašios darybos upėvardžiai. — Там же, 4, 1961, стр. 227—232; V. Grinaveckis. Dėl kai kurių vietovardžių kilmes. — Там же, 3, стр. 321—324; V. Mažiulis. Dėl Neringos vardo. — Там же, 3, стр. 301—316.

84 Помимо многочисленных статей Краэ, в которых обычно используется богатый балтийский гидронимический материал с нередкими этимологическими экскурсами, ср.: H. Krahe. Vorgeschichtliche Sprachbeziehungen von den baltischen Ostseeländern bis zu den Gebieten um den Nordteil der Adria. «Abhandlungen d. Geistes- und Sozialwiss. Klasse», 1957, № 3, стр. 103—121.

85 См.: R. Schmittlein. Les noms de lieux lituaniens dans la «Deutsche Namenkunde» d'Adolf Bach. — RInt. Onom., 9, 1957, стр. 119—131 (критика Баха); его же. Les hydronymes baltiques en *-nt-* et le problème de *-antia*. — Там же, 12, 1960, стр. 241 и сл.; ср. также: его же. Le nom des *Mixi*. — Там же, стр. 256 (обозначение одного из германских племен в старых балтийских источниках).

ПРОБЛЕМА КАРИЙСКОГО ЯЗЫКА В ИССЛЕДОВАНИЯХ ПОСЛЕДНЕГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ

В 1950—1954 гг. были опубликованы новые карийские тексты, в том числе большая Кавнская надпись и так называемая Афинская билингва, сохранившаяся, к сожалению, лишь частично [1]. В связи с этим были предприняты очередные попытки дешифровки карийских надписей, в целом окончившиеся неудачно [2]. В 1953 г. известный французский исследователь древних языков О. Массон положил начало новому этапу изучения карийских текстов, связанному с ревизией существующих редакций (collation) [3]. В этой работе принял участие крупный французский египтолог Ж. Юайотт, в результате чего обоими учеными был произведен эпиграфический анализ карийских надписей (в том числе египетско-карийских псевдобилингв) на египетских памятниках, хранящихся в различных коллекциях [4]. Это исследование было чрезвычайно положительно встречено критикой [5]. В дальнейшем авторы предполагали исследовать аналогичным образом граффити Абидоса [6], Абу Симбела [7] и ряда других районов, а также граффити гробницы Монтуемхата, обнаруженные Ж. Лекла-

---

[1] См. перечень публикаций карийских надписей в работе: L. Deroy. Les inscriptions cariennes de Carie. «L'Antiquité classique», 24, 1955, стр. 334. В этой работе содержатся факсимиле карийских текстов Карии. Здесь же перечислены и более ранние публикации. Следует отметить, что один из древних малоазийских языков, карийский, долгое время был представлен главным образом надписями, обнаруженными в Африке. Многие из этих надписей принадлежат карийским солдатам, служившим в египетском войске, см.: И. Фридрих. Дешифровка забытых письменностей и языков. Русск. пер. М., 1961, стр. 162—163. Карийские надписи Египта датируются VII—IV вв. до н. э., Афинская (греческо-карийская) билингва — VI в. до н. э., карийские надписи Карии — IV—III вв. до н. э.

[2] См.: A. Heubeck. Рец. на кн.: O. Masson, J. Yoyotte. Objets pharaoniques à inscription carienne. «Gnomon», 31, 1959, стр. 333 и сл. Ср. также: И. Фридрих. Указ. соч., стр. 164.

[3] O. Masson. Textes cariens d'Egypte, I. — RHA, t. XII, fasc. 55, 1953, стр. 32—38.

[4] O. Masson, J. Yoyotte. Objets pharaoniques à inscription carienne. «Institut francais d'Archéologie Orientale. Bibliothèque d'Étude», t. XV. Le Caire, 1956 [1957], стр. 77, табл. 9.

[5] Кроме указанной рецензии А. Хойбека, см. также рецензии: L. Deroy. «Orientalia», vol. 28, fasc. 1, 1959, стр. 101—102; J. Leclant. RPh, t. XXXIV. fasc. 2, 1960, стр. 339—340.

[6] Большая часть этих граффити была исследована на месте проф. Юайоттом в 1955 г., причем ему удалось обнаружить ряд неизвестных ранее (см.: O. Masson, J. Yoyotte. Указ. соч., стр. XI, сн. 1).

[7] По заданию ЮНЕСКО эти граффити исследовал на месте проф. А. Бернан в 1956 г.

ном в 1951 г.[8], однако, к большому сожалению, эта работа осталась незавершенной. Ревизию карийских текстов Карии предпринял Л. Деруа, строивший свои выводы на материале консультаций и фотокопий[9]. В статье Л. Деруа содержатся весьма тщательно выполненные факсимиле всех карийских текстов Карии, а также карийской версии Афинской билингвы, что делает эту статью весьма удобным пособием для исследователей, работающих в области дешифровки карийского языка. Тем не менее редакция надписей, предложенная Л. Деруа, в ряде случаев нуждается в перепроверке[10].

В связи с находкой в 1949 г. Кавнской надписи, в которой на 240 знаков приходится всего 27 разных, X. Боссерт высказал мысль о буквенном характере карийской письменности[11]. А. Хойбек, поддерживая точку зрения Боссерта, полагает, что кавнский алфавит насчитывал около 30 букв[12]. О. Массон пришел к выводу, что в карийских текстах Египта и Нубии использовалось не более 35 разных знаков[13]. Видимо, эта цифра несколько преувеличена: есть все основания полагать, что Y и ∇ представляют графические варианты одного и того же знака (точно так же, как Ψ и ψ; Y и V); весьма вероятно, что графическими вариантами являются и знаки 8 и Ɵ; Р и Ь; Λ и В; ↑ и Т, причем такая идентификация основана не столько на форме, сколько на дистрибуции указанных знаков[14]; следует также учесть, что замечание Массона о необходимости хронологической и топографической классификации знаков, которыми написаны карийские тексты Карии (стр. 66—68), применимы в определенной степени и к карийским текстам Африки; во всяком случае буквенный характер карийской письменности (или, вернее, ее разновидностей) представляется несомненным. В этом плане весьма интересны замечания О. Массона о возможном звуковом характере знаков ↑ (дентальный согласный[15] — стр. 34, сн. 2), Λ ([w] или [ß]; не путать с более частым знаком для *n* — стр. 5—6, сн. 1) и ♀ ([i] как полагал еще Торп, исходя из весьма высокой частотности этого

---

[8] Некоторые из них были опубликованы в качестве приложения к работе: J. Leclant. Fouilles et travaux en Égypte. «Orientalia», 20, 1951, стр. 474.

[9] L. Deroy. Указ. соч., стр. 334 и сл.

[10] Ср.: O. Masson, J. Yoyotte. Указ. соч., стр. 5, сн. 1; стр. 26, сн. 1; стр. 47, сн. 2.

[11] См. замечания X. Боссерта в статье: F. Steinherr. Zu den neuen karischen Inschriften. — JKF, 1, 1950—1951, стр. 331. Аналогичную мысль высказывал в 1940 г. Б. Менц (см.: B. A. Mentz. Schrift und Sprache der Karer. — IF, 57, 1940, стр. 267—272), что явилось реакцией на неудачные попытки дешифрировать карийский язык на основе интерпретации ряда знаков как силлабем типа «согласный + гласный», чем особенно увлекался Ф. Борк (см.: F. Bork. Die Schrift der Karer. «Archiv für Schreib- und Buchwesen», 4, 1930, стр. 18—30). Однако Менц совершенно не учитывал реальной дистрибуции знаков в карийских надписях, наделяя к тому же эти последние характером, ни в коем случае им не свойственным (ср., в частности, резкую критику в адрес Менца, высказанную в указанной рецензии Хойбека; ср. также: H. Jensen. Die Schrift in der Vergangenheit und Gegenwart. Berlin, 1958, стр. 452).

[12] A. Heubeck. Указ. соч., стр. 336.

[13] O. Masson, J. Yoyotte. Указ. соч., стр. 68 (ср. табл. на стр. 67). Далее ссылки на эту работу даются в основном тексте.

[14] См.: V. Ševoroškin. On Karian. — RHA (в производстве).

[15] О возможном характере соответствующего лидийского знака см. из последних работ: A. Heubeck. Lydiaka. Untersuchungen zu Schrift, Sprache und Götternamen der Lyder. Erlangen, 1959, стр. 51—58.

знака; к аналогичным выводам приводит анализ карийской ономастики — стр. 38—39, сн. 3)[16], чередующегося с Ɵ [e] (звуковой характер этого знака установлен достаточно четко еще в конце прошлого века)[17]. Карийское ⊕AFM- в звуковом отношении традиционно интерпретируется Массоном как [tavs-], однако этой параллели между указанным образованием (представляющим, очевидно, собственное имя) и известной глоссой Гесихия (ταῦς · μέγας, πολύς) предпочитается сближение карийской формы с карийским же собственным именем *Ταυσας, восстанавливаемым на основе генитива Ταυσαδος (δ — основа; Галикарнасс, V в. до н. э.) (стр. 34—35)[18]. Разумеется, предположение о генетическом соответствии этих образований лидийской основе tauś- (в tauśaś 'великий, мощный') остается в силе. Вызывает возражение предположение о тождестве между ⊏ и ((стр. 64)[19], ибо из распределения знаков в текстах с достаточной очевидностью следует вывод об идентичности первого знака распространенному знаку F ([v], ср. выше). Это отождествление было с полным основанием произведено Ф. Штайнгером и впоследствии поддержано X. Штольтенбергом[20].

Все эти знаки рассматриваются как совершенно независимые графические образования в таблице, содержащейся в названной выше статье Деруа, что само по себе не вызывало бы возражений, если бы и другие графические варианты трактовались аналогичным образом. Деруа объединяет, однако, графические варианты в одну рубрику [например, N и И (знак № 38 в его таблице)][21], причем в одну и ту же рубрику у него попадают F и Λ\, хотя последний из этих знаков является не чем иным, как графическим вариантом A, что с достаточной очевидностью следует, во-первых, из дистрибуции знаков (в частности, из того факта, что A является гласным, а F — согласным[22]), во-вторых, из «лексических» соответствий (ср. например D 7 и D 10), в-третьих, из сравнения с греческими надписями того же района и той же эпохи, содержащими аналогичные альфы. Следует, наоборот, объединить в одну рубрику знаки Γ и Λ, являющиеся графическими вариантами, а также ряд других знаков (№ 9 и 10; 36 и 46; 16, 17, 23 и 28; 18 и 19; 14 и 22; 44 и 50 в таблице Деруа) и т. д.; здесь нет возможности рассматривать все упущения Деруа. Если исключить из рассмотрения тексты D 4, D 5, D 17, D 18, репертуары знаков в которых весьма отличны от таковых в основных

---

16 Ср. замечания Массона с ссылкой на Торпа уже в его выше указанной статье, стр. 33.

17 Ср.: P. Kretschmer. Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache. Göttingen, 1896, стр. 381 (с ссылкой на Сейса).

18 Ср.: A. Heubeck. Praegraeca. Erlangen, 1961, стр. 48—49.

19 Следует отметить, что транскрибируемый посредством *g* (= C) знак упоминаемого Массоном карийского слова представляет собой весьма отчетливое ⊏ (= F [v]).

20 F. Steinherr. Указ. соч., стр. 333; H. Stoltenberg. Neue Lesung der karischen Schrift. «Die Sprache», IV, 1958, таблица.

21 В эту же рубрику попал и знак для [ß], ибо для него не отведено специальной графы; это не значит, впрочем, что любой знак с наклонными балками обозначает указанный звук; так в D 15 (т. е. в надписи № 15 по нумерации Деруа) все «наклонные» знаки суть *n*, что ясно из сопоставления с другими надписями; знак для [w = ß] подчас выделяется в надписях с «чётким почерком» тем, что имеет иное направление серединной балки, ср. концовку надписи D 11.

22 О дистрибуции карийских знаков, в частности о поляризации классов (гласные : согласные), см.: В. В. Шеворошкин. О структуре звуковых цепей. «Проблемы структурной лингвистики». М., 1963.

текстах Карии[23], то останутся 31—32 знака, причем некоторые из них свойственны лишь одной надписи [или определенной группе надписей: так, знак № 47 встречается только в Кавнской надписи; знак № 42 — только в D 9 — D 11, в которых, с другой стороны, совершенно не встречается Е (№ 31, по Деруа)]. Редкий знак той или иной надписи (формально идентичный часто встречающемуся знаку других надписей) может, кроме того, являться «лишним» в группах знаков, соответствующих той или иной звуковой группе; все эти выводы противоречат данным Деруа и смыкаются с положениями Боссерта и Хойбека о буквенном характере карийской письменности; аналогичный вывод фактически содержится также и в работе Массона и Юайотта[24].

Ряд интересных замечаний относительно возможных значений карийских знаков содержится и в специальных работах по дешифровке карийского языка, принадлежащих Штайнгеру и Штольтенбергу[25]. Таблица, идентификации знаков, составленная Штольтенбергом, безусловно, содержит ряд здравых мыслей [отождествление вариантов знаков для *a*, *v*, *z*, *l*, *ä* (вернее, для *i*; в трактовке этого знака Штольтенберг некритически следует за Сейсом)]. Штольтенберг неправ в идентификации вариантов знака ╳, ┼ со знаком для *b*, в трактовке ↑ как *zi*, в трактовке «прямоугольника» как *ija* и в ряде других случаев: так, ⩓ трактуется им как *uw*, однако этот знак является согласным и чередуется с Δ в NΔA;)((очевидно, согласный из «группы *t*», ср. лик. ϑ), по Штольтенбергу, имеет значение *nda* (но ведь в карийском есть NΔA = *nda*, по транскрипции Штольтенберга же). Таким образом, чтения Штольтенберга во многом необоснованны; следует только сожалеть, что он пользовался этими чтениями в своих дальнейших работах по карийскому, а также этрусскому и ликийскому языкам.

Что же касается работ Штайнгера, то его чтения еще более далеки от действительности (ср. трактовку Γ как *b*; Р «оборотного» как *t* во второй статье этого автора); низкий методический уровень статей Штейнгерра можно проиллюстрировать следующим примером: кар. МО↑ интерпретируется Штайнгером как *soli*[26]; это ему необходимо для обоснования тезиса о билингвальном характере надписи D 7; звуковое соответствие он находит в Ὑσσολλος; однако в следующей же строке встречается идентичное карийское «окончание» в другом слове, уже не имеющее никакого соответствия в греческом тексте. Весьма интересно замечание Штайнгера о «гласном ⊕»[27]. Действительно, этот знак, звуковое значение [t] которого в ряде надписей представляется несомненным, ведет себя довольно странно в некоторых надписях усыпальницы Монтуемхата (бросается в глаза его параллелизм с О [о]; ср. концовку прямых строк в L 10 и L 11 = fig. 37 и fig. 38 в указанной выше работе Леклана); следует отметить, что и в некоторых других надписях Египта этот знак функционирует как гласный; в L 10 он встречается чрезвычайно часто — черта в большинстве надписей ему не свойственная; возможно, мы имеем дело с омографами, соответствующими [t] и [о] ([ō]?).

Особняком стоит недавнее исследование В. Георгиева «Индоевропейский характер карийского языка», основанное исключительно на данных,

---

[23] Ср. замечания Массона о локальных алфавитах, цитируемые Деруа в названной выше статье.

[24] Следует учесть, что Массон исключил из рассмотрения некоторые надписи, «карийский» характер которых весьма сомнителен; это, естественно, сузило репертуар карийских знаков в надписях Египта.

[25] F. Steinherr. Указ. соч., стр. 328—336; его же. Der karische Apollon. «Die Welt des Orients», Bd 2, H. 2, 1955, стр. 184—192; H. Stoltenberg. Указ. соч., стр. 139—151.

[26] F. Steinherr. Der karische Apollon, стр. 190.

[27] Там же, стр. 186.

содержащихся в греческих (и латинских) источниках [28]. В первой части статьи В. Георгиева, посвященной исторической фонетике и в определенной степени основывающейся на выводах В. Бранденштейна [29], вызывает возражение, в частности, трактовка -λλ-, -λδ- в карийских словах как развитие *-lj-* (в качестве типологического подтверждения приводится н.-греч. диал. ἄλδος = ἄλλος 'другой' < и.-е. aljo-s, где *d* (*đ*) < *j*); в качестве другого возможного объяснения предполагается диссимилятивный сдвиг *ll* > *ld* (стр. 608). Гораздо более убедительной представляется интерпретация Хойбека, возводящего кар. λ(λ) = λδ к специфическому карийскому звуку, воспринимавшемуся греками как нечто среднее между λ и δ [30]. Несомненно, функционирование этого специфического звука имело прямое отношение к древнему малоазийскому чередованию *l* : *d*. Видимо, не существовало и хронологически обусловленного перехода λλ > λδ, ибо известные до сих пор факты свидетельствуют лишь о параллелизме в употреблении обоих сочетаний [31]. Аналогичные замечания могут быть сделаны и в отношении карийских суффиксов, содержащих -λ(λ)-, -λδ-, анализируемых во второй части статьи, посвященной словообразованию.

Замечание о делабиализации лабиовелярных в карийском (стр. 608) не соответствует действительности. О наличии в карийском категории лабиовелярных свидетельствуют предвокальные сочетания *κο-*, *κυ-*, *κου-*, *κα-* в карийских именах, содержащихся в греческой передаче. С помощью этих сочетаний греки, в языке которых в эпоху заимствований уже не существовало лабиовелярных, пытались передать карийское *k^{u}* (аналогичным образом греки передавали латинское *qu*, ср. κουαδρᾶτος ⩽ quadratus и т. п.).

Укажем на некоторые ошибки, содержащиеся в третьей, основной, части статьи Георгиева, посвященной карийской этимологии. Слово *κακκαβη* 'голова коня' («Hengst» в свободном переводе Георгиева, возводящего это слово к и.-е. **kanko-bhā* 'скакун', ср.: герм. *hanha* 'сильный, быстрый', лит. *šankùs* 'быстрый'), которое некоторые исследователи, вслед за О. Блау (1873 г.), считали карийским, видимо, представляет собой пуническое заимствование, родственное аккадскому *kukubu* 'сосуд' [32]. Сопоставление первого элемента Λων-δαργος (эпитет карийского Зевса) с хетт. *laḫḫii̯ani* (стр. 613) не выдерживает критики: карийские тексты дают ясное свидетельство о сохранении в интервокальном положении фонемы [k] (кар. ѱ), соответствующей, в частности, хеттскому клинописному *ḫḫ*, хеттскому иероглифическому и лувийскому *ḫ* [33]. Слово ἴδη 'лес' возводится Георгиевым к индоевропейскому **Widhw-ā* (стр. 610), что маловероятно [34]; упоминаемого им. на стр. 618 слова Οὐσσωλος в действительности

---

[28] Vl. Georgiev. Der indoeuropäische Charakter der karischen Sprache. «Archiv Orientální», 28/4, 1960, стр. 607—619. — Утверждение В. Георгиева, что карийские надписи ничего не дают исследователю карийского языка (стр. 607), уже на основании изложенного выше представляется слишком пессимистичным.

[29] W. Brandenstein. Karische Sprache. В кн.: Pauly — Wissowa. Realencyclopädie der Altertumswissenschaft, Supplementband VI. Stuttgart, 1935 [1936].

[30] A. Heubeck. Praegraeca, стр. 25.

[31] A. Heubeck. Lydiaka, стр. 19.

[32] G. Neumann. Untersuchungen zum Weiterleben hethitischen und luwischen Sprachgutes in hellenistischer und römischer Zeit. Wiesbaden, 1961, стр. 77. — В качестве типологической семантической параллели Нойман приводит переход *testa* > *tête*.

[33] См. мою работу «Карийский вопрос» (ВЯ, 1962, № 5, стр. 97); кар. Λων- ⩽ Ρων.

[34] A. Heubeck. Praegraeca, стр. 15.

не существует[35]. Некоторые слова наделены совершенно бездоказательными этимологиями [например, τουσσύλοι 'гномы', выводимое из и.-е. **(s)tukto + -ula*, ср. ирл. *tocht* 'часть'; τυμνισσός 'прут, посох', выводимое из и.-е. *(s)tu(m)pn-ikjo-s* и т. п.]. Ограниченные рамки обзорной статьи не позволяют дать более подробный анализ работы Георгиева[36].

В целом приходится констатировать, что исследования по карийскому языку, написанные за последние десять лет, малоудачны, за небольшим исключением. Такое положение вещей объясняется прежде всего порочной методической установкой исследователей, интерпретировавших тот или иной факт в полном отрыве от других, прямо или косвенно с ним связанных.

А между тем всесторонний структурно-дистрибутивный анализ карийских текстов позволяет отделить в них гласные от согласных, выделить элементы, принадлежащие локальным алфавитам, отделить графические чередования от чередований, соответствующих колебаниям в произношении, и т. п. Исследование частотных взаимоотношений греческих букв в карийских именах, сохранившихся в греческой передаче, и знаков в карийских текстах позволяет определить звуковые значения отдельных карийских букв или во всяком случае отнести их к той или иной группе. Сравнение полученных результатов с внешними данными позволяет проверить правильность выводов и сделать обобщения, которые могут послужить предпосылкой для дальнейших исследований. Естественно, что наиболее легко поддаются исследованию карийские тексты Африки, в основном содержащие, как это было установлено еще в прошлом веке, собственные имена[37].

В. В. Шеворошкин

---

[35] Это «слово» представляет собой результат неверного чтения И. Сундвалем греческого собственного имени Θυσσωλος, см.: L. Robert. Études épigraphiques et philologiques. Paris, 1938, стр. 183.

[36] В настоящей статье по тем же причинам не анализируется принадлежащая М. Трою первая попытка дешифровать Афинскую билингву, основанная, впрочем, на ложных предпосылках (M. Treu. Eine griechisch-karische Bilingue und ihre Bedeutung für die karische Schrift. «Glotta», 34, 1954, стр. 67—71; ср.: J. Robert, L. Robert. Bulletin épigraphique. — REG, 68, 1955, стр. 212 и сл.); не затрагивается также обширный сопоставительный материал, содержащийся (в сносках) в монографии А. Ломонье (A. Laumonier. Les cultes indigènes de Carie. Paris, 1958) и представляющий собой перечень традиционных и во многом неверных этимологий (что же касается основного содержания книги Ломонье, то оно, безусловно, заслуживает самой высокой оценки и, возможно, принесет большую пользу при дальнейшем изучении карийского языка, как и интересное исследование Периханян «Храмовые объединения Малой Азии и Армении». М., 1960).

[37] Подробнее см.: В. В. Шеворошкин. Карийский вопрос. — ВЯ, 1962, № 5; его же. О хетто-лувийском характере карийского языка. — ВЯ, 1963, № 3; V. Ševoroškin. On Karian — RHA (в производстве) и др.

ОБ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОЙ МЕТОДИКЕ КАРЛА БОУДЫ

(На материале кавказских языков)

Можно смело утверждать, что решение проблемы взаимоотношения трех уже давно выявленных исследованием генетических группировок кавказских языков (абхазско-адыгской, картвельской и нахско-дагестанской), а также вопроса об отношении их всех, или части из них, к другим лингвистическим семьям — актуальная задача кавказского языкознания. В настоящее время ведется значительная работа по обоснованию иберийско-кавказкой гипотезы, предполагающей наличие исконной генетической общности всех трех группировок кавказских языков. Время от времени предпринимаются и опыты определения «внешнего» родства этих языков [1]. Рассматриваемая ниже серия работ западногерманского языковеда К. Боуды, уже в течении многих лет предпринимающего попытки сближения кавказских языков с китайско-тибетскими, финно-угорскими, палеоазиатскими, баскским и бурушаски, продолжает словарносопоставительную линию в изучении внутреннего и внешнего аспектов проблемы родства кавказского языкового мира. В лексикологических исследованиях Боуды, разбросанных по различным изданиям, накопилось несколько сот словарных сопоставлений, положительно решающих, по мнению их автора, данную проблему [2]. Не останавливаясь особо на той преимущественно скептической оценке, которую встретили эти работы в специальной литературе, попытаемся осветить основные особенности методики работ Боуды [3].

---

[1] Дискуссия по этому кругу вопросов проведена на страницах журнала «Вопросы языкознания» за 1954—1955 гг.

[2] Ср.: K. B o u d a. Baskisch und Kaukasisch. — ZfPh, Jg. 2, 1948, H. 3-4, стр. 182—202 и H. 5-6, стр. 336—352 (сокр. Bask. und Kauk.); Baskisch-kaukasische Etymologien. Heidelberg, 1949 (сокр. Bask-kauk. Etym.); Die tibetisch-kaukasische Sprachverwandschaft. «Lingua,» II, № 2, 1950, стр. 140—169 (сокр. Tibet.-kauk. Spr.); Beiträge zur etymologischen Erforschung des Georgischen. «Lingua,» II, № 3, 1950, стр. 291—307 (сокр. Etym. Georg.); Neue baskisch-kaukasische Etymologien. Salamanca, 1952 (сокр. Neue bask.-kauk. Etym.); Buruschaski Etymologien. «Orbis,» т. 3, № 1, 1954, стр. 228—230 (сокр. Burusch. Etym.); Südkaukasisch-nordkaukasische Etymologien.—WO, II. Göttingen, 1955, стр. 200—205 (сокр. Südkauk. Etym.); Tibetische Etymologien. «Orbis,» т. 5, № 1, 1956, стр. 203—215 (сокр. Tibet. Etym.). — Рецензенту остались недоступными статьи автора, опубликованные в баскологическом издании «Eusko-Jakintza» (издается с 1941 г. в Испании).

[3] В обзоре меньшее внимание уделено работе К. Боуды «Baskisch-kaukasische Etymologien», получившей широкий отклик в специальной литетатуре. См. рецензию на эту кн.: J. H u b s c h m i d. — «Vox Romanica», X, 1948—1949, стр. 309—313; R. L a f o n. — ZfPh, Jg. 4, 1950, H. 3-4, стр. 258—261; A. M a r t i n e t. — «Word», vol. 7, № 3, 1951, стр. 279—282; J. E c h o l s. — «Language», vol. 28, № 1, 1952, стр. 158—159; G. D e e t e r s. — DLZ, Jg. 73, April 1952, H. 4, col. 206—210; H. V o g t. — NTS, XVII. Oslo, 1954, стр. 537—549.

Первое, что бросается в глаза в комплексе исследовательских приемов Боуды, это игнорирование системного характера языка и изменений, происходящих в его структуре в ходе исторического развития. Почти во всех своих работах автор нигде не стремится проследить на материале сопоставляемых языков те или иные систематические закономерности, будь то план закономерных звуковых, или семантических соответствий, постоянно перенося центр тяжести своей аргументации на оставленный современным языкознанием критерий фонетической идентичности и сходства [4]. Практически это значит, что все сопоставления сводятся к сравнению внешне более или менее созвучных слов, обладающих более или менее близким значением. Такое сравнение приводит обычно автора к установлению многозначных рядов соответствий в одном из сопоставляемых языков какому-либо звукотипу другого, которые все равно вероятны и равно оневероятны. Так, в одном случае оказывается, что тибетскому *g* тольк в картвельских языках отвечают: *g* (№ 129—138), *k* (№ 88, 174), *ḳ* (№ 45, 70), *q̣* (№ 13, 142, 152), *γ* (№ 35, 143), *x* (№ 47, 158), *ǯ* (№ 144—146), *r* (№ 14, 95) и нуль звука (№ 93, 126) [5]. Тибетскому *η* здесь же отвечают те же картвельские рефлексы: *g* (№ 79, 197), *ḳ* (№ 154, 198), *q̇* (№ 121), *γ* (№ 195, 196) и нуль звука (№ 124, 127), а также *n* (№ 142, 152—171), *m* (№ 131, 150) и *γv* (№ 145). В другом случае *ḳ* картвельских языков в горских кавказских языках отвечают те же знакомые звукотипы: *ḳ*, *k*, *g*, *q̣*, *γ* и *x*, а также *q* и *č̣*, причем имеют место и обратные соответствия [6]. Насколько широко понимается звуковое сходство Боудой, видно, например, из того, что тибетский звукотип *d* сопоставляется с картвельскими *d* (№ 31—39), *t* (№ 40, 41), *ṭ* (№ 154, 201), *r* (№ 89, 111), *s* (№ 181) и *v* (№ 19) [7]. Насколько субъективно может быть использована неопределенность понятия фонетического сходства, кавказское языкознание могло убедиться еще на примере многочисленных работ Н. Марра. Сомнения в корректности такого подхода к языковому материалу еще более увеличиваются, когда во всем слове сопоставляется единственный звукотип.

Известно, что в подобных исследованиях большую роль играет критерий вероятности допускаемых автором семантических переходов. Между тем в рецензируемых работах нередко сталкиваемся с сопоставлением трудно сопоставимых «семантических точек». Не говоря уже о ряде семантических соответствий, реальность которых, по-видимому, не поддается проверке на другом лингвистическом материале, в статьях Боуды имеются и явные натяжки (ср. сопоставление основ со значениями 'усталый' и 'отдыхать', 'мясо' и 'труп', 'тигр' и 'мужчина' [8] и др.). Следует в этой связи отметить и то обстоятельство, что внушительная часть лексики, которой оперирует автор, составляет периферийную часть словаря, подверженную, как показали работы по лексико-статистическому анализу, относительно быстрым изменениям, и на которую трудно опираться в исследованиях генетического порядка.

Другой серьезный недостаток работ Боуды составляет ограниченность сравнительной базы исследования. Как известно, кавказское языкознание в общем осознало, что в условиях больших как структурных, так и материальных расхождений, существующих между группами языков, необходимо предварительное сведéние каждой из них к своему праязыковому знаменателю: непосредственное сопоставление полученного материала ста-

---

[4] Исключение в своем роде представляет статья Боуды «Avarisch *x*, tscherkessisch *L* und der baskische Rhotazismus». — ZfPh, Jg. 4, 1950, H. 3-4, стр. 252—258.

[5] См. Tibet. kauk. Spr.

[6] Südkauk. Etym.

[7] Tibet. kauk. Spr.

[8] Там же, № 86, 125, 57.

нет более перспективным лишь на следующем этапе исследования [9]. Однако в рецензируемых статьях, как правило, нет не только реконструкций, но даже минимальной полноты лингвистического контекста. Внушительный процент в них составляют сопоставления слова какого-либо одного языка с соответствующим словом другого (скажем, грузинского слова с аварским, баскского — с абхазским, тибетского — с лакским и т. п.). Так, в работе «Die tibetisch-kaukasische Sprachverwandschaft» таких сопоставлений 127 из 206, в «Neue baskisch-kaukasische Etymologien» — 26 из 42, в «Buruschaski Etymologien» — 22 из 36, в «Tibetische Etymologien»—79 из 162. В других случаях, когда привлекаемый к сравнению материал несколько шире, далеко не всегда имеется уверенность в его адекватности. Так, с тибет. *c'al* 'лес' сопоставляется, с одной стороны, абхаз. *ça* 'дерево' и цахур. *čalag* 'лес' — с другой (Tibet. Etym., № 56). Однако цахурское слово вместе с другими его вариантами на Кавказе (ср. удинск. *čalag* 'лес', груз. *čalak* 'прибрежный лесок, роща') существует на правах заимствования из иранского источника [10]. Баск. *i-ra-z-i* 'цедить' сопоставляется, с одной стороны, с абхаз. *ra-ʒa-* 'выжимать', с другой — с груз. *cer-* и занск. *cir-* 'просеивать через решето' (Bask. und Kauk., № 36). Но с выделяемым автором глагольным корнем значительно легче сближается общекартвельский $*ʒ_1$, ср. груз. *rʒe-*, занск. *bža-*, *bǯa-* и др., сванск. *ləǯe* 'молоко' (сванское слово формально является причастием прошедшего времени с префиксом *lə-* и может исторически трактоваться как 'нацеженное', 'выжатое': ср. сванск. *lə-b-e* 'связанное', 'привязанное', *lə-qan* 'вспаханное' и т. п.)[11]. С другой стороны, у автора оказались неуточненными некоторые довольно очевидные общекавказские параллелизмы. Ср. абхаз. *c-* 'зуб', 'зерно', 'штука', груз. *cal-* 'штука', аварск. *co-* 'один' [12]; адыг. *'a-taγu* / кабард. *'a-daγu* 'локоть', груз. *idaqv-* / занск. *durqu-*, *duq-* 'локоть' [13], чеченск. *du͡ol-*: *dal-*, дарг. *dak̦*, лакск. *nak̦*, аварск. *naț* 'локоть (мера длины)'; также абхаз. *žə*, адыг. *lə* 'мясо', сванск. *leγv-* 'мясо', хиналугск. *ləkka*, табасар. *likk*, андийск. *riți* 'мясо' [14].

Даже сравнительно хорошо изученный кавказским языкознанием картвельский материал, занимающий весьма видное место в работах Боуды, реконструируется автором в очень ограниченной мере. Между тем в предпринимаемых автором сопоставлениях было бы выгоднее опереться на такие реконструкции общекартвельского хронологического уровня, как **b-* 'лить', **pr-*: *par-* 'покрывать', **pen-*: *pin-* 'стлать', **qvel-* 'кашлять', **bur-*

---

[9] Ср.: Арн. Чикобава. Исследование горских кавказских языков и наши задачи. «Изв. ИИЯИМК», XII. Тбилиси, 1942, стр. 287—288; ср. также: Е. А. Бокарев. Задачи сравнительно-исторического изучения кавказских языков. — ВЯ, 1954, № 3, стр. 48—50.

[10] Ср. перс. *čālé* 'ров', 'яма', 'неглубокий колодец', закономерно сводящееся к ср.-перс. *čālag*.

[11] О возможных нахско-дагестанских соответствиях этой основе см.: N. Trubetzkoy. Nordkaukasische Wortgleichungen. «Wiener Zeitschrift für Kunde des Morgenlandes», t. 37. Wien, 1930, стр. 88—89.

[12] Ср.: И. А. Джавахишвили. Введение в историю грузинского народа, т. II. Первоначальный строй и родство грузинского и кавказских языков. Тбилиси, 1937, стр. 419; Х. Бгажба. Общие корни (и основы) в абхазском и картвельских языках. «Иберийско-кавказское языковедение», II. Тбилиси, 1948, стр. 42.

[13] Сопоставление принадлежит Г. В. Рогава («К вопросу о структуре именных основ и категориях грамматических классов в адыгских (черкесских) языках». Тбилиси, 1956, стр. 8).

[14] О других нахско-дагестанских соответствиях см.: N. Trubetzkoy. Указ. соч., стр. 86.

'заволакивать', 'закрывать', **kvis$_1$l̥-* 'свояк'[15], **kreml̥-* 'слеза'[16], **c̣ver-* 'конец' 'борода', **zr̥d-*: *zard-* 'расти'[17] и др.

Вместе с тем без преувеличения можно сказать, что те немногие реконструкции, которые все же встречаются в статьях Боуды, в целом отличаются недостоверностью. Невероятна, например, праформа **cx ~ sḳw* 'светить' 'блестеть' (Bask.-kauk. Etym., стр. 46), в которой автор смешивает две, если даже не три, разные картвельские основы, представленные занск. *muricx- / muricx-* 'звезда' и *varcxil-* 'серебро'. Не видно оснований и для предложенной Боудой общекартвельской праформы редуплицированного типа **tu-t(v)* 'медведь' (Etym. Georg., стр. 296): на основании груз. *datv-*, занск. *mtut- / tunt-* и сванск. *däšdv-* здесь следует предполагать **da(s$_1$)tv-*. Вместо **ḳvat-* 'рубить', 'резать' (Südkauk. Etym., стр. 206) должно быть **ḳve(s$_1$)t-* (ср. груз. *ḳvet-*, занск. *ḳvat-*, сванск. *ḳvešd-*); вместо общекартвельского **cx* 'палец' (Bask.-kauk. Etym., стр. 40) должны иметь **pr̥cxa-* (ср. груз. *prcxil-*, занск. *bircxa-*, сванск. *cxa-*); вместо **in-*, 'язык' (Neue bask.-kauk. Etym., стр. 14) — **nəna* (ср. груз. *ena-*, занск. *nena- / nina-*, сванск. *nən / nin*); вместо **c-* 'десять' (Bask und Kauk., стр. 199) — **a(s$_1$)t-* (ср. груз. *at-*, занск. *vit-*, сванск. *ješd*); вместо *škua- и *šuga / suŋa* 'между' (Tibet.-kauk. Spr., стр. 155) — **šua* и т. п. Наличию таких ошибок не приходится удивляться, если учесть, что кавказские прототипы часто реконструируются автором не столько на основе материального контекста самих кавказских языков, сколько с оглядкой на баскские, тибетские и другие внешние словарные параллелизмы, что явно напоминает соответствующую «методику» Н. Марра (различие состоит в том, что Н. Марр преимущественно строил соответствующие баскские, шумерские и прочие прототипы, ориентируясь на формы, засвидетельствованные в кавказских языках[18]). Так, в частности, сведéние баск. *abar* 'ветвь' к праформе **habar* или **khabar* диктуется лишь существованием аварск. *xob* 'прут', 'хлыст' (Bask. und Kauk., № 75); общекартвельское *in-* 'язык' реконструируется исходя из баск. *-in-* 'говорить' (Neue bask.-kauk. Etym., № 40; ср. также Bask.-kauk. Etym., № 186); общедагестанское **xe-* 'вода' восстанавливается с оглядкой на баск. *e-he* 'обмылки' 'бурда' (Bask.-kauk. Etym., № 80) и т. п.

Хорошо известна ненадежность в сопоставлениях генетического характера так называемых символических основ. Однако последние нередко активно вовлекаются автором в исследование. Например, аварск. и агульск. *ṭinḳ-* 'капать' сопоставляется с тибет. *a-t'ig* то же (Tibet. kauk. Spr., № 54). Символические основы чанск. *cig-*, мегр. *ciḳ-* (сюда же добавим сванск. *ciq-*) 'втыкать' сравниваются с тибет. *a-cog* 'вонзать', 'засовывать' (там же, № 71). Основа этого типа, выступающая в груз. *č̣am-*, аварск. *č̣am-*, дарг. *č̣äm-*, а также во многих других языках самых различных лингвистических групп со значением 'есть', 'жевать', сопоставляется с тибет. *a-c'em* 'жевать' (там же, № 122). То же самое относится к мегр. *γu* и тибет. *ug* 'сова' (там же, № 140), дарг. *ummaj* и тибет. *'um* 'поцелуй' (Tibet. Etym., № 15), мегр. *ǯiḳ-* 'ударить', 'пнуть' и тибет. *m-c'ig* 'ступка' (там же, № 86) и т. д.

Еще одно важное замечание общего порядка в адрес этимологической методики автора можно сформулировать как недостаточный учет культурно-исторической перспективы исследования. Так, Боуда считает возможным проицировать в эскаро-кавказскую эпоху, которая должна была бы от-

---

[15] Ср. Tibet. kauk. Spr., № 7, 14, 15, 21, 162, 181.

[16] Ср. Südkauk Etym., № 76.

[17] Ср. Tibet. Etym., № 16, 157.

[18] Ср., например: Н. Марр. О «небе» как гнезде празначений. «Избранные работы», т. II. Л., 1936, стр, 145, 146; его же. Из семантических дериватов «неба». — Там же, стр. 147—148 и мн. др.

стоять от нас не менее чем на пять тысячелетий[19], такую «семантическую точку», как «борона», общее название которой, согласно автору, до сих пор принадлежит в баск. *arhe* и лезгин. *γar̥* (Bask. kauk. Etym., № 100). С другой стороны, не менее уверенно на основании сопоставления тибет. *šal* 'борона' и сванск. *ča̧d* то же (наличие этой основы в сванском проверить не удалось) восстанавливается другое общее название бороны — на этот раз тибетско-кавказское (Tibet. Etym., № 104). Полезно заметить при этом, что ни для одной из трех групп кавказских языков не удается реконструировать общего названия бороны, а также то, что сванский язык, например, почти не разделяет земледельческой терминологии даже с другими языками картвельской группы. Совершенно антиисторично в этом плане и сопоставление тибет. *l-čag-s* 'железо' с чеченск. *ečig* того же значения (Tibet. kauk. Spr., № 119) ввиду того, что массовое производство и использование железа, появившегося на Северном Кавказе в начале I тысячелетия до н. э., падает здесь лишь на раннескифский период, т. е. на VII—IV вв. до н. э., когда о каких-либо связях Кавказа с Тибетом говорить не приходится[20]. Трудно допустить для отдаленной эпохи эвскаро-кавказского единства и существование общей основы со значением 'плуг ∼ пахать' (ср. Neue bask.-kauk. Etym., № 2). По тем же причинам очень сомнительна достоверность сопоставления тибет. *ga* 'плата' с мегр. *g-* 'платить' (Tibet. Etym., № 109), бурушаски *γi-n* 'вор' с аварск. *-iq̧q̧-* 'воровать, красть' (Burusch. Etym., № 30) и некоторых других.

Множество различного рода ошибок, содержащихся в сопоставлениях Боуды, обусловливается довольно поверхностным знакомством автора с кавказским материалом и его историей. В некоторых случаях к сравнению привлекаются не существующие в этих языках основы, такие, как: сванск. *māl* 'лягушка' (Tibet. kauk. Spr., № 10), груз. *ç̌q̧onli* 'дуб' (там же, № 113), груз. *ç̌umi* 'тихий' (там же, № 114), груз. *miča-* 'земля' (Etym. Georg., № 46), груз. *oš-* 'пахать' (там же, № 52) и т. п. По этой же причине в сопоставлениях Боуды можно встретить немало заимствованных слов, которые не могут, конечно, поддержать генетических гипотез автора[21]. Здесь, в частности, налицо целая категория слов, усвоенных картвельскими языками из армянского; ср. груз. *toķ-*/сванск. *taķw-* 'веревка,' сопоставляемые с тибет. *tag* (Tibet. kauk. Spr., № 45), при арм. *toķ-* то же; груз. *ķalmax-* 'форель', сопоставляемое с фин. *kala* 'рыба' (Etym. Georg., № 2), при арм. *ķarmraxaįt* то же[22]; груз. *van-* 'дом', сравниваемое с адыг. *uə̂na* (там же, № 15), при арм. *van-* то же; сванск. *šuķw* 'дорога', сопоставляемое с бурушаски *ṣuŋ/šuŋ* 'длинная узкая дорога', 'улица' (Burusch. Etym., № 16), при арм. *šuķa* 'рынок, базар'. Широко известное во всех кавказских языках слово *čarx* 'точило', 'оселок', сравниваемое автором с баск. *zorr-otz* 'острый' (Neue bask.-kauk. Etym., № 35), имеет совершенно очевидный иранский источник[23]. Груз. *šmag-* 'бешеный', генети-

---

[19] Ср.: H. Vogt. Рец. на кн.: K. Bouda. Baskisch-kaukasische Etymologien. — NTS, XVII. Oslo, 1954, стр. 537—538.

[20] Ср.: Е. И. Крупнов. Предскифские памятники северо-восточного Кавказа. «Уч. зап. ЛГУ», вып. 13, 1949, стр. 111 и сл.; его же. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, стр. 8—9; Г. А. Меликишвили. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959, стр. 198—200.

[21] О целом ряде таких заимствований, используемых автором, см.: H. Vogt. Указ. соч.; см. также: G. Deeters. Bemerkungen zum K. Bouda's Südkaukasisch-nordkaukasischen Etymologien. — WO, III. Göttingen, 1957, стр. 382—383.

[22] Ср.: Н. Марр. Грамматика чанского (лазского) языка с хрестоматией и словарем. СПб., 1910, стр. 151.

[23] Ср. др.-ир. *čaxra* 'колесо'. См.: В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. I. М., 1958, стр. 287—288.

чески увязываемое Боудой с адыг. *səmāǯa* 'больной' (Etym. Georg., № 53), также восходит к иранскому: ср. авест. *aēšma-* 'гнев', 'неистовство', 'бешенство', являющееся также синонимом *daēva-* 'дэв' [24]. Нельзя не упомянуть здесь же интересное объяснение груз. *pas-* 'цена', 'стоимость', генетически увязываемого Боудой с адыг. *vasə* (там же, № 10), из иранского источника, предложенное недавно А. К. Шагировым (ср. авест. *pasu-* 'скот' 'мелкий скот', талышск. *pas*, белудж. *pas* 'овца' 'мелкий скот', шугн. *pis/pus* 'счетная или меновая единица, равная по стоимости барану', вахан. *pus* 'средней величины баран или овца, счетная единица') [25]. Из перс. *sim* идет и груз. *sim-* 'струна', сопоставляемое автором с марийск. *šün*, венг. *in* 'жила' (Bask. und Kauk., № 154). Сванск. *paqv* 'шапка', приводимое Боудой в знак свидетельства родства картвельских языков с адыгскими (Etym. Georg., № 12), непосредственно усвоено из кабардинского. Вместе с тем факты привлечения к анализу таких слов, как сванск. *ǯər-* 'корень' (Tibet. Etym., № 53), мегр. *nan-* 'сожалеть', 'раскаиваться' (там же, № 37), мегр. *či-* 'говорить' (там же, № 83), при соответственно груз. *ǯir-*, *nan-* и *čiv-*, свидетельствуют о том, что автор иногда не в состоянии опознать заимствований из одних картвельских языков в другие. Отметим, наконец, что некоторые картвельские основы признаются Боудой заимствованными без достаточных оснований. Это касается груз. *ši-* 'голодать' при занск. *škir-/škor-* то же [26], груз. *nems-* 'игла' или занск. *lemš-/limš* то же [27], груз. *isar-* 'стрела' при занск. *isind-/isiǯ-* то же, груз. *bič̣-* 'мальчик' при глагольной основе груз. *bič̣-* 'размельчать', 'крошить', сванск. *bič̣kw-* 'разламывать (хлеб, яблоко)' и др. (см. Etym. Georg., стр. 300, 301 и 297).

Другой характерной чертой этимологической методики Боуды, обусловленной поверхностным знанием кавказского материала и отчасти ориентацией на соответствущие формы баскского, тибетского и других языков, является произвольное членение сравниваемых основ, встречающееся в его работах особенно часто. Так, произвольно расчленены груз. *gu-ri*/занск. *gu-ri* 'сердце' (Bask. und Kauk., № 5), груз. *ṭi-li*/сванск. *ṭi-š* 'вошь' (там же, № 137), груз. *m-ṭre-di*/занск. *ṭoro-nǯi* 'голубь' (там же, № 189). Если членение сванск. *kata-l* 'курица' оправдано позднейшим суффиксальным характером ауслаутного *l*, так как общекартвельское **l* в исходе именной основы в сванском не сохраняется [28], то необоснованным является расчленение соответствующей грузинской основы *kata-mi* (Etym. Georg., № 29): именно *katam-* может претендовать на общекартвельскую праформу. К каким недоразумениям в статьях автора приводит оглядка на материал иных лингвистических группировок, показывают следующие примеры. Когда груз. *ndom-* 'желать' сопоставляется с тибет. *q-drum* то же, то в первом вычленяется *-dom-* (Tibet.-kauk. Spr., № 37), но при сопоставлении с баск. *nahi* 'хотеть' в нем вычленяется уже начальное *n-* (Bask.-kauk. Eym., № 247). Между тем только *n-* является здесь корневым. Ввиду тибет. *mna* 'невестка' в сванск. *sēmun/samun* 'шурин' автором обнаруживается «известный южнокавказский префикс» *se-/sa-* (Tibet.-kauk. Spr., № 26), хотя в картвелистике уже неоднократно обра-

---

[24] См.: Fr. Reichelt. Awestisches Elementarbuch. Heidelberg, 1909, стр. 414.

[25] Историю основы см.: В. И. Абаев. Указ. соч., стр. 500—501.

[26] Ср.: Арн. Чикобава. Чанско-мегрельско-грузинский сравнительный словарь. Тбилиси, 1938, стр. 368.

[27] Ср. там же, стр. 163.

[28] См.: Н. Я. Марр. Где сохранилось сванское склонение? «Изв. имп. Академии наук», 1911, стр. 1200—1201.

щалось внимание на отсутствие последнего в сванском языке[29]. Только соображениями «удобства анализа» объяснимо членение мегр. *č̣u-č̣-el* 'крапива', сопоставляемого с тибет. *zwa* то же (Tibet. Etym., № 71). Для того чтобы груз. *martal-* 'правильный' легче сопоставлялось с тибет. *mad* того же значения, в первом специально вычленяется комплекс *mat* (там же, № 14). Даже в груз. *lamaz-* 'красивый', восходящем к араб.-перс. *namāzi* 'молящийся, чистый', вычленяется префикс *la-*, с тем чтобы оставшееся *maz-* сопоставлялось с мордов. *mazi* то же (Etym. Georg., № 8). Должно быть очевидным, что в этом отношении анализы Боуды не намного уступают произвольным манипуляциям со словарем, которыми занимался Н. Марр. Только незнанием истории картвельских языков можно объяснить ряд ошибочных утверждений Боуды, касающихся их диахронической фонетики. Сюда относятся утверждения о частой вторичности *v* в анлауте грузинских слов по сравнению с соответствующими основами других картвельских языков (Tibet.-kauk. Spr., стр. 143—144), о том, что грузинский гармонический комплекс *cx* восходит к **čx* (там же, стр. 146), что груз. *č* нормально восходит к **čx*, будто бы сохранившемуся в остальных картвельских языках (Bask.-kauk. Etym., стр. 47), что в сванском языке звонкие согласные легко чередуются с абруптивными (Burusch. Etym., стр. 228) и т. д.

Высказанные выше замечания свидетельствуют о крайне невысоком научном уровне этимологической методики Боуды, ставящем его рассмотренные работы не намного выше уровня миссионерской практики прошлого столетия. Эти работы определенно тяготеют к тому довольно многочисленному в истории кавказского языкознания ряду работ Г. Винклера, Ф. Борка, А. Глейе, А. Тромбетти и др., у которых, по словам Н. С. Трубецкого, отсутствовала научная база и которые в течение длительного времени дискредитировали эту частную отрасль лингвистической науки[30]. Разумеется, не в пользу методики автора говорят и ее встречи с исследовательскими приемами, практиковавшимися в свое время Н. Марром. Кажется закономерным поэтому, что на результаты исследований К. Боуды предпочитают не опираться даже наиболее оптимистически настроенные сторонники иберийско-кавказской гипотезы, эскаро-кавказской теории и тому подобных генетических построений. Не приходится, конечно, только отрицать объективной ценности сводки соответствующего материала в статьях автора. Однако он остается вполне сырым и дожидается применения значительно более строгой исследовательской методики.

Г. А. Климов

---

[29] Ср.: В. Т. Топуриа. К вопросу о слоях *N* и *S* в картвельских языках. «Сообщения АН Груз. ССР», т. II, № 1-2, 1941, стр. 193—194; Арн. Чикобава. Древнейшая структура именных основ в картвельских языках. Тбилиси, 1942, стр. 274.

[30] См.: N. Troubetzkoy. Langues caucasiques septentrionales. «Les langues du monde». Paris, 1924, стр. 339.

M. Vasmer. Wörterbuch der russischen Gewässernamen, I. Osteurora — Institut an der frein Universität, Berlin. Slavistische Veröffentlichungen, Bd 22. Berlin—Wiesbaden, 1960, XXII+218

Первый выпуск гидронимического словаря М. Фасмера, включающий неполностью две первые буквы русского алфавита, содержит более 4 тыс. названий рек и озер Европейской части СССР Общее количество названий в законченном словаре перевалит за 30—40 тыс. Такого крупного собрания гидронимов у нас еще не было. Впервые сведены вместе 95 гидронимов *Белая*, 154 *Березовка* (не считая *Березовый*, *Березовское* и пр.). Но если сравнивать с тем, что еще нужно сделать, объем нового словаря не годится для выбранной территории. В бывшей Московск. губ. зарегистрировано 2500 рек и озер [1], по бывшей Калужск. губ. только из документальных источников, не проводя полевого сбора, Р. А. Агеева собрала 1628 гидронимов (1960 г.), в одной Литве собрано 9000 названий рек и озер [2]. Таков масштаб, которым надо мерить. Завершение труда М. Фасмера не даст полного регистра, охватив лишь меньшую часть материала.

Словарная статья М. Фасмера ограничена географической справкой: бассейн, принимающая река и с которой стороны, местность (по дореволюционной административной сетке), откуда выписано. Нет ни этимологий, ни каких бы то ни было лингвистических комментариев, кроме редких грамматических помет. При современном состоянии топонимики этимологизация лишь превратила бы словарь из справочника в сборник малонадежных догадок. Ведь даже столь авторитетный этимолог, как составитель рецензируемого словаря, истолковывал гидронимы *Коза*, *Сосна*, *Курица* из русских нарицательных *коза*, *сосна*, *курица* и в названии речки *Песик* видел маленькую собачку [3]. Пока только нащупываются основные законы топонимической этимологии, чрезвычайно специфичной, в которой этимолог-нетопонимист приносит меньше пользы, чем вреда (не различая гидронима от любого иного слова, недавно этимологизировали *Волга*: В. Махек — как «иволга», Н. М. Шанский — как «влага», полностью игнорируя ареал гидронимов на *-га*). Это вообще невозможно без предварительного сбора огромного топонимического материала. Этимологизация только сорвала бы выполнение этой главной задачи.

Печально другое. Словарь М. Фасмера — только свод печатных источников, и то в ограниченных хронологических рамках (1830—1917 гг.; из вышедших в СССР изданий использованы только четыре). Он целиком зависит от их полноты и качества. А зная состояние источников, нетрудно представить результаты. Правда, есть словари П. Л. Маштакова по бассейнам Дона, Днепра, Южного Буга, Днестра, есть «Волга» В. Рагозина,

---

[1] И. А. Здановский. Каталог рек и озер Московской губернии. М., 1926.

[2] Э. И. Гринавецкене, Ю. В. Сенкус. Собирание и исследование топонимики в Литовской ССР. — ВЯ, 1961, № 6, стр. 131.

[3] M. Vasmer. The Meaning of Russian River Names. «Oxford Slavonic Papers», 1955, vol. 6.

но для огромной территории источники даже нельзя назвать недостаточными — они просто случайны. Их заменяют погубернские «Списки населенных мест Российской империи», выпускавшиеся с 60-х годов прошлого столетия Статистическим комитетом, а позже и на местах. В них упомянуты только те реки, на берегах которых находились селения, и то не всегда. При этом гидронимы даны в косвенном падеже («при р. *Вазузе*»), из которого приходится восстанавливать именительный, — трудность, испытанная каждым, пользовавшимся «Списками» (для таких «реконструируемых» названий М. Фасмер ввел особый знак). Что из этого зачастую получается, видно на примере: возникла несуществовавшая никогда река *Атец* (54). Происхождение ее таково: «Список населенных мест Симбирской губернии» (Симбирск, 1897, см. стр. 51) указывал: «с. Тушна на р. *Атце*» — речка называется *Атца*. Понятно, какие ловушки это таит для этимолога. «Списки» изобилуют ошибками, уродующими названия, поэтому их до некоторой степени можно использовать лишь в массе (например, для статистики формантов, погашающей отдельные ошибки), но для анализа каждого отдельного названия они ненадежны. Подмосковная *Битца* фигурирует как *Битцовская*, и таких искажений немало.

Многие необходимые источники остались неизвестными М. Фасмеру, даже такие, как упомянутый каталог И. А. Здановского. Из всех томов «Справочника по водным ресурсам СССР» использован только 10-й. Даже из более ранних не использованы все региональные словари (переславль-залесский М. И. Смирнова, саратовский А. Н. Мниха, пермский Н. Чупина). «Материалы для географии и статистики России» представлены единственно виленским томом, тогда как именно они пока самый богатый источник гидронимии (если не считать материалов генерального межевания, в большинстве оставшихся рукописными).

Составитель отказался от наиболее ценных для исследователя фактов. И фундаментальный труд А. Профоуса[4], и словари замечательной лейпцигской серии[5] прослеживают название от первого документального упоминания и далее во всех формах. Вместо форм, засвидетельствованных летописями, арабскими географами, польскими «инвентарями», новый словарь предлагает лишь написания канцелярий конца XIX — начала XX в.

Всего печальней, что это словарь только печатных форм названий, не всегда соответствующих живым, реальным. Отразились только те различия, которые проникли в справочники. Драгоценный материал бесследно гибнет для науки. Пусть большинство различий лишь фонетические — излишне объяснять огромное значение звучащей формы *Езеро*, где пишется *Озеро*. Когда М. Фасмер дойдет до левого притока Свияги под Ульяновском, в словаре появится р. *Сельдь* — только в этой форме название встречается в печати и документах с первого русского упоминания 1648 г. Но никто из местных жителей не называл иначе, как *Сельга* — так и шли, не смешиваясь, через века эти две формы: одна — для повседневного употребления, другая — только для официального (новое большинство населения в послевоенные годы, не знавшее устной формы, усваивает письменную). Не пройдет ли словарь мимо таких двойственных форм, как *Ворскла — Ворскол* (ср. *Оскол*, *Воргол*), *Шексна — Шехонь* (отсюда *Пошехонье*)? Источники, которыми ограничен М. Фасмер, нередко заменяют подлинную форму на *-иха*, звучавшую «нелитературно», канцелярским эвфемизмом. Немало случаев, когда литературная форма отличается от подлинной не только фонетически или словообразовательно, а и лексически. Понятно, что не проставлены ударения, и неведомо, как читаются *Белгоза*, *Белинек* и др.

---

[4] A. Profous. Místní jména v Čechách, I—V. Praha, 1947—1960 (закончен Я. Свободой и В. Шмилауэром).

[5] «Deutsch-Slawische Forschungen zur Namenkunde und Siedlungsgeschichte». Halle (с 1956 г. вышли 10 выпусков).

Отсутствующие пока *Алекса*, *Апочня*, *Ахабенка*, может быть, появятся в томе на *О*. Но и имеющиеся в словаре могут «пропасть»: средневолжская *Бездна* и торопецкая *Безна* различимы только на бумаге, а в словаре их разделяют многие страницы и не связывает ссылка ни в том ни в другом случае. Встретится астраханская *Альма*, и нужно догадаться, что несколькими страницами раньше названа ее тезка — крымская *Алма*. Из «Списка населенных мест» выписан *Баерак* (69) без ссылки на *Байрак* (72), где в свою очередь нет указанья на *Боерак* (176—177), и только тут появилось «см. *Буерак*» (до которого очередь пока не дошла).

Топонимические словари одного типа дают материал полевой записи в живой форме, собранный непосредственно на месте, — такова «Toponomastyka Lemkowszczyzny» Зд. Штибера; другие, напротив, содержат документальные данные, извлеченные из архивов, — таков чешский пятитомник; третьи, как лейпцигская серия, счастливо объединяют то и другое. Необъятность избранной территории и оторванность составителя от нее не позволяют требовать от словаря М. Фасмера ни того ни другого. Все сказанное — не в упрек составителю (сделавшему едва ли не больше, чем было в человеческих силах), а в предотвращение напрасных иллюзий: чтобы не искали в его словаре, чего там нет, и не успокаивались, будто необходимое сделано. Гидронимического словаря нашей страны нет, и никто не сделает его за нас. А мы сами еще на слишком дальних подступах к нему: в ближайшие годы едва ли увидят свет первые из подготавливаемых региональных словарей (курский, ульяновский, ярославский, западносибирский).

И в таком несовершенном виде словарь М. Фасмера не скоро дождется необходимой замены. Уже сейчас, не дожидаясь следующих выпусков, исследователь может по нему очертить ареал основы *бирюк* или префикса *без*, обнаружить плодотворные параллели или задуматься над неожиданной гидронимической загадкой.

В. А. Никонов

G. Mihăilă. Împrumuturi vechi sud-slave în limba romînă. Studiu lexico-semantic. Bucureşti, 1960, стр. 319

Литература, посвященная проблемам славянской лексикологии, пополнилась новым ценным исследованием молодого, но уже зарекомендовавшего себя румынского ученого Г. Михаилэ «Древние южнославянские заимствования в румынском языке».

Изучение славянских элементов в румынском языке, как отметил и автор рецензируемой монографии, имеет уже вековую историю: оно связано с такими именами, как Ф. Миклошич, Б. Хаждеу, А. Чихак, А. Яцимирский, О. Денсушяну, П. Скок, А. Росетти, Э. Петрович и др. Внимание к славянскому лексическому слою в румынском языке было всегда значительным. Монографию Г. Михаилэ тем не менее можно рассматривать как своего рода итог большой предшествующей работы славистов и романистов, как полезную систематизацию материала с учетом новейших лексикографических источников, трудов по лингвистической географии, отчасти по фонетике и грамматике славянских и румынского языков. Достаточно отметить, что индекс основных слов, приложенный к монографии, насчитывает 647 лексем [1].

Задачей молодого исследователя не была простая каталогизация фактов — «автор имел в виду не только «этимологию» слов и составление более или менее полного «dictionnaire raisonné», но и «функционирование» данных слов в румынском языке» (285) [2]. Его интересовали не только состав славянской лексики в румынском языке (при этом была произведена классификация и по частям речи, и внутри каждой части речи по предметно-понятийным полям, стр. 18—218), но также и «некоторые общие тенденции семантического развития древних южнославянских заимствований в румынском языке» (219—247). В последнем случае внимание автора привлекли: 1) однозначные слова («слова-термины»), которые сохранили свое первоначальное значение (названия растений, животных, названия конкретных орудий и предметов и т. п.); 2) славянские многозначные слова: а) проникшие в румынский язык в одном только значении, б) слова, многозначные в славянских языках, сохранившие в основном те же значения и в румынском языке («славяно-румынская полисемия»); 3) слова, получившие новые значения в румынском языке: а) слова, расширившие свое значение, б) слова, в своем развитии приобретшие совер-

---

[1] Едва ли не основным упреком одного из предшествующих рецензентов книги, Б. Симеонова (см. «Български език», год XII, кн. 5-6. София, 1961.), в адрес Г. Михаилэ было указание на неполноту исследуемого материала. По мнению рецензента, число славянских лексических элементов в румынском языке значительно больше — до 3 тыс. Следует отметить, однако, что, если отвести, как это делал Г. Михаилэ, производные слова, эта цифра окажется весьма преувеличенной. Тем не менее, безусловно, досадно, что вне поля зрения румынского исследователя оказались такие лексемы, как *dălbină*, *lubeniță*, *slană*, *snagă* и т. п.

[2] Здесь и далее в скобках указаны страницы рецензируемой книги; условные сокращения те же, что и в книге Г. Михаилэ.

щенно новые значения путем «специализации» или «отклонения» (283). Выяснилось, что слов, получивших новые значения, в румынском языке, по сравнению с общим числом славянских заимствований, очень мало [*colnic* — не только 'дорога в лесу через холм, гору', соответствующее в общем болг. *колник* 'проселочная дорога', но и 'холм'; *maşter* — прилаг. 'неродной (об отце, брате, сестре)'; *bob* — не только 'боб', но и 'любой шаровидный плод или предмет' (ср. русск. *горошинка*); *voinic* — от старого значения 'воин' произошел переход к 'добрый молодец', 'парень'; *a se prasi* — не только 'пороситься', но вообще 'размножаться (о скоте)'; *mîndru*, *mîndra* — не только 'мудрый, красивый', но и 'надменный', 'любимый' (←'красивый') и др.], и они относятся в основном к разряду слов, «расширивших значение». Что же касается слов, приобретших новые значения путем «специализации», то к ним Михаилэ относит *zăpadă* 'снег', уже привлекавшее внимание Б. Унбегауна (см. «Orbis», II, 2, 1953, стр. 345—351) и отражающее, вероятно, отмеченный еще П. Скоком факт образования существительного от славянского заимствования-глагола [ср. (*za-*) *padati*], аналогичное *năsip*, *nisip* 'песок', *mîndru* (здесь, скорее, факт расширения значения, и мы отнесли его в первую рубрику), *scovardă* 'один из видов слоеного пирога', *a(se)grabi* 'торопить(ся)', 'спешить' (такое значение известно и в болгарском, и сербско-хорватском языке), и еще два-три слова.

Таким образом, монография Г. Михаилэ на вопрос, «переживают ли многочисленные славянские заимствования в румынском языке самостоятельное, отличное от других славянских языков семантическое развитие», в общем отвечает отрицательно. Это положение не надо принимать как догму, а приведенные выше частности представляют не только определенный факт, но и интерес[3], однако в целом остается справедливым важный вывод П. Скока о том, что заимствование из одного языка в другой (особенно при их принадлежности к разным семьям) является своего рода «моментальным актом» (skraćeni postupak). В этом отношении едва ли особенно существенно и принципиально отлично, как думает Г. Михаилэ (вслед за А. М. Селищевым и др.), заимствование «в собственном смысле этого слова, которое появляется одновременно с принятием какой-либо вещи или понятия», и заимствование-слово, «не связанное с новыми предметами или понятиями, проникшими в новый язык в результате двуязычия» (280). Свои выводы П. Скок сделал на типологически сходном материале славяно-романских отношений, исследуя романские элементы в хорватском языке[4]. С нашей точки зрения, не меньший, если не больший, интерес представляет тот факт, что в большинстве случаев в результате заимствования, т. е. перехода слова в иноязычную среду, его «внутренняя форма» консервируется, останавливается в своем дальнейшем семантическом развитии. Такие случаи чаще всего наблюдаются в «более терминологичной» по своей семантике лексике (названия сельскохозяйственных орудий, материальной культуры, географического ландшафта, животного мира и т. п.), которая, кстати сказать, представляет собой значительную часть славянского лексического пласта в румынском языке. Романиста-семасиолога, естественно, будет более интересовать развитие новых значений, слависта же — их консервация. Г. Михаилэ не выделил для этого вопроса отдельного раздела, но его материал дает доста-

---

[3] Здесь прежде всего снова обращает на себя внимание лексема *zăpadă*, отсутствующая в других славянских диалектах. Рассуждения Б. Унбегауна не отрицают возможности наличия такой лексемы в одном из «дакославянских диалектов».

[4] См.: P. Skok. Prilog metodu proučavanja romanizama u hrvatskom ili srpskom jeziku. «Zbornik radova (Filozofskog fakulteta Sveučilišta u Zagrebu)», knj. I. Zagreb, 1951, стр. 445 (сокр. Zb. Rad.).

точно любопытных свидетельств подобной консервации. Экономя место, приведем лишь один пример с рум. *lúncă:*

Lúncă 'низина или заливаемая местность у проточной воды; лес ивовый, ракитовый и т. п. у проточной воды': ст.-сл. лѫка 'несправедливость, обман', цслав. 'idem; golf, vale, [= рум.] lunca' (Mikl. Lex., 357; Berneker, 739), ср. болг. *лъка́* 'Krümmung, Windung; Wiesenland, Weide in der Flußniederung; buschige Niederung', с.-хорв. *lúka* '[= румын.] luncă; golf' (Rječnik, VI, 206—207), словен. *lǫka* 'sumpfige Talwiese' и т. д. (см.: Berneker, там же; Vasmer, II, 68 *лука́*); заимствование в венг. *lanka* 'der sanfte Abhang, die Halde; locus apud fluminem; pomarium apud fluminem; Ort, wo das Wasser still fliesst' (Kniezsa, 303—304)[5].

Современные славянские языки (исключая словенский, где почти аналогично румынскому), в которых существует интересующее нас слово, не знают значения 'лес, роща у излучины реки' — это значение архаическое, зафиксированное только старинными хорватскими словарями Габделича (1670), Белостенца (1740), а вслед за ними и у Волтича (1802) и Стулича (1806). Если бы не свидетельства древних лексикографов, то могло бы даже возникнуть произвольное толкование о новом развитии значения на румынской почве. Своеобразный архаизм семантики ряда славянских заимствований в румынском, а также венгерском языке — ценный источник для славянской исторической семасиологии и этимологии. Этот источник может стать для нас еще более достоверным, если мы преломим факты сквозь призму лингвистической географии. Г. Михаилэ, опять как романиста, интересовало географическое распространение славизмов на румынской территории (здесь существенную помощь ему оказали данные во многом образцовых румынских лингвистических атласов), но слависта не в меньшей мере интересует ареал распространения тех же лексем на славянской (в ряде случаев и венгерской) территории за пределами современной Румынии. Выяснение таких ареалов проливает свет на этнический состав славянского населения, ставшего одним из компонентов румынской народности и нации. Не излишне при этом иметь в виду уже достаточно утвердившееся в науке мнение о значительной древности отдельных лексических изоглосс и считаться с фактом несовпадения лексических и фонетических изоглосс. Многие лексемы для древнейшего периода нельзя будет квалифицировать как лексемы «болгарского типа» (280) или даже исключительно южнославянского. Проблема карпатско-южнославянского ареала, где важным компонентом выступают западноукраинские говоры, или гипотеза центрального балканского клина и латеральных поясов, выдвинутая еще Копитаром и Миклошичем и недавно вновь возрожденная Б. Братаничем, не может быть разрешена без славянского материала, сохраненного румынским языком.

Если взять, к примеру, славянские названия частей рала, исследованные в лингво-географическом плане Б. Братаничем[6], то сопоставленные с ними рум. *grindéi* (ср. венг. *gerendely*, Kniezsa, I, 192), отчасти *plaz* и *potîng* (21) будут относиться в принципе к центральному клину. В этом же плане интересно проследить на славянской территории продолжение изоглоссы слова *răzbói* (ср. юж.-слав. *разбой* и *стан*), *opîncă* (ср. юж.-слав.

---

[5] Словарная статья из книги Г. Михаилэ (стр. 100) приводится полностью; на русский язык переводится лишь румынский пояснительный текст.

[6] См.: B. Bratanić. Uz problem doseljenja Južnih Slavena. Nekoliko etnografsko-leksičkih činjenica. Zb. Rad., knj I, стр. 221—250. См. рецензию И. Поповича. — ЈФ, XIX. Београд, 1951—1952, стр. 326—329, а также: B. Bratanić. Nešto o starosti pluga kod Slovena. Zb. Rad., knj II. Zagreb, 1954 и труды Гавацци, Обрембского и Вакарелского.

опинци и *църевули*) и многих других слов, связанных не только с материальной культурой, но и с рядом абстрактных понятий.

Изложенные выше рассуждения о важности определения ареала славянских слов не только на румынской территории, но и вне ее остаются при нынешнем, все еще неблагополучном, состоянии славянской лингвистической географии, и в первую очередь южнославянской, особенно отставшей от румынской, скорее благими пожеланиями, чем серьезным упреком автору обстоятельной монографии о древних южнославянских заимствованиях в румынском языке. Совершенно очевидно, что поставленная выше проблема может оказаться отдельным и даже многотомным трудом [7]. Существенную помощь в этой новой работе окажет рецензируемая книга, а также дальнейшие исследования в области топонимики [8].

Весьма желательно также было бы провести изучение так называемой «славяно-румынской полисемии» (225—229) и «синонимических рядов» (257—261) в плане моделирования семантических максимально дифференцированных микрополей для выяснения дистрибуции лексем на моделированной сетке. На южнославянской, румынской и прилегающих к ним западно- и восточнославянских территориях, в диалектах, выявятся типы, которые также трудно определить одним словом «болгарский» или «сербский» и т. п. Ср., например, значение лексемы *vreme*, «синонимику» *vreme* — *timp* и т. п.[9] Проблема типологического исследования славянской лексики, однако, только еще ставится, и мы далеки от мысли упрекать автора в его невнимании к ней. Кроме того, задачи структурного описания лексики, без которых немыслимы и типологические исследования, заставили бы Г. Михаилэ обратиться к обильному румынскому (романскому) материалу и заняться, по сути дела, лексической типологией румынских диалектов. Это поставило бы новую задачу. Именно поэтому, видимо, автор вынес «синонимические ряды» в приложение.

В целом нельзя не отнестись с благодарностью к автору книги «Древние южнославянские заимствования в румынском языке», так же как нельзя будет обойтись без нее каждому специалисту по сравнительной славянской лексикологии. Пожелаем ему успеха в работе над дальнейшим трудом — «Этимологическим словарем славянских заимствований в румынском языке».

Н. И. Толстой

---

[7] Первые серьезные шаги в этом направлении уже предприняты Э. Петровичем (см. его статью «Изоглоссы славянских элементов в румынском языке». «Slavia», roč. XXXI, seš. I. Praha, 1962) и самим Г. Михаилэ [см. статью «Geografia zapożyczeń słowiańskich w języku rumuńskim (na podstawie Rumuńskiego atlasu językowego)», печатающуюся в сборнике в честь проф. В. Дорошевского. Эта работа, так же как и другие наблюдения Г. Михаилэ по географии славянских элементов на румынской территории, мне, к сожалению, неизвестна].

[8] См. две последние принципиально важные работы: Э. Петрович. Славяно-болгарская топонимика на территории Румынской Народной Республики. «Romanoslavica», I. Bucureşti, 1958, стр. 9—26; И. Гълъбов. Стари български езикови ареали на дакорумънската езикова територия. «Език и литература», 1961, № 4, стр. 39—48.

[9] См.: Н. И. Толстой. Из географии славянских слов. 1 — *дождь*, 2 — *саламандра*. — ВСЯ, вып. 6. М., 1962, стр. 140 сл.

Fr. Sławski. Słownik etymologiczny języka polskiego, t. II, zesz. 2(7). Kaznodzieja — klimkować. Kraków, 1961

После трехлетней паузы читатели, наконец, получили очередной (седьмой) выпуск нового этимологического словаря польского языка, публикуемого Славским. Новый выпуск содержит небольшую часть буквы *К*, которая, судя по взятым темпам, займет еще не один выпуск. Достаточно сказать, что на десять страниц этимологического словаря Брюкнера в тех же алфавитных рамках приходится 110 страниц текста у Славского! В связи с этим можно назвать единственный в общем серьезный недостаток труда Славского — это медленный выход в свет частей словаря (выпуск первый — в 1952 г.).

В остальном названный недостаток с избытком компенсируется выдающимися достоинствами нового этимологического словаря, которые делаются все более очевидными по мере выхода новых выпусков. Здесь имеется в виду умелое использование автором достижений польской лексикографии, применение критериев лингвистической географии и высокий уровень словообразовательного анализа с одинаково полным учетом характеристики всех морфем, образующих слово, т. е. как раз те черты, которые делают польский этимологический словарь Славского (в особенности его последние выпуски) наиболее современным из существующих этимологических словарей славянских языков. Материалы по истории каждого польского слова, как правило, весьма значительны, причем даются иногда поправки к сведениям у Брюкнера (как, например, на *klicz*), хотя известно, что последний располагал уникальными знаниями в области истории польской лексики, что нашло также отражение и в его словаре как наиболее сильная сторона труда. Что касается диалектных данных, то здесь сравнение с Брюкнером попросту отпадает. Словарь Славского, в частности аннотируемый здесь выпуск его, приносит богатейший диалектный материал как польского языка, так, например, болгарско-македонской области и других частей славянской территории. Диалектный аспект, территориальная приуроченность слова и динамика его распространения постоянно вводятся Славским в этимологическую аргументацию. Так, *kipiątek*, включенное Брюкнером в статью *kipieć*, выделяется у Славского особо и самостоятельно этимологизируется как заимствование из русск. *кипяток* или укр. *кипяток*. Польское слово встречается только у авторов — выходцев из восточных районов Польши. Это слово заслуживает одновременно специального упоминания как прекрасный пример заимствования в двуязычной среде с четко выработавшимися представлениями о морфемно-звуковых соответствиях у самих носителей контактирующихся языков, так как у этого позднего заимствования фактически нет фонетико-морфологических примет иноязычного происхождения.

Словник подается достаточно расчлененно, вплоть до лаконичного упоминания слова с отсылкой к основной статье. От прежних ограничительных установок[1] автор в общем давно отошел, и мы с удовлетворением

[1] См. мою рецензию «Новые этимологические словари славянских языков». — ВЯ, 1958, № 4, стр. 129.

найдем в словаре ряд старых и диалектных слов. Таково *kirść*, *kierść* 'кость бедра', впервые вводимое Славским в обиход этимологических словарей и сближаемое как праслав. диал. **kyrstь* с лит. *krūtìs* 'женская грудь' или с лат. *crūs* 'голень'. Автор плодотворно оперирует и в других случаях понятием праславянского лексического диалектизма, ср., в частности, *kleczyć*, хотя в примере с *kądek*, польск. диал., 'кусок' он проявляет явную непоследовательность, ставя под сомнение древность образования и точность внеславянских соответствий (лит. *kándu*, *ką́sti* 'кусать') только потому, что слово неизвестно другим славянским.

Из статей о новых словах представляет интерес (в том числе, например, и для русиста) *kefir*, где дается обзор распространения слова в европейских языках. Здесь была бы уместна ссылка на Абаева, Эт. сл., I, 1958, стр. 627: осет. *k'æpy/k'æpu*.

Можно пожалеть, что автор предпочел сохранить традиционное объяснение в случаях с *kądziel*, *kędzierzawy*, *kędzior*, тем более что ему приходится бороться с непреодолимыми трудностями, которые отпадают, если принять здесь сложение разных корней с вариантами местоименного префикса *kǫ-*, *ka-* (чеш. *kadeř*! — для Славского: «z niejasnym -a-»). Для польск. *kleczyć*, ст.-польск. *oklek*, др.-русск. *олекъ*, русск. диал. *олек* правильнее предполагать праслав. **otlěkъ*, а не **otъlěkъ*, последнее (для ст.-слав., др.-русск. *отълѣкъ* 'остаток') следовало бы специально оговорить как более позднее воспроизводство той же словообразовательно-морфологической модели.

О. Н. Трубачев

«Słownik starożytności słowiańskich. Encyklopedyczny zarys kultury Słowian od czasów najdawniejszych», pod redakcją W. Kowalenki, G. Labudy i T. Lehra-Spławińskiego, t. I, część. 1: A — B. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1961, XII + 216 стр.

Названная публикация представляет собой начало монументального комплексного издания, рассчитанного на несколько томов и призванного охватить проблемы древнейшей культуры славянства, огромный круг вопросов славяноведения в широком понимании. Трудно переоценить значение этого важного опыта, который в течение ближайших нескольких лет даст нам первый «Reallexikon der slavischen Altertumskunde». До сих пор справочники такого рода имелись только по классическим древностям, по проблемам доистории, по германским древностям и по индоевропейским древностям. Этими изданиями Паули — Виссова, Эберта, Хоопса и Шрадера — Неринга постоянно вынуждены были пользоваться и слависты, вполне сознавая, что отсутствие специального аналогичного справочного пособия по славянским древностям не может быть восполнено ничем. Поэтому инициатива польских ученых, взявших на себя нелегкий труд подготовки такого современного комплексного издания, не может не вызывать чувства искренней благодарности. Трудности, связанные с определением состава словника и самой его подачи, сложность сотрудничества лингвистов с историками на современном этапе, необходимость краткого, суммарного изложения, не говоря о более конкретных затруднениях, делают понятным то, что осуществление этой задачи возможно только на том уровне развития славяноведения, который отличает польскую науку. Разумеется, удобнее будет судить о словаре по выходе в свет хотя бы большей его части. Кроме того, оценка исторической, археологической, этнографической, искусствоведческой частей словаря, естественно, является делом специалистов соответствующей компетенции. Здесь же мы намерены кратко охарактеризовать его лингвистический, точнее — этимологический материал.

Новый «Словарь славянских древностей», обращенный главным образом в отдаленное прошлое (хронологические рамки словаря — с начала славянства до условной даты 1200 г. н. э.) не может не заинтересовать тех, кто занимается проблемами славянской этимологии, древних лексических связей славянства, а также, например, проблемами реконструкции древнего состава славянской ономастики. В этой связи достойна особого упоминания такая деталь внешнего оформления, как подача отдельных заглавных слов статей в реконструированном праславянском виде (см. стр. 101: *Bělъgordъ*). Конечно, словарь этого типа направлен в первую очередь на выявление реалий, и опыты вроде упомянутого могут находить в нем лишь ограниченное применение — на материале этнических, территориальных и личных названий, но в этом нельзя не видеть определенного новаторства польского труда по сравнению с аналогичными известными словарями.

Как указывается во Введении (стр. V), «в лингвистический аппарат комплексных статей синтетического характера, а также в лексические статьи включено много этимологических решений, объясняющих значение названий племен, лиц и стран». В составлении лингвистических статей приняли участие Лер-Сплавинский (статьи Adriatyk, Aistowie, Alanowie, Albańczycy, Alta, Bałtyk, Borystenes, Bosna, Budynowie и др.), Рудницкий (Arkona, Bełz, Berlin, Buda), Сафаревич (Bałtyckie języki i ich narzecza; Bałto-słowiańskie stosunki językowe), Урбанчик (Bóg), Цимоховский (Albańczycy; Albańczycy — stosunki językowe; Albańsko-słowiańskie stosunki językowe), Славский (Athos) и др. Особенно интересны, обширны упомянутые статьи албановеда В. Цимоховского, носящие характер самостоятельных исследований. Этимолог не может пройти мимо ряда изоглосс, намечаемых автором в области лексики между албанским, балтийским, славянским, германским. Вслед за ним мы тоже специально укажем на любопытный факт соответствия фин. *pihti* 'forceps' < **pišti*, мордов. *peš* 'светильник' и алб. *pishtar* 'приспособление из дерева и металла, поддерживающее зажженную лучину' (стр. 17). Финские слова объясняются как заимствованные, особенно если принять во внимание связи алб. *pishtar* на албанской почве, ср. алб. *pishë* 'сосна', *pishtë* 'сосновый'. Эта пока единственная финноугорско-албанская этимология, к тому же обладающая всеми признаками формального и семантического правдоподобия, может принести пользу дальнейшему изучению проблемы древней внешней истории албанского, индоевропейской диалектологии и индоевропейско-финноугорских контактов.

Кроме того, Цимоховский обобщает сведения о балканской прародине албанского языка; в этом вопросе он, как и Э. Чабей, является представителем автохтонистской теории, по которой албанцы с древности (а не со средневековья, как полагают многие) занимали часть современной Албании (стр. 13 и сл.)[1]. По мнению Цимоховского, албанский — это продолжение древнеиллирийского диалекта, смешавшегося с фракийскими элементами. По-видимому, эти вопросы еще останутся предметом споров. Можно пожалеть, что почти ничего не говорится о внутрибалканском пребывании древних албанцев и его возможных следах, ср. алб. *Shqipëtar* 'албанец' < *Shkup-* < антич. *Scupi* 'Скопле', т. е. первоначально 'скоплянин', а также ср. шопскую проблему, в частности старую этимологию племенного названия *шоп* через характерное албанское посредство (*s* > *š*) из фрак. Σαπαῖοι[2].

Значительное место в «Словаре» занимают топонимы, оронимы и близкие названия со слав. **bělъ*, ср. хотя бы *Белград* в Сербии, *Белград* в Албании (*Берат*), *Белгород*, не говоря о других тождественных, далее — *Biała Góra* и под. Едва ли нужно, вслед за П. Скоком, связывать *bělъ* с положением у воды исключительно во всех случаях (ср. стр. 101—102). Такое название могло носить и иной характер, о чем говорит глосса Βελαγράδον — Πουλχεριοπόλις (лат.-греч.) 'красивый город', приводимая и в «Словаре» (стр. 102) для албанского Белграда, ср. аналогичное глоссирование Белой горы у Титмара («Словарь», стр. 110). Несомненно, что в ряде случаев такое название могло означать 'белокаменный город'[3] и, по-видимому, другие природные условия места. В статье Atelkuzu ('Ατελκούζου), к сожалению, отсутствует, против обыкновения, лингвистический коммен-

---

[1] См. еще: W. Cimochowski. Des recherches sur la toponomastique de l'Albanie. — LP, VIII, 1960, стр. 133 и сл.

[2] Ср.: I. Polović. Geschichte der serbokroatischen Sprache. Wiesbaden, 1960, стр. 84, 242.

[3] См.: L. Papp, L. Kiss. Рец. на кн.: J. Staszewski. Słownik geograficzny. Pochodzenie i znaczenie nazw geograficznych. Warszawa, 1959. «Studia Slavica», t. VII. Budapest, 1961, стр. 247.

тарий этого интересного древневенгерско-тюркского гибридного названия западной части Северного Причерноморья в IX в. н. э. Досаден пропуск более новой этимологии *Berlin* из зап.-слав. **Bъdlinъ* в соответствующей статье «Словаря» (стр. 107—108).

В остальном сообщенные выше замечания целесообразно расценивать скорее как результат интереса, вызываемого чтением этого полезного нового справочного пособия по древностям славян. Еще одним таким сугубо факультативным замечанием позволю себе закончить аннотацию этимологической части «Словаря». Так, имея в виду актуальность предпринимаемых также и в последнее время поисков южных границ балтийского ареала, в частности южной границы ятвягов, можно попытаться истолковать *Bełz*, название одного из червенских городов (см. стр. 102), как полонизацию ятвяжского *bilsas* 'белый'.

О. Н. Трубачев

Václav Vážný. O jménech motýlů v slovenských nářečích. Studie sémasiologická se zřetelem jazykově zeměpisným. Bratislava, 1955, 338 стр., 10 карт

Книга виднейшего чешского диалектолога и лексиколога проф. В. Важного о названиях бабочек в словацких наречиях содержит этимологический и лингво-географический анализ богатейшего материала — более 100 народных названий бабочек, собранных почти из 900 населенных пунктов. Выбор такой семантически узкой группы лексики вызван уже самим богатством терминологии бабочек в словацких диалектах. Это богатство автор справедливо объясняет — в общелексикологическом плане — неустойчивостью и неопределенностью названий растений и животных, не имеющих собственного значения для жизненных потребностей человека (13—14)[1]. Особенное же многообразие словацких названий бабочек объясняется, по-видимому, не только «неисчерпаемыми возможностями языкового творчества народа» (282), но и специфическими географическими и социально-историческими условиями жизни словаков — разобщенностью населения в отдельных горных местностях и административно-территориальных единицах[2]. Последнее обстоятельство находит отражение прежде всего в обилии таких названий бабочек, которые отмечены лишь в одном или нескольких очень отдаленных друг от друга пунктах и представляют собой новообразования переносного или прозрачно-деривационного характера. С этой точки зрения было бы интересным изучение других лексических групп на словацком материале сравнительно с материалом других славянских языков.

Эта книга — единственное в своем роде этимологическое исследование славянской группы лексики, основанное прежде всего на данных лингвистической географии. Она содержит точные указания на географическое распространение каждого из рассматриваемых слов, а также специальное приложение с соответствующими картами. Автор отмечает, что изолексы на картах нередко отражают экспансию определенных наиболее живых слов и вытекающие отсюда языковые инновации, проникающие и в терминологию соседних наречий чужих языков. Поэтому в книге уделено большое внимание межъязыковым изолексам, прослеживается распространение лексики, отраженной в ряде соседних языков[3]. Интересно, например, заимствование из венгерского языка *lepka*, *l'ipka*, *lependa* и т. п. 'бабочка'

---

1 Здесь и далее цифры в скобках указывают на страницы рецензируемой книги.

2 Это соображение высказано польским рецензентом данной книги Й. Шмылем (см. «Poradnik językowy», 1959, № 6-7, стр. 317—318).

3 См. также.: V. Vážný. Z mezislovanského jazykového zeměpisu. Přispěvky k dokumentární hodnotě díla: M. Małecki i K. Nitsch. Atlas językowy polskiego Podkarpacia. Praha, 1948. — Бóльшая часть этой книги посвящена оценке материала Атласа польского Подкарпатья с точки зрения словарного состава говоров большой географической области, главным образом словацкой.

(венг. *lepke*, *lepe*, *lipe*, *lependek* — то же), которое отмечено на словацких территориях, подвергавшихся венгерской колонизации, причем в книге прослеживается конкретный путь проникновения на север этих венгерских слов, закреплявшихся на важных магистралях, по которым распространялись культурные и языковые венгерские влияния (283—284). Географическое обоснование находит и постепенное преобразование заимствованного немецкого слова Schmetterling; разные стадии народноэтимологического усвоения этого слова отражены в словацких диалектных формах *šmetel'ink*, *šmetelinka*, *šmetelanka*, *kvetelaň*, *kvetofka*. Две последние формы отмечены на востоке Словакии — в Кошицкой области, на территории которой можно, однако, установить следы бывшей немецкой колонизации (210—212). Изолексами подтверждается также распространение на словацкой языковой территории польского названия ночной бабочки *cma* и производных от него (72—73), общекарпатского слова *d'uk*, *d'ug*, получившего разнообразные экспрессивные значения, в том числе значение 'ночная бабочка' (118—120), и др.

Автор книги стремится показать каждое слово на фоне других семантически подобных образований. Внешним выражением этого стремления является расположение материала в основной части книги по главам в соответствии с признаком, положенным в основу названия. Такой подход к материалу очень удачен: он делает более убедительными этимологические выводы исследователя, касающиеся отдельных слов. Уже краткое перечисление глав основного раздела книги показало бы общие тенденции развития терминологии бабочек, и не только в словацком, но вообще в славянских языках.

Особый интерес представляет большая группа названий бабочек, основанных на элементарной мифологии. Правильность трактовки слов здесь определяется прежде всего системным рассмотрением всей данной группы названий бабочек, сочетающимся с лингво-географическим подходом. Так, мнение автора, что в основе слвц. *babička*, *babočka* и т. п. 'пестрая дневная бабочка' лежит эвфемистическое название колдуньи *baba*, *babka* и т. п., широко распространенное в разных славянских языках (86—87), подтверждается целым рядом областных словацких названий бабочек — *čert'ica*, *bohiňa*, *ježibaba*, *striga* и др., известных в первоначальном значении 'колдунья, вещунья, ведьма'. Это объяснение, справедливое, по-видимому, и для русск. *бабочка*, семантически более убедительно, чем старое объяснение А. А. Потебни, связывавшего это слово с представлением души предка (бабушки) в образе бабочки[4]. Косвенным аргументом в пользу объяснения Важного может быть и то, что слвц. *babočka* и т. п. обозначает только пеструю, яркую дневную бабочку, преимущественно из семейства ванесс (ср. также слвц. *ježibaba* в значении большой пестрой бабочки, а также укр. *відьма* 'колдунья' и 'бабочка махаон'), в то время как славянские народные поверья связывают с представлением души умершего человека прежде всего ночную бабочку (ср. слвц. *dušička*, *smrt'*, *smrtka* и др.).

Убедительно показано также тождество названия бабочки *lyšaj* или *lišaj* и общеславянского названия кожной болезни **lišaj* (106 и сл.). Вторичное значение этого слова — 'бабочка' — распространено на узкой, географически замкнутой части западнославянской языковой территории, образуемой западнословацкими говорами и частью польских говоров. В этом слове, как и в других названиях бабочек — первоначально названиях болезней, в том числе и кожных (слвц. *hodonka*, *svrab*, *prašina* и др.), проявляется общая тенденция к переносу названия болезни на предполагаемого ее

---

[4] См.: А. А. Потебня. К истории звуков русского языка, ч. IV.— РФВ, 9, 1883, стр. 78.

носителя — бабочку[5]. Но маловероятно противоположное семантическое изменение (от названия бабочки — к названию болезни), которое автор видит в появлении у слвц. *psota* 'беда, недостаток' диалектного значения 'лишай, кожная болезнь', развившегося, по его мнению, из промежуточного значения 'ночная бабочка' (110). Такой двойной перенос значения здесь не обязателен. Значение 'кожная болезнь', по-видимому, развилось прямо из значения 'беда' именно таким путем возникло, например, русск. диал. *веред* 'болячка, нарыв, чирей и т. п.'

В первой главе основного раздела книги рассматриваются старые общеславянские названия бабочек — **motylь* и **molь*. При оценке происхождения этих слов, как нам кажется, недостаточно критически использован материал интересной, но очень спорной работы В. Ёля[6], объяснявшего эти названия на основе общего для многих языков творческого принципа «элементарного звукоподражания», в данном случае «звуковой образности» или экспрессивности, отражающей зрительное впечатление от полета бабочки. Принимая во внимание разнообразные колебания гласных в диалектных видоизменениях слова **motylь* в разных славянских языках (в том числе в словацком), Важный соглашается с объяснением этого слова как элементарного экспрессивного образования на «трехтиповой» звуковой основе $m + t + l$. Что же касается «традиционных» объяснений происхождения этого слова, то автор считает наиболее правдоподобным объяснение, предложенное еще Э. Бернекером, связывавшим это слово с корнем **met-*, **mot-*, собственно, 'быстро двигающееся, перемещающееся из стороны в сторону, кружащееся существо'[7]; но он склонен считать, что влияние глагола **motati* на структуру данного слова было вторичным (30 и сл.). Однако в славянском слове отсутствует такой характерный внешний признак рассмотренных Ёлем «элементарно-экспрессивных» названий бабочек, как редупликация того или иного звукового комплекса, связываемая с характером полета бабочек. Уже это обособляет славянское название бабочки. Между тем сама семантическая сторона этимологии Бернекера — наиболее вероятной этимологии славянского **motylь*[8] — позволяет говорить об этом слове как об отражающем то же древнейшее представление о бабочке, внешнее впечатление от ее «мотающегося», трепещущего полета. Это представление живо и в современных славянских языках: ср., например, приводимое Важным слвц. и чеш. диал. *motovidlo* 'бабочка' — переносное название, основанное на внешнем сходстве полета бабочки и движения мотовила (188—189), в производных от названия бабочки — русск. диал. *мотыляться* 'качаться, болтаться'[9] и т. п. Ввиду преобладания в славянских языках формы **motylь* эту форму можно считать первичной, праславянской, а многочисленные деформации ее в отдельных славянских языках и диалектах рассматривать как результаты воздействия разнообразных факторов аналогии и народной этимологии. Из других славянских форм этого слова, по-видимому, лишь форма с корнем *met-* (**metylь*), отражающая чередование **mot* — **met* [ср. соврем. *мотать(ся)* — *метать(ся)*], также восходит к праславянской эпохе[10].

---

[5] Эта этимология уже принята в словарях, см: Holub-Kopečný, 213; Machek, 280.

[6] См.: W. Oehl. Elementare Wortschöpfung: *papilio — fīfaltra — farfalla* (Biblioteca dell' «Archivum Romanicum», serie II, vol. 3). Genève, 1922, стр. 75—115.

[7] См.: Berneker, II, стр. 42.

[8] Эта этимология слова *мотыль*, однако, даже не упомянута в словаре М. Фасмера (см.: Vasmer, II, стр. 165—166).

[9] См.: Даль, II, стр. 352.

[10] Ср. замечание Й. Зубатого, что корень *met-*, *mot-*, отраженный в чешских группах *metu*, *motati*, *metyl'ь*, *motyl'ь*, *motovidlo* и т. д., имеет

Формы с гласным корня *a* (*matyl*, *matul*), встречающиеся на тех же территориях, где и глагол *matati* (ср., например, чеш. диал. *matat* 'страшить', др.-сербск. *matati* 'манить, соблазнять'), являются результатом возможного позднего изменения под влиянием этого глагола [11]. В польских диалектных формах с носовым гласным (*mętel* и т. п.), заимствованных и некоторыми словацкими диалектами, отражена, несомненно, та же специфически польская поздняя назализация корневого гласного, которая представлена, например, в форме предлога *między*, в польск. диал. *miętoperz* и *mętoperz* — из первоначального *nietoperz* и т. п. [12] Формы с суффиксом *-ul* (*motul*, *metul*, *matul*), как отмечает Важный (40), исходя из их географического распространения, возникли под влиянием сербохорватских форм (ср. чак. *metulj* и т. п.), являющихся результатом переоформления по образцу слов с суффиксом *-ul* (этот суффикс типичен для названий животных в сербохорватском языке). Подобные объяснения можно было бы найти и для других диалектных деформаций форм **motylь*, **metylь*. Подробное рассмотрение этих деформаций, прежде всего с точки зрения лингвистической географии, помогло бы выяснить вызвавшие их конкретные факторы (некоторые из таких деформаций могли иметь и чисто экспрессивный характер: ср. слвц. диал. *motŕl'*, *motrl'ák*). Такой анализ дан, например, проф. К. Ничем для деформаций слав. **netopyrь* в диалектах польского языка [13]. Слова **motylь*, **netopyrь* и т. п., рассмотренные на всей славянской территории, могут дать интереснейший по разнообразию диалектных видоизменений праславянских форм материал.

Распространенное в ряде славянских языков название болезни овец «вертячки» — пол. *motylica*, чеш. *motolice*, *motýlice*, слвц. *motolica*, *motil'ica*, укр. *мотилúця* и т. п. — Важный рассматривает как вторичное, производное от названия бабочки *motyl* и т. п., с первоначальным значением 'самка бабочки' (49—50, 234—235). Однако более верным представляется самостоятельное происхождение данного названия. Наиболее типичные внешние признаки этой болезни — резкие, в частности круговые, движения животного, метания из стороны в сторону и т. д. [14] Эти признаки использованы в таких народных названиях этой болезни, как, например, русск. *вертячка*, *вертёж*, *веретеница* (от *веретено*) [15], чеш. *vrtohlavost*, слвц. диал. *krútačka*, *krútenica*, а также *motoh* и *motoha* ('овца, больная этой болезнью' и сама 'болезнь'), *motožka*, откуда также *zmotožit'sa* 'заболеть этой болезнью' (46, сн. 29). Особенно характерны последние слова, образованные от того же глагола, что и название бабочки, но с другим древним славянским суффиксом. В словах *motylica* и т. п. можно также видеть один из самостоятельных по происхождению дериватов глагола **motati*. Это не исключает, конечно, более позднего взаимодействия названий данной болезни и бабочки, семантическое обоснование которого можно видеть и в народных поверьях, считающих бабочку носителем различных болезней, в том числе болезней скота, и в чисто внешнем сходстве движений бабочки и больной овцы. Так или иначе, областные наз-

---

общее основное значение кругообразного, неровного движения, которое переходит в неопределенное значение индифферентного движения вообще (см.: J. Zubatý. Studie a články, t. I, č. 1. Praha, 1945, стр. 277).

[11] Моравск. диал. *drmotél* — по-видимому, народноэтимологическая деформация под влиянием созвучного экспрессивного глагола; ср. чеш. *drmnút'* 'легко коснуться кого-л.', слвц. *drmat'*, *drmotat'* 'дергать, трепать' (см.: «Slovník slovenského jazyka», t. I. Bratislava, 1959, стр. 331).

[12] См.: K. Nitsch. Z geografii wyrazów polskich. «Wybór pism polonistycznych», t. II. Wrocław — Kraków, 1955, стр. 30—31.

[13] См. там же, стр. 30—37.

[14] См., например, БСЭ, т. 46. Изд. 2, стр. 558.

[15] См.: Даль, I, стр. 183.

вания овечьей болезни испытали на себе влияние диалектных вариантов названия бабочки **motylь*[16].

Для слова **molь*, не подвергающегося в славянских языках никаким деформациям, еще меньше оснований принимать, даже с оговорками, как это сделано Важным (53, 287), объяснение на основе «элементарно-образного» образования ($m + l$)[17]. Традиционное объяснение происхождения этого слова от корня **mel-*, праслав. **melti* 'дробить, мельчить, молоть' весьма правдоподобно, но признак, лежащий в основе данного названия, — скорее не «разрушающее (материю)», а «маленькое, мелкое существо». Семантическое подтверждение такой связи слов (возникшей, очевидно, еще на индоевропейской почве) представляет праслав. **mělъkъ* 'мелкий', которое признается словом того же корня на ступени удлинения[18]. В таком случае можно отождествить общеслав. **molь* с русск. диал. *моль* 'маленькая рыбка' (ср. также *мольва* 'рыбьи мальки', *мóлька*, *мóля́ва* 'мельчайшая рыбка'), новгор. *моль* 'мелочь, измельченные вещи; самый мелкий снежок' и отнести к этому же корню русск. диал. (псковск.) *мелёк* 'моль, мелюзга рыбка' и т. д.[19], а также словен. *melek* 'какое-то маленькое животное, возможно паук' и (под вопросом) слвц. диал. название бабочки *melek*, оставленное Важным среди слов неясного происхождения ввиду непонятной формы генитива — *meleka*, а не *melka* (219). Характерно с этой точки зрения, что слово *mol'* означает в словацких диалектах не только 'моль', но и вообще маленькую бабочку (52).

В следующей главе как «образно-звуковые», или экспрессивные, слова рассматриваются словацкие названия разных видов бабочек или бабочки вообще — *čínčabalka*, *činčibalka*, *činčarija*, которые Важный, не останавливаясь подробно на их структуре, связывает с детским словотворчеством (57). Однако эти слова, которые автор признает относительно старыми, являются, по-видимому, звукоподражательными образованиями, первоначально — названиями птиц (перенос названия птицы на бабочку — вообще распространенное явление). На это указывает слвц. *činči* — звукоподражательный комплекс, передающий чириканье, щебетанье птиц, с производными от него *činčarara* 'чириканье воробья', *činčarovat'* (о синице) и др., к которым, несомненно, принадлежит и слово *činčarija*. В слове же *činčibalka* с тем же первым элементом вторая часть может быть или суффиксальным образованием от общеслав. **bajati* 'говорить', или звукоподражательным корнем *-bal-* (ср. русск. *балаболить*, *балакать* и т. п.).

Слова, рассматриваемые в последующих главах книги Важного, представляют собой поздние названия, вытеснившие на отдельных словацких территориях старые общеславянские слова или получившие более узкие значения. Очень старая терминология бабочек (в основном западнославянская) представлена, по мнению автора, только названиями *mora* (также *morka*) и *mara*, различными по происхождению, но семантически слившимися в значении мифологического существа, душащего ночью лю-

---

[16] Само слово **motylь* могло употребляться уже в древности в значении овечьей болезни, о чем свидетельствуют, например, моравск. *motyl'*, словен. *metȉlj* и другие в этом значении. Это слово могло обозначать, как показывают данные, приведенные Важным, первоначально больную овцу, а затем также и саму болезнь, и ее возбудителей (глистов, червей, ее вызывающих).

[17] Нельзя согласиться и с предположением В. Махека (см.: Machek, стр. 304) о возникновении слова **molь* в результате праславянской редукции из **motylь*.

[18] См., например: Pokorný, Lief. 8, стр. 717; там же индоевропейские соответствия славянского **molь*, значения которых в разных языках не только 'моль', но и 'клещ', 'род червя', 'клоп'.

[19] См.: Даль, II, стр. 316, 344; Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. СПб., 1858, стр. 116.

дей, а затем во вторичном значении ночной бабочки, воплощающей это существо (60 и сл.). Остальные значения большей частью имеют характер переносно-метафорических обозначений бабочек, основанных на ассоциациях по сходству. Признаки, лежащие в основе названий, как и словообразовательная структура их, детально проанализированы автором.

Однако для некоторых дериватов, вполне прозрачных с точки зрения корня, от которого они образованы, трактовка признака, лежащего в основе названия, вызывает возражения. Так, например, слвц. *nočňica* 'ночная бабочка' (71) вряд ли связано с мифологическими представлениями о бабочке: скорее это обычное образование от слова *nočný* по признаку времени появления этих бабочек. Для слова *jarabec* 'пестрая бабочка' (147) надо предполагать название по цвету (ср. слвц. *jarabý* 'пестрый, в крапинках'), а не перенос с названия журавля (слвц. *jarab* 'журавль' — название, также данное по признаку цвета). Названия *žihlavka*, *prhlaụka* и др. 'крапивница' (177) рассмотрены как переносные с первоначальным значением 'крапива' и помещены рядом с такими названиями, как *fialka*, данными по внешнему сходству бабочки с растением. Между тем это, очевидно, суффиксальные образования от словацких названий крапивы *žihlava*, *prhľava*, данные по типичной среде обитания этого вида бабочек (ср. *žihlavník* — название той же бабочки, отмеченное среди других названий бабочек по среде обитания, — 209).

Несмотря на частные недочеты, точность и полнота охвата материала и выводов, а также интересно примененный лингво-географический подход к материалу делают книгу В. Важного ценным и принципиально новым для славянской этимологии исследованием.

В. В. Лопатин

P. Naert. La situation linguistique de l'aïnou. I. Aïnou et indoeuropéen. Lund, C. W. K. Gleerup, 1958 (Lunds Universitets Årsskrift. N. F. Avd. 1, Bd 53, № 4)

Книга посвящена доказательству принадлежности айнского языка (языка аборигенов Хоккайдо, Сахалина, Курильских островов и юга Камчатки) к индоевропейской языковой семье. В первом разделе книги рассматривается грамматика айнского языка; попутно автор приводит гипотетически родственные айнским индоевропейские морфемы (аффиксы, корни местоимений, числительные, служебные слова). Во втором разделе дан перечень айнско-индоевропейских лексических сопоставлений. В конце книги — таблица айнско-индоевропейских фонетических соответствий. Всего в работе содержится около 250 сопоставлений морфем, из них около 150 основаны на соответствии двух согласных фонем в каждой морфеме, а около 100 — на айнско-индоевропейском соответствии в одном согласном.

Наиболее любопытны такие сопоставления: айн. _ukuran_ 'ночь' : и.-е. _*u̯ekero_, _*u̯ek^{w}ero-_ 'вечер' (§ 256)[1]; айн. _an_ 'ночь', _nochiu_ 'звезда' : и.-е. _*nok^{w}t-_ 'ночь' (§ 257); айн. _au_ 'ветер' (в _matne-au_ 'северный ветер') : и.-е. _*au(e)-_ (§ 260); айн. _aka_, _akka_ 'вода' : и.-е. _*ak^{w}ā_ (лат. _aqua_) (§ 278); айн. _nito_ 'снег' (диалектное слово на северо-востоке Сахалина) : и.-е. _*sneig^{w}h-_ (§ 290); айн. _mosh_ 'муха' : и.-е. _*mū-_, _*mus-_ (§ 306); айн. _shippo_ 'соль' : и.-е. _*săl-_ (§ 265); айн. _ok_ 'змея' : и.-е. _*eg^{w}hi-_, _*og^{w}hi-_ 'змея, червь' (§ 310); айн. _nok_ 'яйцо, testicula' : и.-е. _*neg^{w}h-ro-_ 'почки, testicula' (§ 312); айн. _shion_ 'ребенок' : др.-инд. _sūnuḥ_ 'сын' и т. п. (§ 321); айн. _enchiu_ 'люди, айны' : хетт. _antuḫḫas_ 'человек' (§ 323); айн. _kirau_ 'рог' : и.-е. _*k̂er-_ 'голова, рог' (§ 330); айн. _kat_ 'способность, сердце, разум' : и.-е. _* k̂erd-_ 'сердце' (§ 336); айн. _yukram_ 'печень' : и.-е. _*i̯ek^{w}-r̥(t)_ (§ 338); айн. _mon_ 'рука' : лат. _manus_ (§ 341); айн. _kokka_ 'колено' : и.-е. _*ĝenu-_ колено' (§ 343); айн. _pone_ 'кость' : герм. _*βaina_ 'кость' (§ 346); айн. _ku_ пить, курить' : хетт. _eku_, _akku_ 'пить', тох. _yoktsi_ 'пить' (§ 357); айн. _ne-manup_ названный' : и.-е. _*en(o)mn̥-_, _*nŏmn̥-_ 'имя' (§ 360); айн. _kara_ 'делать' : и.-е. _*k^{w}er-_ (др.-инд. _kar-_ 'делать') (§ 416); айн. _shine_ 'один' : и.-е. _*sem-_ (§ 128); айн. _tu_ 'два' : и.-е. _*du̯ōu-_ (§ 129); айн. _re_ : и.-е. _*trei̯-_ (§ 130).

В прямой связи с книгой Нарта находится работа И. Линдквиста[2] «Индоевропейские особенности в айнском языке». Линдквист, согласный с концепцией П. Нарта, вносит некоторые частные поправки и дополнения к его сопоставлениям.

---

[1] Здесь и далее в скобках даются ссылки на параграфы рецензируемой книги.

[2] I. Lindquist. Indo-European features in the Ainu language. With reference to the thesis of Pierre Naert. Lund, C. W. K. Gleerup, 1960 (Lunds Universitets Årsskrift. N. F. Avd. 1. Bd, 54, № 1).

С рецензиями на книгу П. Нарта выступили Ж. Дюмезиль[3], Э. Бенвенист[4] и О. Г. Тайёр[5].

Ж. Дюмезиль, положительно относясь к изучению проблемы айнско-индоевропейских связей, не согласен с выводами Нарта. По его мнению, айнские корни, сходные с индоевропейскими, — это заимствования, проникшие в айнский язык в связи с участием индоевропейцев в этногенезе айнов (что объясняет и черты антропологической близости айнов к европеоидам).

Э. Бенвенист считает попытку Нарта неудачной и сожалеет, что «Нарт потратил столько стараний и остроумия, пытаясь построить доказательство родства на столь шатких основаниях». По мнению Бенвениста, для доказательства такого родства необходимо прежде всего «показать в айнском языке фундаментальные черты индоевропейской структуры». Независимо от оценки работы Нарта нельзя признать это требование вполне оправданным. Действительно, за многие тысячи лет и под сильнейшим влиянием иноязычных субстратов язык мог типологически уйти сколь угодно далеко от своего первоначального строя. Поэтому типологическое сходство отнюдь не является непременным признаком родства языков. Для доказательства родства достаточно найти такие сходные элементы (среди морфем) и в таком количестве, что их сходство нельзя объяснить случайным совпадением или заимствованием.

О. Тайёр, выступивший с рецензией в журнале «Kratylos» и с большой статьей в «Kuhns Zeitschrift», дает очень подробный и тщательный анализ сопоставлений Нарта. По мнению Тайёра, большинство сближений Нарта неприемлемы: *ukuran* 'ночь' членится на префис *u-* и корень *kur* 'тень, темный' и поэтому не может сопоставляться с **u̯ekero-*[6], *an* 'ночь' — заимствование из китайского, *shippo* 'соль' связано с яп. *shi*(*w*)*o* < **shipo*, а *pone* 'кость' — с яп. *hone* < **pone*, слово *au* (по Нарту, 'ветер') в выражении *matne-au* 'северный ветер' в действительности означает 'голос', а *matne-au* буквально переводится 'голос женщины' и т. д. и т. п. После устранения неприемлемых и ненадежных сопоставлений остается так мало правдоподобных, что на их основании нельзя строить доказательство родства.

Тайёр отмечает, что многие корни и аффиксы, совпадающие в айнском и индоевропейских, обнаруживаются также в уральских, алтайских, чукотско-камчатских и многих других языках. Упомянем, в частности, совпадения местоименных корней, например айн. *ta* 'этот' : и.-е. **to-*: фин. *tä-* 'этот' : монг. *te-re* 'тот' или корень вопросительных местоимений — айн. *mak-*: хетт. и тох. *m-* : араб. *mā* 'что?' : фин. *mikä* 'что?' и т. д. Как полагает Тайёр, эти широкие совпадения лишают убедительности соответствующие сопоставления Нарта. Действительно, доказать принадлежность айнского языка к индоевропейским с помощью таких корней нельзя. Однако, с нашей точки зрения, местоимения интересны в другом отношении. Как известно, на общности ряда весьма устойчивых (преимущественно местоименных) корней в индоевропейских, уральских, алтайских, чукотско-камчатских. в шумерском, картвельских и семито-хамитских языках основана так называемая ностратическая гипотеза (Х. Педерсен и др.) о родстве этих языков. И вот оказывается, что все те индоевропейские местоименные корни, которые со-

---

[3] G. Dumézil. — «Studia linguistica», année XII, 1968, № 1, стр. 52—55.

[4] E. Benveniste. — BSL, t. LV, fasc. 2, 1960, стр. 51—53.

[5] O. G. Tailleur. — «Kratylos», Jg. V, 1960, H. 1, стр. 78—82; его же. Sur une explication de l'aïnou par l'indo-européen. — KZ, Bd 77, 1961, H. 1/2, стр. 1—30.

[6] Это возражение можно снять, если предположить позднюю народную этимологию в айнском слове, которое прежде было непроизводным.

поставимы с айнскими, находят широкие «ностратические» соответствия. Поэтому приводимые Нартом местоименные сопоставления заставляют думать о связи айнского языка со всем кругом «ностратических» языков. Однако не надо забывать, что наиболее устойчивые в языках корни — корни личных местоимений — в айнском отличаются от «ностратических»: в 1 л. и.-е. **m-*, урал. **m-*, алт. **m-*, картв. **m-*, шум. *m-*, чук.-камч. **m-*, но айн. *k-*; во 2 л. и.-е. **t-* и **-s*, урал. **t-*, алт. **s-* и **t-*, чук.-камч. **t* и **s-*, картв. **s-*, шум. *z-*, сем.-хам. **t-*, но айн. *e*.

А. ван Виндекенс[7] в работе «Айнско-тохарские лингвистические контакты» приводит 21 лексическое сопоставление между айнским и тохарскими языками: айн. *ok* 'змея': тох. В *auk* 'змея'; айн. *enchiu* 'люди': тох. В *eňkwe* 'мужчина'; айн. *tumuan* 'много': тох. А *tmām̥*, В *tumane* 'десять тысяч'; айн. *nishpa* 'хозяин': тох. А *niṣpal* 'владение' и т. д. Эти сопоставления базируются на значительном фонетическом сходстве (совпадение в двух согласных, а в трех случаях — даже в трех согласных) и в большинстве семантически удовлетворительны. Они не обязательно свидетельствуют о родстве, а скорее о культурных контактах между предками тохаров и айнов. По ван Виндекенсу, эти контакты относятся ко II—началу I тысячелетия до н. э., когда айны жили на верхнем Енисее.

Удалось ли Нарту доказать айнско-индоевропейское языковое родство? Чтобы дать объективный ответ на этот вопрос, можно вычислить математическое ожидание количества случайных совпадений между айнским и индоевропейскими языками и сопоставить его с количеством совпадений, приводимых у Нарта.

Математическое ожидание числа случайных совпадений по первым двум согласным[8] вычисляется по формуле:

$$M_2 = N\left(\sum_{i=1}^{n} a_i b_i\right)^2 HS,$$

где M_2 — математическое ожидание числа случайных совпадений такого рода: айнская и индоевропейская морфемы считаются совпадающими, если, во-первых, у них совпадают первые согласные и совпадают вторые согласные, а во-вторых, если они имеют то же значение либо такие различные значения, которые принадлежат к одной и той же семантической зоне (все множество значений включает подмножества — семантические зоны, каждая из которых содержит в среднем S значений);

N есть количество айнских корней;

a_i — доля, которую среди всех айнских корней составляют корни, имеющие в фиксированном месте (например, вначале или в качестве второго согласного) i-ю фонему;

b_i — это доля общего количества индоевропейских корней, приходящаяся на корни, имеющие в том же фиксированном месте фонемы, соответствующие[9] i-й айнской фонеме;

H есть число корней одного и того же значения в индоевропейском (в среднем для тех значений индоевропейских корней, которые рассматриваются в работе Нарта);

n — это количество согласных фонем в айнском языке.

---

[7] A. J. Van Windekens. Contacts linguistiques aïnou-tokhariens. «Anthropos», vol. 55, fasc. 5-6, 1960, стр. 753—764.

[8] Гласные сопоставлять здесь бессмысленно, так как практически каждому айнскому гласному соответствуют все индоевропейские гласные (согласно формулам соответствий у П. Нарта).

[9] Т. е. соответствующие по формулам фонетических корреспонденций между айнским и индоевропейским, предлагаемым в книге Нарта.

Для вычисления математического ожидания M_1 числа случайных совпадений по первому согласному можно применить формулу:

$$M_1 = N\left(\sum_{i=1}^{n} a_i b_i\right) \cdot HS.$$

N приблизительно составляет 1500 (по словарю Дж. Бэтчелора[10], которым пользовался Нарт).

$$\sum_{i=1}^{n} a_i b_i = 0,13 \pm 0,02.$$

H приблизительно равен 5 (по указателю значений индоевропейских корней в словаре А. Вальде—Ю. Покорного[11] в среднем для тех значений, которые привлекает для рассмотрения Нарт).

Величина S (количество значений, которое допускается сопоставлять с данным значением) у Нарта нигде не оговаривается. Можно лишь заметить, что он постоянно сравнивает слова, довольно далекие по значению. Вот взятые наугад примеры: айн. *pekashnu* 'чистый, несмешанный': и.-е. **bheigᵘ̯-* 'блестеть' (§ 254); айн. *pish* 'морской берег': и.- е. **bhes-* 'стирать, растирать, высыпать' (§ 264); айн. *ru* 'мороженый', 'сырой', *rup* 'лед': и.-е. **kreu-*, **kreuə-*, **krū-* 'густая, застаивающаяся кровь, сырое мясо с кровью' (§ 291) и т. п. на протяжении всей работы. Можно утверждать, что это число S не меньше во всяком случае десяти[12].

$$\text{Отсюда } M_2 = 1500 \cdot (0,13 \pm 0,02)^2 \cdot 5 \cdot 10 \approx 1300 \pm 400.$$
$$M_1 = 1500 \cdot (0,13 \pm 0,02) \cdot 5 \cdot 10 \approx 9800 \pm 1500.$$

Итак, математическое ожидание количества случайных совпадений по первым двум согласным — не меньше 900—1700, тогда как у Нарта приводится лишь 150 таких сопоставлений. Число сопоставлений по начальному согласному у Нарта около 250, тогда как математическое ожидание для таких случайных совпадений составляет громадное число — около 10 000. Иными словами, любой айнский корень дает случайное совпадение одновременно со многими индоевропейскими корнями!

Таким образом, родство айнского языка с индоевропейскими (и тем более принадлежность айнского к индоевропейской семье) в работе П. Нарта не доказаны.

Следует ли из этого, что нет возможности обнаружить родственные отношения айнского с индоевропейскими, если таковые действительно существуют?

---

[10] См.: J. Batchelor. An Ainu-English-Japanese dictionary. 2nd ed. Tokyo, 1905. — Нарт, собственно, пользовался 4-м изданием (1938 г.), по словнику не отличающимся (или мало отличающимся) от 2-го издания. Впрочем, при увеличении общего количества N айнских корней оценка результатов Нарта может только ухудшиться.

[11] См.: Walde — Pokorny, III, стр. 225—252.

[12] Цифра 10 явно занижена. Чтобы убедиться в этом, читатель может подсчитать общее количество значений, связываемых, например, с понятием «блестеть» в словаре Вальде—Покорного (отражающем общераспространенное представление о «хороших семантических сближениях»). В этом словаре семантическая зона «блестеть» включает не менее 40—50 значений из числа наиболее близких. Судя по характеру значений, сопоставляемых с «блестеть», у Нарта эта семантическая зона, по-видимому, еще шире.

По-видимому, не следует. Нужно лишь изменить процедуру сопоставления таким образом, чтобы максимально снизить математическое ожидание числа случайных совпадений.

Для этого придется пойти на следующие ограничения:

1. Сравнивать лишь семантически совпадающие морфемы и при этом для каждого значения выбирать лишь одну индоевропейскую морфему (наиболее древнюю, самую распространенную). Тогда величины H и S снизятся до 1.

2. По возможности ограничить круг сравниваемых айнских корней (величину N). Для каждого значения придется выбрать лишь один айнский корень, а список самих этих значений ограничить до минимума. Наиболее показательными для родства языков должны быть, по-видимому, те значения, которые обычно в языках обнаруживают наибольшую сохраняемость морфем.

Список значений, расположенных по рангу сохраняемости морфем, сейчас подготавливается нами[13]. Если ограничимся первыми 30 значениями этого списка (т. е., если $N = 30$), то среди корней этих значений обнаружим 2 айнско-индоевропейских соответствия по двум согласным: айн. *kirau* 'рог' : и.-е. **k̂er-* 'рог' и айн. *kat* 'сердце' : и.-е. **k̂erd-* 'сердце' (переход $rt > tt$, t засвидетельствован, в частности, синхронными соотношениями в айнском языке). Но при такой процедуре математическое ожидание числа случайных совпадений по двум согласным составит всего 0,3—0,7. Действительно,

$$N \left(\sum a_i b_i\right)^2 HS = 30 \cdot (0{,}13 \pm 0{,}02)^2 \cdot 1 \cdot 1 \approx 0{,}5 \pm 0{,}2.$$

Среди корней тех же 30 значений обнаруживаем 6 соответствий по начальному согласному: помимо отмеченных выше *kirau* : **k̂er-* и *kat* : **k̂erd-*, еще айн. *ka*, *kapo* 'гнида' : и.-е **k(o)nid-* 'гнида', айн. *kiri* 'знать' : и.-е. **ĝen-*, айн. *shippo* 'соль' : и.-е. **săl-*, а также айн. *h-* (корень вопросительных местоимений) : и.-е. **kᵘ̯-*. Математическое же ожидание числа случайных совпадений по начальному согласному составляет: $N\,(\Sigma a_i b_i = 30 \cdot (0{,}13 \pm 0{,}02) \approx 4 \pm 0{,}5$.

Таким образом, наблюдаемое количество совпадений превышает математическое ожидание числа случайных совпадений.

Можно ли из этого делать вывод об айнско-индоевропейском родстве, а если да, то с какой надежностью?

Для ответа на этот вопрос нужно определить вероятность того, что из 30 испытаний не менее чем в 2 случаях произойдет событие B с вероятностью $(0{,}13 \pm 0{,}02)^2$, а не менее чем в 4 других случаях — событие A с вероятностью $(0{,}13 \pm 0{,}02)$, причем событие B есть частный случай события A. Такая вероятность вычисляется по формуле:

---

[13] См.: А. Б. Долгопольский. Статистическое изучение сохраняемости лексики. «Тезисы докладов Межвузовской конференции по применению структурных и статистических методов исследования словарного состава языка. 1-й МГПИИЯ». М., 1961, стр. 87—90. — В этом списке первые 30 мест занимают следующие значения: 1 л. ед., 2 л. ед., 1 л. мн., 2 л. мн., 'кто?, что?', 'не' отрицательное, 'не' запретительное, 'вода', 'вошь', 'глаз', 'гнида', 'звезда', 'зима', 'знать' (в смысле нем. kennen), 'зуб', 'имя', 'кровь', 'мертвый', 'месяц', 'новый', 'ноготь', 'ночь', 'рог', 'сердце', 'слеза', 'снег', 'солнце', 'соль', 'ухо', 'язык' (в смысле нем. Zunge).

$$P = \sum_{\substack{i=0\\j=0}}^{\substack{i=n-k_A-k_B\\j=n-k_A-k_B}} \left[\frac{n!}{(k_A+i)!\,(k_B+j)!\,(n-k_A-k_B-i-j)!} \times \times (p_A-p_B)^{k_A+i} p_B^{k_B+j} (1-p_A)^{n-k_A-k_B-i-j}\right] + + \sum_{\substack{h=1\\j=0}}^{\substack{h=k_A\\j=n-k_A-k_B}} \left[\frac{n!}{(k_A-h)!\,(k_B+h+j)!\,(n-k_A-k_B-j)!} \times \times (p_A-p_B)^{k_A-h} p_B^{k_B+h+j} (1-p_A)^{n-k_A-k_B-j}\right],$$

где P — вероятность того, что в серии из n испытаний по крайней мере в k_A случаях произойдет событие с вероятностью p_A, а в k_B других случаев — событие с вероятностью p_B.

Подставим $n = 30$, $P_A = 0{,}13 \pm 0{,}02$, $P_B = (0{,}13 \pm 0{,}02)^2$, $k_A = 4$, $k_B = 2$. Получим:

$$P = 0{,}055 \pm 0{,}035$$

Из списка значений с наибольшей сохраняемостью морфем были по некоторым соображениям устранены числительные. Если же их оставить в списке и рассмотреть (вместе с числительными от «одного» до «десяти») 40 значений ($n = 40$), мы обнаружим еще 3 совпадения по одному начальному согласному: айн. *shine* 'один' : и.-е. **sem-*, айн. *tu* 'два' : и.-е. **du̯ōu-*, айн. *re* 'три' : и.-е. **trei̯-* (по формулам соответствий у Нарта индоевропейский начальный согласный $+ r$ соответствует айнскому начальному r). При $n = 40$ и $k_A = 7$ P составляет $0{,}04 \pm 0{,}03$.

Итак, вероятность случайного совпадения, не меньшая, чем наблюдаемая в данном случае, составляет 2—9% (а при учете числительных — 1—7%). Значит, если мы утверждаем, что совпадения между айнским и индоевропейскими языками не случайны, это истинно с вероятностью не менее 91—93%.

Как же объяснять айнско-индоевропейские связи? Возможны четыре предположения:

1. Совпадения между айнским и индоевропейскими — это след того родства, которое, по теории М. Свадеша[14], существует между всеми современными языками земного шара.

2. Айнский язык принадлежит к тому кругу предположительно родственных языков, которые Х. Педерсен назвал «ностратическими» (индоевропейские, семито-хамитские, уральские, алтайские и др.)[15]. Это предположение объяснило бы следующий загадочный факт: оба упомянутых айнских корня (*kirau* 'рог' и *kat* $<$ **kart* 'сердце'), совпадающие с индоевропейскими по двум согласным и принадлежащие к наиболее сохраняемой лексике, обнаруживают совпадение и с другими «ностратическими»

---

[14] См.: M. Swadesh. Tras la huella lingüística de la prehistoria. Univ. Nacional de México. México, 1960. «Suplementos del Seminario de Problemas Científicos y Filosóficos», 2-a serie, № 26, 1960.

[15] См., например, сообщение Б. Коллиндера на VII Международном конгрессе лингвистов: «Proceedings of the 7th International Congress of Linguists», London, 1—6 September, pt I. London, 1956, стр. 133—134.

языками. Действительно, название рога совпадает в айнском (*kirau*), индоевропейских (**k̂er-*), семито-хамитских (араб. *ḳarn-*, др.-егип. *ḳrtj* и пр.) и картвельских (сванск. *karäxs*, лаз. *kra*). Название сердца сходно не только в айнском (*kat* < **kart*) и индоевропейских (**k̂erd-*), но и в семито-хамитских (араб. *ḳalb-*, гуду *guraksə*, муби *korlo* и др.), в картвельских (груз. *guli*, лаз. *guri*), чукотско-камчатских языках (вост.-ительменск. *gulg*) и, по-видимому, в алтайских (**ǯür-* > классич. монг. *ǯürüken*, др.-тюрк. *jüräk*, где *j* < **ǯ*). Наиболее показательные и доказательные совпадения айнского с индоевропейскими оказываются не специфически им присущими, а общими для разных «ностратических» языков.

Против предположения о принадлежности айнского языка к «ностратическим» говорит отсутствие в нем характерных для «ностратических» языков личных местоимений (1 л. на *m-*, 2 л. на *t-*, *s-*).

3. Весьма правдоподобным кажется третье предположение: совпадения объясняются заимствованием слов из «ностратических» и позднее из индоевропейских языков. Так можно объяснить удивительные совпадения в лексике (айнско-индоевропейские и айнско-«ностратические») и отсутствие совпадений в личных местоимениях (которые нормально в языках не заимствуются).

4. П. Нарт придерживается четвертого предположения: он считает айнский язык принадлежащим к индоевропейской семье (langue fille, а не langue sœur). Это значит, что, по Нарту, айнский язык ближе к тем языкам, которые называют индоевропейскими, чем, например, уральские или семитские[16]. Однако вероятностный анализ соответствующих материалов показывает, что такая гипотеза не имеет под собой оснований[17].

А. Б. Долгопольский

---

[16] Как известно, сторонники гипотез индоевропейско-уральского, индоевропейско-семито-хамитского и «ностратического» родства (Х. Педерсен, Б. Коллиндер, Г. Мёллер, И. Ангере, М. Свадеш и др.) не считают уральские или семито-хамитские языки принадлежащими к индоевропейской семье.

[17] В самое последнее время мы познакомились с последними работами на ту же тему, содержащими новые айнско-индоевропейские лексические сопоставления: P. Naert. La situation linguistique de l'aïnou. I: 2. Aïnou et indoeuropéen. 2. Nouvelles étymologies. «Orbis», t. X, № 2, 1961, стр. 394—410 (около 30 новых этимологий); A. J. van Windekens. Études sur l'étymologie et le vocabulaire de l'aïnou. — Там же, стр. 441—423. — Учет этих сопоставлений не влияет на содержащуюся в этой рецензии оценку айнско-индоевропейской гипотезы.

«Историческое развитие лексики тюркских языков» (сборник статей). Академия наук СССР. Институт языкознания. Отв. редактор Е. И. Убрятова. М., 1961, 468 стр.

Сборник состоит из шести статей, которым предпослано краткое введение, где в сжатой форме излагается содержание и основные выводы каждой статьи, а также охарактеризованы задачи, стоявшие перед авторами, и общий для всех статей метод исследования. Сборник мог бы составить соответствующий том «Исследований по сравнительной грамматике тюркских языков», хотя авторы рассматривают его как один из этапов подготовительной работы по составлению этимологического словаря тюркских языков. В действительности он носит сравнительно-описательный, а не историко-этимологический характер.

Сборник представляет собой в основном результат предварительных наблюдений, сопровождаемых иногда углубленным и тонким анализом, но чаще — простым сопоставлением фактического материала. Впрочем, состояние тюркской лексикологии в настоящий момент таково, что даже простая инвентаризация имела бы немаловажное значение. Сравнительный материал, сосредоточенный в статьях сборника, послужит, несомненно, его авторам основой для дальнейших исследований.

Статья Л. А. Покровской «Термины родства в тюркских языках» рассматривает эту лексико-семантическую группу с привлечением большого сравнительного материала. Автор отдельно исследует термины родства по крови и термины родства по браку, причем каждый отдельно взятый термин рассматривается во всех его фонетических разновидностях, представленных в разных тюркских языках, приводятся его значения в древних и современных языках, перечисляются производные формы от этого термина.

Одной из древнейших лексических групп посвящена статья А. М. Щербака «Названия домашних и диких животных в тюркских языках». Автор называет в качестве основной цели своего исследования «обстоятельное описание» этого раздела лексики. Не ограничиваясь этой задачей, А. М. Щербак на основании своих наблюдений делает ряд выводов о структуре исследуемой им лексической группы и происходящих в ней процессах развития. Кроме того, автор приводит этимологию каждого термина, уже существующую в тюркологической литературе или свою собственную. Статья построена с учетом потребностей будущего этимологического словаря и может служить материалом для него. Она завершается указателем, в который вошли все упомянутые в работе термины во всех фонетических вариантах.

Одной из малоисследованных групп тюркской лексики посвящена статья покойного Ф. Г. Исхакова «Наблюдения по лексике в области прилагательных в тюркских языках». Статья построена на материале прилагательных, передающих в тюркских языках значения: 1) 'бедный' (='неимущий'), 2) 'бедный' (='несчастный'), 3) 'высокий', 4) 'далекий' и 5) 'близкий'. Автор приводит сводные таблицы указанных прилагательных и соответствующие словарные статьи к ним, которые представляют собой, по существу, подробно разработанные семантические гнезда.

Э. Р. Тенишев в статье «Глаголы движения в тюркских языках» для удобства рассмотрения разбивает эти глаголы на две основные группы по семантическому признаку: 1) глаголы общего значения и 2) глаголы частного значения. Внутри этих групп автор исследует каждый отдельно взятый глагол с историко-фонетической и семантической стороны. Итоги наблюдений изложены в кратком заключении. Подчеркивая, что в подавляющем большинстве глаголов развитие значений идет от общего к частному и лишь иногда наблюдается обратный путь, автор усматривает в таком характере развития семантики названных глаголов причину появления омонимии, хотя достаточно убедительных доказательств этому не приводит.

А. А. Юлдашев в статье «Глаголы чувственного восприятия (verba sentiendi) в тюркских языках», наряду с общей характеристикой этой части тюркской лексики, подробно рассматривает указанные глаголы по двум группам. При выделении этих групп автор опирается не только на семантические признаки (глаголы, связанные с ощущениями физиологического порядка, а также передающие душевные состояния), но и на грамматические: так, одним из критериев выделения второй группы глаголов является их трактовка автором как морфологически целостных лексических единиц, хотя до сих пор было принято рассматривать их как словосочетания или описательные обороты.

Так, например, на стр. 308 автор утверждает, что сочетание *удуку кел-*, которое он переводит 'хочется спать', является «лексемой», которая «встречается в подавляющем большинстве тюркских языков и всюду является однозначной и очень устойчивой». На наш взгляд, вернее было бы здесь говорить об обороте, передающем желание совершить какое-либо действие, который состоит из формы с аффиксом *-гу/-ку* основного глагола + глагол *кел-*. Это самый обычный оборот для передачи идеи желания в тех тюркских языках, в которых нет глагола *исте-* 'желать, хотеть' или этот глагол малоупотребителен. В «лексеме» *удуку кел-* на место глагола *уду-* 'спать' может быть подставлен любой другой глагол: *пить*, *есть*, *купить* и т. д. Сам автор подходит к этой же мысли в примеч. 29 к стр. 308, где говорит о конструкции типа башк. *барғы килә* 'хочется идти, ехать', однако, отказываясь от ее логического завершения, упорно трактует каждый из подобных оборотов как достояние лексики. Несомненно, эта точка зрения А. А. Юлдашева вызовет оживленный обмен мнений среди тюркологов.

Работа Н. З. Гаджиевой и А. А. Кокляновой «Глаголы речи в тюркских языках» представляет собой обширное и подробное описание этой группы глаголов, построенное на материале большинства современных тюркских языков, которое сопровождается исследованием этих глаголов преимущественно с семантической и в гораздо меньшей степени с историко-фонетической стороны. Авторы приходят к выводу, что группа глаголов речи в тюркских языках весьма многочисленна и что эти глаголы являются одной из основных лексических группировок в словарном составе тюркских языков. Единственным глаголом, имеющим общетюркское распространение, как показывает исследование, является глагол *де-*, остальные же глаголы распространены в языках тюркской семьи в разной степени.

К сожалению, некоторые статьи сборника изобилуют досадными фактическими неточностями, многие формулировки и замечания, главным образом этимологические, нельзя признать удачными. Вот несколько примеров. Л. А. Покровская пишет, что слово *kadin* в турецком языке «обозначает знатную госпожу» (59). Между тем в современном турецком языке это слово лишено какой-либо социальной окраски и обозначает любую женщину независимо от ее знатности или имущественного положения. Неясно, почему автор приводит слово *kadin* в качестве примера «нарушения гармонии согласных по звонкости и глухости» (58). Вызывает сомнение этимология слова *алыс* 'далекий', которое Ф. Г. Исхаков сопоставляет с глаголом *ал-* (214 и сл.). Убедительных доводов в пользу такой этимологии

автор не приводит. В этой же статье в качестве примеров «слов» (! — *С. Ц.*), образованных от «основы» *баланд* в узбекском языке, автор называет сочетания *баланд тоғ* 'высокая гора', *баланд текислик* 'возвышенность', *қаланд овоз блан* 'громогласный' (? ! — *С. Ц.*), 'громогласно', *баланд тоғ ўтлоқлари* 'высокогорные луга' и т. п. (225—226). Непонятно, что означает в статье А. А. Юлдашева выражение «инфинитивная форма повелительного наклонения на *-ғa*» (295). Далее автор статьи утверждает, что в тюркских языках юго-западной группы, в частности азербайджанском, туркменском, турецком, нет глагола *сеә-* (296). Достаточно, однако, заглянуть в словари этих языков, чтобы обнаружить там глагол *сеә-* и образованные от него залоговые формы и отглагольные имена. Н. З. Гаджиева и А. А. Коклянова допускают правильность этимологии аффикса *-да*, согласно которой данный аффикс происходит из глагола *айла-/әйлә-*» (351). Во-первых, уместнее было бы говорить об аффиксе *-ла*, так как *-да* есть лишь фонетический вариант этого аффикса, а во-вторых, не исключена возможность, что сам глагол *айла-/әйлә-* содержит в своем составе упомянутый аффикс. Утверждая, что словообразовательный аффикс *-ыҹы/-уҹу* малопродуктивен, особенно для языков юго-западной группы, авторы допускают фактическую ошибку. В турецком языке этот аффикс вполне продуктивен. Навряд ли уместно заявление Н. З. Гаджиевой и А. А. Кокляновой (301), что корень *даны-* (*таны-/тану-*) «встречается во многих тюркских языках параллельно с другим корнем персидского происхождения — دانا 'знающий', 'мудрец' (лексические образования от него دانشور и دانشمند 'ученый', 'мудрый')». Для тюркских языков *dānā* не является «корнем», а *dānäšwär* и *dānäšmānd* — «лексическими образованиями от него». Все три слова заимствованы из персидского языка, где они объединены общим корнем *dān-*. Точно ту же ошибку допускают авторы, называя слова типа тур. *haberdar* и азерб. *хәбәрдар* «лексическими образованиями, связанными с корнем *хабар*» (378). Вариантом глагола 'спрашивать' *сор-* является не *сур-* (387—387), а *сура-*. Инфинитив этого глагола в туркменском языке звучит не *сорау* (398), а *сорамаг*.

Недостаток места не позволяет нам привести другие многочисленные примеры фактических ошибок и неточностей.

Ценность сборника как источника для разного рода лексических справок сильно снижена также из-за множества неотмеченных опечаток, от которых оказался несвободен даже сам список опечаток. Отсутствие указателей к статьям (за исключением статьи А. М. Щербака) сильно затрудняет поиски нужного слова.

С. С. Цельникер

Экьрем Чабей. Этюды по этимологии албанского языка, I—III

Обычно в этимологических исследованиях любого индоевропейского языка албанским параллелям или вовсе не уделяется внимания, или же они занимают весьма скромное место. Создается впечатление, будто генетическая связь, например, славянских языков с греческим или санскритом была теснее, чем с албанским. Отчасти такая недооценка албанского объясняется некоторыми предрассудками и предубежденностью: говорят о незначительности албанского языка, хотя на самом деле он представляет самостоятельную индоевропейскую ветвь, богат диалектами и имеет письменную традицию с XV в.; ссылаются на затемненность албанских этимологий ввиду сильных фонетических изменений, хотя эти фонетические изменения никак не значительнее германских, армянских или кельтских; упоминают о скрещенности албанского языка, обилии в нем иноязычных элементов, хотя именно эти древние заимствования, в основном славянские (а также романские, но они обычно легко отделимы), и представляют особую ценность для славистов; наконец, оправдывают игнорирование албанского языка его слабой изученностью, но это как раз и должно быть стимулом его усиленного изучения. Однако привлечение албанского материала к этимологическим исследованиям других языков затруднительно без хорошего албанского этимологического словаря: этимологический словарь Г. Мейера[1] во многом устарел, а исследования Н. Йокля[2], Х. Педерсена[3], М. Фасмера[4], Х. Барича[5], М. Ла Пьяна[6], Ст. Э. Мэна[7] и других разбросаны по разным изданиям и не всегда доступны.

---

[1] G. Meyer. Etymologisches Wörterbuch der albanesischen Sprache. Leipzig, 1891.

[2] N. Jokl. Studien zur albanesischen Etymologie und Wortbildung. Wien, 1911; его же. Linguistisch-kulturhistorische Untersuchungen aus dem Bereiche des Albanischen. Berlin—Leipzig, 1923; его же. Slaven und Albaner. «Slavia», XIII, стр. 281—325, 609—645 и др.

[3] H. Pedersen. Die albanesischen l-Laute. — KZ, Bd 33, H. 4, 1894, стр. 535—551; его же. Die Gutturale im Albanesischen. — KZ, Bd. 36, H. 3, 1900, стр. 277—340 и др.

[4] M. Vasmer. Studien zur alban. Wortforschung, I. Dorpat, 1921.

[5] H. Barić. Albanorumänische Studien, I. Sarajevo, 1919; его же. O uzajamnim odnosimo balkanskih jezika, I. Beograd, 1937; его же. Hymje në historin e gjuhës shqipe. Prishtinë, 1955.

[6] M. La Piana. Intorno al riflesso della vocale *o* lunga dall' indoeuropeo e dal latino nell' albanese, 1937; его же. Studie linguistici albanesi, I (1939), Varia, 1949.

[7] St. E. Mann. The Indo-European Semivowels in Albanian. «Language», vol. 17, № 1, 1941; его же. The Indo-European Vowels in Albanian. «Language», vol. 26, № 3, 1950; его же. The Indo-European Consonants in Albanian. «Language», vol. 28, № 1, 1952.

Этот недостаток современной албанистики исправляет публикация «Этюдов по албанской этимологии» крупнейшего албанского языковеда, историка албанского языка и индоевропеиста Экрема Чабея[8]. Фактически эти «Этюды» являются дополнениями и исправлениями к словарю Мейера: Чабей в алфавитном порядке публикует этимологию албанских слов, или пропущенных Мейером, или ошибочно им этимологизированных; словарные статьи снабжены подробными ссылками на источники (старые албанские тексты, диалектальные записи и т. п.) и на литературу по албанской этимологии (старую и новейшую), учтены работы по общей индоевропеистике и балканистике.

В нашем распоряжении пока, к сожалению, имеются лишь первые выпуски «Этюдов» Чабея, но и по ним можно судить о значении этого труда: приводимые этимологии (на *A*, *B*, *C* и частично *D*, до слова *dosë*) представляют большой интерес для индоевропеистов, и в частности для славистов. В качестве иллюстрации приведем лишь некоторые примеры из работы Э. Чабея:

1. Албанский язык является единственным из языков satəm, различающим индоевропейские велярные и лабиовелярные (в то время как велярные **k*, **g(h)* перед индоевропейскими гласными переднего ряда не палатализуются, лабиовелярные $*k^{u̯}$, $*g^{u̯}(h)$ изменяются в *s*, *z*, например *kohë* 'время' из и.-е. **kēsā*, ср. слав. *часъ* < **kēso-* но *pesë* 'пять' из и.-е. *penk$^{u̯}$e*, ср. греч. πέντε). Некоторые новые этимологии, приводимые Э. Чабеем, подтверждают предположение об особой судьбе лабиовелярных в албанском, например в *avull* 'испарение, пар' Чабей, вслед за Йоклем[9], считает *a* позднейшей приставкой и допускает сближение Баричем[10] корня *vull-* с нем. *Qualm* (интервокальное -$*g^{u̯}(h)$- дает -*v*-, ср. также алб. *trevë* 'область, край', с.-хорв. *траг*, др.-ирл. *traig*). С другой стороны, некоторые слова, приводимые иногда в качестве иллюстрации перехода лабиовелярных в *s* (реже *c*), *z* (перед *e*, *i*), получают у Э. Чабея иную этимологию, например *cen* 'недостаток, изъян', *cenë* 'усердие, рвение' лучше, по его мнению, сближать не с греч. πόνος 'труд', πένομαι 'трудиться', ст.-слав ѹ-конъ из и.-е. $*k^{u̯}$*enos*, но считать итальянским заимствованием (*cenno* 'сигнал, знак', венец. *zenno*). Мэн считает, что и.-е. $*k^{u̯}$ (а также **k* в соседстве с **w*) перед неударным **e* давало алб. *ç*; в качестве примера он приводит *çuk* 'ставить ловушку' из и.-е. *keu̯kō* (ср. с.-хорв. *ч́у̑чати* 'сидеть на корточках, притаившись'). Э. Чабей не возражает против этой этимологии, но допускает и сближение с болг. *чукам*, с.-хорв. *чу̏кати* 'стукать', алб. *çokas* 'стучать в дверь', *çukit* 'клевать, жалить', а также *qok* 'касаться', *quktë* 'осиное жало'; также и алб. *çë*, *ç'* 'что', которое Мэн возводит к и.-е. $k^{u̯}$*id* (не под ударением), Чабей сближает с *që* 'что'. Эти примеры лишний раз показывают, что и.-е. $*k^{u̯}$, $*g^{u̯}(h)$, каково бы ни было их происхождение[11], имели отличную от **k*, **g*(*h*) судьбу в албанском: перед ударными *e*, *i* они давали *s*, *z*, перед безударными $*k^{u̯}$ давало *ç*.

2. Для славистов большой интерес представляет этимология алб. *baltë* 'грязь, глина', *daltë* 'долото', *gardh* 'изгородь'. Обычно их считают заимствованиями из общеславянского до метатезы плавных (т. е. до за-

---

[8] E. Çabej. Studime rreth etimologjisë së gjuhës shqipe. «Buletin i Universitetit Shtetëror të Tiranës. Seria shkencat shoqerore» 1960, № 4, стр. 9—109; 1961, № 1, стр. 60—102; № 2, стр. 47—78; продолжение в следующих номерах.

[9] N. Jokl. Linguistisch-kulturhistorische Untersuchungen . . ., стр. 270 и сл.

[10] H. Barić. Albanorumänische Studien, I, стр. 108.

[11] Албанские факты вполне согласуются с теорией Ю. Куриловича о позднем появлении в индоевропейских диалектах фонемы $*k^u$, $*g^u$, g^{uh}, в частности из слияния велярных с *-u̯-*.

кона открытых слогов); так думает, в частности, Мэн. Между тем уже А. М. Селищев показал, что здесь могла быть вторичная метатеза (*daltë* из *длато*, *baltë* из *блато*) уже на албанской почве[12]. Чабей считает эти слова исконно албанскими, а соответствующие славянские слова — иллирийскими заимствованиями. В качестве доказательства он приводит семантику этих и родственных им слов: наряду с *baltë* в албанских диалектах имеется глагол *mbëltoj* 'сеять, хоронить', *bëltuc* 'давить, нажимать', они указывают на более старое значение *baltë* 'земля'[13]; следов этого значения в славянских нет[14]. Наряду с *daltë* имеется диалектное *deltinëdultinë* 'белый свет, мир', *deltinë e kuqe* 'красная земля'; в качестве параллели семантической связи 'земля' и 'долото' ('резать, рубить, бить') Чабей приводит лат. *caementum* и *caedo*, нем. *Scholle* 'дерн' и др.-в.-нем. *skel* 'резать, рубить'; следов этих побочных значений к слову 'долото' в славянских языках нет; сам же корень слова алб. *daltë*, слав. *длато*, *долото* следует, по мнению Чабея, возводить к **dalptā*, ср. др.-прусск. *dalptan* 'долото, коловорот', др.-инд. *dalayati* 'раскалывать', арм. *tal* 'впечатление', греч. δέλτος 'дощечка для письма', тох. В *tselt* 'пережевывать', лат. *dolo*, *-are* 'обтесывать', сюда же алб. *dalloj* 'выделять, узнавать' (из и.-е. **del-* 'резать', колоть').

3. Алб. *bajgë*, *bagël(f)* 'коровий помет' заимствовано всеми балканскими языками (с.-хорв. *балега*, аромун. *balicâ*, рум. *balegă*; попало даже в украинский)[15]. Барич разлагал это слово на *bal-* и *-gë* и во второй его части видел и.-е. **g(ū)u̯ā* от корня **gᵘou̯-* 'бык, корова' (ср. славянские отражения этого корня). Чабей предлагает другую этимологию: вслед за Оштиром он видит здесь корень **bal-*, **bol-*, распространенный древним суффиксом **-gᵘ-*, и сближает его с греч. βόλινθος (из «догреческого») 'дикий бык', βόλβιτον 'навоз' (из **bolgᵘ-*); это — одно из древнейших специально греко-албанских схождений.

4. В южно-алб. диал. *dorbërí* (f) 'стадо' Йокль видел и.-е. **ĝhu̯ēr-* (ст.-слав. звѣрь и т. д.) и *-*bhuri* (лит. *bū̃rys*, лтш. *bũra* 'толпа, стадо', др.-инд. *bhūri-ḥ* 'много, полно'); Фасмер сближает его со слав. *добро* (хотя значение 'скот' у этого славянского корня нигде не засвидетельствовано); Барич во второй части этого слова видел тот же корень, что в алб. *berr* 'овца'. Чабей предлагает новую этимологию: *dorbëri* (ср. н.-греч. ντορμπάριο 'свиное стадо') от **dorbar* 'пастух', **torbar* от *torbë* (тур. *torba*) '(пастушья) сумка'.

5. Алб. *djep* (m) 'колыбель, люлька' Мейер, а позже Йокль сближали со слав. *зыбка*, ст.-слав. зыбати 'качать' из и.-е. **ĝu̯eb-* или **ghoub(h)-*. Чабей, вслед за Баричем и Ла Пьяна, видит здесь и.-е. *dheubh-*,

---

[12] А. М. Селищев. Славянское население в Албании. София, 1930, стр. 319. Ср.: С. Б. Бернштейн. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961, стр. 45—46.

[13] Следует заметить, что в говоре бессарабских албанцев *baltë* значит 'земля'; этот факт остался неизвестным Э. Чабею.

[14] Ср. еще высказывания Р. Раска: «Если одно и то же слово имеется во многих языках, то следует считать, что оно принадлежит тому языку, в котором оно выступает в своем наиболее необходимом, материальном и общем значении»; «если слово выступает изолированно в одном языке, без каких-либо очевидных связей и без производных слов или с очень небольшим их числом, и напротив, в другом языке имеет ясные связи. . . или имеет целый ряд производных. . . и кажется, таким образом, совершенно вплетенным в язык, тогда можно заключить, что это слово перешло из второго языка в первый» (В. А. Звегинцев. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях, ч. I. М., 1960, стр. 41).

[15] Ср. мою заметку «До питання про балкано-українські лексикальнів відношення». «Наукові записки ЧДУ», т. 32, сер. філолог наук, вип. 6. Львів, 1956, стр. 130—132.

dheup-, ср. греч. (из «догреческого») δέπας 'посуда для питья', первоначально 'вогнутое'.

6. Алб. *bij-* 'прорастать', *bimë* 'растение' обычно сближают с греч. φύω, φῦμα то же, возводя тем самым к и.-е. **bh(e)u-* (ст.-слав. быти и т. д.), но Чабей сближает его со ст.-слав. бити, арм. *bir* 'набалдашник', греч. φιτρός 'ствол, пень, сук'.

7. В алб. *diell* 'солнце' Чабей видит не и.-е. **sụel-* (греч. ἥλιος, ст.-слав. слъньце и т. д.), а сближает его, как и Мэн, со ср.-ирл. *dellrad* 'блеск, слияние, великолепие', др.-англ. *deall* 'гордый, смелый', 'сверкающий' и др.

8. Арберешск. *akól* 'слуга' Мейер считал славянским заимствованием (*около*, ср. греч. 'αμφίπολος); Чабей видит здесь старое греческое заимствование (ср. н.-греч. ἀκόλουθος 'слуга').

9. Алб. *çotillë* 'маслобойка' Чабей возводит не к греч. κοτύλη, вульгарнолат. **cotyla*, **cytola* (откуда ит. *ciotola*, рум. *ciutură* и болг. заимствование *чотура*), а к слав. *точило* (с метатезой).

10. Интересны новые славяно-албанские параллели, предлагаемые Чабеем, например алб. *dardhë* 'груша' и русск. диал. *дерён* 'кизил', лит. *drignes*, лтш. *drigenes*, др.-в.-нем. *tyrn*, др.-ирл. *draigen* 'дикая груша', кимр. *draen*, брет. *dean*; алб. *da(r)smë* 'свадьба' и ст.-слав. зестра 'приданое' (из **ĝheḱ-?*) и др.

Небольшой объем нашей заметки не позволяет дать более подробные выдержки из работы Чабея, однако и этих примеров, нам кажется, достаточно, чтобы показать, какое значение и интерес представит труд Чабея для этимологических исследований в области других индоевропейских языков, в частности славянских.

О. С. Широков

СОКРАЩЕНИЯ

Абаев	В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. I (А — К). М.—Л., 1958.
Горяев	Н. Горяев. Этимологический словарь русского языка. Изд. 2. Тифлис, 1896.
Гринченко	Б. Д. Гринченко. Словарь украинского языка, I—IV. Киев, 1907—1909.
Даль	В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Изд. 3. М., 1903.
Младенов	С. Младенов. Етимологически и правописен речник на българския книжовен език. София, 1941.
Носович	И. Носович. Словарь белорусского наречия. СПб., 1870.
Преображенский	А. Преображенский. Этимологический словарь русского языка, вып. 1—14. М., 1910—1918.
Срезневский	И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. I—III. СПб., 1893—1903.
Ушаков	Толковый словарь русского языка, под ред. Д. Н. Ушакова, т. 1—4. М., 1935.
Bartholomae	Bartholomae. Altiranisches Wörterbuch. Strassburg, 1904.
Berneker	E. Berneker. Slavisches etymologisches Wörterbuch, A — mor. Heidelberg, 1908—1913.
Boisacq	E. Boisacq. Dictionnaire étymologique de la langue grècque. Heidelberg, 1907.
Brückner	A. Brückner. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1927 (wyd. 2—1957).
Buck	C. D. Buck. A Dictionary of selected synonyms in the principal indoeuropean languages. Chicago, 1949.
Chamber	Chamber's Etymological Dictionary. London, 1947.
Dauzat	A. Dauzat. Dictionnaire étymologique de la langue française. Paris, 1938.
Ebert. Reall.	Reallexikon der Vorgeschichte, hrsg. M. Ebert. Berlin, 1924—1932.
Ernout—Meillet	A. Ernout, A. Meillet. Dictionnaire étymologique de la langue latine, t. I—II. 3e éd. Paris, 1951.
Falk — Torp.	H. Falk und A. Torp. Norwegisch-dänisches etymologisches Wörterbuch, 2 Bde. Heidelberg, 1910—1911.
Feist	S. Feist. Vergleichendes Wörterbuch der gotischen Sprache. 3. Aufl. Leiden, 1939.
Fick	A. Fick. Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen. 4 Aufl., bearb. von A. Bezzenberger, A. Fick und W. Stockes. Göttingen, 1890.
Fraenkel	E. Fraenkel. Litauisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg—Göttingen, 1955.
Franck — Van Wijk	J. Franck. Etymologisch woordenbock der nederlandsche taal. 3. Aufl. von N. Van Wijk.

Friedrich — J. Friedrich. Hethitisches Wörterbuch. Heidelberg, 1952—1954.

Frisk — Hj. Frisk. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1954.

Gamillscheg — E. Gamillscheg. Etymologisches Wörterbuch der französischen Sprache. Heidelberg, 1929.

Grimm — J. Grimm und W. Grimm. Deutsches Wörterbuch. Leipzig, 1854.

Hehn—Schrader — V. Hehn. Kulturpflanzen und Haustiere. 7. Aufl., hrsg. O. Schrader und A. Engler. Berlin, 1902.

Hellqvist — E. Hellqvist. Svensk etymologisk ordbok. Lund, 1948.

Hesychius — Hesychius Alexandrinus. Lexicon. Editio minor, hrsg. M. Schmidt. Jena, 1867.

Hofmann — J. B. Hofmann. Etymologisches Wörterbuch der griechischen Sprache. München, 1950.

Holub — J. Holub. Stručný slovník etymologický jazyka československého. 2 vyd. Praha, 1937.

Holub—Kopečný — J. Holub, F. Kopečný. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1952.

Holthausen — F. Holthausen. Etymologisches Wörterbuch der englischen Sprache 3. Aufl. Göttingen, 1949.

Holthausen Awn. Wb. — F. Holthausen. Wörterbuch des Altwestnordischen. Göttingen, 1948.

Hoops. Reall. — Reallexikon der germanischen Altertumskunde, 4 Bde. Hrsg. J. Hoops. Strassburg, 1911—1919.

Kluge—Götze — F. Kluge. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 12.—13. Aufl. von A. Götze. Berlin, 1943.

Lokotsch — K. Lokotsch. Etymologisches Wörterbuch der europäischen Wörter orientalischen Ursprungs. Heidelberg, 1927.

Machek — V. Machek. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957.

Mayrhofer — M. Mayrhofer. Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Heidelberg, 1953.

Meillet—Ernout — A. Ernout et A. Meillet. Dictionnaire etymologique de la langue latine, I—II. Paris, 1951.

Meyer — G. Meyer. Etymologisches Wörterbuch der albanesischen Sprache. Strassburg, 1891.

Meyer—Lübke — W. Meyer—Lübke. Romanisches etymologisches Wörterbuch. 3. Aufl. Heidelberg, 1935.

Miklosich — F. Miklosich. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886.

Miklosich, LP — F. Miklosich. Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Vindobonae, 1862—1865.

Morgenstierne — G. Morgenstierne. An etymological vocabulary of Pashto. Oslo, 1927.

Pokorny — J. Pokorny. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1949—1959.

Prellwitz — W. Prellwitz. Etymologisches Wörterbuch der griechischen Sprache. 2. Aufl. Göttingen, 1905.

Puşkariu — S. Puşkariu. Etymologisches Wörterbuch der rumänischen Sprache, Bd. I. Lateinisches Element. Heidelberg, 1905.

Schiller—Lübben — K. Schiller und A. Lübben. Mittelniederdeutsches Wörterbuch, 6 Bde. Münster i. W., 1874—1881.

Schrader. Reall. — O. Schrader. Reallexikon der indogermanischen Altertumskunde. Strassburg, 1901.

Schrader — Nehring. Reall. — O. Schrader. Reallexikon der indogermanischen Altertumskunde, 2 Bde. 2. Aufl., hsrg. A. Nehring. Berlin — Leipzig, 1917—1929.

Sławski — F. Sławski. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1952—1958.

Stokes — W. Stokes. Urkeltischer Sprachschatz, hrsg. A. Bezzenberger (= Fick, Bd 2).

Toivonen — J. H. Toivonen. Suomen kielen etymologinen sanakirja, I. Helsinki, 1955.

Torp. — Aug. Fisk. Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen. 4. Aufl.; Bd. 3: Alf. Torp. Urgermanischer Strachschatz. Göttingen, 1909.

Trautmann — R. Trautmann. Baltisch-slavisches Wörterbuch. Göttingen, 1923.

Uhlenbeck — C. C. Uhlenbeck. Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch der altindischen Sprache. Amsterdam, 1898—1899.

Vámbéry — H. Vámbéry. Etymologisches Wörterbuch der turkotatarischen Sprachen. Leipzig, 1878.

Vasmer — M. Vasmer. Russisches etymologisches Wörterbuch, Bd I—III. Heidelberg, 1953—1958.

Walde — A. Walde. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. 2. Aufl. Heidelberg, 1910.

Walde — Hoffm. — A. Walde. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. 3. Aufl. von J. B. Hoffmann. Heidelberg, 1938.

Walde — Pokorny — A. Walde. Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen, 3 Bde, hrsg. J. Pokorny. Berlin—Leipzig, 1928—1932.

Wartburg — W. von Wartburg. Französisches etymologisches Wörterbuch. Bonn, 1925.

Windekens — A. J. van Windekens. Lexique étymologique des dialectes tokhariens. Louvain, 1944.

БЕ — Български език
ВСЯ — Вопросы славянского языкознания
ВЯ — Вопросы языкознания
ЖМНП — Журнал Министерства Народного Просвещения
ЖСт. — Живая старина
ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук
ИССФ — Известия на Семинара по славянска филология
ЈФ — Јужнословенски филолог
КСИС — Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР
МПр — Македонски Преглед
ОИДР — Общество истории и древностей российских
РФВ — Русский филологический вестник
СбНУ — Сборник за народни умотворения, наука и книжнина
СДЗб — Српски дијалектолошки зборник
СМБД — Статьи и материалы по болгарской диалектологии
AGI — Archivio, glottologico italiano
AfslPh — Archiv für slavische Philologie
ALing. — Archivum lingnisticum
AO — Archiv Orientální
BB — Beiträge zur Kunde der indógermanischen Sprachen
BNF — Beiträge zur Namenforschung
BPTJ — Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językornawczego
BSL — Bulletin de la Société de linguistique de Paris
DLZ — Deutsche Literaturzeitung
DSOAS — Bulletin of The School of Oriental and African Studies

FUF	Finnisch-ugrische Forschungen
IF	Indogermanische Forschungen
JAOS	Jornal of the American Oriental Society
JEGPh	Journal of English and Germanic philology
JKF	Jahrbuch für kleinasiatische Forschungen
KSz	Keleti Szemle
KUB	Keilschrifturkunden aus Boghazkoi
KZ	Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen
LP	Lingua Posnaniensis
LTMAD	Lietuvos TSR Mokslu Akademijos darbai
MSS	Münchener Studien zur Sprachwissenschaft
MVAeG	Mitteilungen der vorderasiatisch-aegyptischen Gesellschaft
NTS	Norsk Tidskrift for Sprogvidenskap
OLZ	Orientalistische Literaturzeitung
PBB	Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur
PF	Prace Filologiczne
RBPhH	Revue belge de Philologie et d'Histoire
REG	Revue des Études Grecques
REIE	Revue des Études Indoeuropéennes
RES	Revue des Études Slaves
RHA	Revue Hittite et Asianique
RInt. Onom.	Revue Internationale d'Onomastique
RPh	Revue de Philologie, de Litterature et d'Histoire Anciennes
Slav. Rev.	The Slavonic and East European Review
SO	Slavia occidentalis
TPhS	Transactions of Philological Society
TSLP	Traveaux de la Société de linguistique de Prague
UAJb	Ural-altaische Jahrbücher
Zf.Assyr.	Zeitschrift für Assyriologie und verwandte Gebiete
ZfceltPh	Zeitschrift für celtische Philologie
ZfdA	Zeitschrift für deutsches Altertum
ZfPh	Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft
ZfS	Zeitschrift für Slavistik
ZfslPh	Zeitschrift für slavische Philologie
WO	Die Welt des Orients

абазинск.	абазинский
абхаз.	абхазский
аварск.	аварский
авест.	авестийский
агульск.	агульский
адыг.	адыгский
азерб.	азербайджанский
айн.	айнский
алб.	албанский
алт.	алтайский
англ.	английский
англос.	англосаксонский
андийск.	андийский
араб.	арабский
арберешск.	арберешский
арм.	армянский
аромун.	аромунский
атт.	аттический
афг.	афганский
балт.	балтийский
баск.	баскский
башк.	башкирский
белудж.	белуджийский
блр.	белорусский
болг.	болгарский
брет.	бретонский
валл.	валлийский
в.-луж.	верхнелужицкий
вед.	ведийский
венг.	венгерский
герм.	германский
голл.	голландский

гот. готский
греч. греческий
груз. грузинский
дак.-миз. дакомизийский
дарг. даргинский
датск. датский
диал. диалектный
диг. дигорский
долат. долатинский
дор. дорийский
др.-англ. древнеанглийский
др.-брет. древнебретонский
др.-вал. древневаллийский
др.-в.-нем. древневерхненемецкий
др.-венг. древневенгерский
др.-инд. древнеиндийский
др.-ир. древнеиранский
др.-корн. древнекорнский
др.-осет. древнеосетинский
др.-перс. древнеперсидский
др.-прусск. древнепрусский
др.-русск. древнерусский
др.-сакс. древнесаксонский
др.-сев. древнесеверный
др.-сербск. древнесербский
др.-фриз. древнефризский
егип. египетский
занск. занский
и.-е. индоевропейский
индо-иранск. индо-иранский
ион. ионийский
ир. иранский
ирл. ирландский
ишкаш. ишкашимский
ит. итальянский
ительмен. ительменский
кабард. кабардинский
казах. казахский
кар. карийский
караим. караимский
картв. картвельский
кельт. кельтский
кимр. кимрский
кит. китайский
кирг. киргизский
корн. корнский
лакск. лакский
лаз. лазский
лат. латинский
лезгин. лезгинский
лид. лидийский
лик. ликийский
лит. литовский
лтш. латышский
лув. лувийский
марийск. марийский
мегр. мегрельский
мессап. мессапский
микенск. микенский
монг. монгольский
мордов. мордовский
нем. немецкий
н.-греч. новогреческий
нидерл. нидерландский
н.-луж. нижнелужицкий
норв. норвежский
н.-перс. новоперсидский
общегерм. общегерманский
осет. осетинский
осет. диг. дигорский диалект осетинского языка
осет. ир. иронский диалект осетинского языка
оск. оскский
парф. парфянский
перс. персидский
пехл. пехлевийский
полаб. полабский
польск польский
прабалт. прабалтийский
прагерм. прагерманский
праслав. праславянский
прусск. прусский
рум. румынский
рун. рунический
русск. русский
саамск. саамский
сакск. сакский
санскр. санскрит
сарик. сарикольский
сванск. сванский
семит. семитский
сем.-хам. семито-хамитский
сербск. сербский
слав. славянский
слвц. словацкий
словен. словенский
словин. словинский
согд. согдийский
ср.-англ. среднеанглийский
ср.-брет. среднебретонский
ср.-в.-нем. средневерхненемецкий
ср.-ирл. среднеирландский
ср.-нидерл. средненидерландский
ср.-н.-нем. средненижненемецкий
ср.-перс. среднеперсидский
ст.-польск. старопольский
ст.-слав. старославянский
ст.-чеш. старочешский
с.-хорв. сербско-хорватский
табасар. табасаранский
талышск. талышский
тибет. тибетский
тох. тохарский
тур. турецкий

тюрк.	тюркский
удинск.	удинский
узб.	узбекский
уйгур.	уйгурский
укр.	украинский
умбр.	умбрский
урал.	уральский
фин.	финский
фрак.	фракийский
хетт.	хеттский
хиналугск.	хиналугский
х.-сакск.	хотан-сакский
хот.	хотанский
цахур.	цахурский
чак.	чакавский
чанск.	чанский
черк.	черкесский
чеченск.	чеченский
чеш.	чешский
чуваш.	чувашский
чук.	чукотский
чук-камч.	чукотско-камчатский
швед.	шведский
швейц.-нем.	швейцарский диалект немецкого языка
шугн.	шугнанский
шум.	шумерский
элейск.	элейский
эллин.	эллинистический
юж.-слав.	южнославянский
яп.	японский

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

ЭТИМОЛОГИЯ

Утверждено к печати
Институтом русского языка
Академии наук СССР

Редактор издательства *М. С. Кожухова*
Технический редактор *Т. В. Полякова*

Сдано в набор 25/VII 1963 г. Подписано к печати 2/XII-1963 г.
Формат 60×90[1]/16. Печ. л. 19,75 Уч.-изд. л. 21,6
Тираж 3000 (1501—3000). Изд. № 1990 Тип. зак. № 627.

Цена 1 р. 40 к.

Издательство Академии наук СССР
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

1-я типография Издательства АН СССР
Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
23	16 св.	*mo*,	*mo-*
134	6 гр., 1 св.	*ahs*	*lahs*
134	6 гр., 2 св.	*ouh*	*louh*
138	1 гр., 1—2 св.	2.**mēki-a-z*	2.**mēki-a-z* **'меч'**
158	3 сн.	*ƀailn*	*ƀain*
194	6 сн.	относительного	**относительно**

Этимология